ЕКАТЕРИНА ДАШКОВА

Александр Воронцов-Дашков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь Екатерины Романовны Дашковой (1743–1810) богата событиями даже по меркам бурного XVIII столетия. Родившись в семье одного из самых влиятельных сановников империи, графа Воронцова, она получила блестящее образование и внесла немалый вклад в дело просвещения России. Екатерина II, бывшая в молодости подругой Дашковой, поручила ей руководить сразу двумя высшими научными учреждениями — Императорской Академией наук и Российской академией. Непростой характер «Екатерины Малой» заставил ее пережить опалу, ссылку, клевету врагов и непонимание родных. В одинокой старости, пытаясь оправдаться перед потомками, донести до них свои идеи, она создала «Записки» — замечательный памятник русской словесности. К 200-летию со дня кончины Екатерины Дашковой приурочен выход в серии «ЖЗЛ» ее фундаментальной биографии, написанной прямым потомком — американским историком Александром Воронцовым-Дашковым.

- А. И. Воронцов-Дашков
  - ОТ АВТОРА
  - ВВЕДЕНИЕ
  - Часть первая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
  - Часть вторая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
  - Часть третья
    - Глава первая АКАДЕМИЯ НАУК
    - Глава вторая
    - Глава третья
  - Часть четвертая
    - Глава первая ОТЧУЖДЕНИЕ
    - Глава вторая
    - Глава третья
  - ЭПИЛОГ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  - СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Р. ДАШКОВОЙ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129

- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173

- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217

- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261

- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305

- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349

- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393

- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437

- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481

- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525

- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569

- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613

- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657

- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701

- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745

- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773

А. И. Воронцов-Дашков
Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и в опале

Моей семье

ОТ АВТОРА

Я хочу выразить благодарность многим ученым, архивистам и библиотекарям из России, Украины, Франции, Англии, Ирландии и США, которые долгие годы помогали мне в исследованиях. Никто не выражал такого интереса к моей работе и не следил за ее продвижением с б*о*льшим вниманием, чем моя жена Екатерина Михайловна, несколько раз прочитавшая ранние редакции книги. Выпускница колледжа Смит и его преподаватель, она является специалистом в области женского образования; она помогла мне осветить и прояснить многие темные места текста, а мои дети и внуки терпеливо выслушивали мои бесконечные рассказы о Дашковой. Профессора Гита Хаммарберг и Михаил Микешин также прочитали рукопись и высказали ценные замечания и рекомендации относительно ее содержания. Я благодарен также Воронцовскому обществу России, особенно Вячеславу Удовику и Владимиру Алексееву, за неустанное изучение истории моей семьи. Из тех, кто внес вклад в осуществление этого проекта, я приношу особую благодарность профессорам Мэри Данн и Ричарду Данну, исполнительным директорам Американского философского общества, за их интерес к жизни и трудам Дашковой, а также Мэри Макдональд за профессиональное редактирование этой книги.

Все даты указаны в соответствии с оригинальными документами. Следовательно, даты по старому стилю (юлианскому календарю), который в XVIII веке отставал от нового стиля на 11 дней, не переводились в григорианский календарь. В некоторых случаях, особенно в дипломатической корреспонденции, указываются обе даты. В целях отличия героини книги от других членов семейства Воронцовых она всегда именуется Дашковой, даже в описании времени до ее замужества.

2008, Корнуолл, штат Вермонт

ВВЕДЕНИЕ

Двадцать шестого января 1781 года Бенджамин Франклин[1] покинул Отель де Валентинуа, свою пышную резиденцию на берегу Сены в парижском пригороде Пасси. Он отправился в экипаже в Отель де ля Шин в районе Марэ, где жила русская княгиня Екатерина Дашкова. Как представитель мятежных колоний, он надеялся встретиться с женщиной, которая сыграла важную роль в свержении законного наследника российского трона и которая, по рассказам современников, произвела фурор в собрании «синих чулок» в Лондоне[2]. За много лет до этого английская поэтесса и переводчица Элизабет Картер писала Элизабет Монтегю, «королеве синих чулок» и борцу за образование женщин: «Я думаю, вы знаете, что княгиня Дашан *(sic),* которая в девятнадцать лет выступала с речами перед войсками и была главной движущей силой революции, сейчас находится в Англии. Она обладает весьма необычными талантами — ездит верхом в сапогах и мужском платье и во всех своих манерах и склонностях соответствует этой одежде… Она также танцует по-мужски и, как мне кажется, появляется в мужской одежде так же часто, как в той, что соответствует ее полу»[3].

Для стареющего Франклина, страдавшего от фурункулеза и подагры, поездка по неровному булыжнику парижских улиц оказалась трудной и к тому же напрасной, поскольку Дашковой не было дома, и он был вынужден приехать к ней еще раз через неделю.

В результате их встречи вечером в субботу 3 февраля 1781 года Дашкова была избрана первой женщиной — членом Филадельфийского (позже Американского) философского общества, президентом которого являлся Франклин. Соответственно, Франклина избрали первым американским членом Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, директором которой в то время была Дашкова[4]. Дашковой, редко хвалившей мужчин, Франклин сразу понравился своим блестящим умом и скромными манерами. С первого взгляда она заметила его пренебрежение к моде, гладко причесанные ненапудренные волосы, очки на самом кончике носа и свободный простой сюртук — одежду, которую предпочитала она сама. Дашкова считала Франклина «выдающимся человеком, который соединял глубокое знание с простотой во внешности и манерах и, наряду с непритворной скромностью, проявлял большую снисходительность по отношению к другим» (179/169)[5]. Франклин, любивший компанию образованных женщин, в свою

очередь, написал Джорджине Шипли, что получил «очень доброе письмо от мадам Щербининой, которая, как и ее мать княгиня (Дашкова. — *А. В.-Д.),* мне очень нравится»[6].

Франклиновская оценка Дашковой была необычайно сдержанной и серьезной, притом что суждениям большинства ее современников не хватало объективности[7]. Ее достижения то высоко оценивались, то страстно осуждались, и такие несопоставимые оценки ее жизни ярко демонстрируют всю ограниченность и предубеждения той эпохи. Многие стремились вознести ее на Парнас своими гиперболами и нарочитыми панегириками. Те, кто искал ее расположения, особенно превозносили ее изобретательный ум, блестящее образование, необычайную энергию и великодушие по отношению к друзьям. Другие несправедливо ставили ее к позорному столбу и смешивали с грязью, указывая на ее скаредность, тщеславие, гордыню, вспыльчивость, амбициозность и любовь к интригам. Как и Франклин, Хорас Уолпол[8] «жаждал увидеть эту амазонку, которая приняла столь большое участие в революции, когда ей еще не было и девятнадцати». Когда они встретились, его оскорбительная характеристика стала в своем роде типичной: «Итак, я уже видел княгиню Даскиофф *(sic),* а на нее очень даже стоит посмотреть — не из-за ее лица, хотя для чистокровной татарки она не так уродлива; ее улыбка приятна, но в глазах — свирепость Катилины»[9].

Чаще всего современники Дашковой считали ее эксцентричной и нелепой, поскольку ее привычки больше соответствовали представлениям XVIII века о поведении мужчин. Граф де Сегюр зафиксировал придворные сплетни о стремлении Дашковой занять высокие государственные посты и ее надеждах на место в Сенате или, по крайней мере, на командование полком гвардии. Он писал, что в некоторых отношениях она была похожа на мужчину: например, носила, как видно на портретах, одежду наподобие мужской, что вполне сочеталось с ее грубыми мужеподобными чертами лица, и «лишь по случайной, прихотливой ошибке природы она родилась женщиной»[10]. Французский авантюрист Шарль Франсуа Массон в своих мемуарах соглашается с тем, что она была «мужчиной по своим вкусам, облику и деяниям»[11]. Как и Сегюр, Массон утверждал, что Дашкова претендовала на звание полковника, а великий поэт эпохи Гавриил Державин уверял, что она искала назначения в Сенат, и охарактеризовал Дашкову как честолюбивую женщину, добивавшуюся места при государыне[12].

Вероятно, самое злое и унизительное описание Дашковой принадлежит тому же Державину, который был многим обязан ее

покровительству и все же считал ее характер «вспыльчивым или, лучше, сумасшедшим»[13]. Чтобы отметить ее назначение президентом Российской академии, он сочинил поздравительную поэму «К портрету княгини Екатерины Романовны Дашковой, во время президентства ея в Академии Наук». На портрете Дашкова сидит на стуле, ее академическое облачение перекинуто через спинку, а у ног ее стоит глобус. Она просматривает тома изданного ею «Словаря Академии Российской». Короткое стихотворение описывает ее поддержку Екатерины и иронически намекает на то, что Державин воспринимал как мужеподобность Дашковой:

> Сопутницей была,
> Когда с небес на трон
> Возсесть Астрея шла;
> А ныне — Аполлон.

Еще более откровенное, хотя никогда открыто не выраженное, отношение продемонстрировано в оскорбительных виршах на тот же портрет, найденных в бумагах Державина и приписываемых его перу. Несомненно циркулировавшие среди его друзей к всеобщему их удовольствию, они озаглавлены «На портрет Гермафродита»:

> Сей лик:
> И баба и мужик[14].

Явные или неявные аллюзии Державина на «мужеподобность» Дашковой, как и отзывы ее современников, отражают ее уникальность и самобытность. Именно потому, что она была столь нетипична для того времени, жизнь Дашковой представляет собой одну из первых попыток женщины достичь успеха и признания в мире, в котором почти полностью доминировали мужчины. Как выдающаяся образованная женщина в России XVIII века, она была исключением, главным образом потому, что имевшийся у нее выбор был характерен именно для мужской жизни. Александр Герцен, впервые издавший автобиографию Дашковой на русском языке, возможно, был первым, кто оценил ее достижения в свете истории русской женщины. Он писал, что «Дашковою русская женская личность, разбуженная петровским разгромом, выходит из своего затворничества, заявляет свою способность и требует участия в деле государственном, в науке, в преобразовании России»[15]. Следуя его примеру, В. В. Огарков

объявил Дашкову пионером борьбы за равенство женщин и «пленным духом», сражавшимся за новые перспективы для женщин России[16]. Николай Добролюбов, радикальный «гражданский» критик, также пишет об оригинальности Дашковой: «Более серьезно, нежели все окружавшие ее, проникнутая просвещенными идеями, умея вносить их в самую жизнь, трудившаяся не только для того, чтобы показать свои труды, но и для того, чтобы в самом деле быть полезною для других, она стояла гораздо выше современного ей русского общества»[17].

В самом деле, как общественный деятель, писатель, музыкант, покровитель искусств и организатор науки Екатерина Романовна Дашкова (урожденная Воронцова) была первой женщиной-политиком современного типа в России и одной из первых женщин в Европе, занимавших государственный пост. В лице Дашковой русская женщина, не рожденная в правящей, царской семье, впервые взяла на себя активную роль на политической арене и стала на некоторое время главой науки и образования в своей стране. В 1783 году Екатерина II назначила ее директором Академии наук, и в том же году Дашкова основала Российскую академию и стала ее президентом. В течение почти двенадцати лет она возглавляла эти два престижных академических учреждения России. Благодаря своему образованию, заграничным путешествиям и сочинениям она стала ведущей фигурой, познакомившей Запад с русской культурой XVIII века, а Россию — с французским Просвещением. Она активно боролась за осуществление реформ в России, за новые подходы в образовании российского юношества. Дашкова считала образование и распространение просветительских идей главным делом своей жизни и связала свое имя с целым рядом ведущих организаций высшего образования. Она была членом не только Американского философского общества, но также петербургского Вольного экономического общества, берлинского Общества естественной истории, Ирландской королевской и Королевской Стокгольмской академий.

Сама Дашкова особо ценила активность, самостоятельность и расширение знаний в самых разнообразных областях. Она была прекрасной писательницей, публиковала переводы Гельвеция, Юма, Вольтера, статьи по образованию, сельскому хозяйству, о путешествиях и пагубном влиянии французской культуры. Другие ее сочинения включали заметки по случаю, речи, а также большое эпистолярное наследие, часть которого была посмертно опубликована в «Архиве князя Воронцова»[18]. Кроме того, она писала афоризмы, очерки, стихи, травелоги, пьесы и

автобиографию. Ее работы появлялись в различных журналах, часто под псевдонимом «Россиянка», и поскольку она печаталась анонимно, многие тексты все еще требуют атрибуции. В академии она выпустила многотомный «Словарь Академии Российской», приняв живое участие в его составлении и написании. Она была одной из первых российских женщин, работавших как профессиональный редактор и издатель, и осуществляла публикацию нескольких литературных и научных журналов, печатавших статьи ведущих интеллектуалов того времени. Более того, она была настоящим натуралистом, интересовавшимся садоводством, ландшафтной архитектурой и парками. За многие годы она собрала большую коллекцию минералов. Она любила сочинять и исполнять свою музыку, и как серьезный музыкант она собирала и аранжировала русские народные мелодии.

Дашкова более всего известна автобиографией *Mon histoire* (часто переводимой как «Записки»), которая является ее наиболее значительным литературным достижением и до сих пор остается ценным источником для изучения политических интриг, социальных условий, культурной жизни и гендерных ролей в России во второй половине XVIII столетия. Описав дворцовый переворот 1762 года, свои заграничные путешествия и работу во главе двух академий, она закончила «Записки» в 1805 году в возрасте 62 лет, за пять лет до смерти. Они представляют собой конечную оценку пожилой женщиной ее карьеры и семейной жизни, позволяя, возможно впервые, заглянуть за ее многочисленные маски и напускные обличья. Поскольку Дашкова обещала Марте Вильмот в письме от 27 октября 1805 года ничего от нее не скрывать, она вверила своей подруге тайные чувства, которые нигде более не желала обнаруживать или признавать. Она описала свое прошлое как «горестную жизнь, на протяжении которой пришлось таить от мира страдания сердца; остроту этой боли не может притупить гордость и побороть сила духа. Обо мне можно сказать, что я была мученицей — и я не побоюсь этого слова, ибо скрывать свои чувства или представляться в ложном свете всегда претило моему характеру» (35).

Чувство умолчания, неудовлетворенности и скованности пропитывает «Записки» Дашковой, но нигде оно не высказано с такой ясностью и силой, как в этом письме.

В «Записках» Дашкова изменяет свой голос так, что автобиография становится чем-то вроде маскарада, и открывающего, и скрывающего присутствие рассказчика за прошлыми и сегодняшними масками. Когда она начала описывать свою жизнь, она представляла себе ее как ряд воображаемых образов, основанный на различиях ролей: от дерзкой и

авантюрной до обыкновенной и ожидаемой, от мечты о побеге и освобождении до реальности отчуждения и изоляции. В конце книги ссылка Дашковой, несмотря на многие ее достижения, на Север России добавила к всегда свойственному ей чувству неудовлетворенности жизнью прямоту и непосредственность восприятия. Главным источником депрессии, которой она страдала с детства, были ощущения обиды и одиночества, возникавшие, когда ее раз за разом изгоняли из Петербурга или когда она проводила годы за границей.

Все существующие исследования жизни Дашковой недостаточно критичны и слишком доверчиво следуют часто ненадежным биографическим и историческим свидетельствам, представленным Дашковой в «Записках». По большей части они не принимают во внимание ее борьбу за независимость в мужском мире как черту, определявшую ее жизнь и сочинения, мечты и стремления, успехи и поражения. Прежде всего, Дашкова раскрывает свою жизнь через смену многочисленных масок, построение рассказа и индивидуальный, субъективный взгляд. Поскольку «Записки» являются плодом самопредставления и самоутверждения, а не исторической истиной в последней инстанции, постольку гендер становится главным фактором, определяющим попытку автора создать письменный образ своей жизни[19].

И в частной, и в общественной жизни Дашкову определяют ее неотъемлемые свойства — энергичность, решительность в словах и действиях, сила характера. В результате «Записки» носят по преимуществу полемический характер и фундаментально пересматривают и драматизируют события 1762 года. Дашкова часто писала, прямо отвечая на современные ей описания жизни Екатерины, такие как сочинения Рюльера, Кастера и др. Со времени описываемых ею событий до момента создания «Записок» прошло более сорока лет, и ее решение сформулировать и предъявить миру оправдание своего прошлого было попыткой определить «правильное» место княгини Дашковой в истории.

Она предлагала читателям объяснение своей поддержки Екатерины и ее действий, лишивших трона законного наследника. Она отрицала наличие каких-либо конфликтов с Екатериной, поскольку к концу жизни снова, как и в юности, обожествляла покойную императрицу и нападала на всех, кто бесчестил ее память. Ее «Записки» — тщательная инсценировка исторических фактов, а их литературное воплощение — не столько история, сколько объяснение действий автора, причем в центре событий всегда находится сама Дашкова. Она раскрывает

свою жизнь предельно субъективно, поскольку подбирает и организует прежде всего те материалы, которые проясняют и определяют ее личность. Она стремится представить читающей публике цельный автопортрет, несмотря на все противоречия и несоответствия, с которыми она сталкивалась и у себя дома, и в обществе.

Однако наибольшая ценность рассказа Дашковой заключается именно в его субъективности. Как пишет Г. М. Хайд, «„Записки“ Дашковой обладают всеми недостатками массовой автобиографической литературы. Они неполны, пристрастны и неточны; они преувеличивают значение одних частностей и преуменьшают роль других; им не хватает стройности, и самые важные содержащиеся в них фактические утверждения требуют проверки по авторитетным источникам. Следовательно, их надо читать с осторожностью, но все равно их стоит прочесть»[20].

Предупреждение Хайда о неполноте и неточности «Записок» очень уместно. История жизни Дашковой не может быть оценена правильно без обращения к архивным материалам, содержащим сведения о ее карьере и частной жизни, включая детали быта, семейные проблемы и суждения ее врагов и близких друзей.

В первом десятилетии XIX века ее друг Кэтрин Вильмот была острым, внимательным и часто критическим наблюдателем жизни русской усадьбы, где проходили последние годы Дашковой. Проведя в доме княгини несколько лет, Вильмот заключила, что дать точное описание Дашковой почти невозможно: «Она настолько оригинальна и сложна, что результатом будет описание клубка противоречий человеческой натуры. Без сомнения, она из той же плоти и крови, что и мы, но тем не менее рассмотрение отдельных ее черт не даст никакого представления об их совокупности. Любое обобщение мигом уничтожит индивидуальность… Княгиня переменчива, как погода, в душе ее собраны воедино волнующиеся океаны и разрушительные огнедышащие вулканы, дикие пустыни и скалы (-/301)».

«Полюса» души Дашковой стали результатом ее влияния при дворе, последующего изгнания и личных трагедий. Они были следствием ее образования, семьи, класса, ранга, положения в обществе, придворной политики и многих других факторов. Однако видимые противоречия в ее самопредставлении, необходимость маскировать свое истинное мнение и несоответствие между «Записками» и ее настоящей жизнью выявляются главным образом ее осознанием своего гендера и умением использовать его в свою пользу при исполнении различных ролей. Два портрета маслом определяют разнообразие

и крайности ее поступков и опыта — ее мечты о публичном успехе и реальности ее изгнания. Первый является работой Дмитрия Левицкого, академика и любимого портретиста екатерининского двора; он был человеком религиозным и в конце концов примкнул к масонству. В идеализированном изображении Левицкого Дашкова стоит прямо и крепко, неколебимо встречая взгляды зрителей. У нее тяжелые веки, внимательный, проникающий взгляд и плотно, решительно сжатые губы. В ее волосах мало пудры, но щеки сильно нарумянены, высокая, хотя и не слишком, прическа открывает лоб в согласии с тогдашней модой. Одетая в элегантное платье из дорогой импортной ткани с рукавами-буф и тонкими кружевами, как и положено кавалерственной даме и фрейлине двора, она изображена с красной лентой ордена Святой Екатерины и миниатюрным портретом императрицы с голубой лентой. Это официальная Дашкова, влиятельная женщина во власти, о которой Кэтрин Вильмот писала: «Полагаю, она была бы на своем месте во главе государства, или занимая пост генералиссимуса или министра сельского хозяйства. Да, она была рождена для больших дел, и это не противоречит жизни женщины, которая в 18 лет возглавила революцию, а впоследствии в течение 12 лет управляла Академией наук» (-/301).

Автор второго портрета — Сальваторе Тончи, итальянский поэт и художник, приверженец агностицизма и метода картезианского сомнения. В изображении Тончи Дашкова предстает перед нами в одежде изгнания и оппозиции — одежде, которую она предпочитала в конце жизни. Теперь она выглядит невысокой, сутуловатой, скрытой под ее любимым темным мужским пальто, застегнутым слева направо. Ее лицо напряжено и устало, без всяких следов косметики, а взгляд лишен смелости и вызова. Скорее, он задумчив, озабочен и направлен внутрь. На шею она повязала, как символ дружбы, платок, подаренный много лет назад Кэтрин Гамильтон. Стильная прическа исчезла, и на голове ее красуется нечто, напоминающее ночной колпак. Не фрейлина более, она сняла все ленты и портреты, оставив только медаль ордена Святой Екатерины, одинокое свидетельство важнейшего события ее публичной жизни, переворота 1762 года, и напоминание о ее чувствах к Екатерине II.

Дашкова стремилась примирить свои действия с ощущением своего «я». Так же, как и на двух портретах, она совместила в «Записках» классическую структуру разума и самоконтроля в публичной жизни с мотивами власти и влияния, а сентиментальный акцент на чувствах и эмоциях в личной жизни — с мотивами депрессии, болезни и изгнания. Она была полна

решимости сформулировать и рассказать свою собственную историю, несмотря на множество противоречий, реализовать во всей полноте свою индивидуальность и открыть свое предназначение за пределами установленных ролей. Ее трагедия, выраженная в «Записках», письмах и других сочинениях, состояла в том, что она не могла реализовать свои мечты и ожидания в общепринятых нормах женского поведения XVIII века. Но так же, как переодевание в форму офицера придало Дашковой власть и авторитет во время переворота 1762 года, ее автобиография стала решительным возвращением на публичную арену — своего рода риторическим переодеванием[21]. Несмотря на существовавшие социальные условия, ограничивавшие Дашкову в течение ее жизни, она стремилась открыть новые пути для выхода подавляемой энергии. В результате ее усилий, проявленных как в жизни, так и в сочинениях, она нашла, прояснила и определила образ действия, идентичность и гендер для себя и для других женщин.

Часть первая
РАННИЕ ГОДЫ (1743–1763)

Глава первая
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Дашкова родилась 17 марта 1743 года в Санкт-Петербурге, новой столице России, во время беспрецедентной эпохи женского правления[22]. Петр Великий основал город только за сорок лет до этого как символ своей решимости порвать с российским прошлым и прорубить «окно в Европу». Его реформы и вестернизация российских институций оказали заметное влияние на жизнь всех россиян, включая женщин благородного происхождения, которые распрощались с кокошниками и другими традиционными предметами одежды, надели европейские декольтированные платья и начали бывать в обществе. Граф де Сегюр с большим увлечением описывал трансформацию и европеизацию русских женщин, в отличие от их отцов, мужей и братьев, «говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии»[23]. Одной из важных реформ Петра был пересмотр в 1722 году закона о престолонаследии, который теперь открывал его жене Екатерине I путь к трону. В своем указе он заявил, что престолонаследие будет зависеть от личного выбора правящего монарха, а не от первородства по мужской линии, и тем самым положил начало особому периоду российской истории, когда страной правили женщины.

Со смерти Петра в 1725 году до убийства Павла в 1801 году российский трон занимали восемь персон. Пятеро из них были женщинами, причем Екатерина II правила целых 34 года. При жизни Дашковой страной управляли в основном женщины, и ее замечательные достижения в общественной сфере были бы невозможны в любой другой период российской истории. Образование и интеллектуальный опыт ранних лет определили ее потенциал и стремление к общественному служению. Рано развившаяся и одаренная, она обнаружила в книгах идеи французского Просвещения с их акцентом на разум, науку, прогресс и социальную справедливость. Она мечтала о высоком положении и достижениях, о самосовершенствовании через образование и о преображении общества. Будучи женщиной, она столкнулась с несоответствиями между ее гендером и

социальными целями, между ее стремлением к самоутверждению и требованиями социально приемлемого скромного поведения, между частной и публичной жизнью, между желанием общественного признания и считавшимися приличными в той культуре формами женского поведения.

Рождение Дашковой окружает тайна. Ее уверения, что она родилась в 1744 году на Английской набережной, в фешенебельном квартале Петербурга на берегу Невы, кажутся ошибочными[24]. Архивные записи показывают, что семья Воронцовых в середине XVIII века не владела домом на Английской набережной. В царствования Елизаветы и Екатерины II Петербург переживал большой строительный бум. Болота превращались в площади и повсюду — на островах и вдоль каналов — возводились церкви и дворцы. Петербург еще не миновал пору своей молодости, многие улицы были узки и выложены досками, и только те, что расходились от Адмиралтейства, имели каменные мостовые. В лучших местах, таких как набережная Невы у Адмиралтейства, возвышались рядом друг с другом роскошные двух- и трехэтажные особняки, но в других районах, например на Васильевском острове, кирпичные здания чередовались с жалкими деревянными лачугами. Старшая сестра Екатерины Дашковой Мария родилась в 1738 году в доме отца на 5-й линии Васильевского острова и была крещена в ближайшей церкви Святого Андрея Первозванного, но запись о крещении самой Дашковой не найдена.

Жизнь Дашковой пришлась на время войн, непостоянных политических союзов и российской экспансии, завоеваний и присоединений территорий в Европе, на Балтике и на рубежах Оттоманской империи. Заметный рост благосостояния и положения семьи приготовил и облегчил активную роль Дашковой в исторических событиях того времени. Согласно семейной генеалогии, Воронцовы ведут свое происхождение от Симона Африкана — викинга, который водил свои суда вдоль берегов Африки. Младший сын короля Норвегии Хокона I, он прибыл в Россию в 1027 году, когда его сестра вышла замуж за великого князя Киевского Ярослава Мудрого[25]. Позже он сопровождал свою племянницу Анну во Францию для свадьбы с королем Генрихом I. «Анна Русская» была матерью Филиппа I и правила как регентша до совершеннолетия ее сына[26]. Прямым предком семьи Воронцовых был Федор Васильевич Воронец (около 1400 года), от которого и происходит их фамилия. С XV по XVII век члены этого рода играли важные роли в русской истории как военачальники, придворные и бояре. На их пути к вершинам

власти были и неудачи: Иван Грозный казнил шестерых из двенадцати взрослых мужчин рода во время устроенного им террора. Хотя остаются вопросы относительно исторической точности родословной; ясно, что Дашкова никогда не сомневалась в древних корнях своего фамильного древа[27]. С самого детства она была свидетельницей, а затем и участницей продвижения семьи к необъятной власти и влиянию на развитие российской культуры и истории. После дворцового переворота 1741 года и восшествия на престол императрицы Елизаветы члены семейства Воронцовых будут занимать высшие государственные посты канцлеров, наместников, фельдмаршалов, сенаторов, послов и т. д.

Жизнь Дашковой началась весьма благоприятно, когда от купели ее восприняли две августейшие персоны: великий князь Петр, будущий император Петр III, которого она потом свергнет, и только что коронованная императрица Елизавета, которая 20 декабря 1742 года вернулась в Петербург после обряда венчания на царство в московском Успенском соборе. Дашкова настаивает в «Записках», что Елизавета согласилась стать крестной матерью из-за ее тесной дружбы с матерью Дашковой, а не потому, что дядя девочки Михаил Воронцов недавно женился на двоюродной сестре императрицы Анне Скавронской, играл одну из ведущих ролей при дворе и был членом узкого круга императрицы, так называемого «кабинета Елизаветы Петровны». Тем самым Дашкова дистанцировалась от наиболее влиятельного члена семьи, главы воронцовской партии при дворе. Через год после рождения Дашковой Михаил Воронцов первым в семье получил титул, когда 27 марта 1744 года император Карл VII сделал его графом Священной Римской империи. Он был пажом Елизаветы и стоял на запятках ее саней, когда они неслись ночью к казармам Преображенского полка во время переворота 25 ноября 1741 года, вознесшего Елизавету на трон. Вместе с доктором Арманом Лестоком, учителем музыки немцем Шварцем, братьями Петром и Александром Шуваловыми и двумя молодыми гвардейскими офицерами он помог Елизавете захватить трон. С тех пор она всегда зависела главным образом от поддержки Михаила Воронцова, трех Шуваловых (Петра, Александра и Ивана), Кирилла Разумовского и Михаила Бестужева.

Его последующая служба вице-канцлером (1744–1758) и канцлером (1758–1763) точно соответствует периоду Семилетней войны и годам детства и юности Дашковой. Во время царствования Елизаветы самым трудным временем для Михаила Воронцова и для всей его семьи была середина 1740-х годов, когда Елизавета обнаружила, что Лесток получал деньги от

Британии, Пруссии и Швеции. Хотя она узнала, что Михаил Воронцов также принимал дары от иностранных держав, ему удалось избежать наказания. Тем не менее его репутация была испорчена, и Екатерина II позже напишет, что Михаил «был лицемером, каких свет не производил», «в руках» иностранных послов[28]. Отставленный от придворных дел осенью 1745 года, он вместе с семьей год путешествовал по Европе, посетив Германию, Италию, Францию и Нидерланды. Будучи за границей, он укрепил свои политические и культурные связи с Западом; например, в Италии он посетил Академию наук в Болонье, вручив академическому начальству книги и подарки. В течение ряда лет Михаил Воронцов оставался в тени канцлера Бестужева-Рюмина, но, по мере того как Европа двигалась к Семилетней войне, его положение постепенно улучшалось. Когда Фридрих II вторгся в Саксонию в 1756 году, Бестужев потерял власть, перешедшую к вице-канцлеру Воронцову и Ивану Шувалову. После ареста Бестужева императрица сама явилась в дом к Михаилу, чтобы объявить о его назначении канцлером, и 23 октября 1758 года он занял высший гражданский пост Российской империи.

Рожденная в богатстве и власти, Дашкова росла в самом центре политической и культурной жизни России XVIII столетия. Карьера Михаила Воронцова предрекала ее вовлечение в политику екатерининского царствования — Дашковой, как и ее дяде, предстояло сыграть важную роль в успешном перевороте, пасть жертвой придворных интриг и вынужденно отбыть за границу. Тем не менее, вместо того чтобы представить биографию дяди как образец для ее собственной жизни, она предпочла сделать акцент на личных отношениях между ее матерью и императрицей. Елизавета поняла, что у нее осталось слишком мало средств, после того как близкий друг и сподвижник Петра Великого Александр Меншиков лишил ее с сестрой большей части материнского наследства. Она горько жаловалась на это и никогда не простила бедности, от которой она, дочь Петра Великого, страдала после смерти матери. Ее, как ей казалось, «нищета» стала еще более острой в правление императрицы Анны, и мать Дашковой, Марфа Ивановна Воронцова, пришла на помощь Елизавете, снабжая ее деньгами. Михаил Воронцов и отец Дашковой Роман в большой степени обязаны своим продвижением при дворе дружбе Марфы с Елизаветой. По мнению Дашковой, история матери создала оправдание ее собственным действиям, а также чувство преемственности — альтернативную генеалогию, основанную на женской дружбе, вместо традиционного семейного древа, построенного на передаче титулов и состояния от отца к сыну. Она выявила

солидарность между Елизаветой и ее матерью как наследие взаимной поддержки женщин, отразившее и предсказавшее ее собственные отношения с Екатериной II.

Когда Дашковой было всего два года, она потеряла умершую от тифа мать и потом всегда вспоминала о ней с любовью и благоговением, хотя и несколько сентиментально. Марфа Воронцова, урожденная Сурмина, была единственной наследницей значительного состояния. Она вышла замуж за Юрия Долгорукова, капитана гвардии, но могущественная семья Долгоруковых попала в немилость. Они были обвинены в подрыве здоровья молодого царя Петра II, который умер от оспы в 1730 году, императрица Анна сочла их виновными и сослала в Сибирь по совету своего любовника графа Бирона, который установил в России режим террора. Марфа обратилась к императрице Анне, и ее брак с Юрием Долгоруким был объявлен недействительным[29]. В 1735 году, когда ей было семнадцать, а ему восемнадцать, она вышла замуж за Романа Воронцова и за десять лет родила ему семерых детей: Марию, Елизавету, Александра, Екатерину и Семена (Владимир и Анна умерли в младенчестве). Когда мать скончалась, Дашкова жила в деревне, в семейном поместье, где о ней заботились няня-крестьянка и бабушка с материнской стороны Федосья Сурмина[30]. Когда ей исполнилось четыре года, принимаемые ею как должное тепло и безопасность закончились и она была послана жить в холодном блеске Петербурга для получения приличествующего ей образования. Дядя вице-канцлер согласился принять девочку. Отныне ее ждала новая, совсем другая жизнь[31].

Придворная знать строила себе в столице огромные дворцы, и одним из самых больших был дворец Михаила Воронцова. Сначала Дашкова жила в старом доме дяди, который он вскоре заменил на великолепный дворец, возведенный архитектором Бартоломео Растрелли в стиле русского барокко[32]. Воронцовский дворец обращен фасадом на Садовую улицу, напротив Гостиного Двора, а сады его в то время тянулись до самой Фонтанки. Начатый в 1746 году дворец имел гармонично расставленные колонны и изящную решетку парадного двора — один из самых ранних образцов русской художественной ковки, также творение Растрелли. Юной Дашковой дворец представлялся безрадостной официальной резиденцией, полной золота, слоновой кости, лака и глянца, обставленной во французском стиле: секретеры, украшенные золоченой бронзой, столы с мраморным верхом и стулья резного дерева, обитые шелком и бархатом. Она чувствовала себя потерянной и одинокой в огромных и неприветливых комнатах. Повсюду она видела дорогие

произведения искусства — скульптуры, паркетные полы, хрустальные подсвечники, ковры. Стены были увешаны искусно изготовленными клинками дамасской стали, а огромные зеркала без конца отражали блеск и экстравагантность ее нового дома. Позже Екатерина II напишет, что Михаил Воронцов украсил свои комнаты мебелью мадам Помпадур, утонченной фаворитки Людовика XV. Эта мебель якобы была подарена ему в благодарность за профранцузскую политику. На самом деле, посланный груз, состоявший из хорошо подобранного набора шпалер и стульев, которые, возможно, в самом деле когда-то принадлежали Помпадур, канул в морской пучине при перевозке в Россию. Щедрый французский король заменил потерянные предметы новыми шпалерами со сценами из «Дон Кихота», а также серией гравюр, книгами и кабинетом с прекрасной коллекцией медалей[33]. Дашкова росла в этом роскошном дворце и в Новознаменке, расположенной в 17 верстах от Петербурга на Петергофской дороге — это был загородный дом, который ее дядя купил в 1750 году и перестроил с помощью архитектора Антонио Ринальди.

Несмотря на роскошь, детство Дашковой было одиноким и несчастливым. Она была лишена заботы, нежности и внимания любящих родителей, а воспитание являло собой сочетание потворства и пренебрежения. Дядя был втянут в государственные дела и борьбу за влияние, а вся жизнь тети — светской львицы — проходила в мелких политических и придворных интригах. Они были постоянно заняты своим собственным положением в обществе. Ее отец Роман Воронцов не играл существенной роли в поддержке и воспитании дочери и мало интересовался ее благополучием. Хотя «не было ничего необычного в том, что, по крайней мере в первые годы жизни, дети росли без непосредственного надзора родителей»[34], отец Дашковой не понимал, насколько она нуждалась в руководстве и как его отсутствие могло сказаться на ее развитии. Она никогда не жила вместе с отцом и никогда не была с ним в доверительных отношениях, а он был слишком увлечен светской и политической жизнью столицы. Озабоченный собственными делами и удовольствиями, он не обращал внимания на ее чувствительность и ум. Дашкова пыталась разумно объяснить такое его отношение: «Мой отец… в молодости любил жизненные удовольствия, а стало быть, мало занимался своими детьми».(14/38). Брат Александр в автобиографии поддержал утверждение Дашковой, что после смерти их матери отец был еще молодым человеком, ведшим веселую жизнь при дворе и в высшем свете. Другие были более прямолинейны и говорили, что Роман Воронцов имел

знакомства со многими женщинами, которых предпочитал своим дочерям, и что любовницы растрачивали его деньги. Екатерина II прямо заявила, что он «не любил княгиню Дашкову»[35].

Роман Воронцов был генералом, сенатором, а затем стал наместником Владимирской, Тамбовской, Пензенской и Костромской губерний. Биографы часто называют годом его рождения 1707-й, но Дашкова права, когда пишет, что он был младшим братом Михаила и родился в 1717 году[36]. Будучи крупным землевладельцем, он значительно расширил свои имения в результате женитьбы на Марфе Сурминой. Масон и волевой политик, он считал себя просвещенным и образованным человеком. В течение восьми лет Роман Воронцов участвовал в написании новых законов и проведении многих необходимых реформ. В 1760 году он убедил Сенат учредить комитет по разработке нового кодекса законов под председательством трех избранных дворян и трех избранных купцов, но проект застопорился в связи со смертью Елизаветы. Затем, 29 октября 1760 года, он был назначен председателем законодательного комитета, работа которого в 1762 году, в правление Петра III, привела к отмене обязательной государственной службы для дворян. Таким образом, он принял участие в написании «Манифеста о вольности дворянской», который стал важным шагом к модернизации России.

Он был также членом Вольного экономического общества, состоявшего из дворян, поддерживавших изучение агрономии и ремесел. В задачи общества входили изучение и распространение научных знаний, с этой целью оно издавало «Труды». Во втором и пятом их выпусках Роман Воронцов опубликовал статьи «О заведении запасного хлеба» и «О способах к исправлению сельского домостроительства». В последней отмечается необходимость ограничения власти управляющих поместьями — тема, которая была позже развита его дочерью, также ставшей в 1783 году членом общества. Хотя отец не отвечал на эмоциональные и психологические нужды дочери, хотя они часто были в противоположных политических лагерях, но когда речь шла о поместном землевладении, Дашкова разделяла взгляды отца. Во многих смыслах она продолжила его работу в своих публикациях на экономические темы. В 1775 году Екатерина II предала гласности первую часть «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи». В результате изменений в административном делении империи обязанности Романа Воронцова как наместника расширились и включили в себя управление дополнительными губерниями. Интересно, что его сын Александр был глубоко вовлечен в формулирование и

написание этих реформ, а Дашкова изготавливала карты, отражавшие нововведения. Наконец, Роман Воронцов стал членом Российской академии, основателем и президентом которой была его дочь Дашкова.

Как отмечал французский посланник барон де Бретёй, «Роман Воронцов был амбициозным и тщеславным и стремился стать канцлером»[37]. Историки также не были благосклонны к памяти отца Дашковой. Вслед за Михаилом Щербатовым они обвиняли его в коррупции, повторяя анекдот о том, что Екатерина подарила ему на именины большой кошелек, высмеяв тем самым его нечестность и взяточничество[38]. Поскольку доказательств этим упрекам не найдено, исследования последнего времени пересматривают жизнь Романа Илларионовича, оспаривая справедливость привязавшегося к нему прозвища «Роман — большой карман»[39]. Екатерина, которая не любила могущественный клан Воронцовых и боялась его, писала, что «граф Роман Воронцов, отец двух девиц, находившихся при дворе… <…> кстати сказать, был противен великому князю (будущему Петру III. — *А. В.-Д.)* так же, как и своим пятерым детям»[40]. В течение многих лет Дашкова постоянно посылала отцу письма, подписываясь «покорная и послушная дочь» и выражая искреннее недоумение его молчанием. Она умоляла: «… не подала ли я невинно Вам причину на меня гневаться; если оное так, прошу, милостивый государь мой батюшка, мне не знаемую мною вину отпустить»[41]. Ее отец отвечал редко. Он завел вторую семью со своей английской любовницей Элизабет Брокетт, которая родила ему четырех детей — Анну, Марию, Александру и Ивана, получивших фамилию Ронцовы[42].

Другие родственники Дашковой также практически отсутствовали в ее жизни, и она редко виделась с ними. Мария и Елизавета, ее сестры, были фрейлинами при дворе: старшая, Мария, служила императрице, а Елизавета — великой княгине Екатерине. Поскольку Екатерина и Елизавета стали смертельными врагами в борьбе за российский трон и сердце императора, следующее описание сестры, оставленное Екатериной II, едва ли объективно и очень нелестно:

«Императрица взяла ко двору двух графинь Воронцовых, племянниц вице-канцлера, дочерей графа Романа, его младшего брата. Старшей, Марии, могло быть около четырнадцати лет, ее сделали фрейлиной императрицы; младшая, Елисавета, имела всего одиннадцать лет; ее определили ко мне; это была очень некрасивая девочка, с оливковым цветом лица и неопрятная до крайности. Они обе начали в Петербурге с того, что схватили при дворе оспу, и младшая стала еще некрасивее, потому что черты ее

совершенно обезобразились и все лицо покрылось не оспинами, а рубцами»[43].

Из всех своих братьев и сестер Дашкова удостоилась наименьшего внимания отца. Семен и Александр жили соответственно с дедом Илларионом Воронцовым и отцом. Время от времени братья посещали дом своего дяди, особенно когда Семен влюбился в кузину Анну. Но Дашкова никогда не была в хороших отношениях с Семеном; гораздо ближе ей был Александр, который остался ее доверенным другом до конца жизни. Даже события 1762 года, вызвавшие ее полное отторжение от семьи, не смогли разрушить их дружбу.

Она росла вместе со своей кузиной Анной — единственной дочерью Михаила Илларионовича и Анны Карловны, — которая была ее ровесницей, однако две девушки имели очень мало общего. «Общая спальня, одни и те же учителя, даже платья из одной штуки материи — все, казалось, должно было бы сделать нас совершенно одинаковыми, между тем в жизни не было женщин более непохожих, нежели мы» (13/37). Анна жила модной жизнью, в мире кокетства, балов и придворных событий, тратя много часов на свою внешность, на обучение танцам, пению и на разговоры с модными и влиятельными персонами. Они с матерью чувствовали себя как дома в искусственной и манерной обстановке двора. Первоначальное образование девочек во многом посвящалось приготовлению к будущему замужеству и умению себя вести в обществе. Много времени уделялось обучению хорошим манерам, воспитанию сдержанных и изысканных молодых женщин, которые могли правильно вести себя дома и при дворе.

Дашкова и ее кузина постоянно находились на сцене; большой акцент делался на театральности с ее чувством драматического. Изящество осанки, грациозность движений, элегантность малейших поворотов головы — за всем следили и всё оценивали. Даже дома на них смотрели все. Дворец гудел от множества родственников и друзей, прикрепленных к вице-канцлеру чиновников, слуг, дворецких, лакеев, парикмахеров, поваров, пекарей, управляющих, экономок, дворников, кучеров, садовников, учителей, гувернеров, гувернанток, нянек, музыкантов и т. д. и т. п. «Правильно вести себя, — отмечал Юрий Лотман в исследовании маскарада и театральности в России XVIII века, — это вести себя… некоторым искусственным образом, в соответствии с нормами чужой жизни»[44]. Их жизнь сама была театром, предполагалось соблюдение «присутствия сцены» совершенным владением этикетом и манерами. Их учили правильно одеваться в то время, когда и мужчины, и женщины

haute noblesse [45]носили яркое французское платье из атласа, муара и бархата, часто шитое шелком и золотом. Шелковые чулки и туфли с красными каблуками были верхом моды.

В официальных случаях были обязательны полное придворное платье *(grand habit de cour)* с широкой юбкой и тесным корсажем — инструментом для пыток молодых женщин, — и напудреные волосы. Хотя каждое движение девушек было скованно, их учили быть грациозными, легко танцевать менуэт в громоздких платьях и скользить без усилий по паркетному полу в атласных туфельках. При этом подчеркивалась физическая красота, но молодая, умная и впечатлительная Дашкова всегда чувствовала, что ей не хватает необходимой элегантности и светской привлекательности. Ее нельзя было назвать красивой или даже миловидной — скорее, она была рассудительной, с живым пытливым умом и сильной индивидуальностью. С точки зрения Дашковой, мода на ношение корсетов и турнюров — в буквальном смысле клеток, изготовленных из плетеных шнуров, металлических полос, ивовых прутьев или китового уса, — душила ее тело и разум. Были предприняты все усилия, чтобы сделать ее послушной и не гордой, но Дашкова была прямодушна, резка и решительна и даже ребенком могла проявлять нетерпение и бесцеремонность в общении. Умная своенравная девушка не подходила обществу, ценившему женскую скромность и послушание.

Хоть Дашкова и чувствовала себя неоцененной и нелюбимой, она получила прекрасное, пусть и весьма стандартное, образование с главным акцентом на социальные навыки и умения. Михаил Воронцов не жалел денег на воспитание дочери, а заодно и племянницы. Он назначил их воспитателем своего протеже дипломата Федора Бехтеева. Михаил, должно быть, был доволен его работой, поскольку рекомендовал повысить его по службе; когда Дашковой было тринадцать, Бехтеева назначили воспитателем четырехлетнего великого князя Павла. Через два года Никита Панин, троюродный брат будущего мужа Дашковой и ее наиболее влиятельный наставник в политике, сменил Бехтеева в роли воспитателя Павла. Во многом воспитание и образование Дашковой не отличалось от того, что получали другие дворянки того времени, и ее домашнее обучение было гораздо более поверхностным, чем у братьев[46]. Целью было создание хорошо воспитанной, изысканной и образованной — но не слишком — молодой женщины. Она получила некоторые практические знания, например, беглое владение иностранными языками — немецким, итальянским, французским (что считалось особенно важным), — а также умение читать и писать по-русски, о чем

спохватились довольно поздно, поскольку на родной язык не обращали особого внимания. Английскому Дашкова стала обучаться гораздо позже. Рисовальщики учили ее живописи, а музыканты — пению и игре на клавесине. Она также изучала историю, географию, арифметику и катехизис. Обучение истории и обрядам Русской православной церкви также сыграло важную роль в ее развитии. Она посещала службы в дворцовой церкви и стояла там, казалось, часами, поскольку ноги ее болели, а разум блуждал. Она рассматривала распятие высоко над алтарем и барельеф, изображающий двух коленопреклоненных Марий. Будучи ребенком, она не могла себе представить, что дважды в жизни она также познает безутешное горе матери, оплакивающей сына[47].

Дашкова чувствовала, что полученное образование не приготовило ее к будущей жизни ни интеллектуально, ни эмоционально, не развило ее интересов и талантов. При описании своих занятий в детстве Дашкова не упоминает уроки музыки и пения. И все же удовольствие, получаемое от музыки, было важнейшим в ее жизни, она должна была много заниматься, чтобы уметь хорошо петь, танцевать и разбираться в музыке. Музыка — особенно клавесин, итальянские песни и любимые оперы — всегда входила в сферу ее интересов. Когда она захотела учиться пению профессионально, ей было в этом отказано, видимо, потому, что такого рода обучение считалось ненужным для воспитанной знатной девушки. Родные полагали, вероятно, что она останется одаренным любителем, но Дашкова никогда не удовлетворялась простым дилетантством. Позже она с нотой горечи и сарказма отмечала недостаточность своего образования: «Нас считали хорошо воспитанными девицами. Но что же было сделано для развития нашего ума и воспитания сердца? Ничего» (14/38). Для большинства девушек образование заканчивалось с момента их выхода в свет и замужества, но Дашкова была исключением. Она постоянно и усердно занималась самообразованием, поскольку чувствовала, что полученные ею уроки недостаточны для формирования серьезных знаний и нравственности. Она могла достигнуть своих целей в жизни только длительным и упорным трудом, она была полна решимости преодолеть ограничения неадекватного образования, опираясь на твердость и уверенность в себе.

Безусловно, любовь к знаниям и серьезному чтению в течение всей жизни отличали Дашкову от окружавшего ее большинства. Имея пытливый ум, он стала ненасытным читателем, и Е. Лихачева заключает: «Еще в молодости она начала читать серьезные книги. В этом отношении княгиня Дашкова была

исключением не только среди женщин, но также и среди мужчин елизаветинского времени. В общем, она была первой и многие годы оставалась единственной русской женщиной, образованной в европейском смысле»[48].

Во второй половине XVIII века типичная женская библиотека состояла из невинных или скабрезных французских романов и сочинений по домашнему хозяйству — миру детей и дома. Дашкова, кажется, совершенно игнорировала легкие, популярные и часто довольно рискованные романы, так называемые *livres du boudoir*[49], любимые многими женщинами. Ее выбор интересных тем приводил к освобождению от широко распространенных взглядов и привычек, так что чтение развило в ней интерес к высоким идеалам, философскому размышлению, а также сатирическое и критическое отношение к современному ей обществу. В этом она сильно отличалась от сестры Елизаветы. Записи в академической книжной лавке показывают, что в списке иностранных книг, взятых Елизаветой в кредит в октябре 1762 года, значатся такие модные французские издания, как *Amusements des dames, Galanteries des rois de France, Galanterie d'une religieuse, Recueil de frivolités, Avis aux jeunes gens* и т. д.[50]

Следовательно, с одной стороны, Дашкова была воспитана в лучших европейских традициях того времени, основанных на общепринятом представлении о женщине как опоре мужа, воспитательнице детей и управляющей домашним хозяйством. Кроме того, она была готова к обычным ролям жены, матери и воспитательницы детей в области религии, морали и политики. С другой стороны, Дашкова занималась своим образованием, и чтение вывело ее далеко за границы привычных забот жены и матери в профессиональные и научные сферы. По ее собственному признанию, она стремилась читать всё, что ей казалось важным. В тринадцать лет, освободившись от строгого руководства гувернантки, она тратила все свои деньги на покупку серьезных книг[51]. Это станет для нее страстью на всю жизнь. В июне 1764 года Семен жаловался из Вены, что Дашкова и ее сестра Мария забрали себе все книги, которые он оставил в России. Через три года, после смерти Михаила Воронцова, Семен получил возможность выбрать некоторые книги из библиотеки дяди. Он взял 300–400 томов, но Дашкова и здесь опередила его, отобрав более 500 лучших книг[52].

Образование Дашковой резко оборвалось, когда она заболела корью и вынуждена была покинуть дом дяди. Корь, холера и оспа были самыми страшными болезнями того времени, и их очень боялись при дворе, особенно после того, как оспой заразились несколько членов царской семьи. Чтобы обезопасить великого

князя Павла, при первых симптомах кори девочка была отправлена в карантин в семейную усадьбу в семнадцати верстах от Петербурга под неусыпный надзор немки-гувернантки и еще одной женщины, причем непослушный ребенок терпеть не мог обеих. Там она почувствовала себя еще более одинокой и покинутой, и эта ее изоляция стала определяющим моментом, установившим некую неизбежную будущую схему ее бытия, в которой активная, неординарная жизнь в близости к власти сменяется изгнанием, затворничеством, раздумьями и укрепляющей силой чтения и научных изысканий. Музыка, литературный труд и, прежде всего, книги — ее лучшие и самые верные друзья, — давали ей чувство стойкости, постоянства и неизменного дружеского общения в ненадежной и прихотливой жизни на царской службе. И в самом деле, почти через полвека тот же Павел сразу по восшествии на трон отправит Дашкову в ее наиболее суровую и отдаленную ссылку.

В деревенской изоляции она чувствовала себя как никогда одинокой. Этот плен стал еще более непереносим, когда болезнь повлияла на ее глаза. В наступившей слепоте духовные силы и решительность покинули ее, оставив в слабости, страхе и сомнениях. Лишенная возможности предаваться своей главной страсти, чтению, одна во тьме, она стала думать о жизни в доме дяди, о семье, о будущем. Физически ощутимые роскошь и блеск, в которые она была погружена, отпали, и она ясно увидела, что предуготовила ей жизнь. Окружавшие ее женщины, члены семьи и друзья воплощали ожидавшую ее типичную тесную колею. Тетка Анна Воронцова служила императрице как статс-дама, а затем и обер-гофмейстерина. Она проводила время при дворе, играя в карты, например, в фараон — пагубное удовольствие, распространенное в привилегированном и часто праздном обществе. Она славилась любовью к английскому пиву и была любовницей Прассе, секретаря посольства и дипломатического представителя Саксонии, что, по мнению некоторых комментаторов, объясняет точность его донесений[53]. Ее дочь Анна увлекалась блеском и роскошью петербургского общества и имела дурную славу из-за своих любовных приключений. При дворе шептались, что мать любит карты, а дочь — мужчин. В 1758 году, незадолго до свадьбы Дашковой, Анна вышла замуж за Александра Строганова, сенатора, президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки. Анна съездила за границу в 1761 году, когда императрица Елизавета послала Строганова в Вену поздравить императрицу Марию Терезию со свадьбой сына Иосифа. Брак Анны, начавшийся так блестяще, очень скоро привел к тому, что она «мужа не выносила» (38/57).

Противоположные политические взгляды — Строганов поддерживал Екатерину II — обострили супружескую несовместимость. Несчастливый союз прекратился, когда ранняя смерть Анны предотвратила развод.

Сестры Дашковой также последовали традиционным путем: Марию заставили вступить в заранее условленный союз с Петром Бутурлиным, хотя она любила другого[54]. Елизавета стала любовницей Петра III и участвовала в его жестоких играх и бурных попойках. Дашкова же завидовала выбору, доступному ее братьям, и уделяемому им вниманию, поскольку их подготавливали к военной и государственной службе. Михаил и Роман Воронцовы контролировали и финансировали образование и путешествия братьев, которые и получали все внимание семьи, поскольку готовились к жизни активной и влиятельной. Во многом Дашкова походила на старшего брата Александра, также интересовавшегося литературой, философией, политикой и государственной службой. Роман Воронцов дал сыновьям самое лучшее образование, заказывая для них во Франции книги Вольтера, Расина, Корнеля, Буало. В 1754 году Александр и Семен поступили в школу профессора Штрубе, специалиста-правоведа из Академии наук. Когда Александру исполнилось семнадцать, он через посредство французского посла Лопиталя и с разрешения Людовика XV был записан в *L'École de Chevaux-légers*[55] в Версале, где учился с сыновьями французских аристократов. Дядя и отец часто писали ему, направляя и поддерживая. Александр был серьезным молодым человеком и часто жаловался, что попусту тратит время на занятия верховой ездой и танцами вместо развития ума. Он прожил в Париже семь лет и встречался с такими представителями французского Просвещения, как философ и математик Жан д'Аламбер. Позже Александр переписывался с Вольтером. Отец решил, что путешествие по Европе необходимо для завершения образования сына, и с конца 1759 по 1761 год Александр путешествовал по Франции, Италии и Испании, посетив Рим, Пизу, Неаполь и Вену. Затем он поступил на государственную службу и работал сначала за границей, а потом в России.

Семен, младший брат Дашковой, тоже путешествовал. В шестнадцать лет он был отправлен отцом в путешествие через всю Россию с инспекцией семейных владений — земель и медеплавильных заводов на Урале. Предполагалось, что в один прекрасный день он станет управлять семейным богатством, но этим планам не суждено было осуществиться, поскольку его карьера была внезапно прервана политической деятельностью Дашковой. В конце концов Семен уехал жить за границу, сначала

занимая дипломатические посты в Вене и Лондоне, а затем остался как частное лицо в Англии. Дашкова тоже чувствовала очарование далеких мест. С детства она мечтала о путешествиях в другие страны, о познании мира, об использовании когда-нибудь своих знаний на благо человечества[56]. Лишенная возможностей, которые были у братьев, она была убеждена в том, что если сможет использовать свою внутреннюю силу и ресурсы, то будет заниматься исследованиями и путешествовать сама, без помощи отца, дяди или кого-либо еще.

Стремление стать выдающейся женщиной в мужском мире делало ее нетипичной и странной главным образом потому, что во внешней жизни — в отличие от ее внутреннего, частного «я», — она вела себя по-мужски. Возможно, рисуя слишком широкую картину условий жизни дворянок в России, Лотман объясняет: «Наличие *выбора* резко отделяло дворянское поведение от крестьянского… Любопытно отметить, что с этой точки зрения поведение дворянской женщины было ближе к крестьянскому, чем к мужскому дворянскому…» Затем он приводит схему выбора жизненного пути знатных дворян[57], которая полностью соответствует карьере Дашковой. Она решает принять участие в дворцовом перевороте, свергает правительство, а потом уезжает за границу, где становится выдающейся фигурой в интеллектуальных кругах Европы XVIII века. Интересно, что в то время, как Дашкова неубедительно утверждала, что не искала государственной службы, ставшей для нее неожиданностью, она чувствовала себя вполне подготовленной к службе военной. Кажется, она просила назначить ее командиром гвардейского полка, но Екатерина отклонила просьбу. На самом деле, Дашкова всегда стремилась к государственной службе, и только когда возможности не реализовывались, она возвращалась к семье, воспитанию детей и управлению своими имениями.

Вскоре корь начала отступать, состояние Дашковой улучшилось и глаза ее снова стали видеть. В «Записках» она представила возвращение зрения как момент просветления и просвещения — от тьмы тогдашней жизни к свету надежды и вдохновения. Вновь обретая силы, она еще сильнее желала устроить себе особое будущее, похожее скорее на жизнь братьев, чем сестер. Со свойственными ей самообладанием, серьезностью и решимостью она стала искать поддержки и утешения в книгах, начав самообразование с изучения находившейся в доме большой библиотеки. Хотя она была молода и не могла понять все, что читала, она познакомилась с новыми идеями французского Просвещения по книгам Бейля, Монтескье, Вольтера и Буало. Они открыли ей глаза на человеческое достоинство, дух свободы и

трансформацию общества посредством образования людей, распространения знаний и науки и борьбы с предрассудками. Она считала, что изменение индивида через образование приведет к социальным изменениям и это наиболее эффективный путь проведения реформ. Создание справедливого общества зависит от должным образом просвещенных граждан, готовых выполнять сознательно и добровольно свои гражданские обязанности перед семьей и государством.

Так ей открылся мир разума, интеллектуальной энергии и критического мышления. Хотя она едва упоминала в «Записках» о влиянии Руссо и, кажется, не одобряла его идей, ее библиотека содержала обширную коллекцию его трудов. В самом деле, Вольтер и Руссо оказали на нее тогда серьезное влияние, и их идеи еще долго отдавались эхом в ее неприязни и недоверии ко всему искусственному и лицемерному, особенно к петербургскому придворному обществу. Она начала переосмысливать и переоценивать мир, в котором жила — иррациональную и часто противоречивую природу установленного порядка, ханжество придворной власти и духовенства, отсталость России и ее институций, низкое качество образования на всех уровнях и зло правительственной коррупции. Хуже всего была опора экономики на вопиющую несправедливость крепостничества, систему, при которой землевладельцы обладали абсолютной властью над мужчинами, женщинами и детьми, которыми владели. С этими вопросами она будет разбираться честно, хотя, быть может, не всегда удовлетворительно, в течение всей жизни.

Когда Дашкова вернулась в Петербург, ее новые идеи лоб в лоб столкнулись с изобилием и чрезмерным богатством ее окружения. Она чувствовала себя еще более изолированной, чем раньше, даже среди толпы людей на официальных домашних приемах и обедах, превращавшихся в пышные церемонии, в которых участвовало до двухсот человек. Она снова ощущала себя выставленной перед всеми напоказ — и в то же время одинокой. Это переживаемое ею публично и лично одиночество было одним из главных факторов, влиявших на развитие и формирование ее характера. Ей не к кому было обратиться, она редко виделась с братьями и сестрами, а Александр, ее ближайший друг, учился в далеком Версале. Она становилась апатичной, скрытной, задумчивой, ее угнетали холодность дядиного дома, безразличие семьи, контраст между интеллектуальным чтением и искусственностью жизни. Ее неумение разрешить противоречие между повседневным существованием и твердыми принципами, реализовать их во всей полноте в процессе самосозидания и

успешно применить их в жизни получит в будущем трагическое развитие. Она остро чувствовала различие между стремлением к свободному и независимому существованию и требуемым при дворе подобострастием. Придворное общество подавляло ее энергичную натуру до такой степени, что одиночество и чувство отчужденности развились в психологический кризис. Это были главные причины постоянно возвращавшихся приступов мрачности и депрессии, которые преследовали ее до конца дней. По ее собственному признанию, только религиозные убеждения удержали ее от самоубийства.

Ее психологическое состояние ухудшалось, и это заметили при дворе, опасались даже нервного срыва. Личный врач императрицы Герман Каау-Бургаве[58] пытался лечить ее депрессию («меланхолию»), но не смог найти физических причин нездоровья. Рядом не было никого, с кем она могла бы разделить свои самые глубокие чувства и кто был бы действительно озабочен ее внутренним кризисом: «Поэтому меня забросали тысячью вопросов, большинство их, однако, не было порождено ни любовью, ни сочувствием, которых я жаждала. А стало быть, никто не добился от меня искреннего признания, да и вряд ли я сама могла понять свое состояние, вызванное моей гордостью, оскорбленной чувствительностью и самонадеянным решением добиться всего собственными силами» (15/39).

Со временем, взрослея, Дашкова научится маскировать и скрывать свои мечты, стремления и истинные чувства.

Она росла при одном из самых расточительных и блестящих дворов Европы, где господствовали маски, костюмы, театральные роли и беззаботные развлечения. Увлечение императрицы Елизаветы изысканными платьями ручной вышивки переросло в подлинную манию. Говорили, что она потеряла четыре тысячи платьев при пожаре 1744 года в Москве, а после смерти оставила в гардеробе еще тысяч пятнадцать. Детей Воронцовых часто брали на специально организованные елизаветинским двором праздники, концерты и театральные представления. Зимой они участвовали в уличных и домашних развлечениях, играх, катаниях на санях. Императрица организовывала особые детские балы *(les bals d'enfants)* во внутренних апартаментах своего дворца. Это давало детям возможность научиться вести себя на будущих взрослых придворных празднествах.

Елизавета любила балы и щедрые приемы, пышные зрелища. Богатство бальных залов поражало маленькую Дашкову: слепящий свет канделябров, блеск зеркал и повсюду запахи экзотических духов, пудры, румян, помады для волос. При главном выходе императрицы женщины ее свиты были одеты в

прекраснейшие усыпанные драгоценностями наряды: изящные платья, шитые сверкающим серебром и золотом, в кружевах, со струящимися рукавами и длинными шлейфами. Покрытые драгоценными и полудрагоценными камнями платья расширялись колоколом от талии, заставляя женщин держать руки согнутыми в локтях, а в руках они несли сложенные, «молчащие» в присутствии Ее величества веера[59]. Дашкова в страхе смотрела на их неестественно высокие прически *(poufs)* со специально подобранными украшениями. Стильные укладки волос носили названия «цветущее удовольствие» или «очаровательная простота» и могли включать в себя все — от миниатюрных голубей и купидонов до кораблей и военных укреплений. Мужчины тоже были одеты по последней французской моде и блистали не меньше дам, увешанные с головы до ног бриллиантами, которые были везде — на шляпах, пуговицах, пряжках, эполетах и эфесах.

Танцы были центральным событием этих балов. Главным, первым танцем был менуэт, за ним следовали полонезы и контрдансы. Через некоторое время популярными стали кадриль, котильон и экосез. Они настраивали на легкий тон и веселую болтовню, избегавшую смертельно скучной глубины и эрудиции и основанную на обмене остроумными и непринужденными репликами. Хотя в такого рода разговорах между мужчинами и женщинами был некоторый шарм и даже свобода, им недоставало интеллектуальной строгости и образованности, к которым стремилась Дашкова. Очень скоро она сочла их чересчур утомительными. В пятнадцать лет Дашкова объявила, что никогда не будет пользоваться пудрой или румянами, находя отвратительной саму идею рисования ярко-красных кругов на щеках. Позже, яростно критикуя сочинение Кастерб, она возражала против описания ее как провокационно одетой светской красавицы[60]. Большинство очевидцев, среди них Марта Вильмот, также противоречат описанию Кастерб и пишут, что Дашкова была сама простота — без затей одетая женщина в век портновских излишеств, напрочь отвергающая любовь к одежде.

Вполне предсказуемо, что Дашкова быстро устала от бездумных развлечений и фривольностей при дворе. Романтические роли на маскарадах и костюмированных балах были, однако, исключением. Маскарады давали возможность, хотя бы на время, получать некоторую свободу и чувство обретенной силы. Особенно завораживающими были так называемые «метаморфозы», когда все гости должны были приходить в масках, мужчины одевались как женщины, а женщины — как мужчины. Женщинам позволялось, таким

образом, играть новые роли, которые обычно были запрещены, и одеваться по-военному *(en militaire)* для смеха и увеселения других. Елизавета считала себя неотразимой в военной форме и часто планировала маскарады, в которых мужчины были очень комично одеты в платья. Хотя такие трансвеститские развлечения были чрезвычайно непопулярны среди ее гостей-мужчин, женщины, кажется, радовались им, как и Дашкова. Они продолжались и позже, уже в царствование Екатерины, получавшей большое удовольствие от подобных «метаморфоз». Даже самые могущественные мужи екатерининского двора, хотя над ними часто потешались, принуждены были принимать участие в праздниках переодевания. Во время рождественского веселья 1765 года двери внутренних покоев императрицы открылись и оттуда появились семь «дам»: это были наиболее влиятельные сторонники Екатерины — Г. Г. Орлов, А. С. Строганов, Н. А. Головин, П. Б. Пассек, Л. А. Нарышкин, М. Е. Баскаков, А. М. Белозерский, причем особенно хорош был последний в платье гувернантки.

Сама Екатерина II охотно переодевалась в мужское платье. «Мужская одежда идет ей больше всего, — писал британский посланник лорд Бэкингемшир, — она всегда надевает ее, когда ездит верхом»[61]. В распоряжении по организации придворного бала-маскарада Екатерина пишет: «Будет четыре лавки одежды и масок на одной стороне для мужчин и то же самое на другой стороне для женщин. Французские комедианты будут играть торговцев и торговок и продавать женские платья мужчинам и мужскую одежду женщинам. На лавках с мужской одеждой будет написано: *Магазин одежды для женщин* и лавке с женской будет надпись: *Магазин одежды для мужчин*»[62].

В другом случае переоделись только некоторые из гостей, и Екатерина вспоминает, как, одетая в форму офицера и скрытая маской, она страстно флиртовала с княгиней Долгоруковой: «Я надела офицерскую форму и сверху розовое домино и, войдя в зал, встала в круг, где продолжали танцевать… Княгиня, проходя, взглянула на меня. Я поднялась и последовала за ней, мы вернулись в круг танцующих, и я заняла место рядом с ней.

Она обернулась и, увидев меня там, спросила: „Маска, потанцуем?“ Я сказала „да“. Она решила, что мы должны потанцевать, и, пока мы кружились, я сжала ее руку… После танца я склонилась и поцеловала ее руку. Она вспыхнула и сразу же оставила меня»[63].

Дух переодеваний и маскарада распространялся и за пределы дворца. И Елизавета, и Екатерина захватили трон силой оружия, одетые как офицеры, а не как великие княгини. Они были

прекрасными наездницами и обе не любили дамское седло. В великолепных мужских костюмах они часто ездили верхом, искусно управляя норовистыми лошадями. Екатерине нравилось ездить по-мужски на своем любимом жеребце Бриллианте, но Елизавета категорически запрещала ей делать это, утверждая, что после того, как та «стала женщиной», подобная практика может привести к выкидышам. Екатерина была вынуждена заказать специальное седло, чтобы наслаждаться своей страстью, и, несмотря на запрет императрицы, выскальзывала из дворца, одетая как мужчина. Дома тринадцатилетняя Дашкова, возможно, слышала сплетни о французском после́ннике шевалье д'Эон де Бомоне, который был удивительным образом похож на некую Лию де Бомон (или даже встречала его). Сходство привело двор к заключению, что это одно и то же лицо, поскольку однажды шевалье был якобы замечен на пути во Францию одетый женщиной. Шевалье часто проводил время в компании Михаила Воронцова, который развлекал других историями об этой загадочной женщине-мужчине.

В конце концов, неприятие Дашковой развлечений и веселости двора привело к колкостям и насмешкам над ней друзей и родственников[64]. Гордая и независимая, она пыталась как можно лучше скрывать свои чувства одиночества и неудовлетворенности. Она продолжала свои занятия, и книги стали ее главным интересом. Благодаря своей эрудиции она сошлась с Иваном Шуваловым, «ревнителем муз» и любовником императрицы Елизаветы. Франкофил и покровитель литературы, искусств и наук в России, он вместе с М. В. Ломоносовым основал в 1755 году Московский университет и стал его первым куратором. Он также создал в Петербурге Российскую академию художеств, которую возглавлял до 1763 года. Его дом находился рядом, на углу Невского проспекта и Большой Садовой, и в течение нескольких лет Дашкова принимала участие в его литературном кружке — месте сбора наиболее влиятельных русских писателей XVIII века. Там, в ярко освещенной угловой комнате, интеллектуальная элита Петербурга собиралась по вечерам, чтобы обсуждать искусство, литературу и философию. Многие годы собрания у Шувалова посещали Ломоносов и Сумароков, известные своими шумными и горячими спорами; бывал здесь и вечно хмельной Костров, переводчик Гомера. Среди участников были Державин и денди Богданович, который всегда был одет по последней французской моде и отказывался обсуждать свои сочинения, предпочитая свежие сплетни. Шувалов сидел в большом кресле, окруженный книгами и друзьями, говоря обычно по-русски, но выделяя важные пункты французскими

словами и фразами. Он был очарован Дашковой, энергичной и эрудированной молодой женщиной, поощрял ее и добывал для нее все последние зарубежные издания.

Библиотека Дашковой вскоре выросла до 900 томов, а позже будет оцениваться в 4500 книг. Она станет одной из главных книжных коллекций того времени в России[65]. Дашкова писала: «Никогда самые изящные драгоценности не доставляли мне такого удовольствия, как книги; на покупку их я тратила почти все свои карманные деньги» (16–17/40). Она приобрела «Большой исторический словарь» Луи Морери[66] и «Энциклопедию» Дидро и д'Аламбера[67], которая вышла в семнадцати томах (с одиннадцатью томами иллюстраций) между 1751 и 1772 годами. Эти тома представляли собой величайшие литературные памятники Европы XVIII века. Статьи в «Энциклопедии» познакомили Дашкову с сочинениями Дидро и других философов *(philosophes),* например, Кондильяка, Монтескье и Гельвеция. «Энциклопедия» была тем более привлекательна для молодой Дашковой, что она была запрещена королевским режимом Франции в конце 1750-х годов и осуждена папой. Кроме описания новейших научных открытий, особенно в естественных науках, философы пропагандировали основанные на идеях Просвещения реформы в торговле, государственном управлении и других областях. Они познакомили свою заочную русскую ученицу с понятием прогресса, основанного на натуральной философии, с объективным изучением природы и физического мира до развития современной науки. В своих идеях они стремились обеспечить социальную справедливость через просвещение людей, развитие их рациональных способностей и установление честных и справедливых законов и методов управления. Впечатлительная Дашкова начала пересматривать свою элитарную роскошную жизнь, когда встретилась с духом оппозиции неравенству, нарушению закона, нетерпимости и религиозным авторитетам.

Чтение научило Дашкову смотреть критически и без уважения на мир своего детства. Рюльер пишет, что уже в пятнадцать лет она имела республиканские взгляды, «вслух роптала против русского деспотизма и изъявляла желание жить в Голландии, в которой хвалила гражданскую свободу и терпимость вероисповеданий»[68]. Ее недовольство *status quo* было основано на ожидании, что преобразование общества может быть достигнуто внедрением справедливых законов, демократических принципов и индивидуальной свободы. Необходимое образование граждан и авторитет науки поддержат постепенное изменение. Дашкова ратовала не за революционный переворот

существующего порядка, но за введение реформ, основанных на новых отношениях между государством, его лидерами, правящим классом и народом. Для нее французские философы были в первую очередь критиками деспотизма и тирании. Они призывали к модели управления, основанной на принципах разума, законности и гуманизма, чтобы заменить устаревшие, жестокие и аморальные системы.

Важной книгой, которая помогла Дашковой сформировать идеи о неразделимости образования и общественных преобразований, было сочинение К. А. Гельвеция «Об уме», повлиявшее на всех прогрессивных российских читателей, в том числе на Радищева. Гельвеций опубликовал свой трактат в Париже в 1758 году, но годом позже книга была осуждена указом парижского парламента и сожжена. В первом томе, на который Дашкова ссылается в своих «Записках», Гельвеций обсуждает интеллектуальное равноправие всех людей, из чего следует радикальная идея о том, что тот, кто развил и усовершенствовал свой интеллектуальный потенциал, может править страной вне зависимости от происхождения. Соглашаясь с Локком в том, что разум индивида сначала представляет собой «чистую доску», Гельвеций утверждал, что мы все рождены с одинаковыми способностями и что различия происходят из-за влияния всей совокупности образования. Однако недостаток практических рекомендаций по применению этих идей разочаровал Дашкову: «Я перечла „Об уме“ Гельвеция, и мне подумалось, что во втором томе этой книги автор развивает теорию, которая более соответствует принятым мнениям и существующему порядку вещей. Между тем мысли, изложенные в первом томе, способны внести в общество смуту и разорвать звенья цепи, скрепляющие части (пусть даже разнородные), из которых состоит государство. Привожу здесь это соображение, ибо впоследствии оно доставило мне истинное удовольствие» (15–16/39)[69].

Дашкова ссылается на разработку Гельвецием своих теорий в работе «О человеке», опубликованной много позднее с ложными выходными данными, что привело к путанице относительно первого издания. Вероятно, эта книга вышла в Гааге в 1773 году при поддержке русского посла в Нидерландах Дмитрия Голицына[70], с которым она была хорошо знакома и которого не раз упоминала в «Записках».

Дашкова хотела соединить теорию и практику. Для нее теория была важна главным образом своим практическим применением и степенью, в которой она могла быть лучше понята и использована для улучшения общества. В доме ее дяди постоянно шли политические дискуссии. Дашкову всегда

интересовали государственные дела, поскольку она мечтала, что, хоть и будучи женщиной, сможет однажды принять участие в великих и, согласно прочитанным ею книгам, неминуемых переменах. Снисходительный и вечно занятый дядя часто разрешал ей рыться в официальных бумагах, так что в дополнение к философским трактатам она читала записи переговоров, договоры и соглашения России с разными странами, и эти тексты также питали ее воображение. Часто, даже будучи ребенком, она находила в этих документах смешное: например, персидский шах писал Екатерине I, супруге Петра Великого, о вреде алкоголя, не зная, что та очень любила водку.

Дашкова жадно слушала рассказы о своей семье, о жизни матери при дворе и об освященном веками обычае русских царей наказывать непокорных и ослушников, назначая их шутами. Несчастная жертва жестоких монарших игр немедленно становилась при дворе предметом насмешек или хуже того — битья. Развлечения императрицы Анны часто были грубы и безжалостны. Например, Михаил Голицын, образованный человек, окончивший Сорбонну, был принужден квохтать, как курица, сидя на корзине, полной яиц. Императрица жестоко издевалась и над матерью Дашковой, приказав ей исполнить в своем присутствии русский народный танец вместе с тремя другими замужними женщинами. Нервничая и дрожа от страха, они сбились, и тогда императрица поднялась, подошла к испуганным молодым женщинам и влепила каждой из них пощечину. Дашкова в то время еще не подозревала, что она также станет объектом осмеяния со стороны своей монархини. Но по мере того как росло ее понимание российского общества, она начала видеть, какое влияние могло иметь самодержавное государство на женщину и ее семью. «У меня возникло предчувствие, что на этом свете я буду несчастна» (17/40), — заключала она.

Дядя был щедрым патроном наук и искусств, и она встречала в его доме многих писателей, художников и ученых. Весьма интересовавшийся литературой и древностями Михаил Воронцов имел великолепную коллекцию редкостей, переписывался с Антиохом Кантемиром и материально поддерживал, среди прочих, гениального математика и физика Леонарда Эйлера. Вместе с Иваном Шуваловым он был главным покровителем славного российского ученого М. В. Ломоносова. Ломоносов часто посещал Воронцовский дворец, и вся семья Воронцовых очень его уважала. Михаилу Воронцову он посвятил свой перевод «Экспериментальной физики» Христиана Вольфа. В Риме, во время путешествия по Италии, Воронцов заказал местному

мастеру мозаичный портрет Елизаветы. Этот портрет и техника мозаики вызвали большой интерес в России и повлияли на работу Ломоносова в этой области. Михаил Илларионович поддержал возрождение Ломоносовым производства цветной стеклянной мозаики, для чего была основана фабрика в Усть-Рудице в 60 верстах от Петербурга. Через несколько дней после смерти Ломоносова канцлер Воронцов заказал мраморный монумент для установки на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге. Он попросил Якоба Штелина составить надпись и нарисовать эскиз монумента во флорентийском стиле. И надпись, и проект были посланы в Ливорно, и на следующий год монумент из каррарского мрамора прибыл в Россию. Через много лет племянник Дашковой М. С. Воронцов реставрировал его.

С молодых лет Дашкова была захвачена поэзией Ломоносова и очень любила читать его стихи вслух[71]. Великий поэт и ученый глубоко повлиял на несколько следующих поколений писателей, ученых и других образованных людей, включая Дашкову, которая стремилась закрепить и продолжить основанную им традицию науки и образования в академии. Однако памятник она возвела другой персоне. Он все еще стоит сегодня в ее усадьбе: обелиск, поддерживаемый четырьмя гранитными сферами, увековечивает самый важный день в ее жизни, день переворота 1762 года, и память Екатерины II — женщины, которая сделала его возможным, женщины, которую Дашкова обожала.

Глава вторая
ЗАГОВОР

С характерной для нее энергией Дашкова готовила себя к жизни, позволявшей избежать душного заточения детства и существовать вне рамок привычного женского быта того времени. Всегда стремившаяся узнать больше о других странах, культурах и формах правления, Дашкова старалась найти посланников иностранных дворов и выдающихся представителей мира политики, науки и искусства, чтобы задать им множество вопросов. Вовлеченность клана Воронцовых в государственные дела вызвала интерес Дашковой к дипломатической и правительственной службе. Дома она слышала обсуждения жгучих социальных и политических проблем современности и знакомилась с приходящими из-за границы новыми интересными идеями. Не испытывая никакого смущения при разговорах с высокими иностранными сановниками, она жадно слушала их рассказы о далеких странах и путешествовала туда в своем воображении. Ее мечты о карьере на мировой сцене остались бы, наверное, мечтами, если бы не одна встреча, изменившая жизнь Дашковой навсегда. Зимой 1758/59 года великий князь Петр и его жена Екатерина были приглашены на ужин, организованный в их честь во дворце канцлера. Рожденная как принцесса Софья Фредерика Августа Доротея Анхальт-Цербстская в балтийском порту Штеттине в 1729 году, будущая императрица была крещена Екатериной при переходе в православие перед свадьбой с Петром в 1745 году. Дашкова подпала под обаяние Екатерины и, несмотря на споры и ссоры, которые ждали их впереди, навсегда осталась верна этому страстному увлечению. Она старалась не замечать недостатков Екатерины, и ее преданность оставалась практически неколебимой[72], несмотря на многочисленные разочарования. Она поняла, что только с вмешательством Екатерины ее жизнь, предназначавшаяся для выполнения обычных и ожидаемых ролей жены и матери, навсегда изменилась и взяла курс на заговор и открытое восстание.

С самого начала Екатерина, как старшая, поощряла и одобряла мечты Дашковой о преображении страны и новых возможностях для женщин. Дашкова была околдована женщиной вдвое старше ее: ей было пятнадцать, а великой княгине — тридцать. Герцен писал, что «с первого свидания Дашкова любит Екатерину страстно, „обожает ее“» и что «она верила и хотела верить в идеальную Екатерину»[73]. В письме своей подруге Кэтрин Гамильтон Дашкова признается, что в юности «земным моим

идеалом была Екатерина; я с наслаждением и пылкой любовью следила за блистательными успехами ее славы в полном убеждении, что с ними неразрывно соединяется счастье народа…»[74]. Будущая императрица представлялась ей идеалом просвещенного монарха, который гарантирует процветание подданных во время своего великодушного и благоразумного правления. Она будет источником счастья и безопасности, царицей-философом, которая с помощью равно просвещенных советников, таких как Дашкова, уничтожит все формы деспотизма принятием и проведением в жизнь разумных законов. Дашкова весь вечер разговаривала с Екатериной, получая огромное удовольствие и интеллектуальное удовлетворение от беседы с остроумной, любезной и опытной женщиной.

Образованная и начитанная, Екатерина переписывалась с Вольтером, Дидро и д'Аламбером и также была сторонницей принципов французского Просвещения. Она сильно отличалась от императрицы Елизаветы, которую считала ленивой, недисциплинированной и не заинтересованной в развитии своего ума. Дашкова тогда еще не знала, что Елизавета была гораздо менее расчетлива, чем Екатерина, и что ее необыкновенная щедрость была гораздо более чистосердечной и искренней. Тем не менее молодой и восприимчивой Дашковой тогда казалось, что они с Екатериной просто созданы друг для друга и что их встреча — это встреча родственных душ. Действительно, про Екатерину, так же как и про Дашкову, часто говорили, что «она имеет мужской ум», но Дашкова видела в Екатерине женщину, чьи идеи и круг чтения точно соответствовали ее собственным. Их воспитание и опыт детства были во многом схожи — они выросли, читая одних и тех же авторов, они имели одинаковые интеллектуальные склонности. Екатерина тоже была захвачена трудами Вольтера, писателей французского Просвещения и авторов «Энциклопедии» — Дидро, д'Аламбера, Монтескье, Бейля и Буало. Умная и драматичная переписка мадам де Севинье с дочерью глубоко тронула их и предвосхитила их сложные и трагические отношения с собственными детьми[75].

Дашкова напишет с энтузиазмом, что они с Екатериной были единственными женщинами в России, которые читали книги. Конечно, это было преувеличением, поскольку ко времени сочинения «Записок» Дашкова была знакома и сотрудничала с Екатериной Княжниной, дочерью А. П. Сумарокова и женой драматурга Я. В. Княжнина. Ее первая публикация появилась в 1759 году, и при дворе императрицы Елизаветы ее называли страстной любительницей муз. Около 1760 года Елизавета Хераскова, жена писателя Михаила Хераскова, также публиковала

свои поэмы. Дашкова могла слышать и о писательнице Марии Сушковой.

Казалось, у Дашковой и Екатерины было много общего. Амбициозные и в избытке наделенные чувством собственного достоинства, они обе оставили мемуары, по характеру в первую очередь полемические, написанные для объяснения и оправдания частных и публичных поступков авторов. Множество похожих и общих мотивов появилось в обоих текстах: обе женщины описывают свою печаль, меланхолию, разочарование в своем окружении, а также угнетающее влияние воспитания на их энергичные и счастливые натуры. В жизни обеих важную роль играла дружба со старшей женщиной, которой для Дашковой была Екатерина, а для самой Екатерины — живая и независимая графиня Бентинк. Графиня рассталась с мужем, умела скакать на лошади, «как профессиональный наездник», предположительно имела ребенка вне брака и жила с другой женщиной, фрейлейн Донеп, скорее всего, в лесбийских отношениях.

Как и Дашкова, Екатерина бунтовала против употребления обычной косметики — обязательных белил для кожи и румян для щек. Обе женщины считали себя чувствительными, подверженными приступам депрессии и склонности к самоубийству, хотя мысли о смерти преследовали Дашкову всю жизнь, а Екатерину — только в юности. Благодаря любви к чтению они смогли вынести сильное чувство одиночества. В своих писаниях они особо подчеркивали ощущение ненужности, нежелательности, поскольку все внимание в их семьях было направлено на других родственников, особенно на братьев. Они хотели быть замечены, оценены, но более всего — они хотели быть любимы. Эти две женщины нашли общий язык, основанный на сходных мыслях о «сиротстве» в своих семьях и на растущем желании участвовать и преуспевать в мире политики. Их стремления считались в то время совершенно неподобающими молодым женщинам. Так, семья Дашковой никогда не оценит и не одобрит ее достижений. Наконец, важные мотивы их мемуаров — болезни и рождение детей; обе женщины представляют их поворотными пунктами в жизни, моментами, когда они собирали все силы, преодолевали несчастья и вступали на новый путь.

Несмотря на множество основанных на общих влияниях и прочитанных текстах параллелей, которые обнаруживались в их жизни, понимание и применение идей Просвещения неизбежно привели Дашкову и Екатерину к прямому конфликту. К моменту их встречи Екатерина была уже опытным царедворцем; безжалостная и честолюбивая, она достигла совершенства в придворных интригах. Дашкова же была наивным идеалистом,

страстно верившим в возможности нового порядка, основанного на новых началах. Екатерина нуждалась в поддержке при дворе, и ее мотивы были в основном политическими. 1744–1759 годы были для нее чрезвычайно трудными. Брак с Петром оказался неудачным, она чувствовала себя одинокой при дворе, ее положение там было шатким. В начале дружбы с Дашковой Екатерина попала в немилость из-за сотрудничества с Алексеем Бестужевым-Рюминым. Она была немецкой принцессой, чужой для русского придворного общества, тогда как Дашкова принадлежала к одной из самых могущественных семей в России. Выказывая свою неприязнь и страх перед Воронцовыми, Екатерина писала: «…тут находилась еще одна персона, брат княгинин, Семен Романович Воронцов, которого Елизавета Романовна, да по ней и Петр III, чрезвычайно любили. Отец же Воронцовых, Роман Ларионович, опаснее всех был по своему сварливому и перемечливому нраву»[76].

Екатерина продолжала потакать наивной девушке, поскольку нуждалась в ее дружбе и надеялась, что это поможет ей нейтрализовать влияние всего семейства. Дашкова же думала, что нашла свой идеал — женщину — образец самосозидания и личных достижений, с которой она может работать и сотрудничать на общественном поприще. И прежде всего Дашкова воображала себя работающей рука об руку с Екатериной над преобразованием российского общества. В конце их судьбоносной первой встречи Екатерина подарила Дашковой богато украшенный веер, который та хранила всю жизнь как талисман, символизирующий их союз, и передала Марте Вильмот незадолго до смерти. Дарение веера особенно символично, поскольку женщины использовали его и как маску, и как средство общения без слов.

За встречей последовала оживленная переписка. Екатерина послала юной Дашковой некоторые свои сочинения, хотя и с соблюдением предосторожностей, так как в 1758 году при дворе уже был скандал, когда обнаружились некоторые ее конфиденциальные письма генералу С. Ф. Апраксину. Она полагалась на благоразумность Дашковой: «Но я знаю, что Вы не решитесь лгать мне. Вы также ненавидите этот порок, как и я. Итак, скажите мне просто, для чего Вы вот уже три дня держите у себя эту безделицу, которую могли бы прочесть в полчаса? Убедительно прошу Вас возвратить ее мне, так как меня она начинает уже беспокоить; я знаю по опыту, как иногда вещи самые невинные становятся вредными. Снизойдите к моей слабости и будьте уверены в моей признательности и дружбе на всю жизнь»[77].

Екатерина постоянно сжигала письма Дашковой и просила ту делать то же самое с ее письмами. К счастью, Дашкова не выполнила просьбу и они сохранились до наших дней[78].

Женщины обменивались книгами. Дашкова послала великой княгине копии своих ранних писаний — она продолжала эту практику и после коронации Екатерины. Открытость и искренность чувств Дашковой к Екатерине не совпадает с образом злонамеренной ведьмы-интриганки, нарисованным Рюльером и др. В 1762 году с портрета Екатерины II кисти П. Ротари сделали гравюру, надписи на которой были взяты у Дашковой, Ломоносова, Сумарокова и др. Юношеский энтузиазм Дашковой по отношению к императрице выразился в четверостишии, озаглавленном «Надпись к портрету Екатерины II». Это пример взволнованного юношеского произведения, подобного тем, которые она сочиняла и ранее:

> Природа в свет ТЕБЯ стараясь произвесть,
> Дары свои на ТЯ едину истощила,
> Чтобы на верьх ТЕБЯ величества возвесть,
> И награждая всем, она нас наградила[79].

Екатерина поддерживала Дашкову, которую считала умнее большинства мужчин[80]. На ранние литературные опыты подруги она отвечала с жаром, хотя и не вполне искренне, и, что неудивительно, особенно похвалила «Надпись»: «Что за стихи и что за проза! И это в семнадцать лет! Я прошу Вас и умоляю; никоим образом не забрасывайте такого замечательного таланта. Может быть, я могу показаться далеко не беспристрастным судьей в этом деле, моя дорогая княгиня, ибо благодаря Вашей дружбе ко мне, я же являюсь предметом Ваших излияний. Упрекайте меня в тщеславии, во всем, в чем хотите, а я все-таки скажу, что Ваше четверостишие — одно из самых звучных, какие мне приходилось встречать, и ничто не заставит меня ценить его менее высоко»[81].

Единственным соперником Екатерины в борьбе за сердце Дашковой был молодой князь, которого она встретила летом 1758 года. Ее дядя, тетка и кузина были с Елизаветой в Петергофе и Царском Селе — загородных резиденциях императрицы. Дашкова осталась одна, читая и утоляя свою любовь к музыке посещениями опер-буфф в постановке Джованни Локателли в императорском Летнем саду. Итальянский музыкальный театр Локателли, дававший представления в Петербурге с конца 1750-х до начала 1760-х годов, был очень популярен при дворе. Одним особенно жарким летним вечером Дашкова, решив, что ей

следует прогуляться после ужина, послала свой экипаж вперед и пошла с подругой по темной и пустынной улице. Почти сразу же из темноты появилась высокая, показавшаяся ей огромной черная фигура мужчины. Поначалу испугавшись, Дашкова вскоре была очарована милыми чертами прекрасного молодого человека, его вежливым разговором и сдержанной скромностью. Но Михаил-Кондрат Дашков не был тем, кем хотел казаться, и имел плохую репутацию. Встреча была подстроена, поскольку его перестали принимать во многих солидных домах Петербурга, включая дом канцлера, что делало невозможным его общение с членами семьи Воронцовых. Кажется, он допустил «непростительную неосторожность» и был вовлечен в скандальный роман с кузиной Дашковой Анной. Это могло помешать любым контактам Дашковой с ее будущим мужем, однако непреклонный дух молодой женщины не мог позволить мелким препятствиям встать на ее пути: «Словом, мы не были знакомы и, казалось, нашему союзу никогда не бывать, но Небеса распорядились иначе. Ничто не могло помешать нам бесповоротно отдать сердца друг другу» (18/41).

На самом деле, небеса не имели к этому никакого отношения. В отличие от Екатерины, умной уже по первому впечатлению, князь не мог привлечь Дашкову умом. Скорее, она была очарована его стильной одеждой, изысканными манерами, обходительностью и княжеским титулом. Дашкова титула не имела, ее отец и дядя Иван стали графами только в 1760 году. Выбрав в спутники жизни князя, Дашкова показала, что не может совершенно порвать с условностями своего времени. Она была в гораздо большей степени продуктом придворного общества с его акцентом на элегантность, внешний блеск и иерархию, чем могла себе признаться. Но то, что этот выбор был неприемлем для семьи, отвечало ее глубоко укорененному чувству непокорности и продолжающемуся соперничеству с кузиной Анной. Замужество было для нее возможным бегством от всего, что она ненавидела в Петербурге. Летом в городе никого не было, но она чувствовала необходимость поделиться с кем-нибудь своими чувствами. Она сразу же написала своему лучшему другу, брату Александру, с которым регулярно обменивалась семейными новостями и придворными сплетнями. 20 июля 1758 года пятнадцатилетняя Дашкова сообщила Александру в Париж о своих сердечных делах и пообещала дать ему знать через «три недели, месяц или немного позже… о согласии (или отказе), что князь Дашков, которому она позволила просить ее руки, получит от ее семьи». Во всем этом таился дух заговора, страх быть раскрытой. Переписка по поводу возможного замужества казалась ей столь

интимной и личной, что она пообещала написать брату больше, только если он будет писать в ответ шифром[82].

Если принять во внимание секретность помолвки, то утверждение Рюльера о том, что она заставила Михаила Дашкова жениться, кажется очень подозрительным. Он неубедительно описывает, как настойчивая Дашкова немедленно объявила о своих планах дяде, который, в свою очередь, вызвал ее поклонника на разговор относительно намерений последнего[83]. Уже изрядно скомпрометированный молодой человек оказался в безвыходном положении, поскольку едва ли мог позволить себе еще раз опозориться перед одним из самых могущественных людей империи. Дашкова была возмущена и яростно опровергала эти измышления, заявляя, что ее будущий муж нашел третье лицо для переговоров с ее семьей, которая в конечном счете не возражала, и что будущая свекровь также дала свое согласие и благословение, несмотря на то, что она уже подобрала сыну другую невесту. Тем не менее сомнительно, что, идя против принятых условностей и самостоятельно организуя свое замужество, Дашкова получила одобрение семьи. Жена канцлера, из-за болезни которой свадьба была отложена, так и не появилась на церемонии, потому что не смогла забыть неприличное поведение Дашкова по отношению к ее дочери, хотя Анна Воронцова годом ранее вышла замуж за Александра Строганова. «Очень скромная» церемония прошла 14 февраля 1759 года — пятнадцатилетняя девушка вышла замуж за двадцатидвухлетнего Михаила Ивановича Дашкова.

Дашкова получила от отца сильно урезанное приданое в 10 тысяч рублей и имущество, оценивавшееся примерно в 13 тысяч, тогда как ее сестра Мария лишь годом ранее получила почти в два раза больше — от 30 до 40 тысяч[84]. Роман Воронцов никогда не был особенно щедр по отношению к детям, в случае же Дашковой он даже не обеспечил ее средствами к существованию, что сказалось позже, когда она особенно нуждалась в его финансовой поддержке. Хуже того, ее муж, любивший азартные игры и широкую жизнь, спустил все приданое в первый год совместной жизни; его долги были так велики, что Дашкова была вынуждена продать приобретенное имение, чтобы их заплатить[85]. Несмотря на обиду, которую она могла чувствовать из-за малости приданого и финансовых горестей, Дашкова очень старалась быть хорошей и почтительной дочерью. Она регулярно писала отцу о своем здоровье, крещении дочери и других семейных событиях[86]. Но Роман Воронцов оставался холодным, отстраненным и отвечал редко. Дашкова была задета. Положение еще более ухудшилось, когда в мае она отправилась на юг от

Москвы для встречи с семьей мужа и свекровью. Это путешествие, казалось, предопределило многие трудности и нелегкое течение ее брака. Дорога между Петербургом и Москвой была ненадежной и утомительной. Княгиня подскакивала в жесткой карете на выбоинах, камнях и устланных бревнами переездах. Она проедет по этой дороге несчетное количество раз в своей жизни.

Дашкова и ее супруг были во многом полными противоположностями. Он был красив, с мягкими манерами, общителен и дружелюбен; будучи хорошим танцором, чувствовал себя как дома в сверкании и вихре балов и светских событий. Она была склонна к размышлениям, серьезна, прямодушна и решительна. Более того, они пришли из двух разных миров, сосуществовавших в России XVIII века. Семья Дашковой была богата и могущественна, ее члены принадлежали к петербургскому обществу, считавшему себя западным и просвещенным. Ее муж происходил из старого московского патриархального семейства. Именно через семью мужа молодая женщина погрузилась в новую для нее, незнакомую русскую жизнь. Вдали от петербургского двора она иногда чувствовала себя иностранкой в чужом краю. Столь различное происхождение новобрачных обязательно должно было сказаться на их семейной жизни. Хотя женитьба ее сына представляла собой союз старого московского дворянства и властвующей петербургской элиты, Анастасия Дашкова не любила и не одобряла свою невестку. Анастасия была племянницей Натальи Нарышкиной, матери Петра Великого, третьей женой и вдовой Ивана Дашкова. Семья Дашковых, вместе с горсткой других русских семейств, вела свое происхождение от легендарного Рюрика, с которым теперь в родство вступила и Екатерина. Члены семьи служили своей стране как воеводы, стольники и бояре, но к XVIII столетию они уже не находились в центре политической власти, их влияние ослабло. Те, кто удалился от двора или ушел из армии и более не служил в Петербурге, жили в Москве и усадьбах, окружавших древнюю столицу России. Так Дашкова, зараженная наиболее прогрессивными идеями своего времени, оказалась в затхлом мире старого московского дворянства среди стареющих, смотрящих в прошлое родственников. Они проводили время, вспоминая былую славу своих предков и обсуждая генеалогические проблемы.

В Москве новобрачные поселились в доме Дашкова в Леонтьевском переулке недалеко от Тверской улицы. Анастасия Дашкова не понимала необычных манер невестки, ее независимого духа, любви к наукам, интереса к тому, что казалось радикальными французскими идеями, и нежелания

согласиться с приличиями и общепринятыми нормами женского поведения. Фактически эти две женщины едва могли общаться друг с другом, поскольку свекровь не знала французского, а Дашкова плохо говорила по-русски. Сначала Анастасия Дашкова пыталась скрывать неприязнь к Екатерине. Семен Воронцов, посетивший их в Москве, написал отцу, что сестра в очень хороших отношениях со своей новой семьей, а свекровь «любит мою сестру»[87]. Екатерина также прилагала все усилия, чтобы привыкнуть к семье мужа. Надеясь стать к ней ближе, она начала усиленно изучать русский язык. Несмотря на все усилия, она не могла быть идеальной женой и матерью, довольствуясь домашним хозяйством и воспитанием детей. Занятия исключительно семейными проблемами никогда ей не нравились, несмотря на все попытки убедить себя в обратном, и она продолжала поддерживать контакты с московской группой передовых писателей и мыслителей.

Дашкова забеременела и 21 февраля 1760 года после мучительных родов, длившихся двадцать часов, произвела на свет дочь, которую назвали Анастасией в честь бабушки. Ребенок родился нездоровым и, по мнению самой Дашковой, недоразвитым. Опустошенная физической и эмоциональной травмой своих первых родов, Дашкова тем не менее заметила разочарование мужа и свекрови. Была некая ирония в том, что от женщины, мечтавшей о создании альтернативной генеалогии, основанной на женской дружбе, теперь ожидали производства наследника мужского пола для сохранения фамилии Дашковых. Отношения со свекровью оставались натянутыми. В мае того же года Дашкова, набравшись сил, покинула Москву вместе с мужем и трехмесячной дочерью. Княгиня чувствовала облегчение, хотя Анастасия Дашкова и сопровождала их. Они отправились на юг через Серпухов в Троицкое — наследное имение Дашковых в Калужской губернии, примерно в 60 верстах от Москвы. Первым из семьи, кто владел этими землями, был Иван Дашков, который проявил себя в 1612 году вместе с князем Пожарским в битве с польскими интервентами у Арбатских ворот Москвы. Расположенное в мягком, пасторальном ландшафте на высоких берегах реки Протвы имение станет любимым местом жительства Дашковой и местом ее упокоения. Хотя имение было в полном разорении, Дашкова почувствовала себя здесь свободнее и уютнее. Казалось, время летело в окружении ее любимых книг и клавесина — она вернулась к чтению, писательству и музицированию.

Ее уединение было прервано только визитом Семена, который осенью 1760 года путешествовал по России, инспектируя

семейные владения. Опять он пишет домой о сестре, поддерживая мнение о том, что Дашкова счастлива среди своих новых родственников[88]. К концу года отпуск Михаила Дашкова из Преображенского полка закончился и семья вернулась в Москву. Екатерина не желала возвращения мужа в Петербург, в то время как доктора запретили ей путешествовать из-за новой беременности. Она написала отцу, умоляя его употребить свое влияние и добиться продления отпуска мужа на пять месяцев, но безуспешно: Дашков должен был явиться в полк. С его отъездом Екатерина заболела лихорадкой и горячкой, а затем впала в депрессию, рыдания и апатию до такой степени, что перестала писать мужу. Она знала, что пока она страдает от одиночества, эмоциональной боли и физического неудобства своего положения, ее муж ведет приятную жизнь молодого офицера в столице — играет, пьет, участвует в карнавалах и санных праздниках в Ораниенбауме. Она также подозревала, что он не был столпом супружеской верности.

Положение стало особенно трудным в последнюю неделю беременности. Была зима, повитуху уже вызвали к началу родов, и в этот самый неподходящий момент потрясенная Дашкова узнала от служанки, что муж вернулся в Москву. Но вместо того чтобы кинуться к постели рожающей жены, он самым невероятным образом остановился в доме своей тетки. Между супругами явно не все было в порядке, и Дашкова признавалась, что больше всего ее бесило малейшее подозрение в его неверности. «Нужно представить себе семнадцатилетнюю… женщину, с горячей головой, живым воображением» (22/44), как Дашкова описывала себя, которая решила все в одно мгновение. Вопреки их энергичным возражениям, акушерка и старая служанка получили приказ помочь шатающейся и еле стоящей на ногах Дашковой спуститься по лестнице вниз, где ее путь прервали начавшиеся схватки. Боясь, что звук проезжающих саней будет услышан и ее эскапада раскроется, Дашкова с помощью двух женщин дошла холодной и снежной московской ночью до конца улицы, где схватки опять настигли ее. Каким-то невероятным образом достигнув цели, она поднялась по длинной лестнице и, несмотря на боль, предстала перед потрясенным мужем, который бросился объяснять ей, что схватил простуду и не хотел ее заразить. Дашкова потеряла сознание; испуганная свекровь доставила ее домой, и меньше чем через час она родила сына, которого назвали, как и отца, Михаилом. Это был здоровый мальчик: она произвела на свет не просто ребенка, а желанного наследника. Весь дом Дашковых радовался той ночью. Призвали священника для благодарственной службы в честь рождения

ребенка — долгожданного продолжения фамилии Дашковых. Физически и эмоционально опустошенная напряжением последних двух дней, Дашкова не могла сдерживать рыдания. Муж, который теперь спал в соседней комнате, пытался развеселить ее, посылая смешные и даже ребяческие записки. Дашкова приходила в себя медленно, однако она была молода, и вскоре силы вернулись к ней. Она восстановила порядок и гармонию в семье — пусть лишь на время.

Оставив младенца на попечении свекрови, Дашкова с мужем и дочерью вернулась в Петербург после двухлетнего отсутствия 28 июня 1761 года — ровно за год до событий, навсегда изменивших ее жизнь и историю России. «День этот год спустя стал самым памятным и славным днем для моей родины» (25/46), — писала Дашкова. Следующие двенадцать месяцев будут посвящены главным образом планированию и осуществлению заговора с целью свержения ее крестного — императора Петра III. Дашкова была счастлива сбежать от чопорной жизни в семействе мужа и вернуться в знакомое столичное окружение, где она «была рада… не чувствовать себя постоянно сбитой с толку теми обычаями, с какими мне приходилось сталкиваться в Москве» (24/46). Подъезжая к снятому мужем особняку и глядя из окна кареты на широкие проспекты и строгую красоту ее родного европейского города, она почувствовала себя, наконец, дома. Но никто ее здесь не встречал, поэтому она немедленно отправилась с визитами к дяде и отцу — их обоих не было в городе. Радость, с которой она вернулась в столицу, была подпорчена еще и матросами из Адмиралтейства, которые в ее отсутствие вломились в дом и ограбили его.

В то лето императрица Елизавета жила в Петергофе, а великая княгиня Екатерина — в Ораниенбауме, тогда как великий князь Петр готовился к занятию трона, окружая себя влиятельными аристократами. Однако у Дашковой не было желания возвращаться к малому двору Петра, и она получила разрешение жить в доме отца, расположенном на берегу Финского залива[89]. Проведенные в Москве годы и материнство изменили ее, она стала взрослой. Когда Дашкова, наконец, встретилась со своими родными, они заметили, что она не очень хорошо выглядит, похудела и осунулась. Не менее бунтарская и идеалистичная, она уже больше не была наивной пятнадцатилетней девочкой. Если в прошлом она презирала фривольность елизаветинского двора, теперь она совершенно не выносила идеализацию Петром Фридриха II Прусского и его нелепые военные игры с льстивыми голштинскими солдатами. Еще более усложняло ситуацию то, что рядом с ним оказалась

Елизавета Воронцова, его любовница и сестра Дашковой. Петр, Елизавета и их окружение отправлялись в императорскую резиденцию в Ораниенбауме и там к своему полному удовольствию вместе с голштинскими гвардейцами играли в войну. Они маршировали с воображаемой армией, курили, пьянствовали и по-немецки общались с «генералами», которых Дашкова описывала следующими словами: «Эти голштинские генералы были из прусских унтер-офицеров, либо из сыновей голштинских и немецких сапожников, покинувших родительские дома» (26/47). Она считала отвратительными такие глупые и ребяческие развлечения; ее собственные «игры» с Преображенской гвардией будут настоящими и серьезными.

Дашкова, восприимчивая и эрудированная женщина, смотрела на развлечения сестры с презрением и насмешкой. В «Записках» она язвительно описывала двор Петра в ряде изрядно театрализованных сцен, в которых часто высказывала свои мнения и суждения мужским голосом[90]. Дашкова при малейшей возможности искала общения с Екатериной, и ее склонность к великой княгине не прошла незамеченной. Согласно ее рассказу, Петр III как-то отвел ее в сторону и предупредил, что «разумнее и безопаснее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые выбрасывают лимон, выжав из него сок» (25–26/47). На самом деле, предостережение Петра раскрывает собственные опасения Дашковой касательно Екатерины, выдавая ее чувства относительно склонности ее подруги использовать людей. Таким образом, она заставляет Петра повторить высказывание Кастера, которое Петр не мог знать, поскольку оно было напечатано после его смерти, и которое сама Дашкова прочла много позже. Кастера написал: «Когда она (Екатерина II. — *А. В.-Д.)* использовала кого-нибудь, как ей хотелось… она поступала с ним, как обычно мы поступаем с апельсином: высасывая сок, мы выбрасываем кожуру в окно»[91]. Дашкова могла также знать, что Вольтер процитировал высказывание Фридриха II о нем: «Не беспокойтесь: мы выжмем апельсин, а затем, когда проглотим сок, выбросим его»[92]. Итак, Дашкова просто заменила апельсин на лимон, вложила свое мнение в чужие уста и тем самым дистанцировалась от личных чувств, дав их высказать Петру, ее признанному врагу.

Дашкова не нуждалась в советах Петра и не считала его авторитетом. Поскольку она была его крестницей, Дашкова чувствовала, что может открыто бранить его за жульничество в его любимой карточной игре *campis*[93]. Он не соблюдал правила и после проигрыша партии кидал еще одну золотую монету, чтобы его не исключили, пока, наконец, Дашкова не отказалась играть с

ним. Она также дерзко исправляла хронологические неточности в его исторических анекдотах или спорила с ним по юридическим вопросам. Во дворце на обеде перед приблизительно восемьюдесятью гостями опьяневший Петр начал объяснять необходимость отрубить голову некоему прапорщику из кавалергардов за интрижку с племянницей императрицы Елизаветы. Дашкова возмутилась и стала при всех с ним спорить, объясняя, что такой незначительный проступок не может служить основанием для казни. Более того, Петр, должно быть, забыл, что смертная казнь была отменена в России в 1753 году указом императрицы. Изумленный великий князь попытался обратить все в шутку, показав язык своей вредной крестнице. Однако это столкновение наделало при дворе много шума, и Герцен посчитал, что именно открытое противостояние Дашковой положило начало ее политической карьере.

В то же время она продолжала сближаться с Екатериной, которая, бывало, останавливала свою карету у дома Дашковой и посылала ей приглашение провести вместе вечер во дворце. Две женщины все более привязывались друг к другу, углубляя взаимное доверие. С возвращением двора в город они продолжили обмен письмами и записками. Постепенно тайные встречи и переписка вылились в заговор против Петра. В своей активной оппозиции монарху Дашкова пошла против всей своей семьи. Она находилась под абсолютным влиянием Екатерины, которая всячески поощряла ее поддержку и обожание.

В сентябре 1761 года Дашкова вернулась в Петербург из Ораниенбаума, а Екатерина еще оставалась в Петергофе. Екатерина писала Дашковой: «Я, как нельзя более, чувствительна ко всем доказательствам дружбы, которые Вы мне даете, и умираю от скуки с тех пор, как Вы меня покинули, так как трудно найти, не говорю уже здесь, но во всей России кого-нибудь, кто бы мог достойно заменить Вас». К концу года становилось все более очевидно, что здоровье императрицы ухудшается и что она долго не протянет. Екатерина поддерживала заговорщицкий характер их дружбы: «Ваше письмо я получила вчера вечером, уже собираясь ложиться в постель. Я думаю, появление посыльного, будь то мужчина или женщина, в такой час могло бы показаться подозрительным, но Вы доставите мне большое удовольствие, если завернете ко мне сегодня часов в пять после обеда; пройдите по маленькой лестнице». Дух веселья и праздничных забав звучит на страницах многих писем Екатерины к Дашковой в предшествующие перевороту месяцы: «Между 5 и 6 часами отправляюсь в Екатерингоф. Там я переоденусь, потому что не хочу ехать по городу в мужском костюме; поэтому отказываюсь

брать Вас к себе в карету и советую Вам прямо отправляться туда, а то, чего доброго, этого действительно прекрасного всадника примут за моего обожателя»[94].

Двадцатого декабря 1761 года, за пять дней до смерти императрицы Елизаветы, Дашкова, хоть и была нездорова, поднялась с кровати, тепло оделась и отправилась в экипаже на встречу с Екатериной. Та вызвала ее запиской на тайное свидание и просила приехать незамеченной и воспользоваться черным ходом. Была полночь, когда она достигла деревянного дворца на Мойке и, оставив экипаж на некотором расстоянии от императорской резиденции, чтобы ее не увидели в столь поздний час, прошла пешком к входу для слуг и к «маленькой лестнице», ведшей к апартаментам великой княгини. Катерина Богородская, горничная, которой Екатерина полностью доверяла, встретила гостью и проводила ее по темным коридорам дворца в будуар великой княгини, где Екатерина ждала ее в постели. Она, казалось, была удивлена тем, что Дашкова, больная и дрожащая, решилась выйти из дома в такую холодную ночь, и пригласила ее лечь в постель согреть ноги. Это была первая из трех ночей, описанных Дашковой, когда она делила постель с Екатериной.

Степень их физической близости и то, какую роль это играло в их отношениях, определить трудно[95]. На эмоционально насыщенные отношения женщин оказывали влияние литературные образцы. Возникающие между женщинами чувства красноречиво описаны, например, в страстных письмах Юлии д'Этанж ее кузине и наперснице Кларе в эпистолярном романе Жан Жака Руссо «Новая Элоиза» (1761). Они отлично характеризуют выражение дружбы между молодыми женщинами того времени — традиционный для XVIII века мир эмоций, поцелуев и объятий, выраженный на языке чувств. Язык этот был часто условным, выученным, приобретенным в основном чтением модных авторов.

В этом случае Дашкова рисует себя, в отличие от господствующей и подавляющей Екатерины, почтительной, уступчивой и подчиняющейся, восклицающей: «Приказывайте, повелевайте мною!» После этих слов Екатерина взяла ее руку, прижала к сердцу и заверила Дашкову: «Со всей искренностью и полным доверием к вам я говорю, что у меня нет никакого плана». Восторженная и полностью доверившаяся восемнадцатилетняя женщина поклялась в абсолютной преданности старшей подруге и позже в своих «Записках» описала, как Екатерина «бросилась в мои объятия, и несколько минут мы сидели, прижавшись друг к другу» (30/50). Лишь потом Дашкова узнает, что Екатерина не была с ней откровенной, что

ею манипулировали и что к тому времени серьезный план уже разрабатывался с людьми, о которых Дашкова ничего не знала. Гораздо позже в письме к Кэтрин Гамильтон Дашкова охотно признала, что в юности была слишком наивной и слишком хорошо думала о человеческой природе[96].

Императрица Елизавета умерла 25 декабря 1761 года. На трон взошел ее племянник Петр III, который правил лишь шесть месяцев. При воцарении Петра Михаилу Воронцову удалось сохранить свой пост великого канцлера, и все Воронцовы — за знаменательным исключением Дашковой — поддерживали государя. Состояние Романа Воронцова увеличилось, он получил звание генерала. Его сына Александра назначили полномочным министром (послом) при британском дворе, а немного позже — послом в Голландию. Главной причиной попадания Романа в фавор при дворе были отношения между его второй дочерью Елизаветой и государем. Екатерина лаконично описывает ситуацию при дворе: «Намерения Петра Третьего не были более тайной. Они состояли в том, чтобы вывести гвардейские полки и привести в город его голштинские войска, заточить меня (один раз приказ арестовать ее уже был отдан, но затем отменен. — *А. В.-Д.),* жениться на его любовнице, графине Воронцовой, переменить веру и произвести тысячу других перемен»[97].

Недовольство Дашковой Петром отражало чувства многих, особенно тех, кто хотел видеть Екатерину на троне как регентшу при малолетнем сыне Павле. Несмотря на многочисленные приглашения, Дашкова предпочитала не появляться при дворе, ссылаясь на плохое здоровье, пока сестра Елизавета не послала ей письмо, в котором объяснила, что Петр не верит в ее недомогание. Уверенная в своем интеллектуальном превосходстве и гордая им, Дашкова не могла в то же время не завидовать высокому положению сестры. Боясь последствий выказываемого государем недовольства, она появилась при дворе и, согласно «Запискам», была немедленно атакована Петром. Дашкова едва могла поверить своим ушам, когда Петр велел ей не игнорировать его и собственную сестру, поскольку он вознамерился жениться на Елизавете, как только избавится от жены. Согласно Екатерине, Петр «хотел переменить веру, жениться на Лизавете Воронцовой, а меня заключить в тюрьму»[98]. Без сомнения, он сослал бы Екатерину в монастырь — традиционное место для неугодных при царском дворе женщин. Андрей Болотов писал о «чрезвычайной и непомерной любви»[99] государя к Воронцовой. Однако в преданности Петра Елизавете можно усомниться после описания М. М. Щербатовым ухищрений, к которым прибегал государь, чтобы скрыться от

любовницы и провести ночь с княгиней Куракиной[100]. Елизавета отнюдь не была привлекательной женщиной, способной увлечь императора и надолго приковать к себе его внимание. Екатерина, которую, правда, нельзя назвать в данном случае беспристрастной, отзывается о Елизавете уничижительно, сравнивая с нею Дашкову: «Она была младшей сестрой любовницы Петра III, и 19 лет от роду, более красивая, чем ее сестра, которая была очень дурна. Если в их наружности вовсе не было сходства, то их умы разнились еще более: младшая с большим умом соединяла и большой смысл; много прилежания и чтения, много предупредительности по отношению к Екатерине привязали ее к ней сердцем, душою и умом»[101]. Панин также писал: «Его [Петра] любовница, фрейлейн Воронцова, была уродлива, глупа, надоедлива и неприятна»[102].

Члены семьи Воронцовых не одобряли связь Елизаветы с Петром безоговорочно, хотя она и предоставляла им доступ к императору. Большинство из них терпеть не могли скандалов, а русское общество XVIII века могло вынести многое, если дело не доходило до скандала. К сожалению, Елизавета была известна своим истеричным поведением при дворе. Екатерина описывает в мемуарах ревность Елизаветы после сильной ссоры с Петром: «На другой день, после обеда часу в пятом она прислала ко мне письмо, прося меня, дабы я для Бога самого пришла к ней… Я пошла к ней и нашла ее в великих слезах; увидя меня, долго говорить не могла; я села возле ее постели, зачала спросить, чем больна; она, взяв руки мои, целовала, жала и обмывала слезами»[103]. В другом случае она устроила сцену, отказавшись носить портрет Екатерины, положенный ее фрейлинам, и настаивая на портрете Петра[104].

Михаил Воронцов считал поведение племянницы позорным пятном на имени семьи, он устал от ее истерических сцен при дворе. Александр писал, что связь его сестры была «неприятна для моей семьи», он сожалел о ее репутации распущенной, неуравновешенной женщины[105]. В автобиографии он, правда, попытался реабилитировать сестру и защитить ее доброе имя, утверждая без всякого основания, что отношения между Елизаветой и Петром «можно характеризовать как платонические»[106]. Дашкова была менее снисходительна и критиковала Елизавету за то, что та думала только о себе, о Петре, о своих удовольствиях, но не о своей семье — и Михаил Воронцов согласился с этим. В конце концов, Дашкова не могла понять, почему Петр предпочел грубую и непривлекательную сестру разумной, остроумной, благопристойной и красивой Екатерине. Тем не менее она покорилась странностям своего

крестного и осталась при дворе.

В общем, описание Дашковой царствования Петра нелестно и субъективно. Жизнь при дворе казалась ей нереальной — всё переменилось, люди играли теперь новые, непривычные роли в новых, недавно приобретенных и часто смешных костюмах. В ее описаниях юмор сменяется насмешкой, когда образ маскарада используется для сатиры на Петра и его придворных. Дашкова вспоминает, как, проходя через зал, полный различных сановников, она «решила, что попала на маскарад. Все сменили мундиры, и даже старик князь Трубецкой… был затянут в мундир» (32/52)[107]. Ощущение искусственности и анахронизма передается также в кратком наброске портрета Никиты Панина, который описывается как «немного старомодный, одевавшийся изысканно и носивший парик à *trois marteaux*…[108] всем обликом походивший на придворного Людовика XIV» (35/55).

Даже во время величественной и впечатляющей церемонии похорон Елизаветы поведение Петра выглядело предосудительным и неуместным. Воспитанный в лютеранской вере, он часто не соглашался с православными священниками и демонстрировал им свое презрение и неуважение, редко посещая службы. В отличие от жены, которая «почти ежедневно приходила оплакивать прах своей дорогой тетки и благодетельницы», Петр исполнял другую роль, и его повышенное внимание к внешнему виду офицеров столь же выражало пренебрежение, сколь его насмешки и громкий смех: «Петр III, напротив, появлялся у гроба редко и лишь затем, чтобы пошутить с придворными дамами, поиздеваться над духовными лицами и выбранить офицеров и унтер-офицеров за локоны, галстуки и мундиры» (33/53). Дашкова рисует картину все более непредсказуемого и опасного поведения императора, и ее личная нелюбовь к Петру становится решающим фактором при принятии ею решения поддержать Екатерину. Она не пропускает ни единой возможности представить нового императора в неблагоприятном или смешном виде. Например, она пишет, что Петр откровенно рассказывает о том, как его друг Дмитрий Волков, секретарь Государственного совета, помогал ему в изменнических переговорах с Фридрихом II Прусским. Впоследствии Волков будет усиленно отрицать эти обвинения[109]. Хотя Петр в основном игнорировал своего сына, но однажды он был очень доволен успехами Павла в учении, услышав его ответ на экзамене. За это он повысил наставника сына Никиту Панина в чине до генерала от инфантерии. Однако пожилой дипломат, довольный своей спокойной и удобной жизнью, к удивлению Петра, отказался от такой чести.

Странное поведение государя вскоре стало для Дашковой

личной проблемой. В январе во время смены караула во дворце император разбранил Михаила Дашкова за неправильную расстановку караульных. Столкновение оказалось серьезным, причиной чего могло послужить неудовольствие Петра развивавшимся сближением Екатерины и Дашкова, который выразил ей полную лояльность и желание помочь занять трон. Екатерина вспоминала преданность Дашкова: «При самой кончине Госуд[арыни] Имп[ератрицы] Елисаветы Петровны прислал ко мне князь Михайла Иван[ович] Дашков, тогдашний капитан гвардии, сказать: „Повели, мы тебя взведем на престол“. Я приказала ему сказать: „Бога ради, не начинайте вздор; что Бог захочет, то и будет, а ваше предприятие есть рановременная и несозрелая вещь“»[110].

Беспокоясь о безопасности мужа, сознавая его импульсивность и, возможно, подталкиваемая чувством ревности, Дашкова решила отослать его куда-нибудь подальше от Петербурга. Кажется, она также боялась, что и ее вышлют в Москву, из-за того что ее муж впал в немилость. Во вторую неделю января 1762 года она обратилась к дяде и сестре с просьбой помочь получить для Михаила Дашкова назначение за границу. Их усилия увенчались успехом, и, к ее большому удовлетворению, Дашкова узнала, что муж должен немедленно отправиться послом в Константинополь. В феврале он уехал из столицы в Москву, а затем в свою усадьбу Троицкое, где и оставался до начала июля. Должно быть, он знал, что в столице вскоре произойдут драматические перемены. Пока он ожидал бурных петербургских событий, для его жены единственным противоядием от сердечной боли, вызванной его отъездом, кажется, был заговор. «Я осталась одна, — писала Дашкова, — больная и печальная; силы мне придавали лишь размышления над проектами, которые рождались в моей голове и тут же мною отвергались, но тем не менее занимали меня настолько, что я довольно сносно переносила боль, вызванную разлукой с любимым и уважаемым супругом» (37/56).

Недовольство и презрение к новому императору возрастали и питали жажду перемен. Особенно неприятными для Дашковой было прусское влияние при дворе и поддержка Петром Фридриха Великого. Петр планировал непопулярную войну с Данией в интересах своего родного Гольштейна. Поэтому он приказал прекратить боевые действия против Пруссии и согласился на невыгодное перемирие, отдав территории, завоеванные русской армией в тяжелых боях. В это же время, 11 апреля 1762 года, Екатерина родила сына Алексея, отцом которого был не Петр, а Григорий Орлов, поэтому сын получил титул графа Бобринского.

Соглашение с Пруссией было подписано 5 мая, и вскоре, 9 июня, Петр дал большой праздничный банкет, на котором, под звуки пушек, предложил три тоста: за императорскую семью, за прусского короля и за мир. Считая, что она является членом императорской семьи, Екатерина не встала, но Петр, видимо, посчитал, что она оскорбила тем его идола Фридриха II; в гневе он оскорбил ее публично, назвав дурой, отчего Екатерина разрыдалась.

«Предательский» союз Петра с Пруссией против австрийцев и его ужасное отношение к жене укрепили решимость Дашковой. Она часто встречалась с Робертом Кейтом, очень критично относившимся к императору британским посланником, о котором она сказала: «Этот почтенный старик любил меня как дочь» (33/53). Из-за ее частых встреч с дипломатами и официальными лицами других стран Дашкову стали подозревать в том, что она находится на содержании иностранных держав. Хотя ей хронически не хватало денег, она заявляла, что никогда не брала денег ни у англичан, ни у французов, ни у кого-либо еще. И все же растущие долги, главным образом из-за расточительного образа жизни мужа, заставляли ее соблюдать строгую экономию. «Я вообще тратила очень мало: только на содержание очень умеренного стола для себя, дочери и прислуги, платья же носила, полученные еще в приданое» (42/60).

Она участвовала в заговоре вместе с друзьями мужа, молодыми офицерами Преображенского, Измайловского и Семеновского полков гвардии, которые также были разочарованы правлением Петра. Среди них были те, кто затем сыграет важную роль в перевороте: Петр Пассек, Сергей Бредихин и братья Николай и Александр Рославлевы. Дашкова помогла склонить на сторону заговорщиков Кирилла Разумовского, хотя похоже, что Екатерина, Орловы или Панин переманили его на свою сторону еще раньше, с тем чтобы во время переворота он привел им на помощь свой Измайловский полк. Очень влиятельная персона, он был обязан своей карьерой и должностями фельдмаршала, гетмана Украины и президента Академии наук любовной связи (и, согласно некоторым источникам, тайному браку) его брата Алексея с императрицей Елизаветой. Кроме того, Дашковой удалось привлечь к заговору одного из самых важных его участников — своего родственника Никиту Ивановича Панина.

Если Екатерина заменила ей мать, которую она никогда не знала, то Панин заменил отца, который всегда отсутствовал. Широко образованный человек либеральных взглядов, он сыграл главную роль в развитии политических взглядов Дашковой. Панин был дипломатом, государственным деятелем и русским

послом в Швеции. За два года до переворота он был отозван в Россию и назначен наставником (обер-гофмейстером) великого князя — пост, который он занимал до первой женитьбы Павла в 1773 году. Его назначение было большой победой Воронцовых над придворной группировкой Шуваловых, которые пытались назначить на эту должность Ивана Шувалова. Как наставник будущего императора, Панин надеялся (как оказалось, зря) воплотить в Павле идеал просвещенного монарха, дав ему соответствующее образование, научив читать труды французских просветителей и понимать европейскую историю так, как она описывалась, в числе прочих, шотландским историком Уильямом Робертсоном. Робертсон сыграет центральную роль в образовании сына Дашковой, которая тоже восхищалась им. Кроме того, Панин покровительствовал некоторым ведущим русским писателям — А. П. Сумарокову, И. Ф. Богдановичу и Д. И. Фонвизину — и приглашал их читать только что написанные сочинения великому князю. Позже он в течение почти двадцати лет возглавлял Коллегию иностранных дел. Во взглядах Панина, вероятно, нашла наиболее законченное выражение политическая программа либерально настроенного дворянства[111]. Он был автором «Манифеста об учреждении императорского совета и разделении Сената на департаменты» и «Рассуждения о непременных законах». В своих трудах он противостоял деспотизму и описывал модель идеального государства, в котором власть разделена на законодательную, исполнительную и судебную. Будучи послом в Швеции, он познакомился со шведской формой конституционной монархии и стал ее твердым сторонником. По возвращении в Россию Панин пытался ограничить самодержавное правление, чтобы установить нечто вроде просвещенного абсолютизма. На форму и выражение его мыслей оказал существенное влияние труд Монтескье «О духе законов» — произведение, которое Дашкова и Екатерина также читали с воодушевлением[112].

Дашкова обсуждала с Паниным необходимость реформ, ее политические идеи также были основаны на главном принципе Монтескье: индивидуумы имеют фундаментальные права, которые необходимо защищать от деспотизма и бесконтрольной власти правительства. Она разделяла мечты Панина о том, что когда-нибудь Россия будет управляться законом и конституцией, хотя ей казалась более подходящей английская модель, нежели шведская. Однако взгляды Дашковой не были демократическими по духу, прочно укореняясь в патриархальных и иерархических реалиях России XVIII века: «Каждый благоразумный человек, знающий, что власть, отданная в руки толпы, слишком порывиста или слишком неповоротлива, беспорядочна вследствие

разнообразия мнений и чувств, желает ограниченного монархического правления с уважаемым монархом, который был бы настоящим отцом для своих подданных и внушал бы страх злым людям; человек, знакомый с изменчивостью и легкомыслием толпы, не может желать иного правления, кроме ограниченной монархии с определенными ясными законами, и государем, уважающим самого себя и любящим и уважающим своих подданных»[113].

Ее недоверие к монархии не перешло в желание ее отмены. Хотя она и бросила вызов абсолютизму, это было прежде всего стремление ограничить его конституционными правами и политической автономией дворянства. Просвещенный монарх должен был внедрять перемены сверху при поддержке и активном участии образованного дворянства.

Дашкова была, безусловно, очень близка к Панину и открыла ему масштаб заговора против Петра, всех его участников, свои собственные схемы, мысли и проекты. Панин поддерживал Екатерину, но совершенно справедливо утверждал, что императрица не имела законного права наследовать российский трон и что Павел должен быть объявлен государем, а ей следует ограничиться ролью регентши. Остановленный в своих попытках сделать Екатерину регентшей при малолетнем сыне и основать дворянский совет, который бы рассматривал и подписывал ее декреты, он сосредоточился на «малом дворе» Павла. Там он возглавлял группу аристократов, не согласных с политикой Екатерины.

В свое время, из-за тесной связи Дашковой с этой оппозиционной группой, лизоблюды из окружения Екатерины сделают все возможное, чтобы высмеять и опошлить ее близкие отношения с Паниным. Она предполагала, что наперсница Екатерины Мария Травина ловко распространила при дворе злобную сплетню о том, что перед отъездом послом в Швецию Панин имел любовную связь с матерью Дашковой и что он — ее подлинный отец. Другие с радостью передавали дальше эту пикантную «информацию». Сэр Джордж Макартни, например, в депеше 1765 года писал: «В свете считают, что г-н Панин — ее [Дашковой] настоящий отец»[114]. Орловы и все те, кто хотел дискредитировать группировку Панина, распространяли сплетню дальше, украшая ее инсинуациями о любовных отношениях Панина и Дашковой, несмотря на разницу в возрасте в двадцать пять лет[115]. Любовь Панина к молодым женщинам, часто отвлекавшая его от придворных обязанностей, была хорошо известна; у него, например, была связь с кузиной и ровесницей Дашковой Анной Воронцовой[116]. Рюльер и Казанова писали, что

Панин страстно любил Дашкову, и это же повторил лорд Бэкингемшир: «Княгиня Дашкова — фаворитка его [Панина] сердца; многие гадают — как его дитя или как любовница»[117]. Семья Воронцовых также подозревала, что они были любовниками. Михаил Воронцов дважды говорил об этом в письмах Александру, замечая, что Панин, «к его позору, страстно любит и боготворит Дашкову» и что он «слепо превращается в раба ее»[118].

Дашкова возражала и была сильно обеспокоена тем, что эти слухи позволили «одним называть этого уважаемого человека моим любовником, другим — моим отцом и утверждать, что он был возлюбленным моей матушки… Но довольно о сем предмете, вспоминать об этом мне тяжело даже теперь» (36/55). Французский посланник М. Беранже сомневался в увлечении Дашковой Паниным и писал 16 июля 1762 года: «Панин был безумно влюблен *(amoureux fou)* в Дашкову. Но он не был во вкусе этой молодой женщины, никогда не притворявшейся целомудренной весталкой, в которой, однако, амбиции доминировали над всеми другими чувствами»[119]. Хотя Дашкова и писала, что не была любовницей ни Панина, ни кого-либо еще, между ними существовали тесные отношения, мотивированные как политически, так и лично. Влечение Панина к Дашковой было очень важно для нее, поскольку в ряде случаев он защищал ее, и позже его заступничество перед Екатериной позволило Дашковой выйти из опалы. Но, в конце концов, связь Дашковой с группой Панина, а также с другими недовольными дворянами, ее явная критика братьев Орловых поставили ее перед лицом подозрений, преследований и постоянной слежки.

Глава третья
ПЕРЕВОРОТ

Участие в государственном перевороте 1762 года определило все будущее Дашковой, обозначив ее выход на мировую политическую сцену. В эту ночь ей понадобились юношеские навыки поведения на маскараде, умение играть мужские и женские роли. Переворот повлиял на дальнейшую историю ее публичной и частной жизни, которая оказалась отнюдь не историей успеха в традиционном смысле. В ней были и потеря воронцовской группировкой завоеванного с большим трудом доминирующего положения при дворе, и разлад Дашковой с большинством членов ее семьи, и, в конце концов, ссора с Екатериной.

Месяцы, предшествовавшие перевороту, были трудным и

опасным временем для Дашковой. Кульминацией его стало ужасное и зловещее событие, которое не сулило ничего хорошего в будущем. Она жила одна с детьми, проводя время за писанием писем мужу в Троицкое и чтением всего, что могла найти про мятежи и революции. С помощью отца она приобрела маленькое летнее имение на болотистом и густо поросшем лесом участке земли в двух с половиной верстах от города на Петергофской дороге, недалеко от дачи Романа Воронцова[120]. Петергофская дорога была главным путем, по которому экипажи дворян и русских монархов направлялись из Петербурга в Петергоф, Ораниенбаум или Кронштадт. По словам современников, Петергофская дорога в то время начала напоминать прекрасный путь из Парижа в Версаль с красивыми усадьбами, построенными по сторонам.

Из-за недостатка средств Дашкова не жила на этой земле еще десять лет и построила здесь усадебный дом только через двадцать — в 1783 году. Она назовет свою дачу Кирианово. В ее автобиографии это темное, холодное, болотистое место постоянно ассоциируется с несчастьем. Дашкова рассказывает, как однажды, исследуя купленный участок, она угодила в глубокое болото и так серьезно простудилась, что слегла в горячке. Несколько дней она была прикована к постели, ее посещали члены семьи и друзья, среди них Никита Панин. Екатерина, со своей стороны, в мягкой родительской манере пожурила Дашкову за неудачу: «Очень жаль, что боль в горле мешает Вам прийти ко мне и я лишена удовольствия поболтать с Вами. И охота Вам было разыгрывать роль болотной нимфы? Меня сильно подмывает выбранить Вас, но останавливают воспоминания собственной юности. Когда мне было 19 лет, я сама испытывала необычайное пристрастие к подобного рода выходкам. И вот в наказание за Ваше легкомыслие извольте испытать горечь сознания, что с возрастом такие вкусы исчезают»[121].

Первые мысли Дашковой о возможном перевороте, видимо, пришли ей в голову весной 1762 года, около того времени, когда она встретила Григория Орлова. В то лето двор отправился в Петергоф и Ораниенбаум, а Дашкова осталась в городе, отдыхая от светских собраний и развлечений и продолжая встречаться с собратьями-заговорщиками. Британский посол Роберт Кейт писал о времени, непосредственно предшествовавшем перевороту: «Самым удивительным из всего было то, что местом встречи [заговорщиков] был дом княгини Дашкофф, молодой леди не более двадцати лет от роду»[122].

В «Записках» Дашкова рассказывает, как Григорий Орлов

пришел к ней домой после полудня 27 июня и сообщил, что заговор раскрыт, а капитан Пассек арестован. На самом деле, Дашкова знала, что ее информация неверна, поскольку события 1762 года начались ближе к ночи, а Пассек был арестован в девять часов вечера. Эта деталь связана с тем, что она была вынуждена соблюдать правила приличия: в ту ночь у нее был Панин, а во время написания автобиографии она знала о придворных сплетнях, выставлявших Панина ее любовником. Значит, присутствие его у нее в доме среди ночи было бы неприлично, и Дашкова сдвинула время на более раннее. В длинном письме, сочиненном сразу после переворота, Дашкова точно утверждает, что Орлов появился в одиннадцать часов[123].

Это был, продолжает Дашкова в «Записках», второй визит Орлова за два дня. Он сообщал, что войска в городе проявляют все больше беспокойства. Дашкова написала записку жене Василия Шкурина, постельничего Екатерины, с приказом послать наемный экипаж в Петергоф, где жила Екатерина, чтобы та смогла тайно вернуться в столицу[124]. Он будет готов при необходимости вернуть императрицу в город, чтобы она могла принять командование гвардейскими полками, — что и было сделано ранним утром 27 июня. Дашкова заявила, что Панин не видел необходимости в таких мерах и что его участие было в основном пассивным и нерешительным. В своей версии событий Панин утверждал, что это он, а не Дашкова, отдал предварительные приказы, чтобы начать первую фазу переворота, и именно он послал карету с шестеркой лошадей в Петергоф[125]. Во всех остальных моментах рассказы Дашковой и Панина очень схожи. Главное расхождение в историях трех важнейших свидетелей переворота — Дашковой, Панина и Екатерины — касается вопроса, кто его начал и кто был в его центре. Кроме того, различается тон всех трех повествований: императрица Екатерина победительна и бесцеремонна; Панин спокоен и скромен; Дашкова же, стремившаяся вернуть себе надлежащее место в истории, упорно настаивает на значительности своей роли и надеется убедить читателя, погружаясь в детали. В конце концов, Екатерину в Петербург доставили именно Орловы — сначала Алексей, затем Григорий. Они и были главными заговорщиками, поэтому Дашкова никак не могла претендовать на такое положение.

Пока все мешкали, продолжает Дашкова, она немедленно надела мужской плащ и отправилась пешком предупредить братьев Николая и Александра Рославлевых, офицеров Измайловского полка. Николай позже будет отправлен в ссылку на два года за участие в деле Хитрово (предположительной

попытке свергнуть Екатерину), в котором Дашкова тоже была замешана. По дороге она наткнулась на Алексея Орлова, мчавшегося во весь опор от дома Рославлевых. Хотя до этого они не встречались, необычный вид женщины в мужском плаще на улице посреди ночи, должно быть, удивил Алексея. Он остановился и сообщил ей, что дело началось и пути назад нет. Дашкова убедила его вернуть некоторых офицеров — среди них Михаила Ласунского, Евграфа Черткова и Сергея Бредихина — в казармы и велела Орлову немедленно скакать в Петергоф, чтобы привезти Екатерину обратно в столицу.

Она вернулась домой взволнованная и разочарованная. Она заранее придумала, какой костюм наденет — как будто речь шла о «бале превращений». Теперь женская одежда мешала ей играть роль заговорщика, поскольку, к ее огромному разочарованию, «горничная доложила, что портной еще не принес мне мужское платье» (51/68). Поэтому «я горела желанием ехать на встречу императрицы; но стеснение, которое я чувствовала от моего мужского наряда, приковало меня, среди бездействия и уединения, к постели» (52/-)[126]. Чтобы не возбуждать подозрений, Дашкова легла в постель, но не могла спать и тут же вскочила, когда услышала, как Федор Орлов, младший из четырех братьев, постучал в парадную дверь. Панин неточно рассказывал: «Алексей Орлов упал духом и вместо того, чтобы ехать прямо в Петергоф, он (на самом деле Федор. — *А. В.-Д.)* вернулся к дому княгини Дашковой в четыре часа утра узнать, нет ли изменений в плане, и он, наконец, отправился только после того, как княгиня приказала ему немедленно поторопиться и предупредить императрицу обо всем»[127]. Дашкова вернулась в постель, но в течение этой бессонной ночи ее мучили образы того, что могло ожидать ее и ее соратников, если переворот не удастся и все они попадут на эшафот: «Екатерина, идеал моей фантазии, представлялась бледной, обезображенной… умирающей, жертвой более, возможно, нашей любви к ней, чем нашей безрассудности. Я рисовала в голове картину судьбы, которая могла ожидать меня, и моим единственным утешением было то, что я также буду предана смерти, как все те, кого я вовлекла в свою погибель» (52/-)[128].

Пока Дашкова ворочалась в постели в сомнении и страхе, Алексей Орлов, наконец, прибыл в Петергоф. Утром 28 июня 1762 года он разбудил Екатерину, которая спала в павильоне «Монплезир» в Петергофе, усадил ее в ожидавший экипаж и вместе с братом Григорием повез как можно быстрее в столицу, чтобы заручиться поддержкой Измайловского, Семеновского и Преображенского полков гвардии. Затем Екатерина проехала по

Невскому проспекту к Казанскому собору, где приняла участие в благодарственной службе, получила благословение церковных иерархов и была провозглашена российской императрицей. Тех, кто был против или хотел видеть ее только регентшей, заставили замолчать или арестовали. Несколько офицеров Преображенского полка последовали примеру Петра Измайлова и Петра Воейкова и остались верными императору. Среди них был брат Дашковой Семен, который сначала попытался напомнить своим подчиненным, что они присягали Петру III, а затем бросился в Ораниенбаум на помощь императору. Арестованный своими солдатами, он был приведен в Зимний дворец и провел там в заключении одиннадцать дней[129]. Другие оставшиеся верными Петру офицеры Преображенского полка были арестованы вместе с Воронцовым.

Дашкова не поспешила встать на сторону Екатерины в ту ночь. Из-за того, что она не осознавала всей серьезности ситуации, или потому, что боялась ее последствий, она не присутствовала при начальных, решающих стадиях переворота. Теперь, при ясном свете дня, ей более не нужно было переодеваться мужчиной. Поэтому в шесть часов утра Дашкова надела платье, которое она обычно носила в торжественных случаях, и поспешила в Зимний дворец, где проходила церемония приведения к присяге. Это было смелое решение, она рисковала жизнью, но пути назад уже не было — она была вовлечена в заговор слишком глубоко. Когда она прибыла, толпа сторонников приветствовала ее, солдаты подняли ее и на руках внесли в переднюю к Екатерине, после чего две женщины в энтузиазме обнялись. Без лишней суеты Дашкова сделала все, чтобы взять под контроль этот символический момент, переиначив цвета, костюмы, ранги. В ту ночь Никита Панин отправился в Летний дворец, чтобы быть с великим князем Павлом, затем проследовал в Казанский собор, а оттуда в Зимний дворец. Дашкова подошла к нему и сняла с его плеча голубую ленту ордена Святого Андрея Первозванного. В то время жены императоров не всегда носили знаки орденов, но Екатерина была теперь императрицей, и Дашкова церемонно надела на нее ленту. Чтобы освободить место для нового украшения, Екатерина сняла орден Святой Екатерины, который носили только женщины[130], и Дашкова положила его в карман. Этот символический жест понравился бы Екатерине, если бы не самоуверенность и нахальство инициативы Дашковой.

Было решено отправиться в Петергоф, чтобы заняться императором, и обе женщины нуждались в соответствующих хорошо подобранных костюмах. Они нашли офицеров примерно их комплекции, и Екатерина оделась в мундир поручика

Семеновского полка Александра Талызина, а Дашкова одолжила мундир Преображенского полка у Михаила Пушкина. Последний был двоюродным дедом А. С. Пушкина и довольно яркой личностью. Дашкова как-то спасла его от последствий сомнительных деловых махинаций. Позже его обвинят в выпуске поддельных банкнот и приговорят к каторжным работам в Сибири, где он и умрет. Выбранные ими мундиры были старого, традиционного фасона. Петр Великий ввел относительно простую, без украшений офицерскую форму Преображенского полка. Зеленый, похожий на солдатский, мундир имел золотые галуны, офицерский знак в виде полумесяца на груди и трехцветный шарф (пояс). Подразумевая, что выбранный ею мундир представляет славное прошлое России, Дашкова, на самом деле, перечеркнула некоторые ошибки, совершенные Петром III и его пропрусской политикой: «Замечу, кстати, что на мне был прежний мундир Преображенского полка, который носили со времени Петра I и который Петром III был изменен на форму прусского образца. Но что удивительно, с того момента, как императрица прибыла в Петербург, солдаты поснимали свои новые прусские мундиры и надели старую форму, добытую Бог знает откуда и как» (54/70).

Облачение в военную форму придало девятнадцатилетней Дашковой новую подвижность и авторитет ее действиям во время переворота. Однако не все одобряли ее превращение в офицера. Михаил Бутурлин рассказывал, как вечером 28 июня Дашкова, одетая в мундир, но без шляпы, выехала в Измайловский полк. Затем она попросила своего родственника В. С. Нарышкина, офицера этого полка, дать ей свою шляпу. Он категорически отказался и добавил: «Ишь, бабе вздумалось нарядиться шутихой, да давай ей еще и шляпу, а сам стой с открытой головой!»[131] Действия Дашковой, на самом деле, могли показаться самозванством офицерам, одетым так же, как она, и совершающим мужские поступки на исторической сцене. Дашковой, однако, это не казалось предосудительным, поскольку она часто воображала себя юношей: «И вот, похожая на четырнадцатилетнего мальчика, я стою в офицерском мундире, с лентой на плече, в одной шпоре» (61/76)[132]. Когда Екатерина проводила заседание совета, Дашкова без всякого смущения и с чувством театральности происходящего ворвалась в Сенат и стала нашептывать свои рекомендации на ухо императрице. «В мундире я имела вид пятнадцатилетнего мальчика, и им [сенаторам] должно было показаться странным, что такой молодой гвардейский офицер, которого они прежде не знали и не видели, посмел войти в это святилище» (54/70). Но как только ее имя

было названо, все собравшиеся встали, чтобы ее поприветствовать. «Я покраснела и отклонила от себя честь, которая так мало шла мальчику в военном мундире» (54/-)[133], — пишет польщенная Дашкова. Несмотря на ее мальчишество, офицерский мундир подчеркивал беспрецедентную власть и влияние, которые были связаны с мужской одеждой и невозможны без нее.

Чтобы завершить захват власти, вечером 28 июня Екатерина была готова отправиться маршем на Петергоф. Оседлав лошадей и осмотрев войска, две женщины отправились на возможную битву с голштинской армией Петра. Екатерина командовала конной гвардией, тремя пехотными полками гвардии, полком гусар и двумя дополнительными полками пехоты. Пехота находилась в авангарде. Хотя и совершенно серьезный, этот поход все же напоминал бал-маскарад, поскольку, в отличие от обычной иерархии, возглавлялся женщинами. Дашкова была верной сторонницей Екатерины, но все это казалось ей нереальным — ночные приготовления и маневры, опасность, новый и незнакомый путь, по которому они шли с решимостью и сомнением, готовность к бою и смешанное чувство законности и незаконности их предприятия. Петра нужно было свергнуть во благо России, но у Екатерины не было законных прав на трон. Все же женщины брали верх и побуждали остальных к столь необходимым переменам. На короткое время Дашкова почти сравнялась с императрицей; позже она едва могла поверить, что скакала рядом с Екатериной, в офицерском мундире и с намерением свергнуть правительство. Это был один из моментов российской истории, имевших далекоидущие последствия для развития империи, хотя знаменитый историк Василий Ключевский, например, пренебрежительно назовет его «женской революцией».

В ту ночь переодевание и смена гендерных ролей драматически соединились в главных событиях 1762 года, когда обе женщины играли мужские роли в атмосфере двусмысленности и инверсии когда-то жестких социальных и политических понятий. Женщины шли в поход на Петра III: Екатерина выступила против мужа, Дашкова — против крестного отца. Как Екатерина, женщина, которую Дашкова ставила выше всех других, собиралась лишить трона своего супруга, так и Дашкова захватила положение и власть своего брата, присвоив мундир и полномочия офицера Преображенского полка. Их действия представляли собой низвержение мужских авторитетов, подразумевая, однако, признание мужской силы и влияния, которые смогли отменить, хотя бы на время, установленные

гендерные роли, восстановить попранную справедливость и начать преобразование общества. Дашкова осуществляла свои мечты, влияя на перемены посредством военной силы, скача рядом с Екатериной, ныне главнокомандующей, а вскоре и государыней. Дашкова вела людей, и пока она командовала войсками, одетыми в форму полка ее брата Семена, тот сидел под арестом. Семен, который был отпущен 8–9 июля, только после смерти Петра, был гордым, строгим и несгибаемым человеком, когда дело касалось вопросов чести[134]. Он никогда не простил сестру за бесчестье, которому она подвергла его в ту ночь. Освободившись из-под ареста, он ушел из гвардии[135].

Пока ее брат сидел в заключении, беспомощный и злой, Дашкова верста за верстой двигалась по Петергофской дороге. Она была единственной женщиной во впечатляющем окружении Екатерины, которое включало князя Трубецкого, графа Бутурлина, графа Разумовского, князя Волконского, генерал-квартирмейстера Вильбуа и графа Шувалова. В два часа ночи они достигли «Красного кабачка» — придорожной гостиницы, которая, согласно Дашковой, «была действительно не чем иным, как жалким кабаком» (55/70)[136]. Она очень нуждалась в отдыхе, поскольку мало спала в предыдущую ночь. Поскольку в доме была только одна кровать, «ее величество решила, что нам обеим можно на ней отдохнуть не раздеваясь» (55/70). В отличие от первой ночи, проведенной ими вместе, теперь Дашкова проявляла энергию и — властность. Пока Екатерина сохраняла свое положение центра власти, Дашкова в офицерском мундире была гораздо более активна и гораздо менее зависима. Она взяла шинель полковника Василия Кара и застелила ею грязную постель, а затем обеспечила безопасность Екатерины, поставив часовых у дверей.

Екатерина в своих мемуарах также вспоминает эту ночь. Она разделяет дашковское чувство равенства и солидарности, но дополнительно вводит веселый, компанейский тон. Говоря о себе в третьем лице, она пишет: «[Екатерина] лежала неподвижно, чтобы не разбудить княгиню Дашкову, спавшую возле нее; но, повернув нечаянно голову, она увидела, что ее большие голубые глаза были открыты и обращены на нее, что заставило их громко расхохотаться тому, что они считали одна другою заснувшею и взаимно одна другой оберегали сон»[137].

В кровати они, предположительно, читали подготовленный Екатериной манифест и мечтали о будущем. Обсуждая их отношения, Герцен спрашивал: «Где это время, когда они лежали под одним одеялом на постеле, и плакали, и обнимались, или мечтали на шинели полковника Кара целую ночь о

государственных реформах?»[138] Наблюдение Герцена очень уместно, поскольку в «Записках» дружба и солидарность, существовавшие между двумя женщинами, наиболее ясно выражены именно в той сцене, где Дашкова и Екатерина лежат в одной постели.

Сначала Петр ничего не знал о событиях, происходивших в Петербурге, и готовился в Ораниенбауме праздновать свои именины вместе с большей частью семьи Дашковой. Там присутствовали ее отец, дядя с женой и дочерью, теперь графиней Строгановой, и, конечно, сестра. Они все остались верными императору, когда узнали о перевороте, и сопровождали его, когда он беспомощно пытался организовать ответные меры. Петр выслал своих послов навстречу наступавшей Екатерине. Сначала они требовали покорности, затем соглашались на примирение, затем стали умолять, поскольку поддержка Петра таяла и многие бывшие его соратники переметнулись на другую сторону. Но Роман Воронцов и Елизавета остались вместе с императором, когда тот поплыл в Кронштадт, где комендант крепости адмирал Иван Талызин не позволил ему высадиться и отправил обратно.

Михаил Воронцов, однако, не присоединился к ним, поскольку ранее вызвался убедить Екатерину и был послан к ней с письмом и надеждой «обратиться к совести» решительной и воинственной супруги Петра. Когда его миссия провалилась, Воронцов подал Екатерине бумагу о своей отставке, в которой, согласно Дашковой, он заявил о невозможности для него присягнуть Екатерине, предав тем самым Петра, пока тот жив: «Видя, что ему не удастся переубедить императрицу, отказался принести присягу Екатерине… и удалился в свой дворец» (55/71). Некоторые члены семьи повторили версию об отказе Воронцова перейти под власть Екатерины, однако, поскольку Воронцов еще оставался некоторое время канцлером, очень маловероятно, что он отказался присягнуть императрице. Согласно свидетельским показаниям придворного ювелира Ж. Позье, Воронцов прибыл как посланник Петра, встретился с Екатериной и передал претензии императора. Он также попросил отложить его приведение к присяге до написания им и отсылки императору полного доклада о его миссии. Затем его арестовали и два офицера вывели его. В письме Понятовскому от 2 августа 1762 года Екатерина объяснила, что Воронцов на самом деле был препровожден в церковь для принятия присяги[139].

Вице-канцлер Александр Голицын также был послан к Екатерине с письмом, но предложение Петра начать переговоры осталось без ответа. Во втором письме Петр отрекся от российского трона, соглашаясь сдаться и прося разрешить ему

отбыть в Гольштейн со своей «фрейлейн» Елизаветой Воронцовой[140]. Его просьбы были отклонены, и, наконец, Александр Голицын, Григорий Орлов и Михаил Измайлов заставили его подписать отречение без всяких условий. Никита Панин лично наблюдал за арестом Петра «для его же безопасности», Петр жалостливо пытался поцеловать ему руку, а Елизавета упала на колени и просила позволения остаться со своим любовником. Это тоже разрешено не было, и побежденного императора заточили в близлежащем поместье Ропша, расположенном в 25 верстах от Петербурга.

Несмотря на презрение, которое Дашкова чувствовала к своему крестному, она сохранила и долю симпатии к нему: «Он не был злым; но его ограниченность, недостаток воспитания, интересы и природные склонности свидетельствуют о том, что из него вышел бы хороший прусский капрал, но никак не государь великой империи» (56/72). В ее глазах именно интеллектуальная ограниченность и грубая натура Петра не позволили ему должным образом править империей, и поэтому главной целью заговора было смещение Петра с российского трона. Она разделяла мнение Панина о том, что власть должна перейти к Павлу, а Екатерине следует быть регентшей, пока ее сын мал. В конце концов, Екатерина была узурпатором власти и не имела никаких законных оснований занимать трон. Интересно, что Дашкова опять высказала свои мысли чужим голосом, когда в «Записках» описала взгляды Панина касательно Екатерины. «Согласна с вами [с Паниным], — пишет Дашкова, — что Екатерина не имеет права на трон и по требованиям закона императором должен быть провозглашен ее сын, а ей до его совершеннолетия следует быть регентшей» (45/63). Дидро также заметил, что «княгиня хотела сделать свою подругу [Екатерину] регентшей»[141]. Много позже Дашкова решила опровергнуть утверждение, что она желала воцарения Екатерины. В содержавшем 17 пунктов возражении на рассказ Рюльера о перевороте она прямо заявила: «Я всегда говорила, что императрица могла только стать регентшей до совершеннолетия [Павла]»[142].

Поход завершился мирно, а император письменно отрекся от трона к середине следующего дня. Восставшие не встретили ожидавшегося у Ораниенбаума отпора, и бескровная революция закончилась без единого выстрела. 29 июля 1762 года, в день восшествия Екатерины на престол, погода была жаркой и двери всех постоялых дворов, кабаков и винных погребов были широко открыты для празднования — пиво, водка, вино и шампанское лились рекой. Дашковой не было рядом с Екатериной при

свержении и аресте императора. Вместо этого она, в порыве энтузиазма и все еще одетая в мундир, поспешно отдавала приказы, охраняла винные погреба и проверяла часовых. Это было для нее волшебным временем, но чары разрушились еще до ее возвращения в Петербург. Когда она вошла во внутренние покои Екатерины во дворце, то с удивлением наткнулась на Григория Орлова, который, вытянувшись во весь рост на диване, бесцеремонно рылся в кучах официальных государственных документов. Она немедленно вышла, потрясенная его наглостью. Какое он имел право вторгаться в святая святых императрицы и вламываться в их отношения? «Вернувшись во дворец, я обратила внимание на то, что в комнате, где на канапе лежал Григорий Орлов, был накрыт стол на три куверта» (57/72). Постепенно она начала понимать, и очевидность, хоть и болезненная, была убедительна и неизбежна: «Было очевидно, что Орлов — ее любовник, и я пришла в отчаяние, предвидя, что скрыть этого она не сумеет» (58/73). Дашкова чувствовала, что присутствие Орлова было вторжением — нарушением и разлучением союза, основанного на взаимном уважении и понимании. «Это было неприятное открытие, поскольку вместе с ним исчезли ее мечты об исключительном доверии и романтической дружбе с Екатериной»[143].

Дашкова стала эмоционально зависимой от Екатерины, и теперь, обедая с ней и ее любовником, она чувствовала себя оскорбленной. Ее идеализм и мечты о нерушимой дружбе и безграничном доверии сначала сменились удивлением, а затем неистовым гневом, который будет жить десятилетиями и только усиливаться. Дашкова так и не научилась мирно уживаться с Григорием Орловым или с другими любовниками Екатерины. Она никогда не могла как следует скрыть свои чувства, и ее убеждение, что Орлов не годится для правительственной службы, не было оценено и принято. Напряжение за обеденным столом приведет к продолжительному ревностному соперничеству между Дашковой и Орловыми[144]. В тот день за столом был один лишний, и Орлов использует все свои возможности, чтобы это оказалась Дашкова. В первую очередь он сеял подозрения в ее участии в следующих один за другим придворных заговорах. В результате императрица, известная своей ловкостью, искусно управляла Дашковой и при возраставших подозрениях держала ее в неведении и на расстоянии, используя то награды, то отлучение. Ее манера обращения с Дашковой состояла в наказании длительным изгнанием, а затем в умиротворении денежными дарами или просто ласковым словом. В результате политические и личные отношения Дашковой с Екатериной

осложнились до предела. Со своей стороны, Дашкова настаивала, что никогда не подвергалась длительному, оскорбительному изгнанию и если они с императрицей не всегда могли видеться с глазу на глаз, то только из-за придворных интриг.

Возвращаясь в столицу из Петергофа, Дашкова мучилась смешанными чувствами. Революция оказалась успешной, и она сыграла важную роль в свержении правительства Петра, но одновременно подорвала политическое положение своей семьи на самом подъеме. Ее роль в событиях 1762 года как горячей сторонницы переворота состояла главным образом в собирании сторонников Екатерины и привлечении на ее сторону ряда влиятельных персон. И все же напряжение между двумя женщинами всё возрастало, а непринужденные товарищеские отношения исчезли. Растаяли также и мечты о работе с императрицей для улучшения общества, его трансформации согласно идеям Просвещения, поскольку вниманием Екатерины завладели другие. На полпути в Петербург они остановились отдохнуть в усадьбе Куракина, и третью ночь, которую она провела с Екатериной, Дашкова описала кратко и сухо. Она отмечает этот факт лишь мимоходом: «Мы покинули Петергоф, остановившись по дороге в загородном доме князя Куракина. Императрица и я отдыхали на единственной имевшейся там кровати» (58/73).

Приближаясь к городу, они встречали радостно приветствовавших их людей. Когда же они въехали в Петербург, Дашкова рядом с Екатериной, эмоции переполнили княгиню. Улицы были заполнены толпами, которые кричали под аккомпанемент полковых оркестров и церковных колоколов. Это был момент ее величайшего триумфа, ее молитвы были услышаны, она «почти позабыла реальность», хотя и не могла до конца избавиться от страхов за судьбу своей семьи. Они все были арестованы — отец, дядя, сестра, брат. Не уверенная в том, как ее примут, Дашкова тем не менее решила посетить сначала дядю, а потом отца и сестру. Она подъехала прямо к дому Михаила Воронцова и увидела, что канцлер «выглядел здоровым, совершенно спокойным». И опять в «Записках» Дашкова театрализовала события и заставила дядю выразить чувство негодования, которое она сама испытывала к Екатерине и Орловым: «О низложении Петра III [Михаил Воронцов] говорил как о событии, которого ожидал. Затем он стал рассуждать о дружбе с государями, не отличающейся, как правило, с их стороны ни постоянностью, ни искренностью. Этому у него были доказательства. Действительно, в царствование Елизаветы, которая дарила его дружбой и к которой он был привязан с

молодости, искренность и чистота его поступков и намерений не спасли его от ядовитых стрел сплетен и зависти» (58/73).

В дашковской реконструкции событий ее дядя стал персонажем, высказывавшим ее собственные мнения. Его слова отражают ее мысли и личные чувства, открыто изложенные в заключительной главе «Записок», по поводу переменчивости и непостоянства тех, кто властвует. Она в первую очередь намекала на Екатерину и Орловых, когда заключила: «На лице такой… как я, которой природа отказала в умении притворяться, столь необходимом рядом с государями и еще более в отношениях с их приближенными» (221/203). В более позднем добавлении к «Запискам», включенном в находящуюся в Британском музее рукопись, но не в петербургскую версию, Дашкова написала: «Мечты мои относительно царской дружбы почти исчезли» (67/-) [145]. На самом деле, Михаил Воронцов был страшно разгневан. Он посвятил всю свою жизнь государственной службе, поднялся по ее ступеням до самой высокой должности канцлера и при этом годами терпеливо выстраивал семейные судьбу и благосостояние, обогащая всех ее членов. И теперь эта молодая женщина, которую он девочкой взял к себе в дом и воспитал вместе со своей дочерью, обернулась против него и с восторгом все разрушила!

В письме за письмом он делился с Александром и другими родственниками своим разочарованием в племяннице. Всегда думая в первую очередь и главным образом о клане Воронцовых, 21 августа 1762 года он критиковал Дашкову за то, что она держится холодно и отчужденно, что она не трудится на благо семьи и что ее действия могут фактически привести к немилости. Ее безразличие к семье причиняло ему боль, он боялся, что «она капризами своими и неумеренным поведением», а также несдержанностью в речах вызовет гнев императрицы. Как следствие, ее могут удалить от двора и тем самым осудить саму фамилию Воронцовых. Ее поведение не позволяло никому в семье любить ее, потому что «только индиферентность ея к нам чувствительна и по свойству несносна, тем более, что от благополучия ея не имеем пользы, а от падения ея можем претерпеть напрасное неудовольствие». Более того, Михаил Воронцов осудил ее необычные стремления и образ жизни, имея в виду, что ее испорченная и тщеславная природа была следствием того, что она посвятила чрезмерно много времени учению и другим пустым занятиям: «Сколько мне кажется, имеет нрав развращенной и тщеславной, больше в суетах и мнимом высоком разуме, в науках и пустоте время свое проводит». Ее муж — как полная противоположность — был учтив, скромен и разумен[146].

Хотя Михаил Воронцов оставался канцлером еще год, его

положение при дворе вскоре стало шатким и карьера пришла к концу. Не сойдясь, в частности, с Григорием Орловым, он был освобожден от своих обязанностей в 1763 году, хотя номинально и сохранял титул канцлера до 1765 года. Его должность принял Никита Панин, а Воронцов был послан за границу в «мягкую» ссылку для «отдыха и по причинам здоровья». Он уехал 7 августа 1763 года и путешествовал по Италии, Франции, Пруссии и Австрии. В Вене он встретил племянника Семена, который после переворота получил с его помощью место консультанта при посольстве. Семен познакомил его с Франсуа Жерменом Лафермьером — музыкантом, либреттистом и человеком театра, который по приглашению Михаила Воронцова приехал в Россию и стал на всю жизнь близким другом Александра Воронцова. В свое время Семен вернется к военной жизни и будет служить под командованием Петра Румянцева во время Русско-турецкой войны. Михаил Воронцов возвратился домой в 1765 году и тогда же был официально отправлен в отставку.

После визита к дяде Дашкова решила увидеть арестованных сестру и отца, Романа Воронцова, «который был не вполне в себе», поскольку его дом окружили два полка солдат под командованием Николая Каковинского. Дашкова считала Каковинского умалишенным (хотя он и дослужился до чина генерал-лейтенанта) и не видела никакой причины держать столько солдат в доме и часовых у каждой двери. Все это она сказала Каковинскому и приказала всем, кроме двенадцати солдат, покинуть дом и отправиться охранять императрицу. Дашкова не уточняет в «Записках», обратили ли солдаты внимание на ее приказы; скорее всего, нет, поскольку Семен утверждал, что они все еще были там, когда он появился 8 июля[147]. Когда Екатерина узнала, что Дашкова отменила ее приказы, она разгневалась и выбранила Дашкову за слишком независимое поведение. Действия Дашковой побудили Екатерину немедленно запретить ей командовать войсками. Этот инцидент был первой открытой ссорой из многих последовавших. Стычки двух женщин были вполне ожидаемыми следствиями поведения Дашковой, которое часто было слишком прямолинейным, своевольным и недипломатичным.

Роман Воронцов всегда был холоден и сдержан по отношению к младшей дочери, он не принимал ее независимость и непокорность. Но она зашла слишком далеко! Он никогда не сможет стереть из памяти эти последние два дня. Из-за действий дочери против императора он будет лишен большой части собственности и на некоторое время изгнан из Петербурга в Москву[148]. Он порвал всякие связи с ней и никогда вполне не

простил ее восстания против отцовского авторитета, патриархального правления царя и власти и влияния семьи. Отношения Дашковой с отцом ухудшились до такой степени, что она продолжала писать ему в течение долгого времени, а он не отвечал на ее письма[149]. Стоя перед ним в тот день, она изо всех сил старалась вернуться к обычным ролям дочери, сестры и матери и говорила ему, что вскоре должна увидеться с сестрой Елизаветой, затем пойдет домой посмотреть на дочь и «сменить на что-нибудь военный мундир». Тем не менее очень маловероятно, что во время ареста, как пишет Дашкова, «при встрече со мной отец не выразил ни малейшего гнева» (59/74) и не хотел ее отпускать. Еще менее убеждают ее уверения, что отец был недоволен Елизаветой и что «отец никогда не испытывал к ней особенной нежности» (60/74). На самом деле, он очень любил Елизавету. Она — единственная законная дочь, получившая наследство после его смерти. Согласно завещанию Романа, в доказательство его любви Елизавета получила значительную сумму в десять тысяч рублей — Дашкова не получила ничего[150].

Встреча сестер — когда-то соперниц — вышла невеселой. Елизавета была вне себя, обвиняя сестру в своем падении и в краже всего, чем владела, в частности, драгоценностей. Александр будет и в этом случае обвинять Дашкову, которая всегда все отрицала и даже утверждала, что никогда не ссорилась с сестрой. Чтобы ее успокоить, Дашкова, до того, видимо, поговорившая с Екатериной, уверила Елизавету, что императрица будет хорошо относиться к ней, но только если она пообещает не присутствовать на коронации в Москве. Елизавета перестанет быть фрейлиной и быстро уедет из Петербурга незамеченной в закрытом дормезе сначала в Москву, а затем в имение отца (возможно, Демидково)[151]. Она жила в деревне, пока ей не разрешили вернуться в Москву после коронации. Екатерина приказала Елизавете оставаться там и «не давать людям повода говорить о ней»[152].

Покинув сестру и отца, Дашкова отправилась домой поцеловать дочку, маленькую Анастасию, однако у нее не осталось времени переодеться во что-нибудь более обычное для нее, чем военный мундир. Именно в этот момент она обнаружила в кармане орден Святой Екатерины, о котором совсем забыла. Позже, когда она попыталась вернуть его Екатерине, императрица возложила орден на нее, прикрепив к плечу ленту и добавив: «А это — за ваши заслуги» (61/75). Дашкова носила теперь красную ленту ордена Святой Екатерины, которая до недавнего времени украшала императрицу. Она была очень довольна оказанной ей честью и своими достижениями: «Я поцеловала ей руку. И вот… я

стою в офицерском мундире, с лентой на плече» (61/76). Так, в первом сиянии победы Дашкова стала кавалерственной дамой ордена Святой Екатерины. Императрица наградила ее самым высоким орденом, какой могла получить женщина в России XVIII века. Самыми высокими орденами — Святого Андрея Первозванного для мужчин и Святой Екатерины для женщин — по статуту награждали за особые заслуги. Первой женщиной, получившей орден, была жена Петра Великого Екатерина I. В большинстве случаев только члены царской фамилии и принцессы крови награждались орденом Святой Екатерины с большим крестом, другие получали малый крест. Екатерина не только удостоила Дашкову высокой чести, она также сделала ей щедрый и богатый подарок, поскольку разрешила оставить себе большую инкрустированную бриллиантами звезду, ранее принадлежавшую Екатерине I и оценивавшуюся в 6500 рублей, которую она обнаружила у себя в кармане.

Дашкова была теперь на равной ноге с самыми выдающимися и могущественными членами своей семьи. 9 февраля 1762 года, в связи с празднованием, отмечавшим намерения России заключить мир с Пруссией и вернуть ей все завоеванные земли, Петр III наградил орденом Святой Екатерины Анну Воронцову, ее тетку[153]. Говорят, что, в отличие от Дашковой, после переворота Анна сняла ленту и вернула ее Екатерине. Как кавалерственная дама ордена, она не могла нарушить клятву, данную Петру, однако Екатерина не приняла ленту и попросила Анну по-прежнему носить ее[154]. 9 июня 1762 года Петр также украсил этим орденом сестру Дашковой Елизавету, а менее чем через три недели, участвуя в дворцовой революции, Дашкова ловко отобрала его у нее[155]. Она заявила, что Петр наградил Елизавету только потому, что был весел и пьян. Только те женщины, которые оказали особые услуги отечеству, могли удостоиться такой чести, а в глазах Дашковой услуг императорской любовницы было для этого недостаточно. Следовательно, не объясняется простым совпадением тот факт, что Дашкова обрела свою славу за счет унижения сестры, которая лишилась ордена. Это событие еще более увеличило антагонизм в семье, а Елизавета обвинила сестру в похищении ее ордена и других драгоценностей[156].

При дворе также критически отнеслись к поведению Дашковой по отношению к своей семье. Граф Флоримунд Мерси д'Аржанто, австрийский посол в России, писал, что «во время переворота княгиня Дашкова не обращала никакого внимания на свою семью»[157]. Дашкова знала о направленной на нее критике и заявила, что обращалась к императрице с просьбами касательно

семьи. Рюльер очень драматично, хотя и неправдоподобно, описывает следующую сцену. В Петергофе в день переворота, когда Дашкова обнаружила, что в зале присутствует ее семья, «она бросилась на колени среди них, говоря „Ваше Величество, вот моя семья, которой я пожертвовала ради Вас“. Императрица затем приняла их всех с самой удивительной добротой и в их присутствии вручила Дашковой ленту [ордена Святой Екатерины] и драгоценности ее сестры»[158]. Дашкова совершенно отвергла это описание, справедливо указав, что никого из семьи Воронцовых не было в Петергофе 29 июля[159].

Поведение Дашковой разгневало Александра, ближайшего к ней члена семьи. Он забеспокоился о Елизавете и просил за нее императрицу; Екатерина уверила его, что «изменит к лучшему» положение его сестры, насколько это будет возможно[160]. Он также несколько раз писал Дашковой, что первой ее обязанностью является забота о сестре, о которой он очень волнуется. Из Лондона, где он был тогда российским посланником, он посылает письмо, якобы чтобы поздравить ее с получением ордена Святой Екатерины. Это был, однако, только предлог, чтобы упрекнуть ее в том, как она обращалась с сестрой, и жестко покритиковать Дашкову за то, что она не живет по принципам, которые так страстно поддерживает: «Согласно новостям, достигшим меня из Петербурга, ее императорское величество была очень добра к вам; следовательно, я не могу извинить ваше нежелание проявить больший интерес к судьбе нашей сестры… Мне кажется, что даже если она причинила вред императрице каким-либо образом, а я не слышал ничего подобного, вам следовало бы получить не награды для себя, а прощение для нее и предпочесть его ленте св. Екатерины. Вы тогда бы не нарушили те философские принципы, которые вы проповедовали мне и которые заставили меня поверить, что вы презираете пустые награды. Но я ошибался, вы высокого мнения о них, как и все остальные»[161].

Тем самым Александр повторил упрек Михаила Воронцова, что Дашкова ничего не сделала для своей семьи, и еще раз через несколько дней потребовал от нее прийти семье на помощь[162]. Он был так разгневан на Дашкову, что всерьез рассматривал решение никогда больше не писать ей, однако чувствовал, что не может его принять, не посоветовавшись сначала с дядей. Поэтому он послал ему копию своего последнего, как он надеялся, письма сестре. Михаил отверг это решение — она все же была членом семьи. Он не разрешил Александру совершенно порвать с сестрой и ответил, что хотя поведение Дашковой не может вызвать с их стороны чувства любви, он запрещает ему прекращать переписку с ней. Он объяснил Александру, что, согласно пожеланию его

отца, Романа Воронцова, он уничтожил его последнее письмо к Дашковой[163]. Александр еще раз упрямо написал дяде, что, узнав больше о поведении Дашковой, он не намерен впредь общаться с ней[164]. В то же время Дашкова энергично защищалась и утверждала, что сделала все возможное для своих тети и дяди и что ее сестра в безопасности и живет в отцовском имении[165].

Все же Александр тянул время, находя для себя трудным выполнить желание Михаила Воронцова, поэтому дядя еще раз убеждает его продолжать переписку, разве что в «соответственно сдержанной манере»[166]. Наконец, Александр уступил и написал Дашковой, еще раз упрекая ее в том, что она не ходатайствовала за сестру. Хуже того, он недвусмысленно обвинил ее в воровстве. «Говорят, — писал Александр, — вы завладели всем, что имела моя сестра, и вы отказались снабдить ее даже тем необходимым, что ей требовалось для отъезда в деревню»[167]. Дашкова отвечала со всей убедительностью, энергично защищая себя от обвинения в том, что она украла драгоценности сестры. Она заявила, что никогда не брала ничего из имущества сестры. Елизавета оставила все в квартире в Зимнем дворце, Рославлев запечатал ее гардероб, и все драгоценности оказались в распоряжении Екатерины[168].

Хотя резкий тон Дашковой огорчил его, Александр, кажется, смягчился и был готов помириться со своей провинившейся сестрой. В своем примирительном ответе он объяснил Дашковой, что узнал больше о ее действиях сразу после переворота и о том, как она отправилась в отцовский дом утешать Елизавету. Он не смог обуздать свою склонность к морализаторству и добавил, что она не должна забывать о благодарности своей сестре. Ведь именно Елизавета помогла организовать миссию ее мужа в Константинополь, вступилась перед Петром за Дашкову, предотвратив ее высылку в Москву, позволила ей некоторое время жить в ее доме и сделала множество других добрых дел. Наконец, он надеялся, что она не забыла своего отца, дядю и тетю, которым она обязана воспитанием, образованием и положением в обществе[169]. Александр также попытался стать посредником между ней и остальной семьей, но раны были слишком глубоки, и Михаил Воронцов, к примеру, не желал мириться. Он писал, что он вообще презирает сплетни и особенно семейные ссоры, поэтому больше не будет обсуждать ее дела, ведь она больше заслуживает жалости, чем гнева. Возможно, через какое-то время она осознает свои ошибки и попытается исправить свои идеи и поведение. Он посоветовал, чтобы их действия по отношению к ней оставались строго в рамках приличий и не вели к дальнейшим обострениям. Они должны

обращаться с ней так, будто имеют дело с посторонним человеком[170]. Довольно неохотно Дашкова также согласилась простить их и написала брату, что желает «забыть все его несправедливые обвинения»[171].

Воодушевляющие события последних нескольких дней переворота оказали большое влияние на жизнь Дашковой. Она попыталась преодолеть обычные представления о жизни, мечтала о личной свободе и индивидуальных возможностях. В реальности ее ожидали остракизм, печаль и разочарование. Дашкова чувствовала, что ею пренебрегли, а вклад ее не оценен, несмотря на записку Екатерины о том, что ей выплатят 24 тысячи рублей за преданную службу трону и обществу. Сама эта выплата была оскорбительной, поскольку Дашкова не нашла себя среди первых в списке награжденных, когда он был напечатан в газете[172]. Высшая категория включала сорок персон, которым Екатерина была особо обязана, и подразделялась на четыре группы. Дашкова, вместе с шестнадцатью прочими, была награждена как участница «второго эшелона». Она была разочарована и в «Записках» опять замаскировала свой гнев, дав Ивану Бецкому, который был камергером и советником Екатерины, слово, чтобы выразить императрице неудовольствие в том, что его участие в революции не было достаточно оценено. Человек большого ума, таланта и энергии, Бецкой также находился под серьезным влиянием французских просветителей, особенно Руссо. Один из первых поборников единого образования для обоих полов в России, он основал Смольный институт благородных девиц и ряд благотворительных учреждений. Очевидно, из-за его стремления открыто выражать недовольство Дашкова назвала его сумасшедшим.

Внутреннее, эмоциональное отчуждение было для Дашковой очень болезненным, и когда она потеряла дружбу и поддержку Екатерины, то почувствовала себя очень одинокой. Присоединившись к заговору против Петра III, Дашкова пошла против своей семьи в надежде создать иной, необычный союз с Екатериной. Однако при этом она пренебрегла важнейшими правилами приличия, и это ее решение должно было иметь как личные, так и политические последствия. Она нарушила одно из самых строгих табу русского общества XVIII века — святость семьи и послушание дочери отцу. После переворота она обратилась к Никите Панину, которого считала одним из самых образованных и уважаемых людей Российской империи. Британский посланник Джон Хобарт, второй граф Бэкингемшир, в своих депешах подтверждает ее близкую связь с группой Панина[173]. Дашкова тем самым присоединилась к новой «семье»,

которая была фактически придворной группировкой, и с этого момента ее судьба была связана с интригами и политическими превратностями группы Панина. В соответствии с этим М. М. Сафонов отмечает: «Борьба между сторонниками Екатерины, братьями Орловыми и приверженцами цесаревича Павла объясняет нам самые темные места биографии Екатерины Романовны»[174].

Предательство Дашковой клана Воронцовых при дворе было больше чем семейным делом. В XVIII веке, по крайней мере до появления Потемкина в 1770-х годах, русский двор и правительство контролировались не политическими партиями как таковыми, но широкими коалициями могущественных семей и их родственников (родами или кланами)[175]. Эти властные структуры представляли собой в основном личные союзы друзей, родственников и любовников, имевших общие стремления и цели. Они не были четко ограниченными группами с хорошо определенными политическими программами. Скорее, эти многочисленные кланы состояли из обширных сетей, объединенных общими взглядами, интересами, патронажем и родственными отношениями. Это было время, когда аристократические олигархические кланы обладали в России огромной властью и даже могли сажать на трон или свергать монархов. В середине века, в эпоху правления императрицы Елизаветы, именно клан Воронцовых вместе с кланом Шуваловых контролировал внутренние и внешние дела Российского государства. Во время царствования Екатерины многочисленная группа под руководством Панина противостояла братьям Орловым и их сторонникам, таким как Бестужев-Рюмин. Главное различие этих двух группировок состояло в том, что Орловы защищали авторитарные формы правления, а Панин объединял тех дворян, которые хотели ограничить власть монарха законом. Первая окружала императрицу Екатерину, вторая была более тесно связана с малым двором и великим князем Павлом. Как и Дашкова, группа Панина выступала против немедленного возведения на престол Екатерины, растущего влияния братьев Орловых и, как им казалось, очевидного игнорирования права Павла на наследование. Они участвовали в перевороте не для того, чтобы посадить на трон Екатерину, но с желанием свергнуть Петра III. Группа Панина включала таких важнейших государственных деятелей, как его родственник Иван Неплюев и граф Миних, а также Куракиных, Репниных, Леонтьевых, Еропкиных, Румянцевых и др.[176]

Группа Панина также вобрала в себя остатки свергнутой воронцовской группировки — самого Михаила Воронцова, его

брата и племянников. Отказавшись от практики тех, кто в первой половине столетия захватывал трон военной силой, Екатерина не преследовала и не ссылала служивших Петру III. Мягкая, более просвещенная политика Екатерины разительно отличалась от жестокости императрицы Анны по отношению к матери Дашковой и семье Долгоруковых, а также от грубой ссылки Дашковой, последовавшей в дни правления императора Павла. Конечно, некоторые из Воронцовых были на время отстранены от власти, но многие вскоре вернулись и заняли важные посты. Хотя взгляды Михаила Воронцова и Никиты Панина в ряде моментов различались, у них было также и много общего. Например, воронцовская группировка способствовала освобождению дворян от обязательной государственной службы, а группа Панина продолжила попытки ограничить власть императрицы путем включения ведущих аристократических семей в управление Россией. Во внешней политике Воронцов и Панин не сходились: Воронцов предпочитал про-французскую ориентацию и более близкие связи с Австрией, тогда как Панин призывал к союзу с Пруссией и Данией в «Северном согласии».

Как и Панин, Дашкова мечтала о времени справедливости и учености, о новой эре рационального просвещения, введенного образованным и свободным от притеснений дворянством. Никогда не чувствовавшая себя хорошо при петербургском дворе, даже когда ее дядя возглавлял правительство, Дашкова теперь стала свидетельницей того, как этот двор трансформировался, как новые люди занимали властные позиции. Многие, изгнанные в предыдущее царствование, вернулись из ссылки, включая врага ее дяди бывшего канцлера Бестужева-Рюмина. Он прибыл 31 августа 1762 года, его прежний ранг и почетные награды были восстановлены, и он тут же встал на сторону Орловых. Другие, как, например, фельдмаршал Бурхард Кристоф Миних и Иоганн Герман Лесток — умудренные опытом старики, оба за семьдесят, а также Никита Панин, которому было далеко за сорок, направляли и поддерживали девятнадцатилетнюю Дашкову, у которой было, как она считала, «сердце, столь наивное и не искушенное в придворной жизни» (68/80). Хотя многие лица сменились, жизнь при дворе опять стала утонченной, элегантной и стильной, и она столкнулась с новыми впечатлениями и двусмысленностями, которые не могла вполне разрешить: «Эта живая картина, с быстрым выдвижением новых лиц и исчезновением других, заставила меня много размышлять, я стала умнее» (65/78). В июле манерная и театрализованная придворная жизнь содрогнулась, когда через шесть дней после переворота Петр III был задушен в Ропше, где содержался под

арестом. Дашкова была ошеломлена непосредственной грубой реальностью убийства Петра: «Вдруг душа моя с ужасом встрепенулась от страшной действительности… Известие об этой катастрофе так оскорбило меня, такую мрачную тень бросило на славную реформу…» (65/-)[177].

Официально было объявлено, что бывший император умер от геморроидальной колики, но правда открылась в содержащем признание письме Алексея Орлова Екатерине: «Матушка Милосердная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу; но как перед Богом скажу истину, Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда нас не помилуешь. Матушка — его [государя] нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором [Барятинским], не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата [Григория Орлова]. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил; прогневили тебя и погубили души навек»[178].

Дашкова считала Алексея Орлова и его братьев своими «непримиримыми врагами», но отказывалась верить в соучастие Екатерины в этом преступлении. До самой своей смерти она защищала Екатерину, ее царствование и способ, каким она пришла к власти. Дидро писал: «Княгиня уверяла, что в России никто, даже среди народа, не обвинял Екатерину за участие ее в смерти Петра III; хотя во всей Европе каждый был уверен в его насильственной кончине»[179]. Дашкова так и не смогла расстаться с собственным, придуманным образом идеальной Екатерины и почти совершенной дружбы, предпочитая давать рациональное объяснение конфликтам и обвинять главным образом ее советников и придворных. Тем не менее убийство, которое, как утверждают, произошло в пьяной драке, навсегда очернило память славной революции и придало новый оттенок роли в ней Дашковой — она стала теперь соучастницей цареубийства. Дашкова опять оказалась в оппозиции правящей императрице. Она открыто высказала свое осуждение убийства Петра, и такая откровенность не прошла ей даром.

Часть вторая
ПУТЕШЕСТВИЯ В ЕВРОПУ (1763–1782)

Глава первая
ИЗГНАНИЕ

Ожидания и разочарования Дашковой определялись связанными с Екатериной событиями при дворе и близостью к власти. Ранее среди таких событий были первая встреча с Екатериной в 1759 году, дворцовый переворот 1762 года и обнаружение Орлова в будуаре Екатерины. Последнее происшествие, а также враждебность Орлова по отношению к ней привели к первой большой ссоре Дашковой с императрицей и на следующие двадцать лет — с 1763 по 1782 год — к изгнанию, поездкам по России и за границу. Дашкова же, всегда критически относившаяся ко двору, была слишком нестандартна и негибка, чтобы приспособиться к жизни аристократки среди екатерининских придворных. Постепенно с ростом ее разочарования в императрице она поняла, что остракизм и изоляция последуют за отчуждением, как это было с ней и при дворе Петра III.

Даже с потерей иллюзий относительно Екатерины Дашкова будет помнить с глубоким удовлетворением свое славное участие в дворцовой революции, свергнувшей Петра III. До конца своих дней она будет праздновать 29 июня — день вступления на престол Екатерины; при этом «ее лицо начинает светиться, и она принимается вспоминать подробности этого события с удовольствием и восторгом» (-/401). Даже когда Дашкова разочаровывалась в Екатерине и не одобряла ее личную жизнь, она никогда не изменяла своему глубоко укоренившемуся идеалу просвещенного монарха — философа на троне, вводящего разумные законы на благо народа с помощью просвещенных советников, таких как сама Дашкова. К сожалению, она легко признавала, что никогда не сможет привыкнуть к крайностям придворной жизни. Одна из наиболее образованных женщин в России, она имела определенные взгляды и отстаивала их со всей решительностью. Она была слишком умной, слишком энергичной и, самое главное, слишком прямолинейной, чтобы чувствовать себя комфортно в атмосфере пустой роскоши, фривольности и мелочных интриг. Компании придворных и карьеристов она предпочитала серьезные интеллектуальные беседы с русскими писателями и мыслителями.

Энергия, прямота и напористость Дашковой были бесценными качествами во время переворота, но совершенно не ценились при дворе и в дипломатических кругах. Хотя граф Мерси и сообщал, что она «обладает романтическим воображением и выдающимися интеллектуальными способностями, но сочетает их с талантом интриганки», Дашкова не была опытной и искусной придворной[180]. Она так никогда и не достигла необходимого мастерства в искусстве двойной игры, лицемерия и лести — обман ей не давался. Ее искренность, нетерпимость и недостаток дипломатического такта дали ей много могущественных врагов, главными из которых были фавориты императрицы — от Григория Орлова до Платона Зубова. Кэтрин Вильмот заметит через много лет: «Слава богу, что княгиня разумна и добра по натуре — в противном случае она была бы невыносима» (-/293). Мнения о ней ее современников, особенно при дворе, были часто открыто враждебны или как минимум очень критичны. Соглашаясь, что она была блестяще образованна и начитанна, многие чувствовали, что возраст не обуздал еще порыва ее страстей, не сделал ее суждения более зрелыми: «При оспаривании чужих мнений она всегда впадала в крайность, обнаруживала излишнюю настойчивость и нетерпимость»[181]. Ее главными проявлявшимися при дворе недостатками были неумение молчать — держать язык за зубами, даже если она была права — и ее негибкость.

Дашкова была слишком чужда условностям и независима, она с трудом соответствовала стереотипам поведения русской аристократки XVIII века. Годы спустя после смерти она все еще была темой для обсуждения, и те, кто ее знал, комментировали ее неуместные мнения и манеры. 4 декабря 1833 года А. С. Пушкин описал в дневнике историю, которую услышал от Натальи Загряжской, близкой знакомой семьи Воронцовых, бывшей на галере с Петром III, когда тот пытался бежать в Кронштадт. Она категорически утверждала, что видела Екатерину действительно разгневанной только дважды — и оба раза на Дашкову. Она рассказала один случай, когда Екатерина узнала, что Дашкова со своим десятилетним сыном опаздывала в Эрмитаж и, чтобы сэкономить время, прошла коротким путем прямо через церковный алтарь. Императрица была в ярости и сделала ей выговор: конечно, Дашкова, будучи русской, должна была знать о запрете женщинам входить в святая святых православного храма. Пушкин также записал, как один из гостей в доме Загряжской при этом саркастически заметил, что Дашкова, должно быть, думала, что ее директорство в Академии наук освобождает ее от соблюдения общепринятых правил[182]. Такие истории и анекдоты

о Дашковой были распространены, поскольку, по всей видимости, отражали ее характер, и хотя они указывали на напряженность между двумя женщинами и на отношение к Дашковой при дворе, они исторически неточны и очень далеки от истины. Когда ее сыну исполнилось десять, Дашкова была в Европе. Если же этот случай и мог произойти на год раньше, когда Дашкова была в России, то директором академии она стала лишь через двенадцать лет.

С окончанием пьянящих дней восстания и восстановлением незыблемых правил и порядков самодержавного правления отношения между Дашковой и Екатериной испортились, а такие могущественные враги, как Орловы, ускорили их распад. Тесные личные отношения Екатерины с Дашковой заставили сплотиться интриганов и клеветников и питали ревность и сплетни. Нетрудно было настроить Екатерину против Дашковой, поскольку постоянные возвышенные мысли, непреклонный нрав, требовательность к «просвещенной монархине» и слишком либеральные взгляды прежней поклонницы теперь ее раздражали. Екатерина находила Дашкову назойливой и не могла вынести ее стремление командовать и во все вмешиваться. Дашкова, со своей стороны, не могла преодолеть глубокое недовольство возвышением Орловых и потерей своего влияния. В письме от 10 сентября король Франции Людовик XV признал, что Дашкова недовольна и склонна к участию в «тайно вынашиваемых новых заговорах», а барон де Бретёй, французский посол, описал ее разочарование Екатериной: «Сразу после беспорядков думали, что княгиня Дашкова и г-н Панин были недовольны и покинули двор. Когда княгиня Дашкова вернулась, императрица осмеяла ее и больше не доверяла г-ну Панину». Он также утверждал, что Дашкова и вся страна горячо желали реформирования деспотической системы, и добавлял: «Княгиня Дашкова, которая была восторженной сторонницей императрицы, первой отвернулась от нее»[183].

Екатерина полностью использовала связи Дашковой в Преображенском и Измайловском полках и в кругу Панина, но она не желала делить всеобщее внимание и только что приобретенную власть с амбициозной подругой. Она пользовалась любой возможностью приуменьшить ее роль в перевороте, и Бретёй отмечает: «Ничто так не демонстрирует избыточное *amour propre*[184] императрицы, как ревность к княгине Дашковой и желание изменить наше понимание той помощи, которую ей предоставила Дашкова»[185]. В то время как Дашкова преувеличивала свою роль в событиях 1762 года, Екатерина пыталась приуменьшить ее важность и представить ее как

второстепенную фигуру. Этот спор стал источником большого конфликта между двумя гордыми женщинами и соперничества, длившегося всю жизнь. Ситуация усугубилась, когда современники начали драматически представлять Дашкову как девятнадцатилетнюю женщину, одетую в офицерский мундир, которая практически в одиночку свергла законного правителя огромной Российской империи. Она быстро становилась знаменитой в Европе, и большинство иностранных комментаторов писали, что участие Дашковой было решающим для успеха дворцовой революции. Екатерина была обижена тем, что ее слава и репутация не получали того внимания, которого заслуживали. Обсуждая чувства Екатерины, Герцен писал, что она не могла терпеть рядом с собой женщину, «говорившую о *своей собственной* славе, с ее умом, с ее огнем и с ее девятнадцатью годами», и что она удалила Дашкову «с быстротой истинно царской неблагодарности»[186].

Дела пошли еще хуже, когда Екатерина узнала, что Иван Шувалов написал Вольтеру о центральной роли Дашковой в перевороте. Барон де Бретёй так описал ситуацию: «Несмотря на службу, которую Дашкова действительно сослужила, ее теперь игнорируют. Императрица ревнует и хочет, чтобы Вольтер не приписывал успех революции княгине»[187]. Письмо Шувалова внесло свой вклад во впадение Дашковой в немилость и спровоцировало гневное письмо Екатерины Понятовскому: «Княгиня Дашкова, младшая сестра Елизаветы Воронцовой, напрасно пытается приписать всю честь победы себе. Она знала кое-кого из главарей, но была у них на подозрении из-за своего родства, да и ее девятнадцатилетний возраст не особенно располагал к тому, чтобы доверять ей. И хоть она и заявляет, что все, что произошло со мной, прошло через ее руки, не следует забывать, что заговорщики были связаны со мной в течение шести месяцев, и задолго до того, как она узнала их имена. Она действительно умна, но тщеславие ее безмерно. Она славится сварливым нравом, и все руководство нашим делом терпеть ее не может. Только олухи и могли ввести ее в курс того, что было известно им самим — а это были, в сущности, лишь очень немногие обстоятельства. И. И. Шувалов, самый низкий и трусливый из людей, тем не менее написал, как говорят, Вольтеру, что женщина девятнадцати лет сменила в этой империи власть. Разуверьте в этом, пожалуйста, великого писателя. От княгини Дашковой приходилось скрывать все каналы тайной связи со мной в течение пяти месяцев, а четыре последние недели ей сообщали лишь минимально возможные сведения»[188].

Екатерина признавала ум Дашковой, но также подчеркивала, что на нее нельзя положиться из-за ее огромного тщеславия и ненадежности натуры. Императрица должна была утвердить свой авторитет и продемонстрировать всем, что завоевала трон собственными усилиями, а не была посажена другими. Она повторяла в своих мемуарах, что Дашковой нельзя доверять и что она «никогда не называла княгине Орловых, чтобы отнюдь не рисковать их именами; большое рвение княгини и ее молодость заставляли опасаться, чтобы в толпе ее знакомых не нашелся кто-нибудь, кто неожиданно не выдал бы дела»[189]. Следовательно, Екатерина представила участие Дашковой как побочное и случайное, и эти резкие суждения сильно отличались от лести, содержавшейся в ее ранних письмах к Дашковой.

Дашкова признавала, что характеристики, данные Екатериной, были особенно оскорбительны, и даже сорок лет спустя она с трудом верила, что Екатерина могла нарисовать в такой степени искаженную картину ее вклада в триумф императрицы: «Есть один очерк, нарисованный, как говорят, рукой самой императрицы; по восшествии на престол, она писала Польскому королю и, говоря об этом событии, уверяла его, что мое участие в этом деле было ничтожно, что я, на самом деле, не больше, как честолюбивая дура. Я не верю ни одному слову в этом отзыве; за всем тем удивляюсь, каким образом умная Екатерина могла так говорить о бедной ея подданной, и говорить в ту самую минуту, когда я засвидетельствовала ей безграничную преданность и ради ея рисковала головой перед эшафотом»[190].

Не могла Дашкова и поверить, что Екатерина определила ее как непостоянную и ненадежную молодую женщину в письме Фридриху II, императору Пруссии, который, в свою очередь, назвал ее «тщеславной мухой» *(la mouche vaniteuse)*[191]. «Говорят также, — писала Дашкова, — что императрица выставила меня Немецкому императору, как самую капризную женщину. И этому не верю, потому что Екатерина коротко знала меня и могла видеть, что ничего не может быть противоположней этого свойства моему действительному характеру»[192]. Вопреки протестам Дашковой Екатерина действительно написала это письмо, отразившее ревность и личную враждебность бывшей подруги.

В ответ на преуменьшение ее вклада и повторявшуюся клевету Дашкова, в свою очередь, значительно приуменьшила значение всех участников переворота, кроме себя самой. В результате историки единодушно раскритиковали ее за раздувание и излишнее акцентирование своих действий, когда в «Записках» она представила только свою точку зрения в попытке

восстановить репутацию. Члены ее семьи, однако, никогда не сомневались в значении ее подвигов в ту ночь, в особенности из-за того разрушительного влияния, которое они оказали на их жизнь. Так, 21 августа 1762 года Михаил Воронцов писал племяннику Александру, что Дашкова «имела большое участие в благополучном восшествии на престол всемилостивейшей нашей государыни»[193]. Другие также защищали интерпретацию Дашковой и комментировали степень ее участия. Британский посол Роберт Кейт писал: «Ясно, что она внесла принципиальный вклад в планирование и осуществление заговора с начала до его конца»[194]. На самом деле, хотя Дашкова и не занималась непосредственной организацией переворота, ее роль тем не менее была центральной и братья Орловы не могли бы действовать без ее помощи и руководства. Дашкова лично знала многих заговорщиков, поскольку офицеры гвардии, а также Никита Панин, встречались и обсуждали грядущее восстание в ее доме.

Опасения сменили доверие, и никогда больше Дашкова и Екатерина не верили друг другу полностью. Поступки Дашковой, а особенно ее нескрываемые амбиции, вызывали недовольство Екатерины. Понимание императрицей решимости и политических планов Дашковой навсегда лишило последнюю малейшей возможности быть назначенной на какой-либо высокий и влиятельный пост во власти. Дашкова была разочарована попытками Екатерины приуменьшить ее влияние и порой не одобряла политику придворных императрицы. Она часто бывала в немилости и пререкалась с Екатериной, а возвращение Михаила Дашкова из поездки в Константинополь еще более обострило отношения между двумя женщинами, усилив чувства ревности и подозрительности, особенно после того как Дашкова с мужем переехали в квартиру, предоставленную им во дворце. В противоположность жене Михаил превосходно ладил с Екатериной. Они регулярно обедали с императрицей и участвовали в ее вечерних развлечениях. Обычно развлечения проходили по установленному расписанию: в воскресенье — бал во дворце; в понедельник — французская комедия; во вторник — отдых; в среду — русская комедия; в четверг — трагедия или опера. Часто публику приглашали прийти в театр в масках, так что после представления все могли сразу отправиться на маскарад.

Любительские концерты были очень популярны в дворянской среде и характерны для музыкальной жизни двора в первые годы екатерининского правления, когда Дашкова все еще входила во внутренний круг императрицы. Персоны из близкого окружения Екатерины, среди которых были граф Сегюр, принц де Линь,

Кобениль, Л. А. Нарышкин, Строганов и Дашковы, приглашались на *les petite soirées*[195]. Они часто дурачились и играли в детские игры с переодеваниями. Организовывались игры или короткие шутливые сценки, пародирующие события и людей при дворе, причем на эти развлечения накладывались строгие правила. Когда шутки и литературные пародии переходили на личности или становились обидными, нарушители должны были платить штраф. Это могла быть уплата золотой монеты на благотворительность или выучивание наизусть стихов из поэмы Тредиаковского «Тилемахида». Чаще всех нарушителем был Лев Нарышкин, который начинал цитировать путешествия Телемаха с особой аффектацией и помпезностью к вящему удовольствию присутствовавших. Дашкова не смеялась — она терпеть не могла Нарышкина.

Она предпочитала исполнять песни и делала это совершенно серьезно. Михаил Дашков и Екатерина, однако, не разделяли страсть Дашковой к музыке. Императрица не была музыкально одаренной; говорили, что на концертах были специально назначенные музыканты, которые давали ей сигнал, когда аплодировать. Екатерина и Михаил Дашков пародировали Дашкову, давая неблагозвучные «кошачьи концерты», которые им очень нравились и, кажется, еще больше их сближали. Спустя много лет дочь Дашковой Анастасия на балу в ее доме поведала А. С. Пушкину, что ее отец был влюблен в Екатерину. Через двадцать лет после смерти матери она все еще сохраняла ненависть к ней, и информация, сообщенная Пушкину, могла быть лишь раздраженной попыткой дочери отомстить[196].

В сентябре 1762 года Дашкова с мужем отправились в Москву на коронацию Екатерины, остановившись по пути в Петровском — усадьбе Кирилла Разумовского. Оттуда Дашкова планировала поехать прямо к сыну, который более года жил с ее свекровью. Однако перед ее отъездом муж отозвал ее в пустую комнату и попытался отговорить от поездки в город, в конце концов открыв ей истину. Он уже побывал в Москве и узнал от матери, что их сын, маленький Мишенька, умер. Новость совершенно опустошила Дашкову. Охваченная горем, она укрылась в доме, где ее сын прожил свою короткую жизнь, и не принимала никакого участия в публичных развлечениях, предшествовавших коронации. Екатерина послала ей записку с утешением: «Но берегитесь предаваться тоске и меланхолии, — это действительно было бы слабостью»[197]. В России XVIII века было обычным для дворянских родителей не воспитывать самим своих детей, а предоставлять их заботам кормилиц, нянь, учителей, гувернанток, бабушек или других членов семьи. Дашкова,

вероятно, возвращалась в мыслях в свое одинокое детство, к матери, которую она не знала, и к отцу, который весьма мало интересовался ее жизнью. Теперь ей казалось, что она бросила сына, пожертвовав им ради политики и мечты о собственной славе. Дашкова больше никогда не оставит своих детей — она посвятит им всю жизнь. Их образование будет ее навязчивой идеей, и они станут яркими представителями нового просвещенного поколения, возглавлявшего преобразование России.

Пока Дашкова была в трауре и боролась с изматывающим горем, Орловы, по ее утверждению, готовили ей новые унижения. Екатерина начала отдаляться от подруги и верного соратника, и Дашкова обнаружила, что на коронации ей предназначили место весьма далеко от императрицы. Она немедленно заподозрила Григория Орлова в том, что именно он нанес ей это оскорбление. Иерархия и ранг были чрезвычайно важны в России, и в петербургский или имперский период российской культуры «понятие чина приобрело особый, почти мистический характер»[198]. Оно определяло индивидуумов по их положению в установленной раз и навсегда жесткой иерархии, которая практически не включала женщин. Подавляющее большинство женщин в России не участвовали в государственной или военной службе и, следовательно, им не присваивались ранги. Лишь очень малое число женщин из элиты служили при дворе в качестве фрейлин и статс-дам — посты, эквивалентные мужским рангам и с точно определенными обязанностями и поощрениями. Тем не менее в Табели о рангах, установленной Петром Великим, женщинам также предоставлялись некоторые привилегии, основанные на рангах их отцов (до замужества) и мужей (после замужества). Как жена подполковника, Дашкова в момент коронации должна была находиться в самой последней группе, допускаемой в Успенский собор, и занимать место в последних рядах, установленных для гостей, очень далеко от Екатерины. Ни ее горячая поддержка императрицы, ни титул кавалерственной дамы ордена Святой Екатерины не имели значения. Дашкова должна была, таким образом, войти в собор вместе с окружением Екатерины и затем, «весело улыбаясь, заняла свое скромное место, в котором не видела другого неудобства, кроме того, что мне были незнакомы дамы, занявшие места рядом со мной» (72/83).

Коронационные торжества, частные и публичные, были тщательно разработаны, в высшей степени театрализованы и тянулись очень долго. В XVIII веке для русской жизни были характерны крайние контрасты между богатством и бедностью,

роскошью и нищетой, изобилием и нуждой. Богатство и ранг определяли все стороны повседневной жизни: от одежды до количества запрягаемых в экипаж лошадей. Некоторые, в соответствии со своим положением и случаем, разъезжали в обитых бархатом золоченых каретах с лошадьми, украшенными цветами или перьями. Лакеи были одеты в ливреи тех же цветов, что и гербы на экипажах, в пудреные парики и треугольные шляпы. Например, московский митрополит Платон жил на широкую ногу, и Дашкова как-то спросила его с вызовом, почему он ездит по городу в роскошном экипаже, запряженном шестеркой лошадей, сопровождаемый форейторами и свитой красочно разодетых слуг — ведь Христос везде ходил пешком. Попытка остроумной отповеди удивленного архиерея не удалась, когда он ответил, что стадо Христово везде следовало за Иисусом, тогда как он не успевает за своим на шестерке лошадей. Хотя Дашкова и бросила вызов церковному иерарху по поводу его расточительности, согласно перечню, составленному по ее смерти, она сама владела большим количеством экипажей и крытых саней[199].

Унижение следовало за унижением, как казалось Дашковой. В списке из 122 гостей, допущенных на балы и концерты во время коронации, имя Дашковой появилось в самом конце — на 109-м месте[200]. Существовало также довольно большое напряжение между старым и только что выдвинувшимся служилым дворянством, поэтому Дашкова посчитала уместным демонстрацию презрения к наградам и рангам. Некоторые так называемые «дамы определенного положения» носили напоказ особую золотую парчу как знак их ранга и исключительности, другие — только серебряную, обозначая свой ранг шириной галунов, от одного до шести дюймов. Дашкова гордо носила орден Святой Екатерины, а объявление о назначении фрейлиной только на время смягчило ее гнев. Как фрейлина, она заменила при дворе отца, сестру, дядю и тетю. Но, кажется, она не очень высоко ставила это назначение и упомянула о нем лишь походя в письме брату[201]. Ее муж был назначен камер-юнкером и стал бригадиром Кирасирского полка, а также получил приглашение в Комиссию о строении Москвы и Петербурга.

Зимние праздники в Москве продолжались после коронации несколько недель, пока оппозиция Екатерине собирала силы. После переворота Никита Панин представил проект реформы Сената и создания имперского совета из шести — восьми министров. Проект подвергал неограниченную монархию критике и предоставлял совету широкие полномочия, но вскоре стало ясно, что Екатерина его отвергнет. При дворе многие считали, что

Панин надеялся в конце концов конституционно ограничить власть Екатерины. Рюльер писал, что Дашкова также была недовольна российским деспотизмом и планировала вместе с Паниным ограничить самодержавие: «Панин и княгиня одинаково мыслили насчет своего правления, и если последняя по врожденному чувству ненавидела рабство, то первый, быв 14 лет министром своего двора в Швеции, почерпнул там некоторые республиканские понятия; оба соединились они в намерении исторгнуть свое отечество из рук деспотизма»[202]. Неудача проекта Панина привела к потере им влияния, но Дашкова тем не менее осталась сторонницей идеалов конституционализма.

Тем временем разочарование поведением Екатерины после восхождения на престол, в особенности ее отношениями с братьями Орловыми, привело часть ее прежних сторонников к попытке ее свержения в пользу содержавшегося в заключении бывшего императора Ивана VI, правнука Ивана V и внука старшей сестры императрицы Анны. Панин и Иван Шувалов были при этом главными кандидатами на регентство. Власти раскрыли потенциальный заговор группы молодых офицеров, арестовали, пытали и судили подозреваемых. В это же время Бестужев-Рюмин и другие распространяли петицию, в которой допускали выбор императрицей себе супруга, чем расчищали путь к браку Екатерины с Григорием Орловым. Еще раньше Дашкова говорила Никите Панину и Кириллу Разумовскому, что Екатерина и Григорий Орлов — любовники, но они не поверили, и она заявила им: «Вы оба — глупцы» (61/77). Такая прямота с ее стороны «рано или поздно должна была привести к беде»[203]. Она громогласно выступала против претензий Орлова, но пока по Москве летали слухи, внимание Дашковой поглотили домашние события. Все еще страдая от воспоминаний о смерти сына, она узнала, что опять беременна и что Анастасия, самая младшая и любимая сестра мужа, тяжело больна. В апреле Анастасия Дашкова умерла, а 12 мая 1763 года, в дни траура и печали, Дашкова родила сына Павла — последнего мужчину в семье Дашковых.

В конце того же месяца визит Екатерины в ростовский Воскресенский монастырь дал пищу разговорам о том, что она отправилась туда, чтобы выйти замуж за Григория Орлова. Орловы настаивали на обручении, некоторые при дворе также поддерживали это. Но Панин и его группа сопротивлялись и собирали сторонников, среди которых был и Михаил Воронцов. Растущие недовольство и волнение привели к аресту офицера Федора Хитрово, который открыл на допросах, что Никита Панин, Кирилл Разумовский и Захар Чернышев участвовали в заговоре гвардейцев. Считается, что они выступали против нового брака

императрицы и планировали во время церемонии свергнуть Екатерину и убить Орлова. Более того, Хитрово заявил, что ему известно о секретном соглашении, которое Екатерина подписала с Паниным перед переворотом, дав слово быть только регентшей на время малолетства Павла. Свадебные планы застопорились, а на последующих допросах Хитрово вспомнил и Дашкову. Предположительно, Хитрово несколько раз посещал ее, чтобы посоветоваться о том, как остановить свадьбу императрицы. Дашкова посчитала, что «его честность, красивая внешность, учтивые и благородные манеры, видимо, и вызвали ревность Орловых» (74/84), подразумевая тем самым, что их злоба и ярость были направлены не только на Хитрово, но и на нее.

Бесспорных свидетельств того, что Дашкова принимала участие в этом деле, у нас нет. Согласно донесению французского посланника М. Беранже от 15 июля 1763 года, Екатерина написала ласковую записку Дашковой, в которой упомянула заговор и пообещала полностью его расследовать. Она также спросила, знает ли Дашкова что-нибудь о нем. Дашкова коротко ответила, что не знает ничего, а если бы и знала, то не сообщила бы никому. Неужели императрица хочет ее смерти? Если так — она готова![204] Дашкова с трудом сдерживала негодование; она была уверена, что главным ее обвинителем был Григорий Орлов, и не чувствовала к нему ничего, кроме враждебности. Действительно, 26 мая 1763 года Орлов назвал Дашкову одной из заговорщиков, а позже сама Екатерина написала Василию Суворову, который вел следствие по этому делу, что Хитрово раскрыл участие в заговоре Дашковой и Никиты Панина[205].

Отвечая на историю Кастера, Дашкова заявила, что никогда не «провоцировала» никаких заговоров против Екатерины, которую нежно любила[206]. Хотя степень вовлеченности Дашковой в дело Хитрово неясна, очевидно, что Екатерина подозревала ее в участии в последних интригах партии Панина. Граф де Сольмс писал, что княгиня «способна провоцировать новые заговоры каждые восемь дней, исключительно из удовольствия их провоцировать»[207]. Через несколько дней, во время визита братьев Паниных, Михаил Дашков получил от императрицы письмо с выговором за наглые угрозы Дашковой в ее адрес и с предупреждением о дерзком поведении жены. Императрица велела Михаилу контролировать жену и принять меры по ограничению ее склонности увлекаться рискованными разговорами на грани прямой враждебности. Таким образом, менее чем через год после успешной дворцовой революции былую дружбу сменили вражда и запугивание. Чтобы смягчить императрицу, Дашкова с мужем решили прощупать настроения

при дворе и, воспользовавшись высказанным ранее предложением Екатерины, пригласили ее и великого князя Павла воспринять от купели их только что рожденного сына. Хотя Екатерина и не отказалась, но держалась отчужденно и холодно и «не справилась о моем здоровье» (76/86).

Через месяц после рождения ребенка Дашкова все еще была слаба и чувствовала онемение руки и ноги. Согласно Дидро, который, очевидно, повторял рассказ Дашковой, только болезнь спасла ее от ареста. Екатерина решила удалить ее от двора и велела ей присоединиться к мужу, который в то время служил в Риге. Бэкингемшир, британский посол в начале царствования Екатерины, докладывал, что Дашкова, «которая столь активно проявила себя во время революции, получила приказ сопровождать своего мужа в Ригу, где расквартирован его полк. Эта леди во многом из-за своего высокомерного поведения потеряла уважение императрицы еще до того, как я прибыл в Москву. Она была слишком велика духом, чтобы или успокоить свою государыню, или смириться со своей опалой, и поэтому она с тех пор подозревалась в возбуждении и поощрении тех, кто был настроен против теперешнего правительства».

Относительно ее опалы он добавил: «Господин Панин будет сильно задет ее удалением от двора, поскольку она его родственница и большая фаворитка»[208]. Только потому, что Панин вмешался и заступился за нее, наказание было ограничено ссылкой в Ригу. Дашковой казалось, что ее везде окружали враги и что Панин был ее единственным союзником. Граф де Сольмс справедливо писал: «У нее было мало друзей, и только граф Панин был все еще на ее стороне»[209].

Дашкова пробыла в Риге недолго, и когда муж присоединился к своему полку в Дерпте (Тарту), уехала с детьми и гувернанткой Пелагеей Каменской жить в усадьбе Михалкове в нескольких верстах от Москвы. Там она дышала свежим воздухом и поправляла здоровье, принимая холодные ванны. Вдали от суеты и политических махинаций столицы Дашкова опять могла посвятить время чтению, сочинительству и ученым занятиям. Новые журналы того времени публиковали идеи группы Панина и других оппозиционных придворных групп, критикуя недостатки русского общества. Такие писатели, как Александр Сумароков и Михаил Херасков, вместе с членами их литературных кружков надеялись, что новая правительница осуществит их желание нового законного порядка, основанного на разуме и моральном просвещении. В 1759 году Сумароков издавал в Петербурге журнал «Трудолюбивая пчела», посвященный Екатерине. Подобным же изданием было «Праздное время, в пользу

употребленное», а в Московском университете Херасков с группой студентов печатал «Полезное увеселение». Денис Фонвизин, первый крупный русский драматург, был членом этой группы, а вскоре стал секретарем Панина, публично представляя взгляды его партии. В 1763 году во время коронационных торжеств в Москве Дашкова основала ежемесячный литературный и философский журнал «Невинное упражнение», главным редактором которого стал Ипполит Богданович. Номера журнала печатались с января по июнь 1763 года в типографии Московского университета. В отличие от журнала Хераскова он не демонстрировал никакой поддержки режима Екатерины и был посвящен исключительно пропаганде идей Просвещения.

Дашкова принимала активное участие в работе «Невинного упражнения» и как его патрон, и как автор. Первый выпуск журнала содержал сделанный С. И. Глебовым перевод дидактической поэмы Вольтера «О равенстве состояний» *(De L'Egalité des Conditions),* опубликованный по настоянию Дашковой[210]. Переводы Дашковой из сочинения Гельвеция «Об уме» печатались в нескольких номерах 1763 года, и в это же время она издала свой перевод «Из опыта о епическом стихотворстве» *(Essai sur la poésie épique)* Вольтера — серии эссе, посвященных Гомеру, Вергилию, Лукану, Триссино, Камоэнсу, Тассо и Мильтону[211]. Ее интерес к такой работе разжег брат Александр, который в возрасте четырнадцати лет опубликовал перевод Вольтера в «Ежемесячных сочинениях», издававшихся Академией наук. Николай Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) написал, что Дашкова напечатала некоторые свои ранние стихотворения в «Невинном упражнении», но теперь трудно с уверенностью идентифицировать их[212]. Единственное поэтическое сочинение в журнале, точно принадлежащее ей, — это перевод отрывка из поэмы Марка Лукана в двадцать шесть строк, основанный на французской версии Ж. де Бребёфа «La Pharsale de Lucain»[213]. Отрывок из Лукана больше всего привлек ее в работе Вольтера, поскольку он описывал гордый и смелый отказ Катона войти в храм Юпитера Амона, чтобы получить там благословение[214]. Вместо этого он высказывает пантеистическую идею о том, что настоящий храм Бога — это небо, земля и человеческое сердце, которое более всего любит истину. Счастье человека, следовательно, зависит не от пророчества или божественного вмешательства, но от самостоятельности и уверенности в своих силах.

Пока Дашкова предавалась ученым занятиям в Москве и в своей усадьбе, она размышляла о жизни: о поражении,

нанесенном ей Орловыми, о недовольстве Екатерины, об ожидавшем ее будущем. Теперь, в тяжелое для нее время, было невозможно вернуть благосклонность императрицы, поскольку ее семья лишилась власти, а ее дядя не находится при дворе. Только Никита Панин, чье влияние также резко упало, мог помочь ей в будущем. Екатерина, которая, в общем-то, не любила братьев Паниных и не доверяла им, уважала интеллект Никиты Панина, называя его «энциклопедией». Она полагалась на его опыт в международной политике, например, в вопросе польского наследства, и в октябре 1763 года призвала Панина руководить иностранными делами России.

В конце концов Панин смог походатайствовать за Дашкову, и вследствие этого она осталась фрейлиной, что требовало присутствия при дворе. В конце 1763 года она вернулась в столицу. Согласно Бэкингемширу, Панин был влюблен в Дашкову, разговаривал с ней нежно и старался видеться с ней как можно чаще. Когда он узнал о ее приезде, то отказался от приглашения отобедать с британским послом, поспешив встретить ее: «Сюда прибыла княгиня Дашкофф; господин Панин, который обещал пообедать со мной в прошлый вторник, извинился, что не сможет, поскольку, как я позже узнал, хотел быть с ней; потребуется все его хладнокровие и авторитет, чтобы удержать ее деятельный дух в терпимом состоянии спокойствия, я жду с некоторым нетерпением, как ее примут при дворе»[215].

В ноябре Дашкова возвратилась в Петербург и поселилась в доме, который снимала в 1763–1764 годах. Он принадлежал Одару и стоял на Большой Конюшенной улице[216]. Пьемонтец по происхождению, Жан Доминик Жозеф Одар некоторое время находился под покровительством Михаила Воронцова, который устроил его на должность в Коммерц-коллегии. Хотя Дашкова и покровительствовала ему, она заявила, что Одар никогда не был ее агентом ни в каких заговорах против Екатерины вопреки тому, что написал Рюльер, и отвергла обвинение в сотрудничестве с ним[217].

В это время происходила борьба за пустующий трон Польши. Екатерина поддерживала Станислава Августа Понятовского, своего бывшего любовника. Михаил Дашков служил в войсках, участвовавших в его возведении на престол. Посланный для рекогносцировки в Латвию и Литву, Дашков слал шифрованные доклады непосредственно графу Кейзерлингу и князю Репнину[218]. Летом 1764 года расстроенная отсутствием мужа и болезнью дочери Дашкова отправилась жить в Гатчину, в усадьбу князя Александра Куракина, жена которого Александра была старшей сестрой Панина. По иронии судьбы менее чем через два

года Екатерина II купила эту усадьбу и подарила ее Григорию Орлову. Дашкова жила там в одиночестве, иногда только выезжая верхом для моциона. Возможно, она отправилась туда, чтобы избежать вовлечения в очередной заговор. Она все еще была под подозрением, и напряжение, существовавшее между Дашковой и Екатериной, постепенно поднималось до точки кипения главным образом из-за стремления Дашковой к большему влиянию при дворе и продолжающейся поддержки ею партии Панина.

В то лето Екатерина объезжала Ливонию и 9 июля 1764 года в Риге узнала, что пятью днями ранее Василий Мирович, подпоручик Смоленского полка, безуспешно попытался освободить заключенного в крепости Ивана VI и объявить его императором. Сын Екатерины Павел и Иван VI были двумя персонами, которые имели значительно б***о***льшие права на трон, чем она. Иван VI был младенцем-императором с 1740 по 1741 год; объявленный при рождении царевичем, он тем самым был законным образом назначен царствовать, при регентстве сначала Бирона, а потом своей матери Анны Леопольдовны. Свергнув регентство, Елизавета отправила Ивана в заключение сначала в Холмогоры, а затем, в 1756 году, в Шлиссельбург — мрачную крепость недалеко от Петербурга. Ему было теперь за двадцать, и его законные притязания на трон создавали Екатерине проблему. Тюремщикам было приказано убить Ивана, если кто-либо попытается его освободить, и, к удобству Екатерины, они выполнили приказ во время неумелой попытки Мировича. Иван был мертв, а Мирович стал козлом отпущения: признанный виновным в государственной измене, он был по приказу Екатерины обезглавлен, а тело его сожжено.

Петербург изобиловал слухами о том, что Панин и его группа участвовали в этой провалившейся попытке свергнуть Екатерину. В начале июля 1764 года Бэкингемшир писал: «Княгиню д'Ашков [sic] видели в мужском костюме среди гвардейцев, но за каждым ее шагом следят, и она должна скоро отправиться в Москву». Екатерина, скорее всего, не верила до конца утверждениям об участии Панина в заговоре, поскольку она консультировалась с членами оппозиции и с Петром Паниным — генералом, сенатором и братом Никиты Панина, назначенным ею главой комитета, расследовавшего дело Мировича. Во время расследования Дашкова, которая вернулась осенью в дом Одара, опять была в числе подозреваемых, и Бэкингемшир разъяснял, что «многие доносят о княгине д'Ашков; конечно, она под сильным подозрением»[219]. Дашкова защищалась, объясняя, что дом у нее большой, а муж был в отъезде, поэтому в их доме жил Петр Панин. Несколько раз Мирович, поскольку он имел официальные

поручения по поводу какого-то дела в Сенате, посещал Панина, а не ее. Хотя Никита Панин выступил в ее защиту, Дашкова все же чувствовала, что «это прибавило мне огорчений, вызвав несправедливые подозрения, к которым я вовсе не подавала повода. Однако о моих принципах судили неверно, а тревоги и неприятности — неизбежные спутники высокого положения при дворе» (79/88)[220].

Как и в случае с Петром III, Дашкова никогда публично не признавала возможного соучастия Екатерины в ликвидации еще одного императора России. Екатерина, с другой стороны, продолжала подозревать Дашкову и приказывала посылать секретных агентов для слежки за ее домом и действиями. Сэр Джордж Макартни комментирует: «Хотя ей [Дашковой] едва исполнилось двадцать два года, она уже участвовала в полудюжине заговоров; первый был успешным, но не будучи уважаема и оценена, как ей казалось, по ее заслугам, он занялась другими заговорами, которые оказались безуспешными; она не была наказана иначе, нежели абсолютной потерей благосклонности ее государыни, которая все еще сохранила некоторую доброту по отношению к ней; она — женщина необычной силы ума, и смелость ее превосходит смелость многих мужчин»[221].

Дашкова продолжала встречаться с императрицей при дворе, но фиаско Мировича еще больше отдалило ее от Екатерины. Британский дипломат Генри Ширли написал в 1764 году, что она мало уважала Дашкову, но обращалась с ней вежливо[222].

Личная трагедия, однако, затмила проблемы ее публичной жизни. Однажды утром подруга Дашковой Анна Панина, жена Петра Панина, предложила прокатиться в экипаже, чтобы подышать воздухом, а затем вместе пообедать. После обеда, приняв все предосторожности на случай, если подруга упадет в обморок, Анна сообщила ей последние новости из Польши. Поддерживая политику Екатерины, Михаил Дашков надолго покинул дом и командовал передовой армией, выдвигавшейся к Варшаве. Во время марша через Польшу 17 августа 1764 года после двенадцатидневной борьбы с высокой температурой он умер в Пулаве. Ему было двадцать семь, он был женат пять лет. Дашкова потеряла сознание, серьезно заболела, у нее отнялась вся левая сторона, и в течение следующих нескольких недель она была прикована к постели от слабости и потрясения. Она не могла поверить, что ее муж, молодой и здоровый человек, вдруг заболел лихорадкой и внезапно умер — просто так, без всяких объяснений! Следующей зимой Дашкова встретила привезенное в Москву тело мужа и 11 января 1765 года похоронила его в

фамильном склепе в Новоспасском монастыре. Вскоре после этого его мать ушла в монастырь, а Дашкова провела следующие пять лет в своей усадьбе.

Она была теперь совершенно одинока и, «покинутая своей семьей», более всего хотела видеть брата, но «графа Александра, который никогда не изменял нашей дружбе, в это время не было в России: он занимал пост чрезвычайного и полномочного посла в Голландии» (82/91). В течение многих лет после смерти мужа Дашкова оставалась безутешной и страдала глубокими депрессиями. В письмах братьям она описывала свое одиночество и сожалела, что ее семья, особенно отец, избегали ее и относились к ней как к преступнице. Она надеялась, что отношения их улучшатся, но сомневалась в этом[223]. Члены семьи мало помогали ей, а Семен писал отцу: «По газетам мы известились, что князь Михайло Иванович Дашков в Польше умер; как он был человек честного и весьма доброго сердца и конечно не участник в бешенствах жены своей, то все о нем здесь сожалеют». Намекая на Никиту Панина, он считал, что сестра, без сомнения, «выйдет опять замуж за некотораго человека, с коим у нея толь откровенное и дружеское обхождение»[224]. Он ошибался. В конце жизни Дашкова писала, что лучшим чувством ее жизни была сильная любовь к мужу, а боль и муки от его ранней смерти оставили такое долгое и глубокое чувство утраты, что она так и не смогла вновь выйти замуж[225].

Ее одиночество усилилось, когда Анна Панина, которая заботилась о ней в дни болезни и скорби несмотря на свое ухудшавшееся здоровье, умерла от чахотки в возрасте всего 35 лет. Во время траура по двум самым близким людям ее настигали удар за ударом в сфере финансовых дел, о которых Дашкова ничего не знала. Всегда нуждавшийся в деньгах и привыкший к жизни, полной удовольствий, Михаил Дашков оставил семье огромные долги. Ходили даже сплетни о растрате полковых денег. Он отдавался страсти к азартным играм, которая была характерна для аристократов и привела к финансовому краху многие дворянские семьи. Он передал эту страсть детям, тогда как Дашкова, любившая играть в карты, была слишком бережлива, чтобы делать большие ставки. Теперь ее семейные финансы были расстроены, а кредиторы требовали платы. Так в 1764 году в возрасте двадцати одного года она столкнулась с тяжкими долгами, не имея при этом никакой помощи как от своих родных, так и от родственников мужа.

Перед смертью Михаил Дашков написал письмо своему троюродному брату Никите Панину с просьбой позаботиться о его детях и собственности. Занятый государственными делами и

карьерой, Панин не захотел брать на себя всю ответственность и предложил брату Петру, а затем и Дашковой разделить ее, став законными опекунами. Надеясь быстро справиться с банкротством Михаила, Панин испросил разрешения Екатерины продать часть его собственности, однако Дашкова вмешалась и категорически отказалась что-либо продавать, поскольку считала, что это противоречит интересам детей. Эта собственность принадлежала сыну, дочери и ей самой, так как русские дворянки могли владеть имуществом и землей и не лишались их, выходя замуж. Она отобрала у Паниных права распоряжения семейной собственностью Дашковых и успешно управляла ею сама много лет до совершеннолетия детей. Практично и эффективно распоряжаясь наследством, она умоляла Екатерину спасти ее и детей от нищеты. Чтобы успокоить ее, Екатерина послала Дашковой 20 тысяч рублей на уплату долгов.

Письмо, посланное Дашковой императрице, резко контрастирует с образом силы, гордости и решительности, в котором она предстает в «Записках»: «Я себя и с моими младенцами повергаю к монаршим стопам вашим: воззрите, всемилостивейшая государыня, милосердым оком на плачущую вдову с двумя сиротами, прострите щедрую руку и спасите нас, несчастных, от падения в бедность»[226]. Она также решила покинуть Петербург как можно скорее, избегая тем самым огромных расходов, связанных с жизнью при дворе, поскольку окружавшие монарха придворные должны были тратить гигантские суммы, чтобы поддерживать свое положение в обществе. Когда у нее появились деньги, Дашкова купила меблированный дом на Фонтанке в слободе Семеновского полка и вскоре стала сдавать его внаем.

Все средства, которые Дашкова имела в своей жизни, она смогла приобрести и сохранить только благодаря собственным усилиям. Всегда практичная и прагматичная, она сводила расходы к минимуму, а ее стремление на всем экономить и бережливость — результат неуверенности и неопытности — создали ей репутацию скупой и скаредной. Екатерина называла ее скрягой, прячущей деньги[227]. Рассказывали, что по воскресеньям Дашкова часто обедала у своей сестры Марии, вышедшей замуж за Петра Бутурлина. Семейное предание утверждало, что Дашкова очень любила лимонад, поэтому рядом с ее тарелкой всегда клали большой лимон. В конце еды она клала совершенно выжатую лимонную кожуру в карман — для дальнейшего использования[228].

Дашковой стало ясно, что из-за финансовых проблем и направленных против нее придворных интриг она не может

больше оставаться в столице, несмотря на протекцию Панина. Сэр Джордж Макартни писал по этому поводу: «Вы знаете, что г-н Панин считается всеми ее настоящим отцом, и в самом деле, несмотря на все ее причуды, он всегда смотрел на нее с родительской нежностью. Те, кто желал добра и ему, и его фаворитке, советовали ей покинуть Петербург; пока она оставалась в городе, он часто бывал с ней»[229].

Дашкова продала обеденный сервиз и драгоценности, чтобы выплатить горящие долги кредиторам. Хотя весенняя оттепель сделала дороги почти непроезжими, а переправы через реки опасными, Дашкова покинула столицу в марте 1765 года. Сэр Джордж Макартни описал ее прощальную встречу с Екатериной: «Княгиня Дашкова, которая жила здесь совершенной затворницей после смерти мужа, наконец, приняла решение покинуть столицу и уехать жить в Москву. Она отправилась вчера; но перед отъездом имела честь целовать руки императрице и получить формальное разрешение на отъезд; ее долго не допускали ко двору, но поскольку она теперь его покидала, возможно навсегда, Ее Величество по настоянию г-на Панина согласилась принять ее перед отъездом. Прием был такой, как она и должна была ожидать; он был холодным и нелюбезным; кажется, все довольны, что ее здесь больше нет»[230].

Летом 1765 года, в третью годовщину переворота, Екатерина послала подарки тридцати своим соратникам. Дашкова получила великолепный серебряный обеденный сервиз. Тем не менее она оставалась в немилости и вернулась в столицу только через три года на короткое время, чтобы испросить у императрицы разрешение уехать за границу. В Москве она узнала, что дом в Троицком, и прежде бывший в плачевном состоянии, окончательно развалился. Поэтому она приказала построить на скорую руку небольшое деревянное жилище, в котором прожила восемь месяцев. Оно стало ее убежищем, в котором, главным образом чтобы сэкономить и заплатить долги, она и оставалась вдали от блеска екатерининского двора. «Если бы до моего замужества мне сказали, — думала Дашкова, — что, воспитанная в роскоши и расточительстве, в свои 20 лет я буду отказывать себе во всем, кроме самой простой одежды, я бы не поверила» (83/91). Несмотря на жестокие анекдоты о ее скупости, Дашкова демонстрирует своим поведением скорее большую силу воли и характера, чем жадность. За пять лет она полностью расплатилась по долгам мужа.

Стараясь жить как можно более экономно и не получая никакой поддержки от своей богатой семьи, она чувствовала себя оскорбленной и огорченной поведением свекрови[231]. После

смерти Михаила Дашкова их отношения ухудшились до того, что Анастасия Дашкова не обращала никакого внимания на бедственное положение своей невестки и двух внуков. Дом в Москве на Никитской улице она завещала «своей внучке Глебовой, и я, — пишет Дашкова, — оказалась в Москве без пристанища» (83/92)[232]. Тогда Дашкова в 1766 году купила у Николая Долгорукова участок на Никитской, в приходе церкви Вознесения, но дом там был в руинах и не годен для проживания. Так же, как и в Троицком, Дашкова построила рядом небольшое временное жилище, а позже выдающийся архитектор Василий Баженов при ее непосредственном участии построил на этом месте новый дом. Законченный в 1770-х, обновленный и расширенный в 1780 году, это был большой двухэтажный особняк с полуротондой главного фасада[233]. Дашкова все время вмешивалась в процесс строительства, и Семен в нелестных выражениях прокомментировал ее сотрудничество с Баженовым: «Моя сестра, которая думала, что имеет прекрасный вкус в художествах, вела себя очень странно и наверняка принуждала своего архитектора Баженова, навязывая ему свои идеи и не заботясь о том, соответствуют ли они замыслу архитектора»[234].

Ее удаление от царского двора продолжалось, и в результате Дашкова, вопреки своим надеждам, не принимала участие в политических, социальных и культурных событиях, изменявших Россию. В Петербурге официально открылась Академия художеств, а Екатерина II приобрела 225 работ европейских мастеров, положив тем самым начало коллекции Эрмитажа. Это было время перемен в России, когда Екатерина выдвигала свои политические идеи в «Наказе Комиссии о составлении проекта нового Уложения», хотя необходимые законодательные реформы так и не были завершены. Дидро вспоминал мысли Дашковой по поводу этих перемен: «Когда Екатерина задумала издать свод законов, она спросила совета у Дашковой, которая заметила: „Вы никогда не увидите окончания его, и в другое время я сказала бы вам причину; но и попытка великое дело; самый проект составит эпоху“»[235]. Поскольку ее игнорировали, Дашкова чувствовала себя посторонней. Глубоко разочарованная ситуацией в Петербурге, она с горечью писала Александру в Голландию, убеждая его не возвращаться в Россию, где людям с умом и талантами невозможно было применить свои силы, поскольку все зависело от воли императрицы[236].

С весны 1765 до 1769 года жизнь Дашковой следовала установленному порядку: летом она почти все время жила в своей усадьбе Троицкое, а самые холодные месяцы проводила в Москве. Из-за невозможности проехать по грязным дорогам весной, она

всегда старалась покинуть Москву на санях в марте. Она любила праздновать свой день рождения 17 марта в Троицком и стремилась выехать из Москвы вовремя, иначе ей пришлось бы ждать конца весны, когда дороги подсыхали. Чтобы отправиться обратно в Москву, она ждала первого зимнего снега, который, в зависимости от года, мог стать проезжим в ноябре или даже в конце декабря. Зима делала путешествие гораздо легче и удобнее, и она плавно ехала в закрытых санях по льду и снегу, завернутая в теплые меха. Только семейные заботы и печаль вторгались в медленное, спокойное течение ее жизни, русское сельское житье перемежалось московским высшим светом, одно время года постепенно перетекало в другое. Пока дети выздоравливали после оспы, ее дядя лечился от чахотки. Его состояние все ухудшалось, он слабел, и 13 февраля 1767 года Михаил Воронцов, чей дом долго был домом Дашковой, умер в Москве. Никита Панин был полностью занят приготовлениями к похоронам бывшего канцлера, тогда как Орловы блистали своим отсутствием[237].

Эти годы одиночества и изоляции были посвящены главным образом чтению, сочинительству и воспитанию детей. Дашкова продолжала развивать свои литературные интересы, встречалась с молодыми московскими писателями. Кроме того, она была вынуждена взять под полный контроль свою жизнь и жизнь детей, поскольку полагаться было больше не на кого. Хотя она была абсолютно не готова распоряжаться имениями мужа, она целиком погрузилась в изучение деталей и методов эффективного управления большой, но практически бесхозной и заброшенной собственностью. Дашкова узнала, как ежедневно заниматься усадебным хозяйством, в котором были свои плотники, кузнецы, ткачи, ремесленники, артисты и музыканты. Эта работа требовала коротких поездок для проверки состояния деревень и дел в Туле и Калуге. Она очень не любила такие поездки и гневно жаловалась на плохое состояние дорог и бесчестность местных судей и чиновников. Они все требовали взяток, и она называла их сплошь «подлецами, дураками и пьяницами». Дашкова была добросовестным, усердным управляющим своих имений, у нее имелись природные склонности к администрированию, организации и бухгалтерии. П. И. Бартенев писал о молодой Дашковой, что в 18 лет она уже «отличалась домовитостью и деловитостью»[238]. Постепенно семейное богатство возрастало под ее бдительным взором, проникавшим во все детали роста и развития.

Кроме того, чрезмерно заботливая Дашкова посвятила всю себя образованию своих детей, которым она решила непременно дать наилучшее и самое просвещенное воспитание. Дашкова

видела себя самой передовой из всех прогрессивных матерей России второй половины XVIII века, прививавших своим детям идеи Просвещения[239]. С самого раннего возраста она заточила детей в их комнатах с закрытыми ставнями, где они должны были сидеть часами и, склонясь над книгами, делать уроки. Много лет спустя Марта Вильмот напишет: «Между прочим, если княгиня с мужчинами иногда обращается, как с мальчишками (или как с собаками, когда они ей не угодят), то с детьми она часто обращается, как со взрослыми, требуя от них такого же ума, понимания и увлечений, которые занимают ее собственные мысли, и ее разум как бы стремится состязаться с их разумом» (-/394). Дашкова слишком часто выражала почти навязчивую любовь к своим детям, доминируя и манипулируя ими. Программа обучения, которую она ввела, пренебрегала физическими упражнениями и прогулками и была столь требовательна, что подорвала здоровье детей. Они страдали рахитом, а у восьмилетней Анастасии появились признаки искривления позвоночника.

Дашкова внимательно следила за политическими событиями, например, за начавшейся войной с Турцией, и продолжала встречаться с дипломатами и иностранными сановниками. 4/15 ноября 1767 года Генри Ширли писал из Москвы: «Я окружен врагами, которых тем более следует бояться, что они скрываются под плащом дружбы, у меня нет ни одного друга, кроме княгини Дашковой, которая в большом фаворе у графа Панина»[240]. Особенно тревожили ее новости об оппозиции панинской политике «Северного согласия» со стороны советников Екатерины и о роспуске депутатов Комиссии по составлению проекта нового Уложения, которые свидетельствовали о потере Паниным влияния. Следовательно, оставалось мало надежды на ее скорое возвращение ко двору. В 1768 году Екатерина узнала о новом заговоре в гвардейских полках, при расследовании которого опять всплыло имя великого князя. Наказанием участникам было определено разжалование и ссылка в Сибирь. Дашкова решила, что настало подходящее время для поездки за границу, якобы ради детей. Она надеялась воспользоваться медицинскими возможностями, доступными на Западе, и полечиться на одном из самых знаменитых водных курортов Европы. Пора было сменить обстановку и климат, путешествие послужит также необходимым дополнением к домашнему образованию детей. Хотя манифест 1762 года позволял дворянам свободно путешествовать, фрейлина Дашкова должна была получить разрешение императрицы, но все ее письма оставались без ответа. Дашкова редко открыто выражала свой гнев, поэтому в «Записках» она

просто констатировала, что вместо путешествия в Европу отправилась с детьми в трехмесячную поездку в Киев.

Путешествие, при серьезном и добросовестном к нему отношении, было для Дашковой необходимым элементом образования и самосовершенствования. Поэтому трехмесячная поездка в Киев стала уроком истории, искусства и текущих событий, входе которого Дашкова читала лекции о Киевской Руси. Она рассказывала своим детям о месте рождения России, ее культурном наследии, русском православии и о разрушительном воздействии монголо-татарского нашествия. Они отклонялись от прямого пути, чтобы посетить города и селения и увидеть Малороссию, как в XVIII веке называлась Украина. В Киеве они были гостями губернатора Федора Воейкова, сопровождавшего их при посещении Софийского собора, в котором короновали киевских князей во времена величия города. В Киево-Печерской лавре они осмотрели Успенский собор и другие церкви с замечательными фресками и мозаиками XI столетия. Они также спустились в катакомбы, где в нишах и гротах могли видеть сохранившиеся останки монахов и святых. Особый интерес Дашковой вызвала Киево-Могилянская академия. Основанная в 1615 году, она все еще оставалась центром образования с двумя тысячами студентов. В ней учились многие выдающиеся ученые, в том числе украинский философ Г. С. Сковорода. Ее образовательная традиция была предметом большой гордости для Дашковой, она поведала детям, что члены академии изучали философию Декарта в то время, когда она еще была запрещена во Франции католической церковью. Согласно Дашковой, естественные и гуманитарные науки появились здесь гораздо раньше, чем в некоторых европейских странах. Характерны замечания в ее автобиографии, защищающие Россию от обвинений в отсталости, и ее попытки передать Западу понимание русской культуры, представительницей и посланницей которой она себя считала.

Дашкова вернулась из Киева с еще большей решимостью получить разрешение отправиться за границу в длительное образовательное путешествие. Раз ее письма остались без ответа и не дали необходимого результата, то она обратится к императрице непосредственно. С этой целью на следующий год она поехала в Петербург. В столице больше всего говорили о войне с турками, но Дашкову ничто не могло отвлечь от ее цели. В Петергофе на балу в честь годовщины восхождения императрицы на трон она смело объявила о цели своего приезда вслух перед группой русских и иностранных сановников. Возникла напряженная ситуация, поскольку она поставила

Екатерину в затруднительное положение. Ответ императрицы был тщательно взвешен: она уверила Дашкову, что та может делать все, что захочет. Тон ее при этом был небрежным и холодно-вежливым, но Дашкова была довольна успехом своей тактики и немедленно начала приводить в порядок дела и готовиться к отъезду. Большое путешествие в Европу было предприятием дорогостоящим, а поддержка раздраженной императрицы составила жалкую, как считала Дашкова, сумму в четыре тысячи рублей. Значит, ей придется путешествовать инкогнито под именем Михалковой, произведенным от одного из подмосковных семейных имений. Таким образом Дашкова могла избежать приглашений к европейским дворам с их строгими правилами этикета и свести расходы почти исключительно к тратам на еду, жилье и лошадей. Путешествовать легче без многочисленных придворных платьев, бальных костюмов и одежды для верховой езды. И так нужно будет брать с собой множество утренних, вечерних платьев, платьев для прогулок и визитов, а также туфель, шлепанцев, чулок, шляп, плащей, шалей, платков, перчаток и перьев.

Теоретически псевдоним давал Дашковой некоторую степень мобильности и свободы действий, чтобы посвятить себя собственным проектам и интересам. Многие русские совершали тогда вояжи под чужим именем, подражая Петру I, который пользовался псевдонимом «Петр Михайлов». Особы королевских и царских кровей, путешествуя инкогнито, участвовали в своего рода маскараде, поскольку все прекрасно знали, кто они. Для Дашковой, однако, этот маскарад был чем-то гораздо более серьезным, нежели игры или балы ее детства. Надевая различные личины, она пыталась всячески сбить с толку шпионов Екатерины. Маскировка даст ей, путешествующей знаменитости и подозрительной заговорщице, изгнанной из Петербурга, некоторую степень защиты от посторонних глаз. Утаивание было теперь образом жизни для Дашковой, скрывавшей чувства и никогда не выражавшей открыто своего разочарования. Она скрывала под сменявшими друг друга масками неудовлетворенность, которую испытывала при дворе, горечь разрыва с Екатериной, печали ее личной жизни. Официально она ехала в Европу ради улучшения здоровья и образования своих детей, чтобы избавить их от таких грубых и порочных учителей, как семинарист Кутейкин, отставной сержант Цыфиркин и немец Вральман, которых Фонвизин обессмертил в своей пьесе. Выказывая большую заботу о своих детях и молчаливо делая то, что, по ее мнению, приличествовало матери и вдове, Дашкова готовилась покинуть Россию.

Глава вторая
ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ГРАНИЦУ

В декабре 1769 года Дашкова отправилась в путешествие по странам континентальной Европы и Англии, продлившееся два года. Впавшая в уныние и рассерженная из-за удаления от двора, она тем не менее была полна решимости восстановить свои отношения с Екатериной. Поездка даст ей свободу надевать различные маски, но главным образом она будет представлять себя преданной и ценимой подданной императрицы. Она будет изучать все стороны современной европейской жизни с целью их приложения к преобразованию и модернизации России.

Сначала Дашкова отправилась в Ригу, где наняла лошадей для путешествия в Берлин. Она ехала вместе с девятилетней Анастасией и шестилетним Павлом, гувернанткой Пелагеей Каменской — ее многолетней компаньонкой, — и троюродным братом Иваном Воронцовым. Иван, дипломат при российских посольствах в Лондоне и Гааге, был хорошо знаком с жизнью в Западной Европе; он будет ее гидом и советчиком во время первого путешествия. Они ехали по суше в сопровождении каравана слуг, поваров и кухни со всей посудой, кастрюлями и сковородками. По пути, в Кёнигсберге, Дашкова нанесла визит своей подруге Шарлотте Амалии, известной художнице-миниатюристке и невестке Германа Кейзерлинга, российского дипломата и бывшего президента Академии наук. Как полномочный российский посланник он способствовал избранию бывшего любовника Екатерины Станислава Понятовского на польский престол. В компании подруги она провела шесть дней, после чего путешественники направились в Данциг.

Остановка в Данциге дала Дашковой возможность еще раз, теперь театрально, осуществить переворот. В «Записках» она описывает гостиницу «Россия» *(Hôtel de Russie),* где часто останавливались русские путешественники и где она с раздражением увидела две большие картины, изображавшие поражение русских войск и их сдачу на милость прусским победителям. Для Дашковой такое изображение Семилетней войны было карикатурой, поскольку у нее участие русских в войне ассоциировалось со славным захватом Берлина фельдмаршалом Захаром Чернышевым. Ранее эта живопись огорчила Алексея Орлова, который тем не менее ничего не сделал — не купил картин и не сжег их. Это напомнило Дашковой 1762 год, когда Петр III попытался подчинить все русское своей пропрусской политике, и Орловы не могли с этим ничего сделать.

Ее же реакция была решительной, смелой и неожиданной. Она немедленно послала за масляными красками и ночью, запершись в зале с картинами, перерисовала их. Среди ее сообщников был Петер Штелин, умелый художник, гравер и переводчик, который ехал вместе с ней в Берлин. Он знал, как держать кисть, и работал всю ночь, пока они не достигли желаемого результата: «Пруссаки, изображенные победителями, превратились в побежденных» (86/94).

Ночное перекрашивание картин веселой компанией было не просто невинной шалостью. Вспоминая и заново проигрывая свое участие в перевороте, Дашкова была вполне довольна своим «ребячеством». Эта сцена в ее автобиографии казалась анекдотичной и несущественной, но в ней не было ничего произвольного или случайного. Скорее, этот эпизод повседневной жизни Дашковой был типичной деталью, раскрывавшей главные организующие мотивы «Записок». В легкомысленной, почти бесцеремонной манере Дашкова продемонстрировала проблемы и отношения, определявшие ее рассказ. В Данциге действия Дашковой казались веселыми и игривыми. Тем не менее они были разрушительными и провокационными, поскольку бросали вызов приличиям, принятым правилам поведения и подразумевали некоторую свободу от ограничений установленного порядка. Кроме того, перекрашиванием мундиров русских и прусских солдат она подчинила вопрос исторической достоверности «переодеванию» событий прошлого и переигрыванию переворота согласно собственной интерпретации истории. Еще более того, маскарадный дух с его склонностью к изменчивости и свободе определил отношение Дашковой к обществу, истории и самой себе: «Я была чрезвычайно довольна своей дерзкой выходкой» (87/95).

Такой довольной собой Дашкова доехала до Берлина, где оставалась два месяца и где умно придуманное инкогнито ее подвело. Репутация молодой женщины, возглавлявшей дворцовую революцию и свергнувшей императора, обогнала ее. За границей некоторые думали, что Екатерина выгнала ее из России, другие же считали шпионкой императрицы. Королевская семья узнала о присутствии Дашковой в Берлине, и из Сан-Суси Фридрих II пригласил ее явиться ко двору. Легкое, несмотря на тщательно подготовленную маскировку, разоблачение рассердило Дашкову, но оказанное внимание понравилось ей. Она с неохотой купила новое черное платье, подходящее для женщины, все еще находящейся в трауре. Королева Елизавета Христина, которая тоже интересовалась литературой, приняла княгиню тепло, и с этого момента то сама королева, то ее сестра стали приглашать ее

ко двору. Дашкова была благодарна дамам за доброту до такой степени, что даже нехотя одарила Фридриха Великого комплиментом: «Я говорю великого, потому что он вполне заслуживает этого эпитета, если только военный гений и постоянные заботы его о народном счастии, перед которыми смирялись даже собственные его страсти, ему дают право на это название» (88/-)[241]. Однако она приехала в Европу ради здоровья детей и была полна решимости ехать дальше, чтобы воспользоваться ваннами и водами Ахена и Спа.

Покинув Берлин, Дашкова с компанией пересекла Вестфалию и остановилась в Ганновере, чтобы починить экипажи. В это время она опять могла возобновить маскарад и избегать дальнейших приглашений и нежелательных светских обязанностей. Однажды вечером они вместе с Каменской были в опере, где делили ложу с двумя любезными дамами. К концу последнего акта Дашкова из чувства свободы и озорства открыла им, что она — певица, а ее подруга — танцовщица и они ищут работу в Ганновере. Недовольные светские дамы стали гораздо менее любезными и даже отодвинулись от них как можно дальше. Розыгрыш доставил Дашковой удовольствие и дал возможность сыграть роль, которую ей запрещали в детстве. Ее семья считала профессиональные занятия пением и музыкой неприличными для девушки ее круга, а теперь, вдали от дома и под вымышленным именем, она могла вообразить себя в роли артистки, чтобы шокировать и раздражать других.

Хотя перерыв в путешествии был коротким, Дашкова успела тщательно записать породы лошадей и особенности сельского хозяйства в Ганновере и вокруг него. Наконец они опять отправились в путь, и по прибытии в Ахен Дашкова сняла дом напротив источников. Ее посещения города в 1770 и 1776 годах отмечены сегодня памятной доской наряду с визитами других важных русских путешественников XVIII века, таких как Григорий и Алексей Орловы в 1780 году. В феврале она написала отцу, умоляя его: «Сделайте мне сию несказанную милость, уведомив меня… что я не лишена вашей отеческой милости, я тогда только могу быть спокойна»[242]. За время путешествия Дашкова написала Роману Воронцову несколько писем, но он отвечал редко и неохотно. Только летом 1771 года, когда Дашкова все еще была за границей, письма, наконец, показали, что их отношения улучшились. Дашкова вопреки всему надеялась, что разлад, длившийся почти десять лет, подходит к концу. После короткой остановки в Ахене она проследовала в Спа в Арденнском лесу с его теплыми источниками и пасторальными видами. Это были любимые воды европейской элиты. Титулованные,

высокопоставленные и могущественные туристы приезжали сюда отдыхать, пить воду, купаться в бассейнах, общаться и оставлять деньги за карточными столами, сражаясь в фараон и другие азартные игры.

В Спа она встретила Жака Неккера, швейцарского банкира и министра финансов Людовика XVI, и его жену Сюзанну Неккер, писательницу, чей литературный салон в Париже соперничал с салонами мадам Жоффрен и мадам дю Деффан. Четырехлетняя дочь Неккеров Анна Луиза Жермена станет потом известна как мадам де Сталь. Встречи Дашковой с Неккерами в Спа и позже в Париже заронили в душу девочки интерес к России. Среди других знакомых были лорд и леди Сассекс и две женщины, которые станут ее подругами на всю жизнь, — Кэтрин Гамильтон, дочь Джона Райдера, протестантского архиепископа Таума и епископа Ардага, и Элизабет Морган, дочь ирландского политика Филипа Тисдейла. Жена Тисдейла была в Дублине главной покровительницей Анжелики Кауфман — немецкой художницы, которая очень нравилась Дашковой. С помощью двух своих подруг Дашкова начала в Спа учить английский. Каждое утро они вместе читали английские книги, и спустя некоторое время Дашкова начала прокладывать путь сквозь сочинения Шекспира. Женщины договорились встретиться снова, вернувшись в Спа, а Дашкова обещала приехать в Экс-ан-Прованс, где Кэтрин Гамильтон собиралась провести зиму со своим отцом. В сентябре 1770 года Дашкова получила экземпляр проповеди митрополита Платона на победу русского флота при Чесме. Она перевела ее на французский и передала своему другу, доктору Джону Хинчклиффу, епископу Питерборо, который, в свою очередь, перевел ее на английский и напечатал в Оксфорде. Хинчклифф рекомендовал для Павла Вестминстерскую школу в Англии, и в сентябре княгиня покинула Спа с намерением записать в нее своего сына[243].

Пересечение Дашковой Дуврского пролива подарило ей новое и неприятное приключение. Она первый раз была в море и во время всего плавания страдала морской болезнью на руках семьи Тисдейл, вместе с которой путешествовала. Дашкова прибыла в Лондон с детьми и гувернанткой Каменской и заняла комнаты в Джентльменс-отеле[244]. 20 августа 1770 года она направила русскому послу Алексею Мусину-Пушкину просьбу зарезервировать комнаты и приготовить дом для нее и ее окружения. Лондон в конце XVIII века был непропорционально большим городом с населением почти в миллион человек. Купол собора Святого Павла величественно поднимался над городским пейзажем, полным бесконечных башен, церковных шпилей и

дымовых труб. Для Дашковой это был город, не сравнимый ни с каким другим, центр искусства, архитектуры, промышленности, финансов и торговли. Там она делила свое время между женой посла и Элизабет Морган, ее подругой из Спа, а также прилагала всяческие усилия, по словам Уолпола, «чтобы поместить своего сына в Вестминстерскую школу»[245]. Кэтрин Вильмот писала, что Павел посещал Вестминстерскую школу в течение двух месяцев, но гораздо более вероятно, что усилия Дашковой не увенчались успехом[246].

За время своего краткого пребывания в Англии Дашкова хотела увидеть как можно больше и, когда Элизабет Морган уехала в Дублин, приготовилась к двухнедельной экскурсии по Северной Англии. Утром 15 октября она отправилась в путешествие вместе с дочерью, гувернанткой и Иваном Воронцовым, но без сына, которого, вероятно, оставила у Мусина-Пушкина для продолжения занятий. Группа направилась в Гилдфорд и Портсмут, где Дашкова проинспектировала военно-морские сооружения, а затем далее в Саутгемптон и Солсбери. Огромный собор в Солсбери ей не понравился, она предпочла фабрику ковров, металлообрабатывающий завод и городские магазины. Стоунхендж ее поразил. Затем она поехала в модные тогда курортные города Бристоль и Бат, где присоединилась к тем, кто лечился от ревматизма, подагры и разных болезней. Дольше всего она оставалась в Бате, изучала его классическую архитектуру, принимала воды, посетила концерт и бал и послушала проповедь своего знакомого, епископа Питерборо. Из Бата она вернулась в Лондон через Вудсток, Оксфорд, Виндзор и Хэмптон-Корт. В Оксфорде русские студенты, обучавшиеся в университете, приветствовали ее, а вице-канцлер подарил ей альбом с изображениями скульптур и барельефов. Она осмотрела колледжи, музей Эшмола, издательство «Кларендон» и Бодлеанскую библиотеку, где ознакомилась с русскими рукописями. Она сильно заинтересовалась русско-греческим словарем, поскольку уже тогда думала о необходимости создания полного словаря русского языка. Она пробыла в Оксфорде три дня, но разочаровалась в нем и написала, что университет «уже совсем не тот, что был когда-то».

Дашкова была серьезной, просвещенной путешественницей, записывавшей свои наблюдения и ведшей дневник. Она решила, однако, опубликовать только описание своих поездок по Англии — стране, которая ей понравилась больше всего и которую она хотела представить российскому читателю. Она описала свою экскурсию в «Путешествии одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям», в травелоге, который стал

«первым появившимся в России отчетом такого рода»[247]. В нем она рассказывала, как по пути изучала устройство английских садов и посещала великолепные дома и усадьбы, в том числе Бленхейм герцога Мальборо и Уилтон-хауз лорда Пемброка. В то время она не подозревала, что в 1808 году ее племянница, дочь Семена, выйдет замуж за Джорджа Августа Герберта, одиннадцатого графа Пемброка и восьмого эрла Монтгомери[248]. Екатерина Семеновна станет хозяйкой дома и будет «ездить на своих русских санях по этим самым лужайкам»[249]. Устройство садов и парков играло особую роль в жизни княгини, и она разглядывала английские пейзажные сады *(jardins paysagers)* «нового стиля», очень модного в то время. Их устройство казалось естественным и нерегулярным, в них соединялись лужайки, открытые пространства, вьющиеся дорожки, рощи и ручьи, искусственные пруды и водопады. Такая планировка создавала идеализированный английский ландшафт и пробуждала романтическое настроение. Часто среди деревьев и воды обнаруживались сюрпризы — павильоны, классические храмы, гроты или искусственные руины. Эти сады были для Дашковой просвещенными образами возвращенного рая на земле, соединившими страсти и разум, порядок и хаос, спонтанное и организованное, индивидуальное и природное. Она чувствовала, что они были достойны эпических описаний. Из путешествия в Европу Дашкова привезла в Россию свои находки, чтобы использовать их при переделке имения на английский манер. Ее посадки стали гораздо менее формальными, когда она перестала стилизовать сады на французский лад согласно великолепному дизайну, развитому во Франции XVII века, предпочитая лужайки и виды английского стиля. Дашкова применила результаты своих наблюдений в архитектуре и садах своего московского дома и усадьбы Троицкое.

Дашкова изучала с практической точки зрения всё, от садов до последних технических достижений, записывая то, что ее интересовало не только в искусстве, обществе и образовании, но также в техническом прогрессе и сельскохозяйственных достижениях. В Лондоне она посетила выставку технических новшеств в области сельского хозяйства и промышленности; все они, писала Дашкова, были разработаны на благо успешных и просвещенных людей. Она проявила большой интерес к хранилищу Королевского общества поощрения искусств, промышленности и торговли, основанного в 1754 году для развития хорошо организованного и процветающего общества. Дашкова подписалась на книгу Уильяма Бейли «Успехи искусств, производства и торговли»[250]. Это обширное иллюстрированное

сочинение с пятьюдесятью пятью гравюрами, изображавшими современные промышленные машины, впервые вышло на английском в 1772 году. Дашкова приняла сторону прогресса, когда много лет спустя участвовала в оживленных дебатах о преимуществах традиционной деревянной сохи по сравнению с принятым на Западе стальным плугом. В 1807 году Федор Ростопчин в статье «Плуг и соха» выступил в защиту традиционных российских методов ведения сельского хозяйства и раскритиковал иностранное, особенно английское, влияние. Дашкова в «Мнении о плуге и сохе» оспорила его традиционалистские взгляды[251].

Вернувшись в Лондон 29 октября 1770 года, Дашкова провела там более двух недель. Она не появлялась при королевском дворе, где ее брат Александр после поступления на дипломатическую службу был несколько лет назад полномочным представителем России, но продолжила свое знакомство с искусством и историей Англии. Она встретила у герцогини Нортумберлендской Хорэса Уолпола, и он заметил, что она «говорит обо всем недурно и без разительного педантизма, очень быстра и оживлена. Она ставит себя выше всякого внимания к платью и всему женскому, однако поет нежно и приятно милым голосом»[252]. Последние дни ее визита были посвящены главным образом осмотру достопримечательностей, а к отъезду она готовилась с большим сожалением. Дашкова полюбила Англию больше всех других зарубежных стран, ей понравилась ее система образования и форма правления, которая «превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях»[253]. Она восклицала: «Как это я не родилась англичанкой?! Я обожаю свободу и пылкость этого народа»[254]. Дашкова сказала также: «Я действительно думаю, что всемогущий Господь должен быть горд, когда говорит „Я сотворил английскую женщину“», а Кэтрин Вильмот добавила: «Она, однако, не выражает и половину такого восторга по отношению к английским *мужчинам*»[255]. Дашкова была полна решимости вернуться в Англию, чтобы еще лучше познакомиться со страной и дать сыну английское образование.

Обратный переезд на континент, из Дувра в Кале, был опасен и труден. Выл ветер, свирепствовал шторм и в течение двадцати шести часов волны заливали палубу и каюты. Испуганные дети не спали, и Дашкова, которая тоже не могла заснуть, рассказывала им о выгодах храбрости и важности предания себя воле Божьей. К счастью, они прибыли, наконец, в Кале невредимыми и после кратких посещений Брюсселя и Антверпена проследовали в Париж.

В Париже Дашкова сняла комнаты на Рю де Гранвиль. Собираясь пробыть здесь только 17 дней, она максимально использовала каждую минуту. Она просыпалась рано, и ее утренние экскурсии иногда затягивались далеко за полдень. Она посещала церкви, памятники, студии художников. По вечерам она скромно сидела на одном из ярусов в одном из театров: «Простое черное платье, такая же косынка на шее, скромная прическа горожанки скрывали меня от любопытных глаз» (91/98). Она всегда ждала встреч с Дидро, которого глубоко уважала: «Его деликатность и горячее участие в друзьях, среди которых, надеюсь, он числил и меня, делают его память дорогой для меня, покуда я жива» (93/101). Они часто виделись с Дидро — согласно Дашковой, ежедневно, — ехали в экипаже к ней, обедали, а затем говорили до поздней ночи. Дидро, однако, писал, что провел с ней всего четыре вечера приблизительно с пяти часов до полуночи.

С помощью Дидро она прилагала все усилия, чтобы избежать внимания сановников, многие из которых жаждали увидеть молодую женщину, сумевшую, по убеждению историков того времени, в одиночку изменить курс огромной империи. События 1762 года и особенно степень участия в них Екатерины были предметом огромного интереса для французских мыслителей, включая Дидро и Вольтера, которые в прошлом поддерживали только что коронованную императрицу и возлагали на нее большие надежды. Теперь, когда Дашкова была в Париже, появилась возможность услышать из первых уст свидетельство очевидца и узнать больше о вовлеченности Екатерины в убийство мужа-императора. Дашкова, внезапно став знаменитостью, хорошо понимала, что является объектом необычайного интереса в интеллектуальных и официальных кругах. Однажды вечером, когда они сидели вдвоем с Дидро, явились мадам Неккер и мадам Жоффрен. Дашкова встречала Сюзанну Неккер в Спа и знала, что Мари Жоффрен — одна из наиболее одаренных и просвещенных женщин XVIII столетия, поддерживавшая дружеские отношения с большинством ведущих энциклопедистов, художников, писателей и интеллектуальной элитой Парижа. В юности она дружила с Антиохом Кантемиром, российским поэтом и послом во Франции с 1738 по 1744 год. Она переписывалась с Екатериной II, Станиславом Понятовским и другими монархами.

Дидро посоветовал княгине не принимать этих знаменитых и образованных женщин, хозяек самых известных в Париже литературных салонов. Он чувствовал, что они хотят лишь удовлетворить свое любопытство и что вскоре после встречи о ней станет судачить весь город. Встреча с этими женщинами не

сулит ей ничего хорошего, но может сильно навредить ее репутации в России. В течение трех лет мадам Жоффрен была в плохих отношениях с Екатериной, перестала с ней переписываться и объявила вслух о своих сомнениях в том, что Екатерина является тем просвещенным монархом, которого из нее сделали Вольтер и Дидро. Следуя совету Дидро, Дашкова отказалась их принять и отклонила последовавшие приглашения, опасаясь оказаться объектом неумеренных сплетен, которые могут обратить на себя внимание Екатерины. Будучи в Европе, она следила за тем, чтобы оставлять благоприятное впечатление, о котором может быть доложено императрице, и, следовательно, тщательно избегала таких людей, как де Шуазель, не пользовавшихся уважением Екатерины.

По этой же причине она отказалась встретиться с Клодом Карломаном де Рюльером, французским историком, писателем, поэтом и дипломатом, ставшим в 1787 году членом Французской академии. Он был секретарем барона де Бретёя во французском посольстве в Санкт-Петербурге; Дашкова хорошо его знала, а он часто посещал дом Каменской в Москве. В 1768 году он написал сочинение «История и анекдоты о революции в России 1762 года» *(Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en l'an 1762),* в котором приписал Дашковой роль главного организатора дворцового переворота и нелестно отозвался о Екатерине. Императрица смогла на время остановить публикацию «Истории», обязав русского посланника в Париже приобрести рукопись. Рюльер обещал не публиковать книгу при жизни императрицы, но читал отрывки из нее в литературных салонах Парижа. Первое чтение прошло уде Шуазеля, второе — у мадам дю Деффан, а третье — у мадам Жоффрен[256]. Приняв его, объяснил Дидро, Дашкова показала бы, что одобряет его сочинение. Дашкова совершила бы политическую ошибку, связав свое имя с этим сочинением, поскольку Екатерине, конечно, об этом бы донесли. Дашкова была вдвойне обязана своему другу, так как после ее отъезда Дидро написал Екатерине и подчеркнул ее большую привязанность к императрице. Он описал, как она отказалась встретиться с Рюльером в ряде случаев и тем самым подвергла сомнению правдивость его рассказов в глазах парижского общества. Дашкова всегда была благодарна Дидро за помощь в восстановлении ее репутации при русском дворе. Она встретится с Рюльером во время своего второго визита в Париж, но прочтет его «Историю», видимо, гораздо позже и в рукописи.

Конечно, французские дамы были весьма раздосадованы поведением Дашковой и выражали свое разочарование в самых неприятных словах. Рюльер писал графине д'Эгмон в 1773 году:

«Кое-кто, это правда, из тех, кто был знаком с княгиней Дашковой во время ее путешествий, не узнал в ней той юной княгини, что заинтересовала их в моем рассказе. Я прошу их обратить внимание, что она описана там в возрасте восемнадцати лет и что я сам объявил в заключении об изменении, произошедшем с ней в результате опалы… Она потеряла в таком нежном возрасте всякие иллюзии относительно удачи, дружбы и славы. Унижение нанесло вред этому пылкому и благородному характеру, который побудил ее принести в жертву свою семью»[257].

Дидро написал в целом объективный отзыв о Дашковой, которая в двадцать семь лет не была красива и выглядела почти на сорок: «Печальная жизнь ее отразилась в ее внешнем виде и сильно расстроила здоровье»[258]. В «Характеристике княгини Дашковой» Дидро пишет: «Небольшого роста, с открытым и высоким лбом; с полными раздувшимися щеками, с глазами среднего размера, несколько заходивши под лоб, черными бровями и волосами, немного плоским носом, широким ртом, толстыми губами, круглой и прямой шеей, национальной формы, с выпуклой грудью — она далеко не очаровательна; в ее движениях много жизни, но не фации; ее манеры симпатичные. Общее выражение лица производит благоприятное впечатление. Характер ее серьезный, она говорит по-французски свободно; разговор ее сдержанный, речь простая, сильная и убедительная. Сердце ее глубоко поражено несчастиями; и в образе мыслей ее проявляются твердость, высота, смелость и гордость. Я убежден, что она любит справедливость и дорожит своим достоинством»[259].

Этот портрет не был однозначно лестным, и все же Дашкова произвела впечатление на Дидро. Он отметил, что она была живой, смелой и решительной женщиной. Ее прямота, язвительность и эрудиция привлекли его. Серьезная, красноречивая, задумчивая и полная достоинства, она выглядела как «решительный враг личной светской жеманности»[260]. Хотя она бегло говорила по-французски, в его глазах она была воплощением русскости, русской женщиной «телом и душой», которая высоко ценила справедливость, идеи которой были благородны и выражены убежденно. Она любила науку и искусство и питала отвращение ко всем формам угнетения: «Она искренно ненавидит деспотизм и все проявления тирании»[261].

Все же англофилия Дашковой не понравилась Дидро и оскорбила его чувство национальной гордости. «Она так любит англичан, что я боюсь за ее пристрастие к этому антимонархическому народу в ущерб моей собственной нации»[262]. Когда их разговор перешел к политике, Дашкова

защищала преимущества конституционной монархии, основанной на английской парламентской системе управления. Как и большинство членов ее семьи, включая братьев Семена и Александра, она придерживалась проанглийских взглядов, а ее восхищение Англией считалось в то время либеральным. Она говорила с Дидро открыто и объективно о существовавшем в России правительстве и, решительно придерживаясь конституционной формы правления, чувствовала, что Россия еще не готова принять ее. Ее критический анализ тогдашней ситуации в России исключал Екатерину, о которой она высказывалась с восхищением, несмотря на многие разочарования. Возможно, ее споры с Дидро повлияли на его решение посетить Россию.

Дидро не мог игнорировать главное противоречие в жизни Дашковой, да и она не могла удовлетворительно обосновать несопоставимость идеалов, которых она искренно придерживалась, и реальности крепостничества. В течение XVIII века положение крепостных в России ухудшилось, а их экономическая эксплуатация привела к полной зависимости от хозяев. Следовательно, было неизбежно, что в один из вечеров вопрос о крепостном праве в России всплывет, и Дидро спросил Дашкову о рабстве крестьян, от которого она зависела экономически. В середине столетия по всему цивилизованному миру в образованных кругах обсуждалось разительное противоречие между просвещенными принципами неотъемлемого достоинства всех людей и мерзостями рабства и крепостничества. Европеизация России привела к конфликту новых идей социальной организации, естественного права, прав человека и равенства с экономической зависимостью России от сельского хозяйства и труда крепостных. «О духе законов» Монтескье и статьи французских философов склоняли русских мыслителей к отмене угнетения во всех его формах. Екатерина в «Наказе» также широко использовала труд Монтескье при анализе природы правления и социальных структур. Хотя она и намекала на возможную отмену крепостного права, но, встретив сопротивление дворянства, отложила свое предложение.

Екатерина поощряла публичное обсуждение проблем крепостного права. В 1765 году представители либерального дворянства от имени Вольного экономического общества объявили конкурс сочинений по вопросу крепостного права и о желательности крестьянского владения землей. Победителем вышел Беарде де л’Аббай, член Дижонской академии, работа которого акцентировала самоочевидную истину, что свобода желаема для всех. Описывая тяжелые условия жизни крестьянства в России, он утверждал, что реформы нужно как следует

подготовить и они не должны начинаться преждевременно. Он заключал, что постепенное освобождение стоит на повестке дня и что крестьяне должны «быть готовы принять свободу, до того как им будет передана какая-либо собственность»[263]. Так как дворяне становились все более зависимыми от своих крепостных и считали их своей собственностью и мерой богатства, они приветствовали обоснования продолжения существования этого жестокого и одиозного порядка[264]. Отец Дашковой поддержал выигравшую работу и в ноябре 1767 года выступил в Уложенной комиссии за ее публикацию на русском и французском языках. Тезис Беарде де л'Аббая был приемлем для дворянства и для Дашковой, а ее аргументы в споре с Дидро отражали многие его позиции.

В «Записках» Дашкова представила встречи с Дидро как повод рационализировать и оценить свои взгляды на крепостное право, поскольку разбор очевидных несоответствий в ее идеях мешал представлять Россию и ее собственную жизнь в положительном свете. Она чувствовала необходимость серьезной защиты, описывая диспут в форме монолога, где Дидро играл роль воображаемого оппонента, не предлагавшего никакой убедительной альтернативы ее незащищенной позиции. Такая немногословность со стороны Дидро очень маловероятна, поскольку он был весьма красноречив и не лез за словом в карман. Казалось очевидным, что в свете влиятельных и просвещенных европейских понятий о естественных правах личности крепостное право должно было быть отвратительным для Дашковой. Однако ее слова и действия не были выражением чувства негодования или отвращения. Она отвергала крепостничество только в принципе, но на практике не могла игнорировать экономические и социальные факторы. Дашкова чувствовала, что крестьяне не способны еще существовать без хозяйского руководства и было бы ошибкой рассказать им об их положении. Поэтому «самая передовая русская женщина XVIII века поясняла, что народ напоминает ей слепца, счастливо живущего на вершине скалы и не ведающего об этом. Внезапно прозрев, он станет глубоко несчастен»[265].

Дашкова напрямик объявила себя объективной и незаинтересованной, не поддерживавшей только крестьянскую или только барскую точку зрения. В молодости она была идеалисткой, когда дала большую свободу крепостным своего имения в Орловской губернии в надежде, что это приведет их к счастью и процветанию. К сожалению, эксперимент провалился, когда алчные и коррумпированные местные власти сделали беззащитных крестьян своей жертвой. Оглядываясь на свой

ранний идеализм, Дашкова представила одну из самых широко распространенных тогда позиций, защищавших крепостное право, которая акцентировала беспомощность крестьян и патернализм барина. Оставленные на произвол судьбы свободные крестьяне будут терпеть притеснения со стороны различных посредников и бесчестных спекулянтов, им потребуется защита, и они не смогут вполне насладиться преимуществами юридической и экономической свободы.

Дашкова, как и многие ее современники, считала обязанностью дворян-землевладельцев охранять свое одушевленное движимое имущество от ущерба и излишней эксплуатации. Их долгом было защищать и обеспечивать всем необходимым для хорошей жизни рабочую силу, трудившуюся в имениях. В самом деле, патернализм казался совершенно разумным, поскольку благоденствие крестьян было нужно для богатства и процветания землевладельца. Дашкова не была свирепой или жестокой хозяйкой, но не была она и необычайно щедрой или исключительно либеральной. Благоразумие и здравый смысл всегда определяли ее действия, поскольку она прекрасно понимала, что крепостное право составляло экономическое основание ее жизни. Столкнувшись с противоречием между институтом крепостничества, необходимым для ее финансового благополучия, и идеалами Просвещения, она предпочла первый. Плохое обращение с крепостными является экономически ошибочным и, в конце концов, неэффективным. Дашкова представила обычный аргумент: было бы сумасшествием уничтожать собственное имущество. При этом она полностью осознавала антигуманные черты крепостного права, например, насильственный набор в армию, продажу крестьян в отдаленные деревни с разлучением семей, неограниченную и деспотическую власть хозяев над своими холопами без всяких законных прав. В письме Александру, написанном во время правления Павла, она осудила жестокое насилие помещика Михаила Каменского[266]. Конечно, необходимо было возместить нанесенный вред, наказать обидчиков и выплатить компенсации, но Дашкова была уверена, что помещики-садисты в России — редкость.

Очевидно, она судила по своему собственному опыту, поскольку по всем рассказам она была доброй помещицей, хорошо заботившейся о своих крестьянах. Журнал Марты Вильмот фиксирует, что участь дашковских крестьян была сравнительно лучше, чем у тех, кто жил в более бедных областях России, а княгиня стремилась быть просвещенной хозяйкой — рациональным организатором и добросовестным управляющим

своих имений, следящим за счастьем и процветанием крепостных. Так, Дашкова разгневалась, когда ее дочь продала сотню душ из деревни Коротово. Она выкупила их обратно за четыре тысячи рублей и, чтобы покрыть свои расходы, установила оброк в семь рублей на четыре года, а потом снизила его до двух рублей[267]. Это не была чрезмерно большая сумма, как заявил Семевский, но она не была и столь великодушной, как это описывала Дашкова. «Я обложила ее [Анастасии] крестьян только оброком, таким легким, таким незначительным, что они почитали себя счастливыми. Те из них, которые раньше покинули свои дома, теперь возвратились» (192/180)[268]. Она была весьма практична и разбиралась в финансовых делах, поскольку в то время денежный оброк крестьян составлял в среднем от двух до пяти рублей, и Дашкова считала, что три рубля были вполне нормальной суммой[269]. В отличие от дочери она не была бездумно жестокой или бесчеловечной со своими крепостными, и поэтому унаследованные Анастасией крестьяне просили оставить их в собственности семьи Воронцовых[270]. В итоге, ученица Дидро и Вольтера, чья жизнь была столь необычна, стала рациональной и экономной, озабоченной собственным благосостоянием и независимостью распорядительницей одушевленной собственности.

Защита крепостничества на основе лишь экономических факторов не могла удовлетворить Дидро. Философ настаивал на том, что свобода гораздо более важна и что через какое-то время она приведет к большему процветанию и продуктивности. Он высказал свой взгляд на крепостничество, которое приравнял к рабству в своих записках Екатерине и комментариях к «Наказу». Вместе с Вольтером и Руссо, идеи которых отличались лишь по вопросу о распределении собственности, он настаивал на немедленной и полной отмене крепостного права. Основанный на российской реальности и определяющей роли сословий ответ Дашковой был отнюдь не демократическим и не эгалитарным. Она оценила проблему реформ в контексте установленной иерархии, существующих законов и общественного блага. Хотя она была женщиной, искавшей независимости и самоопределения, ее аргумент несет отпечаток распространенного в России XVIII века идеала иерархического государства и четко определенных каст, в котором индивидуумы принадлежали к конкретной социальной группе или сословию, определявшему по закону их права и обязанности. Конечно, были и исключения, самое яркое из них — Михаил Ломоносов, сын богатого государственного крестьянина из Архангельской губернии, ставший к концу жизни владельцем крепостных. Для

Дашковой преждевременное применение абстрактных философских понятий «человеческого достоинства» и «свободы» поставит под угрозу существующую иерархию, подорвет ведущую роль дворянства и ослабит контроль, необходимый для сохранения установленного порядка.

Дашкова защищала свое элитарное положение в российском обществе и отклонила вопрос о личной зависимости крестьян, предложив в ответ факт обязательной службы части дворянства. Если дворянство когда-нибудь реализует свое освобождение от службы монарху, она первой подпишет декларацию о крестьянской свободе. Дашкова прекрасно знала, но предпочла проигнорировать множество реальных дворянских свобод. Она не упомянула, что манифест о вольности дворянства 1762 года фактически освободил его от обязательной службы в армии и в государственной бюрократии. Следовательно, дворяне могли выйти в отставку, вернуться в свои усадьбы и вести такую жизнь, какую им заблагорассудится. Дашкова также знала, что Екатерина в начале февраля 1763 года созвала комиссию по вопросам вольностей дворянства и приказала Сенату действовать в соответствии с распоряжением, отданным Петром III годом ранее. Муж княгини был чрезвычайно обрадован перспективами «освобождения», а Екатерина II описывала восторг князя Дашкова, «плачущего и вне себя от радости и, прибежав ко мне, говорил: „Государь [Петр III] достоин, дабы ему воздвигнуть статую золотую; он всему дворянству дал вольность“, и с тем едет в Сенат, чтоб там объявить. Я ему сказала: „Разве вы были крепостными и вас продавали доныне?“»[271]. Кроме того, отец Дашковой участвовал в сочинении указанного манифеста, хотя Екатерина высмеяла и приуменьшила его участие: «Роман Воронцов и генерал-прокурор думали великое дело делать, доложа Государю [Петру III], дабы дать волю дворянству, а в самом деле выпросили не что иное окроме того, чтоб всяк был волен служить и не служить»[272].

Дашкова, к ее чести, не утверждала, что владение крепостными есть фундаментальное право дворянства. В то время как некоторые ее современники считали крестьян особой породой людей, не способных управлять собой и своим имуществом, Дашкова полагала, что их состояние было результатом исторических причин и социальных факторов и что оно может быть улучшено соответствующим образованием и постепенной подготовкой к самостоятельности. Поэтому она прибегла к распространенному аргументу, состоявшему в том, что образование должно предшествовать освобождению и что внедрение просвещенных идей неизбежно приведет к

положительным переменам и реформам в обществе и в состоянии личности. Свобода без соответствующей подготовки и образования низших слоев общества ввергнет Россию в анархию и хаос. Дашкова предлагала либерализацию посредством образования всех уровней общества, а не только крестьянства. Ирония состояла в том, что, посвятив свою жизнь образованию, она очень мало сделала для крепостных. Она не предложила никаких реформ или необходимых мер в качестве первого шага к отмене крепостного права; нет также никаких свидетельств о том, что она обучала грамоте крестьян из своих имений. Сферой ее главных интересов, скорее, была педагогическая миссия двух академий, которые она позже возглавляла. Среди ее тогдашних проектов были значительное расширение академической гимназии и устройство публичных лекций[273].

Позиция Дашковой отражала взгляды придворной «дворянской оппозиции» и членов группы Панина. Они не столько заботились об отмене крепостничества, сколько о государственном регулировании крайностей и взвешенных реформах. В их среде бытовала надежда на то, что хороший пример со стороны просвещенных помещиков улучшит ситуацию. Хотя некоторые передовые помещики открыли начальные школы для крестьян, обучение было в основном прикладным или ремесленным, направленным на то, чтобы лучше обслуживать усадьбу или развлекать хозяев. Крепостных учили быть художниками, музыкантами, актерами, танцорами и певцами. В то время как отношение Дашковой было, видимо, типичным, существовали и исключения, такие как умеренные реформы Дмитрия Голицына или гораздо более радикальные сочинения Александра Радищева. Следующее поколение продолжит их усилия. Например, племянник Дашковой Михаил Воронцов откроет школу для крестьянских детей (почти исключительно мальчиков) в Андреевском — имении, которое он унаследует от дяди Александра. Школа эта была основана на идеях квакера Джозефа Ланкастера, развившего систему, при которой младшим помогали в учебе старшие, более продвинутые ученики. 5 мая 1820 года вместе с братьями Николаем и Александром Тургеневыми, П. А. Вяземским и А. С. Меншиковым Михаил подписал и отправил императору Александру I так называемую «Записку», призывавшую к освобождению крестьян.

Дашкова главным образом интересовалась практическими экономическими идеями и их применением в существовавших в России условиях. Несмотря на ее увлечение идеями Просвещения с их акцентом на правах личности, зависимость российской экономики от крепостного права и владение душами мало ее

волновали. Она завершила описание дискуссии в «Записках» на весьма театральном моменте, когда Дидро был, наконец, убежден ею и сбит с толку: «Дидро вскочил со стула, будто подброшенный неведомой силой. Он зашагал большими шагами и, плюнув в сердцах, проговорил одним духом: „Какая вы удивительная женщина! Вы перевернули представления, которые я вынашивал в течение двадцати лет и которыми так дорожил“» (93/99). Это довольно сомнительно: Дашкова, скорее всего, никак не повлияла на мнение Дидро, и он остался решительным врагом рабства во всех его проявлениях. Более точно отражает ситуацию его письмо к Дашковой, датированное 3 апреля 1771 года, в котором он, видимо, продолжал парижский разговор: «У каждого века есть свой отличительный дух. Дух нашего времени — дух свободы»[274].

Перед тем как покинуть Париж, Дашкова хотела посетить Версаль в день, когда публика могла наблюдать, как Людовик XV и его семья принимают пищу во время торжественных обедов *(grand couvert)*. Чтобы отправиться туда незамеченной, она приняла все меры предосторожности и маскировки. Она приготовила лошадей и наняла экипаж за городом, чтобы доехать с детьми до ворот Версальского парка. Версаль был доступен, поскольку ворота совсем не охранялись. Незамеченные, они прошли немного по парку, смешавшись с толпой, жаждавшей увидеть застольные привычки королевской семьи. Наконец, их препроводили в комнату, показавшуюся грязной и запущенной, где они ждали выхода королевской семьи. Дашкова «видела, как вошел Людовик XV, дофин, его супруга, принцессы Аделаида и Виктория, как они сели за стол и стали есть с большим аппетитом» (95/101). Экскурсия и успешный обман бдительности властей доставили Дашковой удовольствие. Когда герцог Шуазель, министр иностранных дел и фактически первый министр Франции, услышал о приключении Дашковой, он не поверил своим ушам. Он предложил устроить прием в ее честь. Для Дашковой, однако, это было невозможно, поскольку Шуазель когда-то оскорбил Екатерину. Используя свой псевдоним, она ответила, что мадам Михалкова не может принять приглашение и предпочитает в этом случае «осмотреть достопримечательности, а не знакомиться с высокопоставленными лицами, которых она, безусловно, ценит и уважает» (95/102).

Из Парижа Дашкова отправилась в Экс-ан-Прованс, чтобы провести там зиму с Кэтрин Гамильтон, ее отцом, братом, теткой, леди Райдер и другими английскими семьями. Она отдала дань местным минеральным источникам, продолжила изучать английский и путешествовала с Кэтрин в Монпелье, Марсель, Йер и вдоль Королевского канала. Несмотря на беззаботную жизнь на

юге Франции, Дашкова осознавала политические перемены и приближавшиеся социальные потрясения в стране. Местный парламент провинции был распущен, а адресованные ей письма, особенно из Парижа, просматривались с подозрением и тщательно изучались. В одном из таких писем Дидро, по словам Дашковой, «показывал глубину и живость его ума» и точно предсказывал большие перемены в обществе и «свершившуюся во Франции революцию» (96/102).

В «Записках» Дашкова представляет разрушение приличий и порядка во Франции через свое понимание приличного поведения и ощущение принадлежности к социальной и интеллектуальной элите. Относясь критически к знакомым ей формам абсолютизма, она обычно болезненно реагировала на любое ограничение ее личной свободы. Она вполне сознавала себя дворянкой и в кризисные моменты весьма охотно вспоминала о своем высоком статусе. Например, Дашкова описывает вечер в Лионе, когда она была на спектакле в местном театре вместе с Каменской, Кэтрин Гамильтон и леди Райдер. Они с удивлением обнаружили, что их ложу заняли четыре «дурно воспитанные» женщины из Лиона, как Дашкова саркастически их назвала, которые отказались уйти, даже когда капельдинер объяснил им, что ложа предназначена «знатным иностранкам» (97/103). В рукописной копии «Записок», которую читал А. С. Пушкин, дашковская характеристика этих женщин из Лиона подчеркнута. На полях поэт написал: «Дидро, учитель и апостол равенства, которым автор восхищается, так бы не выразился»[275]. Рассерженная, что ее место в театре занято другими, Дашкова пошла к выходу и попала в значительно более неприятную и даже опасную ситуацию. Солдаты, охранявшие вход в театр, прикладами мушкетов сдерживали беспорядочную толпу. Попавшая в общую давку, Дашкова получила удар и чуть не упала на пол. Чтобы высвободиться, она отбросила свой маскарад простолюдинки, вернула себе титул, пол и связанные с ними привилегии и назвалась княгиней Дашковой. Когда солдаты препровождали ее к экипажу, Дашкова пожаловалась на жестокое обращение, которому подверглась, однако последствий это не имело.

Весной 1771 года настало время отправиться в Швейцарию для встречи с Вольтером, писателем, который повлиял на нее в ее юные годы более, чем кто-либо другой. На следующий день после прибытия в Женеву она поинтересовалась, может ли он ее принять. В четверг, 9 мая 1771 года, «Фернейский старик», как Вольтер сам себя называл, «почти поседевший и дряхлый»[276], пригласил Дашкову и сопровождавшую ее компанию поужинать с ним и его племянницей[277]. Дашкова вместе с Кэтрин Гамильтон,

Каменской, леди Райдер и Иваном Воронцовым прибыла в замок Ферней для встречи с ослабевшим и больным философом, которому было уже семьдесят шесть. Дашкова следовала по стопам других русских, таких как братья Шуваловы и Дмитрий Голицын, выразивших свое уважение фернейскому мудрецу. 10 мая, в день встречи, Дашкова было полна ожиданий, воображая себя слушающей с благоговением слова своего учителя. Театральная и нарочитая манера Вольтера немедленно ее разочаровала. Он казался неискренним и притворным, когда «поднял обе руки, как делают в театре», и воскликнул: «До чего же ангельский голос!» (99/105). Когда Дашкова подарила Вольтеру экземпляр переведенной на французский язык проповеди митрополита Платона, произнесенной у могилы Петра Великого, он, еще не прочитав, назвал ее одним из лучших когда-либо написанных документов и уверил княгиню, что это произведение достойно «самого греческого Платона!»[278].

Но Дашкова тоже играла роль, поскольку во время этого путешествия по Европе она прилагала все усилия, чтобы реабилитировать себя в глазах Екатерины и вернуть ее дружбу. Слова Дашковой были продуманы заранее, она произнесла их, прекрасно понимая, что они дойдут до императрицы. У Вольтера она заметила вытканный на шелке профиль Екатерины, изготовленный Филиппом де ла Салем. Когда разговор перешел на Екатерину, она посмотрела на портрет и ее глаза наполнились слезам и. Она надеялась, что Вольтер напишет Екатерине, что произошло и как Дашкова предана ей. Через пять дней после встречи Вольтер действительно высоко оценил Дашкову в письме Екатерине, назвав ее верноподданной императрицы и описав, как глаза Дашковой затуманились, когда она увидела портрет[279]. Екатерина ответила в июне 1771 года, что четырехчасовой разговор Вольтера с Дашковой служит доказательством дружбы между императрицей и ее верноподданной[280]. Спектакль имел желаемый эффект: по возвращении в Петербург Дашкова встретит изрядно смягчившуюся к ней императрицу.

Из-за того, что Вольтер сильно страдал от нескольких болезней, среди которых было геморроидальное кровотечение, слуга и племянница помогали ему устроиться за столом, причем он встал на колени в кресле, повернувшись спиной к гостям, одетый в *robe de chambre*[281], поскольку давно не мог одеться никак иначе. Оценивая племянницу Вольтера, которая была его любовницей и автором нескольких рассказов и, по крайней мере, одной пьесы, Дашкова сочла, что «ум ее был слишком неповоротлив» (99/105). В общем, беседа за ужином была неинтересной, а сам первый визит — разочаровывающим. На

следующий день, однако, княгиня смогла провести некоторое время с Вольтером наедине в его кабинете и в саду с великолепным видом на Альпы. Теперь она нашла его «таким, каким представляла, читая его произведения» (99–100/105). Они обсуждали политику, турецкую войну и переговоры о мире, а особенно «северную Семирамиду», то есть Екатерину. В письме своему другу, философу Мармонтелю, от 21 июня 1771 года Вольтер писал, что Дашкова, так же как Екатерина, предана идеям Просвещения и что она — «героиня, которая борется за вас»[282]. Тем не менее Дашкова почувствовала легкое разочарование и не описала в подробностях свои разговоры с Вольтером в отличие от бесед с Дидро.

Будучи в Женеве, она получала большое удовольствие от общения с Жаном Юбером, швейцарским художником, известным более всего по его изображениям домашней жизни Вольтера, которые купила Екатерина по рекомендации барона Гримма. По вечерам Юбер отправлялся на лодке кататься по Женевскому озеру с Дашковой и ее друзьями. Укрепив российский флаг на самой большой лодке своей крошечной флотилии, Дашкова и Каменская распевали русские песни на прекрасном швейцарском озере. В Женеве княгиня также подружилась с Авраамом Веселовским, дипломатом, который во времена царствования Петра I отверг свою страну и отказался вернуться в Россию из-за того, что был вовлечен в политические интриги вокруг царевича Алексея. Его старшая дочь вышла замуж за близкого друга и издателя Вольтера Габриеля Крамера.

С большим сожалением Дашкова покинула Женеву и отправилась вниз по Рейну на двух больших лодках, одна из которых везла экипаж и другие ее пожитки. В городах, в которых они останавливались, они вместе с Каменской сходили на берег в черных платьях и соломенных шляпах. Так они оставались неузнанными и могли делать, что хотели. Иногда они возвращались с купленной провизией, чтобы устроить обед прямо на лодке. Карлсруэ, судя по названию[283], предположительное место для отдыха, не стало таковым для Дашковой. Ее опять узнали, когда она наняла два экипажа, чтобы посетить тамошний великолепный дворец в стиле барокко, построенный по образцу Версаля, и парк Шлоссгартен. Карл Фридрих, маркграф Баденский, считал себя просвещенным абсолютным сувереном, который отменил пытки и крепостное право в своем государстве. Поэтому он очень интересовал Дашкову, однако она отклонила приглашение появиться при дворе под тем предлогом, что взяла с собой только повседневную одежду для путешествий. Маркграфиня Каролина Луиза не желала даже слышать об этом.

Репутация Карлсруэ как «двора муз» стала результатом ее интереса к искусствам и естественным наукам. Она переписывалась с выдающимися мыслителями, поэтами и музыкантами: Вольтер, Гердер, Гёте, Клопшток и Глюк были среди многих ее гостей при дворе. Маркграфиня напомнила русской гостье, что они обе награждены орденом Святой Екатерины, и Дашковой пришлось уступить. После продолжительной прогулки по парку она насладилась концертом и беседой за ужином с хозяевами и гостями. Этот вечер стал тем более памятным для Дашковой, что внучка маркграфини Луиза впоследствии стала императрицей Елизаветой Алексеевной, женой Александра I.

Из Карлсруэ Дашкова отправилась в Дюссельдорф, а затем во Франкфурт, где познакомилась с Владимиром Орловым — младшим из братьев Орловых. Он закончил Лейпцигский университет и в момент их встречи был директором Академии наук. Дашкова нашла, что «человек он был недалекий и, обучаясь в Германии, усвоил только самоуверенный тон и совершенно ни на чем не основанную убежденность в своей учености». Они обсуждали Руссо, которого Дашкова оценивала как «красноречивого, но опасного писателя» (102/107). В «Записках» Дашкова вкладывает в уста Екатерины ту же оценку. Когда княгиня упоминает «Новую Элоизу», императрица отвечает: «Это очень опасный автор… Его искусное перо кружит юные головы» (185/174). После французской революции Дашкова дистанцировалась от «опасного автора», но в юности Руссо был одним из ее любимцев, а ее московская библиотека содержала больше книг Руссо, чем любого другого писателя, включая Вольтера.

Двенадцатого/первого июня 1771 года она написала брату Александру о встрече с Вольтером, который прекрасно о ней отзывался[284]. Что же касается всего остального, она была озабочена и чувствовала себя плохо. Ее сын заболел в Страсбурге, поэтому они собирались на три месяца в Спа, чтобы он выздоровел. Она сожалела, что Семен и отец не хотят иметь с ней дела и никогда не пишут. Завершая свое большое путешествие по Европе, Дашкова вернулась в Спа, чтобы проехать тем же маршрутом в обратном направлении — в Россию. В Спа она часто встречалась с Карлом, будущим королем Швеции, известным во время правления брата под именем герцога Сюдерманландского; позже он станет неожиданным связующим звеном между Дашковой и Американским философским обществом. Эти месяцы для нее были большей частью грустны, поскольку подходило время расставаться с Кэтрин Гамильтон и семьей Райдер и

отправляться в Россию. В то лето в Спа ей удалили опухоль на ноге — операция продержала ее в постели несколько недель. Как княгиня не была печальна, она все же обещала своим приятелям, что через пять лет вернется в Спа и они все будут жить вместе в пока еще строившемся доме на Променаде семи часов. Это обещание Дашкова намеревалась сдержать. Когда ее друзья покинули Спа, Дашкова отправилась в Берлин через Дрезден, где в течение нескольких дней провела большую часть времени в Галерее старых мастеров, «в прекрасной картинной галерее, которую я тщательно осматривала, не переставая восхищаться ее шедеврами» (103/108). В Берлине она еще раз насладилась теплым приемом.

Из Петербурга пришли сплетни, что ее главный враг при дворе Григорий Орлов начал свое неизбежное падение и восходит звезда Потемкина. Пора было возвращаться в Россию, где, как она надеялась, ее ждали более счастливые времена. Ее сразу же встретили трагические новости, когда в Риге она получила письмо от Александра, сообщавшего, что разразилась эпидемия чумы, заставившая его удалиться в Андреевское — имение в 112 верстах[285] к востоку от Москвы. Москва особенно сильно пострадала от большой чумы 1769–1771 годов, потеряв до одной пятой своего населения, что привело к народным волнениям и бунту в сентябре 1771 года. Дашкова ответила, что не поедет в Троицкое, поскольку не хочет подвергать детей опасности эпидемии[286]. Она узнала от управляющего о приходе болезни в ее имение, где многие умерли и введен карантин. Вернувшись домой в столицу, Дашкова осознала, что у нее нет собственного жилища и ей некуда идти. Чтобы покрыть издержки на путешествие, она поручила Никите Панину продать ее петербургский дом. Она была вне себя, когда узнала, что он продал его за бесценок близкому другу своей любовницы, мадам Талызиной. В 1764 году Дашкова купила дом с большим садом на участке, который сегодня простирается от Гороховой улицы вдоль Фонтанки до Загородного проспекта. Она заплатила 14 тысяч рублей, а в 1771 году А. Л. Щербачев купил его за шесть тысяч — менее чем за половину первоначальной цены[287]. Дашкова была настолько разгневана, что в «Записках», спустя тридцать лет, все еще вспоминала с горечью свой финансовый провал. Больше никогда она не поручит свои финансы кому-либо другому. Она решила, что должна винить только себя за то, что разрешила Панину управлять ее делами, и тверже, чем когда-либо, решила взять под полный контроль свою собственность.

Больная и страдающая, Дашкова обратилась к сестре Елизавете, хотя между ними и существовала неприязнь. После

замужества в 1765 году с Александром Полянским Елизавета жила в его доме на Английской набережной, 28[288]. Устроившись в доме сестры, Дашкова рассталась с Каменской, которая также отправилась жить к своей сестре. Компаньон Александра Лафермьер писал ему, что Дашкова принимает многих визитеров, кроме Панина, которому она, видимо, не могла простить продажу дома. Кроме того, Каменская покинула службу у княгини после ужасного скандала, что было даже к лучшему, поскольку она, уверял Лафермьер, деспотична и совершенно лишена такта. Возможно, в Англии некоторым женщинам она нравилась, но только потому, что общалась исключительно с женщинами[289]. Касательно этого разрыва Дашкова писала Александру, что готова обсуждать с ним и далее свои прошлые отношения с Каменской. По поводу же самой себя Дашкова, не вдаваясь в подробности, выразила удивление, что недостаток благопристойности (*bienséance)* шокировал его. Ради тех, кто открыто любит ее, она сделает все, независимо от того, кто они; она всегда искала психологического и эмоционального удовлетворения в дружбе, но к сожалению, она не смогла найти его с Каменской[290].

Через некоторое время Дашкова покинула дом сестры и сняла себе небольшой домик. Появились признаки улучшения отношения к ней при дворе, и императрица стала к ней добрее: «Я была крайне удивлена этим поступком, который вовсе не походил на обращение императрицы со мной в течение десяти лет, прошедших со времени ее восшествия на престол» (105/110). Екатерина подарила ей десять тысяч рублей на расходы, но Дашкова не была счастлива от такой, как она считала, жалкой суммы. Вскоре, однако, она получила еще 60 тысяч на покупку или постройку дома[291]. Из этой суммы Дашкова, чтобы наладить отношения с отцом, вернула ему 23 тысячи в уплату долга и дала некоторую сумму дочери. Отец в это время казался более благосклонным, хотя почти десять лет он не имел с ней никаких дел, отказывался ее видеть, не отвечал на письма и никак ей не помогал. Весной, после того как потеплело, Дашкова с детьми переехала в загородный дом на Петергофской дороге, но их преследовали дальнейшие несчастья — сын слег с высокой температурой. Лечил его Джон Сэмюел Роджерсон, выдающийся шотландский доктор, проведший полвека в России в качестве придворного врача Екатерины II, Павла I и Александра I. Более двух недель Дашкова провела у постели сына, а когда он стал выздоравливать, слегла сама, опустошенная и измученная заботами и многими бессонными ночами.

Ее отношения с Екатериной неизбежно становились все более напряженными в связи с событиями вокруг приближающегося

совершеннолетия Павла. Павел, как единственный законный наследник своего отца и последний мужской потомок Петра, обладал сильными законными претензиями на престол. Он достиг совершеннолетия в 1772 году, но Екатерина воспользовалась его предстоящей через год женитьбой на принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадтской и отложила официальную церемонию признания. Совершеннолетие Павла вызвало при дворе кризис. Ухудшила ситуацию для Екатерины серьезная ссора с Григорием Орловым из-за его неверности, а весной того же года, через месяц после удаления Орлова от двора, несколько офицеров гвардейского Преображенского полка составили заговор, чтобы лишить Екатерину трона и провозгласить Павла императором. Екатерина подавила мятеж, арестовала гвардейцев и возвысила Александра Васильчикова как нового фаворита. Звезда Панина начала подниматься, а вместе с ней и звезда Дашковой, однако вскоре княгине опять предстояло попасть в немилость.

В первые месяцы 1773 года отношения Панина с Екатериной резко испортились и оставались неясными до женитьбы Павла в сентябре. Григорий Орлов был возвращен в Петербург, ему вернули звания и должности. Теперь партия Орловых поменялась ролями с партией Панина, нашептывая Екатерине слухи о заговорах и подозрения, что Панин настроил «молодой двор» Павла против нее. Они не упускали возможности вовлечь Панина и его сторонников в реальные и мнимые интриги, подобные делу Зальдерна. Каспар фон Зальдерн, протеже Панина немецкого происхождения, оказался отвратительной личностью; известный взяточник и вымогатель, он присвоил 12 тысяч рублей, посланных датчанами в подарок Дашковой[292]. Затем он спровоцировал неудавшуюся попытку установить совместное правление Павла и его матери. Панин, однако, дистанцировался от фон Зальдерна и смог пережить этот кризис.

После того как Павел, достигнув совершеннолетия, не смог получить власть, Панин обратился к своим сторонникам и к масонским группам за помощью в достижении своей цели — ограничения власти монарха. Примерно через полвека племянник Дениса Фонвизина, бывший декабрист Михаил Фонвизин, написал в мемуарах, как его отец рассказывал, что, когда Павел достиг совершеннолетия и женился на принцессе Вильгельмине, братья Панины, Дашкова, Н. В. Репнин и некоторые другие составили заговор, чтобы сместить Екатерину и посадить на трон Павла. Согласно Фонвизину, Павел согласился принять и одобрить конституцию, которая ограничила бы царскую власть и установила бы Сенат как высшее законодательное учреждение. Со

своим секретарем Денисом Фонвизиным, автором «Бригадира» и еще не написанного тогда «Недоросля», Панин сочинил проект по введению в России конституции. Очевидно, летом 1773 года он вместе с ближайшими помощниками составил план возведения Павла на фон. П. Б. Бакунин раскрыл деятельность партии Панина, заговорщики признались, Екатерина простила их, приказала разъехаться по своим имениям и держала под присмотром[293]. Рассказ Фонвизина ненадежен и содержит множество ошибок и противоречий. Хотя подтверждающих свидетельств мало, но в свете близости Дашковой к Панину кажется вероятным, что она также участвовала в работе его группы. Однако Дашкова категорически отрицала участие в каких-либо заговорах против Екатерины и, в отличие от дел Хитрово и Мировича, не упомянула этот случай в «Записках». И все же ее политические взлеты и падения при дворе продолжали точно отражать все превратности судьбы партии Панина[294].

Для Екатерины это было время кризиса и нестабильности; чтобы стабилизировать ситуацию и замирить оппозицию, она наградила одних и наказала других. С одной стороны, Александр Воронцов, которого Екатерина не любила и считала смутьяном, как и его сестру, получил влиятельный пост, определивший его политическую карьеру. Назначенный президентом Коммерц-коллегии, главной организации, занимавшейся внешней торговлей, он возглавлял ее до 1794 года. С другой стороны, Панин и Дашкова, опять заподозренные в заговоре, были посланы в Москву. С осени 1773-го до 1775 года Дашкова жила в усадьбе Троицкое, часто появляясь в Москве, чтобы дети могли видеть свою бабушку. Ее высылка совпала с Пугачевским восстанием 1773–1774 годов. Она была в Москве, когда Петр Панин поймал лидера мятежников Пугачева и 4 ноября 1774 года привез его в Москву в железной клетке. Она встретилась со своим близким другом Паниным, который сильно постарел за время пугачевской кампании, но не присоединилась к толпам любопытных, надеявшихся увидеть побежденного бунтовщика. В ответ на письмо Александра она написала, что не видела Пугачева, поскольку, несмотря на его злые дела, ожидавший казни человек в цепях мог вызвать у нее только жалость[295]. В ужасе от кровавого восстания, она тем не менее была против насилия и лишения человека жизни.

Изгнание Дашковой за пределы двора и ее пребывание в Москве совпало с прибытием в Петербург Дидро в 1773 году, поэтому двое друзей не смогли встретиться. Дашкова устремилась бы в столицу, если бы это было возможно, тогда как шестидесятилетний философ, утомившийся от долгого

путешествия из Франции, не хотел покидать свою «золотую клетку» в Петербурге. Он писал, что слишком стар и слишком измучен. Их переписка того времени отразила их общее разочарование в Екатерине, а в ряде случаев они упоминали ее уничижительно. Дидро чувствовал, что «идеи, перенесенные из Парижа в Петербург, принимают совершенно другой цвет», и вспоминал, как в Париже Дашкова описывала ему Екатерину: «В ней душа Брута с сердцем Клеопатры»[296]. Его замечания придают больше правдоподобия ремарке Державина: «Дашкова одновременно любит и ненавидит ее [Екатерину] и говорит о темных пятнах на ее яркой короне»[297].

Опальная и сердитая Дашкова встретилась с Григорием Потемкиным, генерал-адъютантом и к тому времени одним из самых могущественных людей в России. Зимой 1774 года Потемкин посетил дома нескольких членов семьи Паниных и их приверженцев, где и повстречал Дашкову. Когда разговор перешел на великого князя Павла, Дашкова, хотя она совсем недавно познакомилась с Потемкиным, без тени смущения дала ему непрошеный совет. «Я дала ему один совет, и последуй он ему, не было бы сцен, которые позже великий князь Павел, к большому возмущению публики, не преминул устроить, чтобы повредить Потемкину и огорчить свою мать» (106/111). Потемкин поддерживал Екатерину в борьбе с Павлом и панинской придворной партией, он стал фаворитом императрицы и оставался ее главным советником до самой смерти в 1791 году. Несмотря на первоначальную поддержку, отношения Дашковой с Потемкиным станут напряженными и, в конце концов, открыто враждебными.

Годы, проведенные в Троицком после первого путешествия в Европу, не были потрачены зря. Дашкова никогда не бездельничала. Вернувшись к книгам и образованию, она читала литературу по педагогике и составила для своих детей курс обучения, основанный на идеях Просвещения. Она участвовала в организации ученого общества при Московском университете — Вольного российского собрания — и была его активным членом в течение всех двенадцати лет его существования (1771–1783). Основанное «для исправления и обогащения российского языка через издания переводов стихами и прозой», оно объединяло выдающихся профессоров университета, писателей и общественных деятелей. Куратор Московского университета И. И. Мелиссино возглавлял и развивал общество, ставшее прямым предшественником Российской академии. Общество выпустило шесть номеров журнала «Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете»,

который большей частью публиковал русские литературные и исторические тексты, а также переводы. Среди авторов были М. М. Херасков, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин и Г. Р. Державин.

Статьи Дашковой, часто появлявшиеся в эпистолярной форме, демонстрировали полную поддержку прогрессивных идей того времени. В первом выпуске она напечатала письмо и три перевода. «Письмо к другу»[298] провозглашало цели и служило введением в ее теорию перевода. Она доказывала, что для того, чтобы перевод мог принести обществу пользу, в нем следует предпочесть ясность красноречию. В качестве образца она предложила прозу и стихотворные композиции Ломоносова, который писал прекрасно и сильно как серьезные, так и легкие сочинения. Она также обсуждала переводы на русский язык, в котором часто не хватало подходящей терминологии, так что «даже женщине должны быть простительны» неточности. Дашковское «Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям»[299] появилось во втором выпуске журнала вместе с вводным «Письмом к другу». Она писала, что увлечена Англией гораздо более, чем любой другой страной, которую посетила, поскольку Англия является воплощением политической свободы и моделью хорошо организованного и просвещенного государства. Ее процветание было прямым результатом деятельности ее правительства, и Дашкова считала, что английская конституционная монархия была наиболее полной и совершенной системой, с которой ей довелось познакомиться[300].

Ее переводы и сочинения того времени были результатом заграничного путешествия и выявляли острый интерес к отношениям государства и гражданина. В письме Александру Куракину Дашкова написала, что читала и перечитывала «Le système social»[301] с большим воодушевлением. Учитывая ее сосредоточение на вопросах справедливой власти и народной воли, можно предположить, что она имела в виду трактат Руссо «Об общественном договоре» («Le contract social»). Позже она послала Куракину перевод текста французского материалиста Поля Анри Дитриха Гольбаха — тот же, который ранее она показывала Петру Панину[302]. Она выбрала две главы из сочинения «Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления» (1773): «Общество должно делать благополучие своих членов» и «О сообщественном условии». Она также перевела «Опыт о торге» Дэвида Юма[303]. Дашкова считала, что любое общество и его граждане несут обоюдную ответственность по отношению друг к другу, и в этих переводах представила российскому читателю главные темы Просвещения.

Написанные под большим влиянием сочинений Гоббса и особенно Джона Стюарта Локка, они включали принципы «общественного договора» и «рационального эгоизма», а также идеи реформ общества и правительства.

Переводы заостряли внимание на ответственности всех перед обществом: те, кто у власти, отвечают прежде всего за экономическое благополучие общества и с этой целью организуют и управляют соответствующими экономическими структурами[304]. Поскольку благосостояние индивидуумов составляет благосостояние целого, каждый член общества должен стремиться следить за эффективностью своей экономики[305]. Юм сделал акцент на необходимости стимулировать трудолюбие и производительность населения, что невозможно при российской системе крепостного права. Дашкова поняла это и могла только надеяться, что однажды источники экономического процветания, богатства и динамизма, работающие в Англии, станут реальностью и в России. Пока же она мечтала лишь о возвращении в Британию, чтобы ее сын смог учиться у Юма.

Глава третья
ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Поскольку Дашкова была удалена от двора, она не могла лично поздравить императрицу с российской победой над Турцией. Вместо этого она послала ей работу Ангелики Кауфман, швейцарской художницы, нравившейся Дашковой, известной своими портретами и историческими сценами, единственной женщины — члена Королевской академии. Картина, названная «Вышивальщица» (1773), находится сейчас в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве и почти идентична «Греческой женщине за работой» из Королевской академии[306]. Выбор Дашковой художника и предмета изображения был важен, поскольку представлял ее интерес к женщинам-художницам вообще. Более точно, это был дар одной женщины другой женщине картины, написанной женщиной и изображающей женщину. В подарке также скрывался намек на освобождение Греции от турецкого ига и, возможно, на Пенелопу (Екатерину), окруженную фальшивыми почитателями (придворными). Дашкова не знала, что ее странствия будут долгими, как у Одиссея, и что картина Ангелики Кауфман не приведет к сближению с императрицей.

В апреле 1774 года она послала письмо, в котором поздравляла Екатерину с 45-летием, и получила сердечный, хотя и формальный ответ. Дашкова не приняла участия в торжествах по случаю подписания Кючук-Кайнарджийского соглашения (1774), которое обозначило мирный период в России, продлившийся до 1787 года. Не присутствовала она и на торжественной встрече в Москве фельдмаршала Румянцева, которому Екатерина присвоила титул «Задунайский» за его победы «по ту сторону Дуная». Вместо этого она посвящала свое время умиравшей свекрови, а после похорон, чувствуя себя одинокой и покинутой, опять решила ехать за границу продолжать «классическое и университетское образование» (108/-) сына. Анастасия оставалась в тени своего брата из-за ее физических проблем. Она была маленького роста, худая и горбатая, и Дашкова думала, что в обществе, где физическая красота играла решающую роль, ее дочь имеет мало надежд на успех[307]. Очевидно, тогда ее уже мало интересовало образование дочери, так как рахит сильно повлиял на развитие Анастасии. Дашкова дала дочери образование, обычное для женщин того времени, но не более, подготавливая ее к замужеству и материнству. В одно время она обдумывала возможность брака

двенадцатилетней Анастасии с Александром Куракиным, который был на десять лет старше. В письме к нему она выразила беспокойство по поводу предстоявшего выхода Анастасии в петербургский свет: «Наш народ так безжалостен, так скор судить на основании внешнего вида и манеры, что у меня кружится голова, когда я думаю о приезде в ваш город»[308]. Петр Бартенев считал, что у Дашковой было мало надежды выдать горбатенькую дочку за красавца Куракина[309].

Поскольку дочь не могла быть украшением общества, Дашкова, чья увлеченность собственным образованием была определяющей чертой ее юности, пренебрегла ею и сконцентрировала все свои усилия на подготовке сына к блестящей карьере. К великому сожалению, сын был гораздо менее одарен, чем Анастасия, которая никогда не простит Дашковой пренебрежения и навсегда затаит горькую обиду и злобу по отношению к матери. Более того, после нарушения в юности всех установленных правил и самостоятельного устройства собственного замужества Дашкова теперь вела переговоры об обручении пятнадцатилетней дочери с бригадиром[310] Андреем Щербининым, который был значительно старше Анастасии. В «Записках» она так объясняла выбор будущего мужа дочери: «Физически она [дочь] была развита плохо, в ее сложении имелся недостаток, и я не льстила себя надеждой, что более молодой обходительный человек будет любить ее и заботиться о ней» (107/112)[311]. Об Андрее Щербинине она смогла лишь написать, что «под влиянием плохого обращения с ним родителей у него сложился меланхолический характер, но человек он был добрый» (106/112) (143)[312]. Брак не был счастливым союзом; он был дурно задуман и обречен на неудачу. Дочь получила в приданое 20 тысяч рублей, а потом и еще 60 тысяч, но супруги жили расточительно, делали огромные долги, часто ссорились и предпочитали в основном жить раздельно.

В 1775 году Дашкова получила разрешение Екатерины отправиться в путешествие «безотлагательно», оно было дано «невероятно холодно» (107/111–112) на общем, открытом для всех приеме. Дашкова ушла, надеясь, «что отношение ко мне изменится и в будущем мне будет воздано должное» (107/112). Со свитой, которая теперь включала Анастасию и ее мужа, Дашкова, отбросив инкогнито и путешествуя на этот раз под собственным именем, выехала на Псковскую дорогу, чтобы посетить земли, принадлежавшие семье Щербининых. Поездка началась плохо: один из слуг упал на дорогу и был ранен, когда его переехали два экипажа. К счастью, они были легкими и

стояли на полозьях. Пока все остальные стояли и беспомощно таращили глаза, включая ее несчастного зятя, Дашкова взяла всю ответственность на себя. Согласно медицинской науке того времени необходимо было пустить кровь жертве несчастного случая как можно быстрее, но никто не имел опыта в подобных операциях. Вспомнив про ланцет в английском несессере сына, Дашкова сама взялась сделать требуемую процедуру. Затем Дашкова продолжила свой путь, уверенная в том, что спасла бедняге жизнь, хотя происшествие сильно на нее повлияло — она чувствовала себя плохо и испытывала сильные сердцебиения.

Она нашла родителей Щербининых чрезвычайно скучными и не сошлась со сватом[313]. Поэтому она сократила свой визит и направилась в Гродно, однако путь туда оказался трудным и опасным, поскольку дороги были очень плохими и даже кое-где заросли. Они медленно продвигались с группой казаков, которые расчищали и расширяли проезд через лес. Ко всему еще Павел заболел корью в месте, где невозможно было получить хорошую медицинскую помощь, и путешественники задержались в Гродно на пять недель. Затем и Анастасия заразилась корью от брата. После окончательного выздоровления детей Дашкова отправилась в Варшаву через Вильно. Там она часто встречалась со Станиславом Августом Понятовским, последним королем Польши и вторым из любовников Екатерины. Дашкова любила его за доброту, интеллект и интерес к искусствам, но считала неподходящим королем. Чрезвычайно непопулярный в Польше, он был прежде всего слишком слаб, чтобы править такой беспокойной нацией и вести независимую политику, выгодную его стране. В письме из Варшавы, датированном 9 октября 1776 года, Понятовский благодарит Дашкову за гравюры Ангелики Кауфман, которые он получил, и спрашивает, не изменит ли смерть Юма планы Дашковой дать сыну образование в Эдинбурге[314].

В Берлине ей опять был оказан теплый прием, но она поспешила в Спа выполнить свое обещание снять новый дом на Променаде семи часов, которое она дала несколько лет назад. Пока она ожидала прибытия Кэтрин Гамильтон, напряженные отношения между ней и Андреем Щербининым стали невыносимыми. Ссора следовала за ссорой, и, наконец, он покинул Спа, тогда как его молодая жена, все еще эмоционально привязанная к деспотической матери, отказалась последовать за ним. В письме к Дашковой, написанном после его скандального отъезда из Европы, Андрей Щербинин жаловался на злобные чувства, которые она испытывала к нему, и особенно на ее раздражение по поводу его задумчивости и меланхолии, которые

он объявил следствием ипохондрии. Он умолял Дашкову отпустить жену к нему[315]. Анастасия, в конце концов, соединилась с мужем после того, как он получил отцовское наследство, но вскоре они опять расстались, теперь уже окончательно.

По окончании сезона в Спа Дашкова без происшествий пересекла Ла-Манш и провела несколько дней в Лондоне, который в октябре 1776 года гудел от обсуждений и споров по поводу войны за независимость в Америке. Эта тема была ей очень интересна, в ее библиотеке было много книг о природе и последствиях политических потрясений и перемен, среди них «История революций, приведших к республиканскому правлению в Риме» аббата де Верто, «История революций в Португалии» и «История революции в Швеции». Переведенная на английский в 1729 году последняя работа описывает героическую деятельность Густава Вазы и его борьбу за свободу против тирании. Она была тогда особенно популярна и читалась многими в Англии. После якобинского террора во Франции энтузиазм Дашковой по поводу революционных преобразований значительно уменьшился и в «Записках» она ничего не написала об американской революции. Большое количество томов в ее библиотеке, описывавших колониальные волнения в Новом Свете, однако, выдает ее былой интерес к предмету. Среди таких книг, например, «История беспорядков в английской Америке», «Краткое описание революций в английской Америке» и «Политические сочинения Франклина».

В Лондоне русский художник Гавриил Скородумов, который учился тогда в Королевской академии, сделал гравированное изображение княгини и ее детей, но работа осталась незаконченной. Вскоре, в ноябре, она поехала дальше в Шотландию и по дороге, в Истон-Модит в Нортхэмптоншире, посетила Генри, третьего графа Сассекского. Там же она встретила Эдварда Вильмота, отца Марты и Кэтрин — молодых женщин, которые позже будут жить с Дашковой в Троицком и уговорят ее написать автобиографию. Дашкова прибыла в Эдинбург 8 декабря, в необычно суровую зиму 1776 года и поселилась в модном квартале на Джордж-стрит в Новом городе[316]. Согласно «Запискам», она жила также некоторое время в одной из квартир во дворце Холируд-хауз, рядом с кабинетом несчастной королевы шотландцев Марии Стюарт. Тут она отдала должное романтике, сыграв выдуманную роль женщины-жертвы, участие которой в политике привело к ссылке и наказанию. Но ее вступление в эдинбургское общество едва ли было похоже на исторический роман и разочаровало многих свидетелей.

Вдовствующая графиня Файфская писала сыну, что видела Дашкову в театре. «Она была на представлении вчера, дамы были разочарованы ее внешностью, поскольку ожидали увидеть нечто прекрасное, но она презирает наряды»[317].

Образование сына оставалось главной заботой Дашковой и основной темой этого второго путешествия в Британию. Еще во время первого путешествия она обдумывала, куда записать сына, и остановила свой выбор на Эдинбургском университете как наиболее подходящем для классического обучения Павла. Университет в XVIII веке был знаменитым центром образования и науки. Томас Джефферсон писал, что для образования нет больше такого места на земле, как Эдинбургский университет, а Бенджамин Франклин, приехавший туда в 1776 году, нашел его центром науки, где собрались лучшие из лучших[318]. Для Дашковой имелись дополнительные стимулы к помещению сына именно сюда. Университет этот был далек от соблазнов больших столиц Европы, от которых Дашкова хотела уберечь сына, кроме того, она считала, что английское (или шотландское) образование лучше всего подходило к его темпераменту и личности. Твердо веря в то, что дети должны получать образование вне привычной для них среды, узнавая новых людей и новые места, она тем не менее высоко ценила родительское руководство, которого была лишена в детстве. Поэтому она сопровождала сына — да и сама предпочитала жить в Шотландии.

По пути в Эдинбург Дашкова написала три письма шотландскому историку Уильяму Робертсону[319]. Он был ректором Эдинбургского университета, первым биографом Марии Стюарт и автором многих исторических исследований, в том числе «Истории правления императора Карла V»[320], которую Вольтер и многие другие высоко ценили. Успешность университета, этих «Афин Севера», была в большой степени следствием управления Робертсона. Она надеялась, что сын будет учиться у Юма, но смерть философа за несколько месяцев до ее прибытия в Британию заставила ее предпринять все возможные усилия, чтобы уговорить Робертсона стать университетским руководителем Павла. В письмах она объяснила причины, по которым выбрала Эдинбург и наметила программу интенсивного обучения своего тринадцатилетнего сына. Она написала Робертсону, что готовит сына к военной службе, и действительно, как полагалось тогда в России, в возрасте восьми лет Павел был записан в армию в чине корнета.

Ссылаясь на молодость Павла, Робертсон выразил свой скептицизм, но гордая и настойчивая мать уверила его, что ее

сын достаточно зрел, хорошо подготовлен и прекрасно владеет английским языком. Согласно Дашковой, ее сын не был слишком молод, чтобы поступить в университет. Более того, он уже стал высоким и сильным молодым человеком. Он знал языки: бегло говорил по-французски, читал на немецком и латыни, а по-английски «совершенно понимал прозаических писателей и недурно — поэтов»[321]. Русский язык она вообще не упомянула. Дашкова продолжала уверять, что познакомила сына с великими произведениями мировой литературы и что она скорее боится «за его слишком резкую критику, что составляет главную черту его умственного развития»[322]. Математика была важной отраслью знания при его подготовке, но ему требовалось дополнительное обучение алгебре. Более всего Дашкова надеялась, что он получит серьезное образование в гражданской и военной архитектуре, а также в истории и устройстве государственных учреждений, которые «он должен еще раз пройдти [sic] и дома особенно заниматься ими с своим гувернером»[323].

В следующем письме Дашкова снабдила Робертсона подробным описанием подготовки сына и наметила двухлетний — на пять семестров — курс обучения его в университете, за чем должны были последовать двухлетние путешествия. Это была программа, опиравшаяся на широко понимаемый курс свободных искусств с дополнительными курсами по военной науке и фортификации. Там были семь основных пунктов:

«Логика и философия умозаключений;

Опытная физика;

Элементарная химия;

Философия и натуральная история;

Естественное публичное, универсальное и частное право и общенародное право Европы;

Этика;

Политика»[324].

Предложенная программа была чересчур амбициозной. Учитывая последующее разочаровывающее поведение сына Дашковой, можно предположить, что он совершенно выдохся, стараясь угодить матери[325]. Д. И. Иловайский прямо заявил, что Дашкова замучила своих детей образованием до полного интеллектуального истощения[326].

В Эдинбурге Дашкова вошла в сообщество университетских профессоров. Ей «было приятно находиться в обществе этих глубоко образованных людей, во всем согласных между собой; разговоры с ними являлись неисчерпаемым источником знаний» (110/114). Часто она приглашала к себе в дом выдающихся ученых, ведущих интеллектуалов эпохи. Кроме Робертсона в

числе ее гостей были Хью Блэр, профессор риторики и автор «Лекций по риторике» (1783), Адам Фергюсон, профессор пневматики, натуральной и моральной философии, математики и автор «Институтов моральной философии» (1772), и экономист Адам Смит. Она послала его влиятельное «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) брату Александру, президенту Коммерц-коллегии. Возможно, она встречалась также с Босуэллом[327], который записал в своем дневнике в четверг 21 августа 1777 года, что он «обедал у лорда Макдональда с княгиней»[328]. Дашкова никогда не чувствовала себя столь интеллектуально и эмоционально благополучно, как в Эдинбургском университете, в мире учености, ученых и просвещения, который был так непохож на мелочные дрязги мира придворного. Она путешествовала, читала, писала и сочиняла музыку. Она утверждала, что «это было самым спокойным, самым счастливым временем, выпавшим мне на долю в этом мире» (111/115). Когда она была в Эдинбурге, два русских студента, И. Шешковский и Е. Зверев, жили в ее доме. Отец Шешковского был главой екатерининской Тайной экспедиции, внушающей страх политической полиции, но сын оказался бездельником и «безмозглым мальчишкой» и в конце концов попал в долговую тюрьму.

В течение лета, последовавшего за первым учебным годом сына, Дашкова предприняла двухнедельное путешествие в Хайленде — шотландские горы[329]. Подобное путешествие Сэмюел Джонсон[330] совершил несколькими годами раньше. Ее «Небольшое путешествие в горную Шотландию» — уникальный травелог в форме дневника, описывающий путешествие, совершенное с 25 августа по 7 сентября 1777 года: «Это было во всех смыслах замечательное путешествие, необычное не только для русских того времени или иных иностранцев, но и для англичан»[331]. Дашкова была из разряда редких путешественников, чей маршрут не совпадал с традиционным, который в Британии проходил лишь через Лондон и Бат. Рано утром 25 августа 1777 года компания выехала в двух экипажах. По пути Дашкова описывала ландшафт и руины древних замков как романтические и «возвышенные» и представляла себя женщиной чувствительной: «Я была тысячу раз права, полагая, что голова моя не стоит моего сердца»[332]. Тем не менее многие ее наблюдения были лаконичными, сухими и касались повседневных подробностей путешествия. В местной гостинице в Линлитгоу, где они остановились, чтобы съесть на завтрак яйца и сливки, Дашкова заметила, что англичанин счел бы это место отвратительным, француз — посредственным, а шотландец *clean*

and comfortable[333]. Сначала они осмотрели промышленные объекты, такие как канал Клайд-Форт, где лошади заартачились у подъемного моста и не захотели идти дальше. Грубость жестоких кучеров, которые безжалостно хлестали лошадей, шокировала Дашкову, и только пример проезжающего экипажа, наконец, убедил кротких животных *(la delicatesse de ces deux animaux)* пересечь мост. В Кэрроне они осмотрели знаменитый чугунолитейный завод, печи, камины и приспособления для плавки и сварки. Они пообедали в Инче и совершили экскурсию в замок Стерлинг перед тем, как продолжить свою экспедицию.

В Перте они поселились в гостинице, выходившей окнами на реку Тэй, а утром отправились в деревню Инвер, откуда на лодке пересекли реку и высадились в Данкелде. Сады герцога Атолла не понравились Дашковой, поскольку она вспомнила стихи «бессмертного Попа»: «To swell the Terrace, or to sink the grot, in all let Nature never be forgot!»[334] В замке Тэймут она встретила очаровательного лорда Бредолбина, сам замок нашла прекрасным, а пейзажи — великолепными. Она осмотрела коллекцию искусства, собранную хозяином, объехала парк и провела там четыре дня. Проезжая по старой военной дороге в Тиндрам, путешественники провели ночь в сырой и отвратительной гостинице. Оттуда они поехали в Инверери через Далмали и Лох-Ау. В Инверери Дашкова жаловалась, что должна была провести ночь в гостинице, где группа вульгарных и шумных мужланов из Файфшира не давала ей заснуть всю ночь. Усталые после бессонной ночи путешественники переехали через «страшный перевал Гленкроу» и насладились видом озера Ломонд. В Думбартоне, где Мария Стюарт была пленницей в замке[335], Павел Дашков получил титул почетного гражданина города. В замке Бьюкенен они изучили письма Карла I и Карла II и после еще одной ночи в Инче вернулись в Эдинбург в воскресенье 7 марта.

В своем травелоге Дашкова обратила особое внимание на места, связанные с торговлей и производством товаров. Она посетила сахарную и ковровую фабрики, осмотрела военные укрепления и оценила архитектуру и функциональность общественных зданий. По дороге она видела поместья знати, где безвкусица огромных домов резко контрастировала с бедностью и тяжелыми условиями жизни крестьян. Несмотря на часто критическое отношение Дашковой к жизни в горной Шотландии, красота гор и озер, особенно озера Ломонд, наполнила ее сердце возвышенными чувствами. В ее рассказе есть много пассажей с элементами предромантических описаний. Все время ощущая себя, по выражению того времени, женщиной чувствительной, она

изучала романтические ландшафты и сады, вспоминая Лоренса Стерна и «сентиментальную кисть Ангелики Кауфман». Прочитав Джона Локка, Ж. Ж. Руссо и других писателей и философов, установивших в Европе культ чувства, она часто использовала словарь модной тогда избыточной чувствительности, особенно при воскрешении в памяти эмоций, вызванных великолепными ландшафтами горной Шотландии. Тем не менее Дашкова не была сентиментальна, проложив в своих сочинениях «канал между классическим и сентиментальным течениями современной русской литературы»[336].

Вскоре после возвращения Дашкова серьезно заболела, и следующим летом, после сильного приступа ревматизма, доктор Уильям Куллен, шотландский врач и профессор медицины университета в Глазго, предписал ей попробовать воды на курортах в Бакстоне, Мэтлоке и Дербишире и морские купания в Скарборо. Во время выздоровления за ней неусыпно ухаживали подруги — Кэтрин Гамильтон и леди Малгрейв. Последняя считала Дашкову необычной личностью, которая «очень хорошо образована и обладает сильным мужским характером, о чем мне следовало догадаться по ее внешности»[337]. Всю жизнь Дашкова чрезвычайно любила собак, особенно маленького кинг-чарльз-спаниеля — эта порода была тогда в моде в королевских семьях Европы. Ее песик Фавори («Любимец») был источником радости, и она с удовольствием вспоминала, как Фавори тяжело переживал ее болезнь. Он спрятался под ее кроватью, отказывался вылезать и скалил зубы на всех, кто подходил. Только после того как его хозяйка резко пошла на поправку, Фавори вылез из своего убежища, вновь ласковый и любящий.

В Эдинбурге Дашкова продолжила внимательно следить за образованием сына, учившегося у Хью Блэра, Дюгалда Стюарта, Адама Фергюсона и Джозефа Блэка, а также за частными уроками верховой езды и фехтования, которые Павел брал для укрепления здоровья. Для развлечения сына она устраивала в доме танцевальные вечера. Вся эта деятельность и праздники оказались довольно дорогими, что заставило ее взять кредит в две тысячи фунтов у своих шотландских банкиров Уильяма Форбса и Джеймса Хантера-Блэра. Несмотря на траты и врожденную бережливость, Дашкова хотела сделать для сына всё, поскольку ее «полностью захватили материнская любовь и родительские обязанности» и «желание дать сыну самое лучшее образование» (112/115). Гордая и любящая мать смотрела на сына, сдававшего публичные экзамены: «…его ответы по всем отраслям изученных наук оказались столь успешны, что вызвали аплодисменты (хотя это было запрещено)» (113/116). К большой радости и

удовлетворению Дашковой, после завершения диссертации и выполнения всех требований для получения степени 6 апреля 1779 года Павел стал первым русским магистром искусств Эдинбургского университета[338]. 7 мая лорд-мэр Эдинбурга провозгласил Павла почетным гражданином города, а в 1781 году в возрасте семнадцати лет он был принят в члены престижного Лондонского королевского общества. Павел был серьезным, воспитанным и трудолюбивым молодым человеком, но едва ли независимой и сильной личностью, поскольку всегда находился под бдительным присмотром авторитарной матери. Например, Дашкова должна была действовать от имени сына, чтобы прояснить сомнения в том, был он на самом деле или нет членом Королевского общества. Путаница была вызвана смертью доктора Дэниела Чарлза Соландера, который был секретарем сэра Джозефа Бэнкса — исследователя, натуралиста и президента общества.

В письме, датированном 5 августа 1780 года, профессор Хью Блэр уверил любящую мать, основываясь на успехах сына в Эдинбургском университете, что Павел оправдает в будущем все ее ожидания[339]. Дашкова, со своей стороны, подарила университету избранные труды Ломоносова и ценную коллекцию российских памятных медалей, выбитых в честь рождений императоров от Петра I до внука Екатерины, будущего Александра I[340]. В конце пребывания в Эдинбурге при подготовке к отъезду Дашкова написала инструкцию сыну о том, что делать в образовательном путешествии[341]. Ее тон и стиль напоминает письмо лорда Честерфилда сыну (1746), в котором он писал: «Знание людей приобретается только среди людей, а не в тиши кабинета»[342]. Дашкова также рассматривала путешествие как важный элемент образования и организовывала его в соответствии с рядом принципов из упоминавшейся программы образования сына. Эти принципы она описала в длинном письме, в котором просила Павла не путешествовать только ради удовольствия. Скорее, он должен образовывать себя, чтобы стать ответственным и полезным гражданином, стать нужным отечеству. Его путешествие даст возможность многое узнать о других народах и других странах. В самом деле, ничто так не просвещает, как разнообразие стран и народов, поэтому никогда не следует упускать возможность получить новые знания. Павел должен постоянно наблюдать и быть внимательным к следующим предметам: «Свойство и форма правления, законы, нравы, влияние, народонаселение, торговля; географические и климатические условия, иностранная и внутренняя политика, произведения, религия, обычаи, источники богатства,

действительные и мнимые средства общественного кредита, подати, пошлины и различные условия различных сословий»[343].

Путешествие тогда даст ему возможность приобрести реалистические взгляды и понять, какие сферы требуют изменений на родине. Постоянное сравнение со своей собственной страной должно вести к принятию всего, что может быть полезно как для индивидуума, так и для общества, и одновременно к отказу от всего негативного. Поэтому она настаивает на постоянной внимательности и наблюдательности в течение всех двух лет путешествия. Она завершает свою инструкцию призывом к сыну быть восприимчивым, почтительным и толерантным при встрече с различными обычаями и религиями в других странах: «Относительно религиозных мнений, где бы ты ни соприкасался с ними, должен уважать их. Серьезное или шутливое опровержение их, каковы бы они ни были, оставляет по себе горькое и оскорбительное впечатление на человека и никогда не забывается»[344].

Достигнув своих целей и успешно выполнив обязанности наставницы сына, она была теперь готова покинуть любимый Эдинбург. В июне она отправилась в Ирландию, главным образом по предложению Кэтрин Гамильтон, и пересекла на пакетботе Северный пролив от Портпатрика до Донагади. Там она встретила Элизабет Морган, с которой проехала к Колрейну и осмотрела базальтовые колонны Дороги гигантов в графстве Антрим. Дашкова сравнивала свое пребывание в Ирландии со счастливым сном; она жила в Дублине «в умном и благовоспитанном обществе, одушевленном свободой манеры, свойственной ирландскому характеру» (113/-)[345]. Она наслаждалась компанией двух своих подруг — Элизабет Морган и Кэтрин Гамильтон — и проводила много времени с Арабеллой Денни, покровительницей искусств, филантропкой и основательницей приюта Магдалины для падших женщин и больницы для детей-подкидышей в Дублине. Арабелла Денни была первой женщиной, ставшей членом Королевской ирландской академии — организации, которая также сделает Дашкову своим почетным членом. Между Дашковой и более старшей леди Арабеллой, которой тогда было уже за семьдесят, установилась тесная дружба, поскольку Дашкова ценила ее ум, энергию и занятия благотворительностью. Дашкова часто ездила пить чай в ее особняк Пифилд-Клифф и провела там Рождество 1779 года. Снаружи перед дверью в холл она посадила несколько падубов[346], два из которых дожили до наших дней и видны за садовой оградой[347]. К сожалению, замечания Дашковой о состоянии Ирландии 1779–1780 годов, которые Арабелла Денни

упомянула в письме к ней, были утеряны[348].

Однажды леди Арабелла уговорила свою русскую подругу сочинить музыку для четырех голосов и органа на слова ее любимого гимна. Сочинение было исполнено на благотворительном концерте в пользу госпиталя Магдалины и хорошо принято публикой. Дашкова держалась скромно, но была довольна приемом. После нескольких репетиций гимн был исполнен в церкви «в присутствии большого собрания верующих, которым любопытно было послушать, что сочинил русский медведь. Сбор пожертвований был весьма значительным. Этим вечером я видела леди Арабеллу в самом веселом расположении духа. Она назвала мне сумму, полученную благодаря моей музыке (на что она и рассчитывала), и в заключение дала мне нежное материнское благословение» (114/116–117).

Дашкова была автором ряда музыкальных композиций — арий, песен, духовных гимнов и аранжировок народных мелодий. Годом ранее она послала одно из своих сочинений актеру Дэвиду Гаррику[349] в надежде, что он сможет найти ему место на английской сцене. Его ответ был учтивым, ободряющим, но уклончивым: «Вчера лучший музыкант и превосходный композитор мастерски исполнили ваше произведение. Небольшое собрание было в восторге; каждый чувствовал гармонию, прелесть и патетическую простоту ваших арий»[350].

Будучи в Дублине, Дашкова посетила старую ирландскую палату общин и была поражена блестящим ораторским искусством Генри Граттана[351], который без устали боролся за независимость Ирландии и выступал категорически против союза с Англией. Она также проводила время, устраивая вечера, посещая концерты, читая вместе с друзьями книги или осматривая местные достопримечательности — замок Килкенни, прекрасное озеро Киларни, гавань Корка и замечательные пейзажи вокруг Лимерика. В Корке она посетила семью Вильмотов и их родственников. Дашкова продолжала организовывать увеселения для своих детей, никогда не забывая о постоянно продолжавшемся образовании сына. Его подготовка к блестящей карьере всегда оставалась для нее первейшей необходимостью. Она нашла ему учителя танцев из Парижа. Павел станет прекрасным и увлеченным танцором и будет стараться использовать всякую возможность, чтобы удовлетворить свою страсть к танцу, даже гораздо позже, когда станет много старше и тяжелее. Дашкова наняла учителя итальянского, а также профессора Гринфилда, чтобы тот повторил с Павлом пройденные в университете науки и почитал с ним греческих и латинских классиков. Не предполагая, что предвещает дурное,

Арабелла Денни писала Дашковой: «Мы искренно желаем, чтобы ваше сиятельство, как мать, наслаждалась полным счастьем и надеждой ввиду тех двух нравственных растений, которые вы так горячо любите и которые, конечно, принесут и прекрасный цвет и благие плоды»[352]. Об Анастасии, однако, Дашкова вспоминала в последнюю очередь, а в «Записках» вообще едва упомянула.

После почти годичного пребывания в Ирландии Дашкова с грустью и неохотно покинула ее в мае 1780 года и высадилась в Холихеде, откуда поехала в Лондон. По пути через западную часть Центральной Британии она посетила фабрику Сохо в Хэндсворте, где работа копировального станка возбудила ее интерес и упрочила уважение к современной науке и технологии. Однако она успела заметить, и что «в Уэльсе виды самые романтические» (114/117), и что они резко контрастируют с шумом, грязью, социальным вихрем и политическим волнением Лондона, в который она вскоре вернулась. Около этого времени она получила аудиенцию у короля Георга III и королевской семьи. Георг III, любитель поговорить, несмотря на заикание, был предан жене и пятнадцати детям, тогда как королева Шарлотта была совершенно аполитична, держалась в стороне от общественных дел и вела замкнутую жизнь дома. Дашкова с гордостью рассказала им о получении сыном образования в Эдинбурге, и королева похвалила ее за то, что она такая любящая мать. Перед отъездом из страны Дашкова еще раз встретилась с королевской семьей и убедилась, что дети в ней — «это настоящие ангелочки» (115/117).

Во время пребывания в Лондоне Дашкова познакомилась с Джошуа Рейнольдсом[353] и Джеймсом Гэндоном, архитектором Дублина, а в 1780 году Павел работал и учился у английского гравера и акварелиста Пола Сэндби[354]. Она потратила оставшееся время на посещение достопримечательностей, поездки в Бат и Бристоль и визит в усадьбу Уолпола Строберри Хиллз. В Бэкингемшире она встретилась с известным парламентарием Эдмундом Берком[355]. Дашкова в «Записках» не написала, что она была в Лондоне во время антикатолических волнений в первую неделю июня, известных как «бунт Гордона»[356], когда возмущенная толпа грозила заполонить весь город. Она попала под подозрение из-за участия в этих событиях и ареста 2 июня 1780 года ее брата по отцу Ивана Ронцова. Сам Уолпол — важнейшая публичная фигура — подозревал Дашкову в соучастии и прозвал ее «Фалестрис, королева амазонок»[357].

Когда Дашкова в августе отплывала из Маргейта, она сомневалась в том, что когда-либо вернется в Британию — страну, которую она ставила выше других, страну, институции и

форму правления которой она считала образцом для России. Позже она несколько раз писала о возможном возвращении в Англию, но так и не осуществила свое желание. Из Остенде она проследовала в Брюссель, Антверпен, Роттердам, Делфт, Гаагу, Лейден, Гарлем и Утрехт. Чистота и опрятность этих северных городов поразили ее, поскольку резко контрастировали с грязью и беспорядком Лондона и Парижа, не говоря уже о хаосе Москвы и Петербурга. В Лейдене она посетила университет, который Вильгельм Оранский основал в XVI веке, и осмотрела древние рукописи. Во дворце Хейс Тен Бос в Гааге ее приняли принц Оранский Вильгельм V, штатгальтер Голландии, и его жена принцесса Вильгельмина Прусская. Двадцатью годами ранее ее брат Александр прибыл сюда как русский посол, а теперь она, в свою очередь, встречалась с главами государств, разве что как знаменитость, а не официальное лицо. Характерно, что в «Записках» она изображает людей, которых встречала, гораздо более подробно, чем места, которые посетила. Так, она пространно описала свои встречи с принцем и принцессой Оранскими, вспоминая с гордостью, что за обедом принц присутствовал вместе со всеми, и хотя «обычно его высочество засыпал за столом, как бы ни было рано, но на сей раз, сидя рядом со мной, он даже не дремал» (116/118–19).

Еще более детально ее описание встречи в Лейдене с Григорием Орловым и его молодой женой Екатериной, приехавшей лечиться от чахотки, от которой она вскоре умрет в возрасте 23 лет. Когда два былых врага и политических противника встретились за обедом, они были напряжены и осторожны, возможно, вспоминая давний интимный обед с императрицей, которая затем избавилась от них обоих. Дашкова писала: «По моему лицу, на котором всегда — мне во вред — отражаются все мысли и чувства, князь Орлов должен был понять, что его визит столь же неожидан, сколь и малоприятен» (117/119). Орлов уверил Дашкову, что он пришел как друг и не намерен продолжать вражду. В качестве жеста своих мирных намерений и возможной разрядки Орлов заметил, что Павел — прекрасный молодой человек, и предложил обеспечить его карьеру в полку Конной гвардии, которой он командовал. Дашкова отклонила ход Орлова, прекрасно понимая, что он и военный министр Потемкин не в ладах. Она сообщила ему, что уже написала Потемкину от имени сына, попросив назначить сына его адъютантом[358]. Орлов не смирился с недвусмысленным отказом Дашковой от его предложения объединиться против нового фаворита Екатерины Потемкина. Он возобновил свою атаку при следующей встрече в Брюсселе, когда они оказались,

среди прочих, в компании Ивана Мелиссино, директора (затем куратора) Московского университета и члена Академии наук, его жены Прасковьи Долгоруковой и Анны Протасовой, фрейлины императрицы. Орлов знал, что его замечания станут известны императрице, поэтому, глядя прямо на сына Дашковой, заявил, что Павел может легко заменить любого из любовников Екатерины. Слова Орлова привели Дашкову в замешательство, и она немедленно отослала сына из комнаты. Едва сдерживая гнев, она выговорила Орлову за то, что он на людях обсуждает фаворитов Екатерины и тем пятнает имя ее величества перед Павлом, ее крестником. Никогда ее сын не будет чьим-либо фаворитом, и, по-видимому, никогда Дашкова и Орлов не смогут стать союзниками[359]. После отъезда Орлова Дашкова с чувством удовлетворения и большого облегчения занялась обычными делами. Каждый день с девяти часов утра она отправлялась на окружающие Брюссель холмы и собирала для гербария растения, не встречавшиеся в России.

Когда ожидавшиеся ею деньги наконец пришли, Дашкова покинула Брюссель и, задержавшись всего на два дня в Лилле, направилась прямо в Париж, где остановилась в *Hotel de la Chine*[360]. Там она присоединилась к компании русских и опять встретила Ивана Мелиссино, «человека очень образованного, всегда любезного в обхождении, с чудесным характером» (118/120). Среди ее знакомых были Иван Салтыков и его жена Дарья Чернышева, Александр Самойлов (племянник Потемкина) и Андрей Шувалов с женой Екатериной Салтыковой. Андрей был кузеном Ивана Шувалова, одного из менторов юной Дашковой. Общественная фигура и второстепенный автор, он участвовал в переводе и публикации французских энциклопедистов в России и переписывался с Вольтером, Лагарпом, Мармонтелем и многими другими. В 1771 году Вольтер ошибочно написал, что Дашкова участвовала в написании «Антидота»[361]. На самом деле, Андрей Шувалов помогал Екатерине в сочинении ее ответа «Путешествию в Сибирь» Шаппа д'Отроша[362]. Понимая образованность Шувалова и его знание французской культуры, особенно поэзии, Дашкова считала, что «его уму не хватало той основательности, на которую опираются справедливые и здравые суждения». Шувалов не стал членом Российской академии, хотя его литературная деятельность, казалось, делала его гораздо более достойным, чем некоторые академики. По весьма необъективному мнению Дашковой, «в конце жизни он помешался, и никто не пожалел о смерти безумца, даже его семья» (120/121). В Париже в 1781 году Александр Самойлов и Иван Мелиссино рассказали Дашковой, что Орлов и Шувалов распространяют сплетни о том,

что она готовит своего сына для роли следующего в длинной череде фаворитов Екатерины. По возвращении в Россию Шувалов настроил Александра Ланского, любовника Екатерины, против Дашковой и ее сына. Екатерина, со своей стороны, хорошо в это время относилась к Павлу 13 июля 1781 года она писала барону Гримму, что никогда не была равнодушна к этому мальчику, потому что ей казалось, что у него превосходное сердце[363].

Дашкова также возобновила старые знакомства, сделанные еще во время предыдущего визита в Париж, и была чрезвычайно рада увидеться с Дидро, который расцеловал ее (119/121). В этот раз она путешествовала не инкогнито, поэтому Сюзанна Неккер и еще несколько друзей могли безотлагательно принять ее. Среди них был Кретьен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб, французский государственный деятель и литератор, писавший на политические и юридические темы, который помог осуществить издание «Энциклопедии». Во время написания Дашковой «Записок» она знала, что Мальзерб, защищавший на суде Людовика XVI, не избежал, вместе со всей своей семьей, ареста и казни на гильотине. Когда его спросили в Конвенте, что сделало его столь храбрым, он ответил: «Презрение к вам и презрение к смерти».

В течение менее чем годичного пребывания в Париже Дашкова чувствовала себя захваченной лихорадочным вихрем городской жизни, деля свое время между прекрасным парижским высшим светом и интеллектуальным и художественным сообществом. Она позировала Жану Антуану Гудону, скульптору, среди многих работ которого статуи и бюсты Вольтера, Екатерины II и Джорджа Вашингтона. Дашковой не понравился большой бронзовый бюст, сделанный им: он выглядел неестественно, идеализировано и очень похоже на французскую герцогиню «в декольтированном платье вместо простой и скромной *Ninette*» (121/122). Обычно по утрам она бывала в домах и студиях влиятельных политических лидеров, мыслителей, писателей и художников. По вечерам она посещала концерты, спектакли, литературные салоны или принимала гостей дома. Чаще всего она была в компании своего друга Дидро, который чувствовал себя плохо, а также встречалась с молодым Талейраном и Гийомом Тома Франсуа Рейналем, французским историком и философом, соавтором «Философской и политической истории учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» (1770). Во время визита Дашковой французский парламент расследовал его предполагаемые нападки на церковников и колониализм. Аббат Рейналь ввел Дашкову в замкнутый и привилегированный мир Французской академии, а 24 марта 1781 года он организовал прием в честь Дашковой, на

который пригласил ведущих академиков. На таких приемах во время разговоров за едой и питьем Дашкова накопила много идей, которые она потом осуществит, будучи директором Академии наук, и, возможно, здесь приняли конкретную форму ее первые мысли о создании Российской академии.

На завтраке у аббата Рейналя мадам де Сабран сообщила Дашковой, что Мария Антуанетта выразила желание встретиться с ней в Версале в апартаментах Иоланды Мартины Габриэлы де Полиньяк, фаворитки королевы и гувернантки королевских детей. Дашкова слышала от ряда людей, что ей хорошо было бы представиться французскому двору в Версале, но она не хотела делать это. Согласно принятому при этом дворе этикету, французские аристократы имеют преимущество перед иностранными персонами одного с ними ранга. Если Дашкова с трудом согласилась сесть на место, которое ей казалось ниже ее положения, на коронации Екатерины, то тем более она не сделает этого во Франции, поскольку «как статс-дама русской императрицы не может позволить унижать достоинство, связанное с ее рангом» (120/122). Другое дело частный визит, и в назначенный день Дашкова с детьми отправилась в тринадцатикомнатные апартаменты Полиньяков в Версале и встретилась с королевой, которая любезно приветствовала их. Она поговорила с детьми об их уроках танцев и громко выразила сожаление, что вскоре вынуждена будет оставить это развлечение, поскольку этикет не разрешает ей танцевать после достижения двадцати пяти лет. Дашкова, всегда готовая извлечь моральный или возвышенный урок из ситуации, рассудительно заметила, что танцы — гораздо более естественная форма развлечений, чем игра в карты. Она не знала о страсти Марии Антуанетты к азартным играм, и на следующий день придворные сплетники доложили, что Дашкова прочитала королеве нотацию.

Старательно избегая Рюльера во время своего пребывания в Париже, Дашкова, наконец, встретила его на вечере у Сюзанны Неккер. Теперь, когда полемика о его истории дворцовой революции 1762 года утихла, Дашкова приветствовала его дружески и пригласила посетить ее дом. Дидро, Мальзерб и другие уверили ее, что в своем рассказе Рюльер изобразил ее роль правдиво и положительно. Каково было ее удивление, когда много лет спустя она прочитала его текст, возможно, все еще в рукописи! Фактически именно ее ярость по поводу того, что она считала фальсификациями Рюльера и бездумным повторением слухов и ничем не подкрепленных сплетен, стала главным фактором создания ее собственной версии событий в «Записках»[364].

Дашкова также беседовала с одним из самых приятных для нее людей — Бенджамином Франклином, которого Конгресс в Филадельфии назначил 14 сентября 1778 года полномочным министром при дворе Людовика XVI. Будучи в Париже, она очень хотела встретиться с Этьеном Морисом Фальконе, художником, скульптором и автором конной статуи Петра I в Петербурге — знаменитого Медного всадника. Впав в немилость у Екатерины II, он вернулся в Париж. Фальконе приехал пить чай вместе со своей ученицей и невесткой Мари Анн Колло, даровитой художницей. Особенно умелая в портретах, она создала модель головы Петра для шедевра Фальконе. Разговор перешел на Григория Орлова и его злобные инсинуации, которыми он хотел убедить всех в Париже, что Дашкова специально воспитала своего сына в любовники Екатерине. Коварная тактика Орлова не удивила Дашкову, но она боялась, что эти сплетни достигнут ушей Потемкина. Она все еще не получила ответа на свое письмо с просьбой о назначении сына, и, возможно, Потемкин теперь видел в Павле соперника.

Несмотря на множество парижских забот и дел, Дашкова не забывала об образовании сына. Павел продолжал свои интенсивные занятия: он сосредоточился на итальянском, читал древние греческие и латинские тексты и каждое утро повторял предметы, которыми занимался в Эдинбурге. Один из учеников Даламбера — математика и философа, сотрудничавшего с Дидро в издании «Энциклопедии», почетного члена петербургской Академии наук — обучал его математике и геометрии. В течение многих лет Дашкова нанимала множество учителей, среди них Жана Фредерика Германа, позже — профессора права в Страсбурге. Дети Дашковой занимались со своими учителями, брали уроки танцев у французских балетных танцоров и хореографов Максимилиана и Пьера Гарделя и сопровождали мать в большинстве ее визитов и экскурсий. При одной такой поездке в Сен-Сир, школу для девочек и молодых женщин, основанную мадам де Ментенон в 1686 году, Дашкова радовалась, когда «позже получила разрешение взять сына осмотреть Сен-Сир, куда мужчинам вообще не было доступа» (122/124). В «Записках» она опять проигнорировала дочь, ничего не написав об интересах или мнениях Анастасии и пропустив возможность обсудить образование своей дочери и женщин вообще.

Все еще не получив ни слова из Петербурга касательно назначения сына, Дашкова в марте 1781 года уехала в Швейцарию. По пути она посещала гарнизоны в городах, чтобы Павел мог больше узнать о французских военных укреплениях и

дополнить свои впечатления от изучения моделей и планов в Париже. Дашкова посетила Берн, а затем Женеву и Лозанну со смешанными чувствами счастья и печали, поскольку встречала в этих прекрасных романтических местах своих старых друзей. И все же чувство потери не покидало ее, поскольку Вольтер умер двумя годами раньше, а Кэтрин Гамильтон в этот раз не сопровождала ее. В знак дружбы Жан Губер подарил ей свои портреты Вольтера. Перевалив через Альпы, Дашкова вступила в Италию, обязательную для посещения всех элитных путешественников XVIII века и пропущенную ею во время первой поездки.

Она несколько дней изучала Милан, сделав экскурсию на озера Маджоре и Лугано и на острова Борромео. «В восторге от красот природы мы с сожалением покинули эти места, показавшиеся нам земным раем. Мы видели апельсиновые и лимонные рощи, растущие так же свободно, как у нас березы и липы» (126–127/127). Сочиняя свои записки через много лет, Дашкова мало смогла сказать о Парме, Модене и даже Флоренции, но выказала большой интерес к Пизе и ее собору, к работам Андреа дель Сарто и производству изделий из стали. Летние месяцы были жаркими и душными; боясь возможного распространения малярии, Дашкова провела с детьми девять недель на водах в Пизе. Они просыпались каждое утро в восемь и после легкого ленча собирались в самой большой комнате дома и читали. В одиннадцать они закрывали ставни и читали друг другу по очереди при свечах примерно до четырех часов пополудни. Затем они мылись, переодевались, обедали и после еще часа чтения открывали окна и выходили на прогулку. В результате гордая мать заключила, что «чтения с сыном в течение девяти недель принесли ему большую пользу и он успел прочесть все, на что молодому человеку понадобился бы год» (129/129). Все еще обеспокоенная будущим сына и, возможно, узнав о растущем напряжении в отношениях между Екатериной и Павлом, Дашкова написала Александру Куракину, который получил образование вместе с Павлом и был его другом. В своих письмах она просила аудиенции у Павла, выражая надежду, что великий князь встретится со своим крестником и возьмет его под крыло. Дашкова раскрыла секретный характер переписки, когда пообещала писать свободно, если Куракин сожжет письма[365].

Во время путешествия по Европе визит в республиканскую Лукку представлял большой интерес для Дашковой, и она детально описала его, возможно, для Никиты Панина[366]. Согласно генеалогии Паниных, семья вела свое происхождение от итальянской фамилии Панини, которая в Средние века

эмигрировала в Московию из Лукки. Более того, республиканская форма представительного правления с точно определенными ограничениями суверенности принца была близка сердцам Никиты Панина и Дашковой. Хотя крошечная точка на карте с населением 120 тысяч человек не могла стать подходящей моделью для огромной Российской империи, но Дашкова считала, что некоторые черты ее аристократического правления, например выборы и баланс властей, могли быть использованы. Правящий совет Лукки состоял из наследственного дворянства, хотя граждане могли купить дворянский патент или получить его за службу государству. Две партии, или «конгрегации», состоявшие исключительно из дворян, выбирали членов совета, магистратов и принца, или гонфалоньера, как его называли, на условиях службы от двух месяцев до года. Облеченный законодательной и высшей властью правящий совет принимал декреты голосованием, требовавшим для принятия большинства в три четверти состава. Гонфалоньер и девять его советников, составлявших Верховный магистрат, осуществляли исполнительную власть. Но их права были существенно ограниченны, а влияние гонфалоньера состояло главным образом в представлении в суд и защите обсуждаемых дел. Третьей властью, поддерживавшейся сильной и дисциплинированной полицией, была власть судейская, которая рассматривала все криминальные и гражданские дела. Криминальное правосудие было быстро и безжалостно. Судьи приговаривали всех граждан, носивших оружие, к галерам, но поскольку Лукка своих галер не имела, наказание осуществляли в Генуе. Гордый традицией самоуправления во всех церемониальных процессиях в Лукке верховный судья нес серебряный жезл с республиканским девизом — *Libertas* (свобода).

«Записки» Дашковой полны наблюдений об искусстве и истории с акцентом на сохранении и образовании. Она записывала многие свои замечания, имея в виду их особые применения и надеясь, что когда-нибудь она опять будет играть более активную роль в реорганизации и модернизации России. Дашкова знала об интересе Екатерины к здравоохранению, об основании Медицинской коллегии в 1763 году, о борьбе с заразными болезнями и о проекте строительства больниц в России. Поэтому в Ливорно она осмотрела новый карантинный госпиталь. Его порядок, санитарные условия и гуманитарные цели так поразили ее, что она попросила предоставить ей описание госпиталя с дополнительными сведениями о здании и его администрации. Это даст ей возможность привлечь внимание и благосклонность Екатерины, «поскольку завоеванные

императрицей территории близко соприкасались с землями, где свирепствовали эпидемии» (131/131). Через несколько дней она отправила материалы по госпиталю Николаю Львову — архитектору, поэту и художнику, близкому другу брата Александра. Она попросила показать их императрице, которой она также послала сведения о бухте Террачино. При этом она воспользовалась случаем написать Екатерине, что восемь месяцев назад она послала Потемкину письмо, рекомендовавшее сына, но все еще не получила ответа. Восхваляя его многие достоинства, природную сообразительность и блестящее образование, она настаивала, чтобы императрица внесла ясность по поводу назначения и ранга ее сына.

Встревоженная, но надеявшаяся на благоприятный ответ на свое письмо, Дашкова отправилась через Сиену в Рим. Рим XVIII века был независимым папским государством и важнейшим пунктом образовательных путешествий. Своей культурной жизнью, древностями, искусством и архитектурой от Ренессанса до барокко, а также бурными карнавалами и торжественными религиозными церемониями он привлекал художников, ученых и путешественников со всего мира. Дашкова писала, что, в отличие от Парижа, где ее календарь был заполнен приглашениями на бесконечные званые встречи, «в Риме время… провела очень приятно, не выезжая в свет и не отдавая визиты» (133/132). По привычке она вставала рано вместе с детьми и проводила дни в удовольствиях от изучения истории и художественных шедевров Рима и его окрестностей или посещая, например, лошадиные бега, которые находила смешными. В соборе Святого Петра, где она «проводила каждое свободное мгновение», Дашкова встретилась с папой Пием VI и обсудила с ним его проекты восстановления Аппиевой дороги и создания музея Ватикана. Возвращаясь домой к вечеру и наскоро пообедав, она была готова принимать своих новых друзей и знакомых. Среди них был кардинал Франсуа Жоаким де Пьер де Берни, французский посол в Риме, член Французской академии и поэт, прозванный «Цветочницей» за свои маленькие поэмы — «поэтические букеты». Дашковой он нравился за мягкость, манеры и остроумие, и она льстила ему, цитируя его же эпистолы. Она также встречалась с братьями Хаккерт, семьей художников и граверов, один из которых, только что умерший Вильгельм, преподавал рисование в петербургской Академии художеств. Шотландский художник и археолог-любитель Гэвин Гамильтон превратил комнату Дашковой в мастерскую. Один из ранних неоклассицистов, он откопал на вилле Адриана в Тиволи огромную статую сидящего Юпитера и предложил ее Екатерине, которая отказалась ее

купить. Павел Дашков тем временем проводил время с мольбертом и резцом в руке, изучая станковую живопись, скульптуру и гравюру.

Шотландский архитектор, археолог и антикварий Джеймс Байерс был гидом Дашковой и консультантом по вопросам искусства. Он жил и работал в Риме более тридцати лет, и в конце концов Дашкова приобрела его коллекцию произведений искусств для Екатерины. Он посоветовал посетить подвалы виллы Фарнезе, где хранились многие поврежденные, но тем не менее бесценные скульптуры. Спускаясь в подвал, Дашкова сильно ударила ногу об один из больших камней, который она изобразила в «Записках» почти волшебным — возможно, знак ее эмоционально болезненных отношений с Екатериной. Она узнала от Байерса, что камень этот был на самом деле изумрудной плитой, привезенной в XVI веке из Африки для Козимо Медичи и доставшейся по наследству по линии Фарнезе королю Неаполя. Он планировал распилить камень пополам и сделать два стола. Дашковой пришло в голову, что их можно подарить Екатерине, но, видимо, из-за сложных чувств, испытываемых ею к императрице, Дашкова передумала и в 1807 году подарила столы Александру I.

Следуя главным маршрутом всех туристов, Дашкова отправилась на юг по обновленной дороге в Неаполь. Там она опять оказалась в окружении разнообразной группы художников, эмигрантов и интеллектуалов, которые встречались в доме Уильяма Гамильтона, британского посланника в Неаполе и антиквария. Его первая жена Кэтрин была профессиональной пианисткой, и их дом в Неаполе превратился в центр культуры; второй женой была знаменитая Эмма, любовница лорда Нельсона. Андрей Разумовский, сын Кирилла Разумовского, с которым Дашкова собирала войска в 1762 году, тоже оказался с визитом в Неаполе. Назначенный затем послом в Австрию, он не вернулся в Россию, оставшись в Вене, где собрал большую картинную галерею и организовывал концерты ведущих музыкантов своего времени. Бетховен посвятил ему «Квартеты Разумовского». Среди других знаменитостей были аббат Фернандо Галиани, итальянский дипломат, писатель и политэконом, и Энн Сеймур Деймер, английская скульпторша, создавшая такие работы, как статуя Георга III, бюст Нельсона и статуя Темзы на мосту Хенли. Она путешествовала вместе со своей теткой и явно предпочитала женщин своему беспутному мужу-пьянице, застрелившемуся в 1775 году Дашкова познакомилась с ней в Риме и часто после утра и полдня, проведенных на экскурсиях и в покупках мраморов, картин,

гравюр и других предметов искусства, заканчивала день в мастерской Деймер. Это была святая святых, доступная только самым близким друзьям. Там художница боролась с куском мрамора, стараясь придать ему желаемую форму, так же как Дашкова боролась с историей своей жизни. Дашкова думала о своей подруге, что «глубокие познания она соединяла с умом, талантом и скромностью» (133/132). В Казерте, в великолепном дворце, расположенном в 20 милях от Неаполя, Дашкову принимали неаполитанский король Фердинанд IV и его жена Мария Каролина Австрийская, сестра Марии Антуанетты, прославившаяся своими восемнадцатью беременностями. Они обсуждали сокровища, найденные в Помпеях и Геркулануме, и целесообразность создания там музея повседневной жизни древних.

Пока Дашкова накоротке общалась с королевской фамилией, посещала музеи и забиралась на вершину Везувия, в Петербурге происходили изменения, которые вознесут ее вскоре на вершину политической карьеры, чтобы затем опять уронить в глубины отчуждения и отчаяния. В 1780 году, несмотря на попытки партии Панина поддержать тесные связи с Пруссией, альянс между Петербургом и Берлином рухнул, во многом благодаря вдохновляемому Потемкиным «греческому проекту», нуждавшемуся в помощи Австрии. Русско-австрийский договор 1781 года представлял собой серьезный отход от «северной системы» Панина, которую поддерживал великий князь Павел. Панин постепенно терял власть и влияние в пользу Потемкина, но Екатерина не торопилась принимать решающие меры против группы Панина, пока Павел и его вторая жена Мария Федоровна были за границей. В сентябре 1781 года Екатерина сместила Панина с его поста в Коллегии иностранных дел и заставила уйти в отставку. В следующем месяце Павел уехал в Италию, окруженный екатерининскими шпионами, которые сообщали ей о каждом его шаге и перехватывали корреспонденцию между Павлом и членами группы Панина[367]. После нескольких лет молчания Дашкова наконец получила долгожданное письмо от Екатерины и прочла его со смешанными чувствами. Тон письма, датированного 22 декабря 1781 года, был совсем другим: доброта и благожелательность сменили прошлую холодность. Императрица лично благодарила Дашкову за ее описание госпиталя в Ливорно и успокоила насчет будущего сына: «Я велела зачислить своего крестника в гвардию, оставив выбор полка на Ваше собственное усмотрение. Уверяя Вас, что мои чувства к Вам остаются неизменными… [и] проникнуты дружбой»[368]. Все еще обеспокоенная недавними сплетнями о

предназначении сына в любовники Екатерины, Дашкова ответила, что для сына предпочтительной является военная карьера, а не придворная должность.

Ей было очевидно, однако, что решающий сдвиг в распределении власти при дворе произошел и настало время поторопиться домой. Тем не менее она отложила отъезд из Рима в ожидании прибытия Павла и его супруги, которые путешествовали по Европе как граф и графиня Северные. В «Записках» Дашкова хранит молчание о своих встречах с Павлом и о представлении сына его крестному, которое произошло сразу после прихода письма от Екатерины. Великие князь и княгиня были очень любезны с Дашковой, встречаясь с ней несколько раз и приветствуя ее с благосклонностью и доброжелательностью. Эллис Корнелия Найт, которая была тогда в Риме, описывает разговор между Павлом и Дашковой на концерте, данном кардиналом де Берни. Она чувствовала, что присутствие Дашковой не нравилось Павлу, и была уверена, что Дашкова была там, чтобы шпионить за ним. Обвинение вряд ли убедительное; гораздо более вероятно, что простое черное платье Дашковой и несоответствие ее внешнего вида раздражало великого князя. Дашкова объяснила, что уложила уже все свои платья, готовясь уехать из Рима[369]. Павел знал, что Дашкова симпатизировала группе аристократов, которые надеялись привести его к власти; также весьма сомнительно, что заботливая мать не воспользовалась возможностью обсудить вопрос военной карьеры сына[370]. Павел, вероятно, успокоил ее или даже обещал помочь. Как бы то ни было, встреча с Павлом стала для Дашковой решающей, поскольку вскоре ей придется продемонстрировать свою истинную лояльность и сделать выбор между Екатериной и великим князем, который активно стремился занять трон своей матери. Окончательное решение Дашковой Павел сочтет настоящим предательством, что роковым образом отразится на их отношениях.

С отъездом Павла Дашкова отправилась в обратный путь в Россию. Она проехала Лоретто, Болонью, Феррару и вскоре достигла Венеции, где остановилась, чтобы посмотреть на чудеса собора, Дворца дожей, моста Риальто и Большого канала. Но волшебная красота погруженного в воду нереального города оставила у нее тревожное чувство, когда она путешествовала по церквям и монастырям в длинных черных гондолах, казавшихся ей темными и мрачными. Она слишком многое предчувствовала. Она как бы предугадывала смерть в 1784 году, всего лишь через два года, своей невестки, молодой жены брата Семена Екатерины, похороненной затем здесь же, в православной греческой церкви

недалеко от площади Сан-Марко.

Из Венеции ее путь лежал в Падую, Виченцу и Верону, а затем через Тирольские Альпы в Австрию. В Вене Дашкова встретилась с Венцелем Антоном фон Кауниц-Ритбергом, австрийским канцлером, имевшим большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику Марии Терезии (которая умерла только что, в 1780 году), Иосифа II и позже Леопольда II. Он был другом и большим почитателем Вольтера и энциклопедистов, а будучи послом во Франции, держал Жан Жака Руссо своим личным секретарем. Дашкова узнала, что незадолго до ее прибытия, в 1782 году папа Пий VI посетил Вену и безуспешно пытался уговорить Иосифа II и Кауница прекратить их церковные реформы. Кауниц посоветовал Иосифу II не делать уступок в церковных делах и вообще обошелся с понтификом довольно грубо. Он поздно явился на назначенный обед, одетый в сапоги и с хлыстом в руке. Дашкова не собиралась испытывать подобных унижений и приняла его приглашение только на условии, что не будет ждать после указанного часа. Когда она прибыла, Кауниц уже был там и приветствовал ее в гостиной.

Их беседа в тот вечер дала Дашковой еще одну возможность выразить в «Записках» свои взгляды на Россию, ее историю, ее развитие в европейском контексте и, что неизбежно, на просвещенное правление Екатерины Великой. В данном случае она противопоставила императрице величественную фигуру Петра I. Многие годы Екатерина вовсю эксплуатировала легенду о Петре и старалась установить свою преемственность с теми инициативами, которые Петр оставил неоконченными. Пятнадцатью годами ранее она наняла Фальконе, чтобы тот создал величественную конную статую Петра Великого, и теперь, 7 августа 1782 года, во время празднования столетия воцарения Петра, она организовала церемонию открытия Медного всадника. Надписью *Petro Primo Catharina Secunda* (Петру Первому — Екатерина Вторая) он «решительно провозглашал историческое значение ее царствования как законной наследницы и творца современной России»[371]. Среди российских интеллектуалов и прогрессивных писателей того времени наследство Петра подвергалось переоценке, и Дашкова, например, видела Петра жестоким тираном, демонстрировавшим полное презрение ко всему русскому, особенно к дворянству. Хотя Россия и обязана была ему за все его достижения, Дашкова считала, что его статус правителя почти мифических масштабов был изобретением иностранных писателей и почти целиком основан на его политике вестернизации. Она негативно оценивала грубость и деспотизм Петра, его презрение к закону, излишнюю амбициозность,

тщеславие и, более всего, петровское правление, которое для нее было «тираническим» (141/138).

В «Записках» Дашкова писала, что Россия, с ее ресурсами и богатством, не зависит от Запада. Реформы Петра и манера, в которой он насильно проводил их в российском народе, были следствием его жестокой, грубой натуры и недостатка воспитания: «Он был гениальным деятелем, его стремление к совершенству не знало предела, но полное отсутствие воспитания позволило его пылким страстям возобладать над разумом. Вспыльчивый, грубый и деспотичный, он со всеми без различия обходился как с рабами» (140/138)[372]. Он проводил изменения насильно, со всеми своими подданными обращался сурово, включая дворян, и подорвал установленные традиции и законы России, такие как новый кодекс (Соборное уложение 1649 года), введенный его отцом, царем Алексеем Михайловичем. Он постоянно жаждал власти, им двигали личные амбиции и гордыня, он построил столицу, в которой «тысячи работников погибли в болотах» (141/138). Для него не было также никакой нужды оставлять свои обязанности монарха и работать плотником на верфях Саардама.

В качестве контраста Дашкова предлагает правление Екатерины — более гуманное и доброе правление женщины, во время которого Петербург вырос в четыре раза, построены величественные здания, и все это «без насилия, поборов, не вызывая никаких неудовольствий» (141/138). Дашкова уместно умолчала о жестоком подавлении восстания Пугачева и других не слишком привлекательных чертах екатерининской России, но в частном порядке, в письме брату Александру, написанном около 1790 года, она выразила совсем другие чувства, характеризуя режим Екатерины как почти целиком зависящий от кнута[373]. Прославлением просвещенной, мягкой администрации Екатерины Великой в противоположность грубому насилию режима Петра Дашкова не пыталась добиться одобрения Екатерины, которая умерла за шесть лет до написания «Записок». Скорее, она сурово предупреждала против возвращения деспотизма и растущего милитаризма в течение четырехлетнего правления Павла, которого «вахтпарады и военные мундиры его занимали больше всего» (222/204).

При посещении коллекции по естественной истории в Императорской галерее Дашкова коротко переговорила с Иосифом II, который выразил глубочайшее почтение и уважение Екатерине, хотя его личные чувства к ней были гораздо менее лестными. Из Вены она с детьми отправилась в Прагу, чтобы Павел смог узнать больше о расквартированной там австрийской

армии, а затем в Дрезден, чтобы вновь посетить Галерею старых мастеров. Они не могли задерживаться и поспешили в Берлин, поскольку Фридрих II в письме от 10 апреля 1782 года разрешил Павлу присутствовать на маневрах прусских войск[374]. Как правило, Фридрих не позволял женщинам участвовать в военных смотрах, но, согласно Дашковой, для нее он сделал исключение и, сдержав свою антипатию к женской компании, подъехал со шляпой в руке и имел с ней короткий разговор к великому удивлению своих солдат и офицеров.

Там же к ней присоединился старый знакомый — аббат Рейналь. Оказавшись в изгнании, он написал ей, что «сделался столбняком в Берлине, и вы, конечно, угадаете почему»[375]. Старый друг Дашковой сбежал от наказания в Париже, после того как парламент приказал публично сжечь его «Философскую историю». Барон Ф. М. Гримм написал Екатерине 16/27 мая 1782 года, что аббат часто проводит время в компании Дашковой[376]. Они вместе обедали или встречались с академиками. На одном таком обеде были математик Жозеф Луи Лагранж, который в 1766 году занял место Леонарда Эйлера, когда тот уехал в Петербург, Иоганн Формей, прусский ученый и секретарь Берлинской академии наук, и Жан Бернар Мериан, философ и специалист по Юму. Присутствовал также Дьедонне Тьебо, преподаватель Военной школы в Берлине. Эрудиция Дашковой ему не понравилась, и он очень обиделся, когда она подвергла критике трату огромной суммы денег на свадьбу дофина и сардинской принцессы. В своих мемуарах он написал о ней так: «Барыня, дюжая, как мужчина, весьма некрасивая, с высоко закинутой головою, со смелым и повелительным взглядом»[377]. Аббат Рейналь был более высокого мнения о Дашковой: «Чем больше я читаю историю, чем глубже всматриваюсь в наш век, тем больше убеждаюсь, что вы выше его»[378]. Он последует за ней до Петербурга.

Наконец, настало время проделать последний участок пути в Россию, и они доехали без приключений до Кёнигсберга, а затем до Мемеля. Из Риги Дашкова написала Семену 17/28 июня 1782 года о той радости, с какой узнала о рождении племянника Михаила[379]. Наконец, в июле она прибыла в Петербург. Около семи лет прошло с ее отъезда, и за это время она дала сыну выдающееся образование, познакомила его с лучшим, что мог предложить просвещенный Запад, и обеспечила его назначение и карьеру. Хотя вопрос о будущем дочери был еще не ясен, Дашкова была счастлива — она осуществила все свои желания и теперь, что бы ни случилось дальше, она была дома.

Часть третья
ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СТРЕМЛЕНИЯ (1782–1794)

Глава первая АКАДЕМИЯ НАУК

Дашкова не могла даже представить себе, насколько улучшилось ее положение при дворе, однако ее благоразумное поведение за границей начало приносить плоды. Вернувшись в Петербург, она поселилась в своем загородном доме на Петергофской дороге, поскольку в то время собственного дома в городе у нее не было. В ее отношениях с семьей, похоже, мало что изменилось. Большинство ее родных уехали из города на лето, а отец жил во Владимире, где был наместником. Семен Романович держался отчужденно и не отвечал на письма. В ее отсутствие он женился в 1781 году на Екатерине Сенявиной и жил теперь со своей женой и маленьким сыном в фамильном имении Мурино на реке Охте к северо-западу от Петербурга. После ранней смерти жены в 1784 году он и его брат Александр пригласили своего друга архитектора Николая Львова построить в ее честь церковь Святой Екатерины. Роман Воронцов продолжал прекрасно обеспечивать своих сыновей, подарив Семену это имение вместе с расположенным там очень доходным винокуренным заводом. Александр управлял всем этим хозяйством, пока Семен жил за границей. Когда погода станет холоднее, а проблемы покажутся невыносимыми, Дашкова напишет Александру письмо с просьбой прислать ей водки из Мурина.

Встретили Дашкову в столице только сестра Елизавета и племянница Анна. Елизавета не столько питала искренние чувства любви и привязанности к своей долго отсутствовавшей сестре, сколько была в первую очередь заинтересована в использовании влияния Дашковой на императрицу, чтобы сделать дочь фрейлиной. Находясь в фаворе, Дашкова могла бы этого добиться. Надо было позаботиться и о кое-каких личных делах. Она посетила своих друзей Паниных — Никита Иванович был уже при смерти. Она предприняла все возможные усилия для получения разрешения представить своих детей императрице, чтобы выяснить при этом характер назначения сына. Вместо того чтобы послать письмо в Военную коллегию или в резиденцию Потемкина, где ее запрос мог быть потерян или остаться без ответа, Дашкова решила действовать напрямую. Она послала слугу на соседнюю дачу, где, как ей стало известно, можно было

застать Потемкина во время его ежедневного «часа любви». Изумленный князь Таврический получил записку Дашковой в собственные руки во время свидания с Екатериной Скавронской, урожденной Энгельгардт, его племянницей и любовницей.

К сожалению, Дашкова не смогла воспользоваться приглашением Екатерины, поскольку, когда оно пришло, Павел слег в сильнейшем приступе лихорадки и был в бреду. Дашкова сидела ночами, выхаживая его. На четвертый день доктор Роджерсон объявил, что Павел вне опасности, и наступил черед Дашковой приходить в себя после приступа хронического ревматизма с осложнениями, который уложил ее в постель на две недели.

Все еще слабая, лишь начавшая выздоравливать, Дашкова воспрянула духом, когда смогла, наконец, представить своих детей императрице, принявшей их ласково и даже пригласившей отобедать. Ожидая Екатерину, любившую играть перед обедом в шахматы, Дашкова обдумывала свои собственные ходы, поскольку была теперь уверена, что политическая ситуация при дворе изменилась, а ее статус значительно возрос. И вскоре Дашкова сидела рядом с императрицей, пользуясь особым вниманием ее величества за столом и во время вечерних прогулок. Теперь, когда не было Григория Орлова, Екатерина снова приглашала ее ко двору и на более интимные собрания в Эрмитаже. На следующий день Павел был назначен на долгожданную должность капитана гвардейского Семеновского полка, соответствовавшую рангу подполковника, а 14 июня 1782 года он получил желанное назначение адъютантом Потемкина. К сожалению, окруженный многими соблазнами, которые предлагает богатство, Павел вскоре откажется и от своих ученых занятий, и от мудрого материнского руководства.

И все же Дашкова еще не осознавала всю щедрость Екатерины, все размеры ожидающих ее императорских даров — земли, денег, высоких должностей. Вскоре она получила от Екатерины во владение имение Круглое под Могилевом, на территории, ставшей частью Белоруссии после первого раздела Польши в 1772 году. Статут местной администрации заменил польских землевладельцев на русских для усиления российского контроля над Белоруссией. Это был богатый дар — земля, населенная двумя с половиной тысячами крестьян, которые когда-то принадлежали Михаилу Казимиру Огинскому, гетману Литвы и претенденту на польский трон. Дашкова заколебалась, хотя имение должно было по закону стать именно ее собственностью, в отличие от принадлежавших ее детям и лишь управляемых ею земель. Оно располагалось в дальнем и

незнакомом ей районе России, бывшем когда-то частью Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой. Аннексия включила в состав России этнически разнообразный регион, где жили украинцы, белорусы, польские католики, шведы-лютеране и большое количество евреев. Передавая местную администрацию под контроль своих чиновников и дворян и раздаривая последним земли, как Дашковой, Екатерина вводила и новое законодательство, обеспечивавшее некоторое гражданское равенство для всего населения, в том числе для еврейского сообщества.

В 1780 году Екатерина посетила эту провинцию с официальным визитом и встретилась с Иосифом II в Могилеве, где еврейское население принимало ее с выражениями радости. В ее честь украсили цветами площадь и воздвигли арку. Тем не менее этнические и религиозные конфликты, особенно проявления антисемитизма со стороны местного населения и российских чиновников, были широко распространены. Кроме политически мотивированных антифранцузских и антипрусских чувств сочинения Дашковой демонстрируют ее религиозную терпимость и отсутствие предубеждений по отношению к национальным меньшинствам. Ее «Записки» свободны от национализма и антисемитизма, но она не была уверена в том, что достигнет успехов «…с крестьянами — полуполяками, полуевреями, ни обычаев, ни языка которых не знаю» (151/145). На следующий год, после того как она посетила имение и обнаружила его в полном небрежении и исключительно плохом состоянии, Дашкова попросила Потемкина обменять его на земли в Центральной России. Потемкин в просьбе отказал; тогда она приняла вызов и начала возрождать имение, превращая его в продуктивное и экономически выгодное. Позже Дашкова напишет: «В течение двух лет отложила капитал, для меня в то время значительный, на улучшение дел в Круглом» (152/146)[380].

Екатерина также предложила купить для Дашковой дом в городе, поскольку наводнения повредили ее загородный дом, а болотистая почва, на которой он стоял, усиливала ревматизм хозяйки. После некоторого беспокойства и мучений по поводу стоявшего перед ней выбора Дашкова нашла прилично обставленный дом А. Нелединского-Мелецкого, однако, когда жена владельца вывезла всю мебель, сделка не состоялась, и Дашкова решила этот дом лишь снять[381]. Затем она попросила, выполняя желание сестры, чтобы вместо покупки дома Екатерина сделала ее племянницу Анну Полянскую фрейлиной. Екатерина согласилась, но деньги не забрала, и Дашкова остановилась на доме недавно умершего банкира двора Ивана Фредерикса, за

который императрица согласилась заплатить 30 тысяч рублей из своих собственных средств, а затем добавила еще две тысячи[382]. Дашкова хотела купить дом на Английской набережной, где, как она объяснила Екатерине, она родилась (155/148–149)[383]. Мартин Скавронский, шурин Михаила Воронцова, построил этот двухэтажный каменный дом с мезонином, и поэтому вполне возможно, что родители Дашковой жили там какое-то время в 1740-х годах и что Дашкова в самом деле родилась там. Этот дом стал ее первой резиденцией в Петербурге на двенадцать лет, в то время, когда она возглавляла Академию наук. Английская набережная тогда уже превратилась в модную улицу, застроенную богатыми двух- и трехэтажными домами. Пересеченная Крюковым каналом, через который был перекинут небольшой подъемный мост с четырьмя внушительными гранитными колоннами, она стала популярным местом прогулок и экскурсий. Из своих окон Дашкова могла видеть прямо через Неву тот берег, где под ее руководством Кваренги будет возводить новое здание Академии наук.

Никакая недвижимость или деньги, полученные от императрицы, не могли в сознании Дашковой сравниться с той радостью, которую она испытала, услышав следующее предложение императрицы. На придворном балу Екатерина подошла к Дашковой, чтобы перемолвиться парой слов. Дашкова онемела, когда услышала, казалось, сошедшие с небес слова Екатерины, предложившей ей пост директора Академии наук. Непредвиденная возможность, о которой она мечтала с юности, оказалась теперь у нее в руках: она сможет работать рядом с императрицей и участвовать в преобразовании России. Тем вечером Екатерина буквально втолкнула Дашкову в центр российской культурной и интеллектуальной жизни как главу двух академий, и с 1783 по 1794 год Дашкова будет серьезно влиять на развитие образования и науки в России. Официально в течение тринадцати лет, включая двухлетний отпуск, а фактически одиннадцать лет Дашкова возглавляла Императорскую Академию наук в Санкт-Петербурге и Императорскую Российскую академию.

После стольких лет сохранения дистанции решение вернуть вспыльчивую, чересчур резкую и прямолинейную Дашкову в придворную жизнь, видимо, было для императрицы трудным. И все же инициатива Екатерины была расчетливой и беспрецедентной — ведь никогда женщина в России не занимала столь влиятельный и значительный академический пост. Петр I задумал и основал академию, проект которой реализовался через несколько месяцев после его смерти. Он представлял себе триединую институцию для исследования и обучения, состоящую

из академии, университета и гимназии (средней школы). С самого начала Академия наук в значительной степени занималась и науками гуманитарными, прежде всего филологией. Хотя академии исполнилось чуть меньше шестидесяти лет, к 1783 году она была в крайне плохом состоянии. Смерть в 1765 году величайшего российского ученого М. В. Ломоносова, а также потеря интереса, особенно после восстания Пугачева, к разработанным раннее проектам, основанным на идеях Просвещения, привели к уменьшению финансирования. Отсутствие яркого лидера и недостаток денег оказали сильное негативное влияние на всю работу академии, на ее исследования и подготовку будущих ученых в гимназии и университете. Плохое административное и финансовое управление способствовало упадку. Кирилл Разумовский стал президентом академии в восемнадцать лет и оставался на этой синекуре около пятидесяти лет. Он не проявлял никакого интереса к эффективному управлению, и в результате Екатерина учредила в 1766 году должность директора и административную комиссию для надзора за научными, учебными и другими академическими делами.

Президентство все еще существовало, хотя и имело чисто церемониальный характер. До Дашковой директором был Владимир Орлов, самый младший из братьев Орловых. Он также был слабым и негодным администратором и передал пост своему протеже Сергею Домашневу, поэту и переводчику, который возглавлял академию с 1775 по 1783 год. Домашнев и его расхлябанная академическая администрация стали объектом насмешек и сатиры, но говоря серьезно, он привел научную жизнь академии в полный хаос, демонстрировал полное неуважение к деятельности ученых и использовал деньги не по назначению[384]. Его неумение общаться с людьми и недостаток такта приводили к постоянным склокам и конфликтам между академиками и директором. Он мог по-диктаторски вмешиваться в их работу, которую не мог ни адекватно оценить, ни понять. Академия находилась в состоянии административного и экономического неустройства с неоплаченными долгами, задержанными зарплатами и односторонними решениями, принятыми без всяких консультаций[385]. Сделав беспрецедентный шаг, академики публично выразили свое недовольство директорством Домашнева, указывая на его деспотическое администрирование и некомпетентность[386]. Домашнев защищался, приписывая свою отставку придворным интригам, особенно вмешательству Безбородко и Александра Воронцова.

Екатерина не любила Домашнева, которого называла *cet animal*[387][388]. Дашкова, с другой стороны, казалось, совершенно

подходила на эту должность, а управление институцией высшего образования и науки лежало в области ее компетенции. Высокообразованная, эрудированная, начитанная женщина, она глубоко верила в важность образования и распространения идей Просвещения. Перед применением своих образовательных теорий в академии она испробовала их на своих детях с блестящими, как она думала, результатами. Она высоко ценила ученость, установила обширные личные контакты с интеллектуальной элитой Европы и лично же посетила академии и центры образования во время путешествий по России и за рубежом: Киево-Могилянскую академию, Оксфордский и Эдинбургский университеты, Сен-Сир и др. Накопленные там знания и влияние зарубежных университетов, прежде всего Эдинбургского, сыграли решающую роль в ее управлении академией и академической гимназией. Сказалось и то, что она была женщиной решительной, энергичной, ответственной и экономной, эффективно управлявшей поместьями своих детей. Хотя временами и слишком прямолинейная и недипломатичная в отношениях с людьми, она, бесспорно, обладала настойчивостью и силой для преодоления сопротивления и наведения порядка в академическом сообществе, известном своими интригами и мелкими склоками.

Не было также секретом, что княгиня стремилась служить обществу; возможно, императрица решила, что если она займется проблемами науки и образования, то будет меньше вмешиваться в более важные государственные дела. В перспективе это назначение могло нейтрализовать ее политически, вывести из списка возможных лидеров оппозиции и отвлечь от участия в подрывной деятельности. Возлагая на Дашкову ответственность, полномочия и четко определенные обязанности в академии, Екатерина привлекала ее на свою сторону. Она стремилась направить энергию Дашковой в русло продуктивной работы в науке и образовании, удалив от реальной власти и политического влияния. Это был блестящий политический ход со стороны Екатерины в полном соответствии с ее талантом окружать себя одаренными личностями — такими как Петр Румянцев, Григорий Потемкин и Александр Безбородко. Она делала это и тогда, когда они не вполне поддерживали ее политику или даже активно выступали против нее. Так было в случае семьи Воронцовых, включая отца Дашковой и ее братьев Александра и Семена, а также других — Александра Суворова и братьев Паниных. Всех их Екатерина терпела с трудом, но искусно использовала. Приняв предложение, Дашкова становилась членом лагеря Екатерины, что ослабляло оппозицию двору.

После бала, дома, сомнения и неуверенность в дальнейших действиях охватили княгиню. Согласиться было нелегко, поскольку согласие вело к серьезным политическим последствиям. Колебания Дашковой были вызваны целым рядом внутренних и внешних причин. С одной стороны, она вполне отдавала себе отчет в тех сложностях, которые вызовет ее решение в связи с соглашением, заключенным в Риме с Павлом. Должна ли она следовать за императрицей, которая отвернулась от нее в прошлом и, возможно, сделает это еще раз, или ей надо продолжать поддерживать Павла, законного наследника трона? Ее измена, безусловно, разгневает его, и он никогда не забудет и не простит ее двуличность. С другой стороны, княгиня вспоминает в «Записках», как села за письмо Екатерине. Довольно неубедительно она писала: «Сам Господь Бог, создавая меня женщиной… тем самым избавил меня от должности директора Академии; признавая себя невежественной в науках, я никогда не стремилась быть причисленной к какому-нибудь ученому обществу» (157–58/151).

Когда она окончила письмо, была почти полночь. Не обращая внимание на столь поздний час, она в нетерпении отправилась к Потемкину. Поднятый с постели и вряд ли настроенный сочувствовать дашковской драме, он просмотрел письмо и порвал его в клочки. Он сказал, что Екатерина уже некоторое время обдумывает это назначение, и если Дашкова имеет какие-либо опасения, она должна послать императрице гораздо более сдержанное письмо. Дашкова провела всю ночь за составлением второго письма, в котором написала: «Пожалуйста, не думайте, что я всегда желала занять эту должность, к которой как женщина я не могла стремиться»[389]. Императрица просто проигнорировала письмо Дашковой и в тот же день послала ей копию сенатского указа о назначении ее директором Академии наук и о роспуске административной комиссии. Интересно, что Екатерина подготовила соответствующий указ еще до получения согласия Дашковой, поскольку, видимо, никогда не сомневалась в ее амбициях. И все же Дашкова колебалась и ничего не предпринимала в течение нескольких месяцев после того, как Екатерина официально написала ей о назначении 19 августа 1782 года[390]. Наконец, 24 января 1783 года по указу, подписанному Екатериной, назначение стало официальным[391].

1783 год был важным и незабываемым для Дашковой, полным больших радостей и глубокой печали. После двадцати лет немилости и остракизма, кажется, начинался новый период в ее жизни; позади оставались многие прошлые заботы. Екатерина предоставила сыну княгини желанную службу в гвардейском

полку, назначила ее племянницу фрейлиной и поставила саму Дашкову во главе Академии наук. В семье же случились две смерти. Первая — это смерть отца, Романа Воронцова, с которым у нее были такие болезненные и напряженные отношения. Дашкова узнала, что он не завещал ей ничего, и ей осталось лишь вспоминать жизнь с отцом, почти всегда ее игнорировавшим. Второй была смерть Никиты Панина, который, в противоположность отцу, был ее ментором и сделал для нее так много в тяжелые времена при дворе. Несмотря на горе, все ее колебания разом исчезли, и, оставив все горести позади, княгиня сразу принялась за работу в Академии наук с характерными для нее энергией, прямотой и серьезнейшим отношением к любому делу.

Дашкова внесла в работу новаторство, динамизм, решительность и финансовую ответственность, открыв новый захватывающий и плодотворный период в жизни Академии наук[392]. Были достигнуты серьезные успехи, связанные с работами Ломоносова в химии, физике, географии, астрономии, геологии, математике и многих других отраслях науки. Кроме того, были начаты жизненно важные проекты по описанию естественных ресурсов империи, а также публикации отчетов путешественников, исследовавших Сибирь, Камчатку, Кавказ и юг России. Огромные и разнообразные земли империи открывались миру с появлением, например, «Атласа Российского» и «Российского географического лексикона», карт и других справочных изданий. Необходима была также работа по освоению и применению новых открытий в образовании и для экономического роста России. Дашкова считала, что наука должна служить нуждам страны и ее народа и что свет учения должен просвещать не только избранных, но и все общество.

Сразу же делегация академиков, администраторов и вспомогательных работников посетила Дашкову, которая объявила политику открытых дверей, уверив всех в возможности обсуждать их вопросы и проблемы в любое время без всякого предварительного разрешения. Ночью, готовясь к официальной церемонии в академии на следующий день, она погрузилась в «лабиринт» докладов о состоянии дел в академии, чтобы познакомиться с ее запутанной и сложной внутренней организацией. Она постаралась запомнить имена ее наиболее влиятельных членов, опасаясь, что любая ошибка с ее стороны приведет к насмешкам или осуждению. На регулярных еженедельных заседаниях встречались академики и адъюнкты. Эти заседания в основном были посвящены докладам, обсуждениям исследовательской и учебной работы,

приобретению книг, оборудования, архивных материалов и установлению контактов с другими академиками и академиями мира. Во время правления Дашковой Иоганн Альбрехт Эйлер, математик, конференц-секретарь Академии наук и сын знаменитого швейцарского математика Леонарда Эйлера вел протоколы этих заседаний и публиковал их на латыни, немецком и французском. Первое заседание было посвящено инаугурации нового директора[393].

Появление Дашковой в академии было драматичным и глубоко символическим. Она продемонстрировала всем присутствовавшим решимость начать новую эпоху, в которой прогресс будет основан на достоинствах и фактических достижениях, а не на знакомствах и обмене услугами. Перед инаугурацией княгиня нанесла визит Леонарду Эйлеру, человеку энциклопедических знаний, автору более чем восьмисот работ по математике, физике, астрономии и механике. Теперь ему перевалило за семьдесят, он был уже близок к смерти и не посещал академию, поскольку ему претили беспорядок предыдущей администрации и бесконечные ссоры коллег. Старый и слепой, он продолжал свои исследования, диктуя тексты Николаю фон Фуссу, также математику и — позже — непременному секретарю академии, женатому на его внучке. Дашкова считала, что Эйлер, «бесспорно, был самым крупным геометром и математиком наших дней» (161/154), и попросила его сопровождать ее в академию, ввести в зал и представить собравшимся там академикам. Его присутствие будет торжественным и выразительным способом обозначать ее уважение к науке, смягчит ее неуверенность и общепризнанную боязнь публичных выступлений. Понимание того, что она будет единственной особой женского пола во всем собрании, усугубляло ее страхи. Должна ли она представить себя как безобидную, мягкую женщину или сыграть более властную, начальственную, мужскую роль в этом собрании ученых, многие из которых не захотят признать ее авторитет?

Эйлер был польщен и в сопровождении своего сына и Николая фон Фусса отправился поддержать Дашкову во время ее первого официального появления в академии 30 января 1783 года. Когда они вошли, Дашкова заметила, что Якоб Штелин, шваб по рождению и профессор красноречия и поэзии, занял кресло рядом с директорским. Он писал стихи на немецком и создавал аллегорические картины, иллюминации и фейерверки по поводу государственных и придворных праздников. Хотя он и был членом многих иностранных академий, Дашкова считала, что свое место он не заслужил и «можно смело сказать, что как его

научные знания, так и чин и он сам были действительно только аллегорией» (206/-). Поэтому она повернулась к Эйлеру и громко, чтобы слышали все, пояснила, что то кресло, которое он займет, и будет самым почетным[394]. После «восстановления» Эйлера она обратилась к собравшимся и во вступительной речи уверила их, что приглашение управлять Академией наук было для нее большой честью. Она выразила глубокое уважение и почтение к академикам и обещала им с усердием работать во славу академии. Подчеркнув, что не может конкурировать с ними в науке, она обещала неустанно работать в их интересах и делать все, что в ее силах, чтобы продолжить блестящие традиции академии[395]. Фактически Дашкова отвечала на жалобы академиков на предыдущую администрацию, которая не уважала их, недооценивала и не поддерживала их работу. Ее слова и действия в день первого публичного появления определили ее смелое вхождение в академический мир, завоевали ей некоторую поддержку, но также и создали немало врагов.

Официально многие академики встретили назначение Дашковой с энтузиазмом. П. Б. Иноходцев выразил надежду, «что в давно униженной Академии вновь воцарится мир и спокойствие», а Г. Ф. Миллер написал, что считал бы себя счастливым человеком, если бы смог «окончить жизнь под милостивою вашею дирекциею»[396]. И все же несмотря на ее благие намерения и положительные инициативы, ее методы вызвали раздражение многих коллег, которые противились администрации, возглавляемой женщиной. Сразу же возникло противостояние Дашковой и Александра Вяземского, генерал-прокурора Сената. Не принадлежавший ни к одной из ведущих партий, он был доверенным лицом Екатерины, отвечавшим за внутреннее управление Россией и надзиравшим за всеми правительственными учреждениями. В попытке реформировать и рационализировать финансовое управление страной императрица доверила ему контроль и унификацию важных фискальных дел, в том числе и академических. Отчеты, сметы и распределения стали теперь проходить через его руки.

Дашкова, Панин и другие считали Вяземского екатерининским угодником и полной бездарностью. Среди прочего, появились финансовые проблемы и сложности в доступе к монарху, поскольку, будучи главой академии, Дашкова хотела иметь дело непосредственно и исключительно с императрицей и возмущалась вмешательством Вяземского. Он оскорбил Дашкову сомнением в необходимости приведения ее к присяге в Сенате, что было обычным при назначении на административные посты. В этом деле Екатерина поддержала Дашкову и пригласила ее на

церемонию. В назначенное время Дашкова предстала перед Сенатом второй раз в своей жизни. В 1762 году она дерзко вторглась на его заседание, переодетая офицером. Теперь, нервничая почти до обморока и в холодном поту, она описала сенаторам это необычное событие как «чудо появления женщины в вашем величественном святилище» (163/156) и была приведена к присяге, став первой в истории России женщиной на высоком посту директора Академии наук.

Вопрос о присяге Дашковой был только прелюдией к бесконечной череде столкновений с Вяземским. Когда радостное возбуждение от вступления в должность прошло, княгиня столкнулась с запутанными финансовыми проблемами академии и с сопротивлением упрямых чиновников. Вместе с указом о ее директорстве Екатерина подписала еще два. Первый назначал двух советников и казначея для управления экономическими и финансовыми делами[397]. Второй был обращен к Вяземскому как главе Сената и приказывал предоставить все счета и расходы прошлой администрации академии для проверки. Проверка выявила нарушения в финансовых делах академии, и в ответ на эти непорядки 31 марта 1783 года Сенат своим указом повелел академии регулярно предоставлять отчеты о своих доходах и расходах. Дашкова была вне себя, поскольку не она была причиной этих проблем, однако такое решение сильно затрудняло ее работу. Вместо прямого доступа к императрице по всем делам академии она попала под пристальный надзор государственной бюрократии. И, что было еще хуже, она зависела от милости Вяземского.

Хотя наведение порядка в финансовых делах и отчетах было главной заботой Дашковой, она скоро обнаружила, что работа предстоит нелегкая. Она попросила, чтобы распущенная комиссия поработала еще немного и снабдила ее имеющимися сведениями касательно обязанностей директора, а также всей относящейся к делу информацией об административной структуре академии. Затем главам департаментов было приказано предоставить отчеты о том, каковы их обязанности и каков круг ответственности департаментов. В попытке привести в порядок дела академии Дашкова без обиняков обращается к Вяземскому с просьбой предоставить ей все документы, описывающие претензии канцелярии к прежней администрации. Она также захотела получить петиции своего предшественника Домашнева Сенату, касавшиеся проблем академии, чтобы рассмотреть каждую из них. Вяземский, однако, помочь не стремился, и многие записи и документы оказались утерянными. Не отступив, она потребовала от Домашнева полного отчета, на что тот в гневе

пожаловался императрице[398]. Оказалось, что Домашнев часто брал домой официальные бумаги, и теперь они очень кстати затерялись. Фактически Дашкова посчитала необходимым объяснить самой императрице, как надо обращаться с делами академии, на что получила краткий и категоричный ответ Екатерины: «Я весьма раздражена вашим беспокойством»[399].

В общем, Вяземский не желал сотрудничать, поскольку считал финансовые проверки сферой своей компетенции. Дашкова же была непоколебима в стремлении продолжить работу и так же, как полностью контролировала собственные финансы и дела своих детей, желала навести порядок в расходах и бюджете академии. Она опять оказалась в конфронтации с Вяземским, теперь уже по поводу подотчетности академии Сенату. Говоря коротко, полемика вращалась вокруг составленного из двух частей бюджета академии. Первой частью было государственное финансирование («штатная сумма»), назначавшееся из казны, как и для любой государственной организации. Второй частью был административный фонд («экономическая сумма»), зависевший от доходов академии, поступавших от различных коммерческих проектов, таких как издание и продажа книг. Традиционно эти средства были целиком в распоряжении директора и могли включать доходы и расходы, не обозначенные в уставе академии. Это различие между двумя частями бюджета не всегда было ясным. Например, из денег, полученных от коммерции, Дашкова могла начать выплаты долгов книгопродавцам в России и за рубежом, а также покрывать задолженности государственного финансирования, которое теперь целиком было под контролем Вяземского.

Более того, Дашкова чувствовала, что Вяземский попытался установить контроль не только над государственными средствами, но и над административным бюджетом под предлогом проверки прошлых нарушений. Подвергая проверке все доходы, Сенат фактически ограничивал административную и распорядительную власть Дашковой. Она приняла близко к сердцу такое ограничение своей власти, это стало для нее делом чести. Она не могла допустить такое вмешательство в свои дела, когда была установлена «отчетность, которой никогда не было с тех пор, как существует Академия, и даже при моем предшественнике, подозревавшемся в злоупотреблениях» (166/159). Пытаясь противостоять ограничениям своего авторитета, Дашкова написала ряд писем Безбородко и Екатерине[400]. Она защищала свое дело перед Безбородко: «Персонально я много снести могу, места же публичного никакого унизить и помарать собою согласиться не могу»[401]. Ей

очень мешало свободное использование ее предшественниками доходов академии по своему усмотрению, без всякой официальной отчетности. Она также отмечала, что Сенат не применял такие суровые меры ко всем; так, среди прочих, ими не был затронут Московский университет. Полемика столь обострилась, что Дашкова была готова подать в отставку, что заставило Екатерину вмешаться и принять компромиссное решение. Согласно указу от 7 мая 1783 года, от Дашковой требовалось представлять самой императрице ежемесячный короткий доклад — этим удовлетворялись как необходимый уровень отчетности, так и желание Дашковой работать непосредственно с Екатериной[402]. Дашкова выиграла: она получила полный контроль над бюджетом, и все расходы должны были получать ее одобрение.

Особенно огорчительным и унизительным был другой спор — о жалованье директора Академии наук. Составляя две тысячи рублей в год, указом от 16 января 1777 года оно было повышено предшественнику Дашковой Домашневу еще на одну тысячу. Когда Дашкова также выделила себе три тысячи рублей, Вяземский обвинил ее в неправильных финансовых решениях. Дашкова была в ярости, чувствуя себя публично униженной обвинением в том, что взяла себе больше денег, чем полагалось. В самом деле, пререкания с Вяземским о жалованье больше касались чести, чем денег. Дашкова написала об этом Безбородко, и опять Екатерина вмешалась, чтобы разрешить спор[403]. 8 января 1784 года она выпустила указ, по которому Дашкова будет получать три тысячи рублей или сумму, равную той, что получал Домашнев[404]. Постепенно экономическая ситуация в академии исправилась до такой степени, что жалованье директора стало выплачиваться из ее бюджета, а не из сумм императрицы.

К сожалению, «необразованный и мстительный» (166/159) Вяземский продолжал создавать Дашковой трудности. Он или игнорировал ее рекомендации, или отказывался снабжать ее требуемыми суммами и материалами. Например, 15 марта 1783 года Сенат поручил академии приготовить генеральный атлас России. Географический департамент академии составил новую карту страны в 1776 году, когда готовил «Генеральную карту России» к пятидесятилетнему юбилею Академии наук. Но теперь она устарела в связи с недавним изменением административного деления страны и увеличением числа губерний с двадцати до сорока. Сбор необходимых данных оказался нелегкой задачей, и Дашкова вспоминает в «Записках», что Вяземский препятствовал ее работе, ограничивая доступ к информации, касавшейся проведения новых границ губерний. Тем не менее в 1786 году

академия напечатала «Новую карту Российской империи», и, основываясь на этой карте, В. Крафт в следующем году впервые подсчитал площадь России.

Несмотря на продолжавшиеся финансовые затруднения, которые создавал ей Вяземский, Дашкова была готова заниматься серьезными проблемами и принимать непопулярные решения. При прежнем директоре академия имела репутацию организации коррумпированной и отвратительно управлявшейся, поэтому Дашкова заявила своим подчиненным, что не собирается обогащаться за счет академии и не потерпит с их стороны никакой финансовой безответственности. Дашкова приняла руководство академией в критический момент ее истории. Академия была должна много денег своим издателям и книгопродавцам, в то же время академикам и персоналу не выплачивалось жалованье. Из-за экономических трудностей она не могла осуществлять многие свои проекты, проводить конференции и исследования, и Дашкова чувствовала, что ее «заставили тащить совершенно неисправный плуг» (159/152).

С характерной энергией княгиня окунулась в административную работу и принялась восстанавливать экономический порядок в наивысшем и самом престижном научном учреждении страны, принимая организационные, административные и экономические меры. Концентрируясь на деталях административной работы с самого момента вступления в должность, Дашкова приняла активное участие в деятельности канцелярии Академии наук[405]. Канцелярия, которую возглавляла Дашкова, надзирала за административными и экономическими делами академии. Она отвечала, среди прочего, за гимназию, различные мастерские, типографию, публикацию «Санкт-Петербургской газеты» и комиссионную продажу иностранных книг. Дашкова появлялась там ровно в девять утра и просматривала ежедневные доклады, просьбы и все прочие текущие дела. Затем она давала указания и записывала их в журнале канцелярии. За один 1784 год в журнале записано 926 приказов, из которых Дашкова подписала 747, а исключение составили лишь те, что были изданы в летние месяцы с 24 мая по 5 сентября, когда она отсутствовала в Петербурге и оставила на службе своих заместителей[406].

Никакие организационные или экономические дела не проходили мимо ее внимания. Она была трудолюбива, инициативна и полностью вовлечена в академические и коммерческие предприятия. В академическом магазине она организовала распродажу книг с 30-процентной скидкой и умудрилась получить прибыль. В это же время и без всякого

сожаления она сожгла все книги неприличного и развратного содержания, заказанные Домашневым. В апреле 1783 года, когда управляющий книжным магазином Е. Вильковский проигнорировал указания Дашковой, она оштрафовала его на 15 рублей[407]. В дополнение к своим собственным изданиям печатня академии принимала внешние заказы и испытывала трудности со сбором денег за свою работу. В ноябре 1783 года Дашкова написала Николаю Новикову, просветителю, писателю, журналисту и издателю, о его невыплате по счетам[408]. Академия получила заказ на его словарь русских писателей, и книга была напечатана, но Новиков не смог заплатить за нее. Несмотря на повторные напоминания, Новиков так и не оплатил счет, и Дашкова обратилась за помощью к куратору Московского университета Ивану Шувалову[409]. Очевидно, письмо привело к желаемому эффекту. Согласно записям 1784 года академия получила от Новикова 839 рублей 11 копеек и некоторое время спустя отправила ему 461 экземпляр его книги[410]. В первые пять месяцев своего директорства Дашкова смогла получить более 8500 рублей не оплаченных ранее долгов[411].

Дашкова строго придерживалась правил и установлений, особенно тех, что касались дел финансовых. Когда в ряде случаев вдовы академиков просили дополнительные средства, она им отказывала. А. Б. Храповицкий писал, что при дворе многие считали Дашкову скупой, что «она ни с кем не уживается»[412]. В своих финансовых делах она была честной, и нет даже намеков на финансовые нарушения или на использование ею фондов в личных интересах. За один год она реорганизовала академию, привела в порядок ее финансовые и административные дела и приняла меры, позволившие ей избавиться от всех долгов и получить большой доход. Императрица похвалила Дашкову за умение находить деньги и разумно использовать их на соответствующие проекты[413]. Бережливость княгини, однако, привела к появлению историй о том, как она решала даже, казалось бы, самые незначительные академические дела. Жильбер Ромм, французский учитель Павла, тринадцатилетнего сына Александра Строганова, вспоминал, как старый граф купил книгу у Дашковой за пять рублей. Книга оказалась подарочным экземпляром от автора, поэтому Дашкова, осознавшая ошибку, попросила книгу вернуть. Затем она послала тот же том графу обратно, но в этот раз титульная страница с надписью автора была выдрана[414].

В академии сила Дашковой как администратора заключалась в ее понимании своей ограниченности и того, что она не ученый. Она не игнорировала работу своих коллег и не навязывала им

свои идеи или методы. Скорее, ее задача, как она ее видела, заключалась в том, чтобы облегчать их деятельность. Вскоре она прекратила практику увольнения членов академии за «несоответствующие мнения». Но Дашкова была не просто академическим администратором; она участвовала во всех аспектах академической работы, вплоть до организации образовательных программ, написания инструкций по проектам, определения направлений и целей исследований, организации экспедиций, обеспечения финансовой поддержки, популяризации и публикации открытий. Со свойственной ей деловитостью она не только заглядывала в книжную лавку и печатню, но интересовалась также наймом собственности, продажей карт и внешним консультированием.

Княгиня лично председательствовала на многих академических заседаниях вместе со своими советниками О. П. Козодавлевым и В. А. Ушаковым. Козодавлев консультировал ее непосредственно и помогал с публикацией журнала, тогда как Ушаков давал ей деловые советы. Когда Дашкова не могла посещать заседания, она передавала обязанности своему секретарю И. И. Лепехину. Ученый, натуралист, специалист по русскому языку и блестящий стилист, он был ее ближайшим коллегой, а с 1783 года до своей смерти в 1802 году — непременным секретарем Российской академии. Дашкова подбирала свой штат, номинировала новых членов, распределяла задания, следила за их выполнением и вела дискуссии. Ее управление было демократическим, и во время выборов она была на равных с другими членами академии, обладая только одним голосом: «…несмотря на предрассудки века и общественного положения, основою академической жизни [Дашкова] признавала начало равноправности»[415].

Дашкова попыталась создать серьезную атмосферу, благоприятную для исследований и учебы. Одной из ее первых целей было освобождение академиков от излишней работы в комиссиях и от бюрократического и административного бремени. Она также стремилась оградить ученых от внешнего вмешательства. Академики теперь отвечали перед главой своего собрания, а не перед безличной администрацией[416]. Она удвоила жалованье Николаю фон Фуссу, который собирался оставить свой пост в академии, и Иоганну Готлибу Георги, специалисту по естественной истории и химии. Тонкий и высокообразованный ученый, он был опытным этнографом, практиковавшим также медицину. Чтобы поощрить наиболее одаренных и плодовитых академиков и сотрудников, она обратилась к Вяземскому с просьбой об их повышении; однако просьба не была услышана и

стала еще одним источником огорчений в продолжавшихся битвах с ним[417]. В конце концов, она увеличила жалованье и повысила в должности многих академиков, хотя всегда должна была бороться за необходимые для этого средства. В январе 1784 года Дашкова опять обратилась к императрице и в течение многих лет продолжала просить ее о продвижении по служебной лестнице Козодавлева, Ушакова и др.[418] Дашкова демонстрировала большую заботу о своих подчиненных, особенно о менее удачливых и плохо оплачиваемых. Она предложила основать пенсионный фонд из части академических доходов[419]. Екатерина одобрила этот план и 21 марта 1791 года подписала указ о том, чтобы проценты от суммы в 30 тысяч рублей из академического бюджета поступили на организацию этого пенсионного фонда[420].

Энергия и организационные таланты Дашковой позволили ей активизировать издательскую и переводческую деятельность академии, которая, как она считала, была необходима для распространения знаний на русском языке. Одними из первых проектов Дашковой были возобновление издания «Комментариев» и восстановление выпуска академических деловых бумаг — «Архива Конференции Академии наук», который оставался непереплетенным и имел много пропусков[421]. Ежегодные публикации научных академических работ появлялись с большим опозданием, многие статьи задерживались. В 1783 году Дашкова опубликовала первый том, озаглавленный «Acta Academiae» и включавший работы, написанные в 1779 году. С 1783 по 1786 год она выпустила еще шесть томов со статьями 1780–1782 годов. Хотя некоторым статьям и было уже три года, она значительно увеличила объем публикаций. Под ее непосредственным руководством академия выпустила первое полное собрание сочинений М. В. Ломоносова (1784–1787), шестое и седьмое издания его «Российской грамматики» (1788 и 1799) и три издания «Краткого руководства к красноречию» (1788, 1791 и 1797).

Дашкова с энтузиазмом работала над подготовкой и распространением научных изданий непосредственно в самой академии и в книжных магазинах Петербурга и Москвы. Под ее наблюдением были изданы такие работы, как «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (1786) и продолжение «Дневных записок путешествия доктора в Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768–1772 годах» (1771–1805). Очень влиятельным исследованием, появившимся во время правления Дашковой и оказавшимся одним из самых важных событий в истории

российской науки и Просвещения вообще, были «Письма о разных физических и философских материях» Л. Эйлера (1768–1774, 1785, 1790–1791, 1796). Эйлеровское яркое и общедоступное изложение, которое было понятно и неспециалисту, упрочило их успех. Дашкова поддерживала писателей и в 1784 году приобрела для академической книжной лавки тысячу копий «Душеньки» И. Ф. Богдановича; еще раньше она напечатала на средства академии и распространила 2400 экземпляров его «Исторического изображения России», а в следующем году издала его «Собрание русских пословиц»[422]. В 1788 году она купила 150 экземпляров сочинений Я. Б. Княжнина, а в 1793 году академия напечатала пять номеров журнала «Санкт-Петербургский Меркурий», который издавался И. А. Крыловым и А. И. Клышиным и содержал их пьесы[423].

Дашкова инициировала ряд амбициозных переводческих проектов, таких как работа над многотомной «Всеобщей и частной естественной историей» Ж. Л. Бюффона (1789–1808). В феврале 1790 года она основала отделение для обучения переводчиков, которое возглавил А. П. Протасов. По мнению Дашковой, было совершенно необходимо создать государственную систему образования, и как глава Академии наук она с энтузиазмом поддержала школьные реформы Екатерины 1780–1790-х годов. Комиссия по народному образованию обратилась к академии с просьбой перевести несколько австрийских школьных учебников, и работа началась в марте 1783 года[424]. Перевод австрийского издания «Зрелище природы и художеств» с 480 гравюрами (1784–1790) был первой популярной энциклопедией науки и техники, изданной в России для образования юношества.

По большому счету, Дашкова принимала участие почти во всех аспектах издательской деятельности академии. Она просматривала списки книг, устанавливала их цены, вела переговоры с книгопродавцами, соблюдала высокие стандарты и проверяла счета печатников. Другие ее заботы включали модернизацию типографии с приобретением нового шрифта, нового пресса и обновлением существующего оборудования. В Академии наук тогда располагалась самая важная типография в стране. Согласно М. И. Сухомлинову, «все, что относится ко внутренней жизни академии и к ее внешней обстановке, было близко сердцу Дашковой, не щадившей ни времени, ни труда, чтобы довести свое создание до возможной степени совершенства»[425]. Она обновила химические лаборатории, а также минералогический и физический кабинеты, в которые передала свои собственные образцы, расширила ботанический сад

в десять раз по сравнению с его первоначальным размером[426]. С 1783 по 1793 год она потратила 18 тысяч рублей на помещения и инструменты и, несмотря на критику, недрогнувшей рукой — 99 тысяч на строительство[427]. В это же время библиотека академии выросла на четыре тысячи томов. Дашкова приказала систематизировать коллекцию библиотеки, был составлен каталог на русском и немецком языках, она сама подарила библиотеке много книг[428].

Княгиня стремилась поддерживать академиков и проявляла огромный интерес к сферам их исследований. Примером может служить ее попытка приобрести точную модель обсерватории в Гринвиче с детальным описанием механизмов, облегчающих астрономические наблюдения. Сооружение Уильямом Гершелем в 1787 году большого и мощного телескопа для обсерватории в Сло в Англии восхитило ее. В 1789 году Жозеф Лаланд, французский астроном и директор Парижской обсерватории, написал ей об открытии Гершелем спутника Сатурна. Он мрачно отметил, что во Франции «политика — вот что поглощает ныне внимание всех» и что «беспорядки во Франции несколько поутихли, но дух мятежа среди народа и даже среди солдат — опасный источник зла»[429]. Мир изменился, пока Дашкова работала не покладая рук, чтобы исследования и наука могли лучше служить модернизации и техническому прогрессу. Так как она участвовала в обучении сына, то считала военную науку и инженерное дело особо важными дисциплинами. Поэтому она обратила свое внимание на вопросы навигации и ее возможного военного применения. 18 февраля 1793 года она попросила Ф. И. Шуберта изучить статью Джонатана Уильямса. Уильямс был внучатым племянником Бенджамина Франклина и его секретарем, когда Франклин был послом во Франции. Княгиня переписывалась с Уильямсом, будущим руководителем военной академии Уэст-Пойнт, и направляла многие научные и военные работы Уильямса и Франклина в российское Военно-морское министерство и Академию наук для срочного перевода и распространения. 12 ноября 1792 года Уильямс послал Дашковой свой «Мемуар об использовании термометра в навигации», перепечатанный из третьего тома Трудов Американского философского общества. Шуберт написал положительный отзыв на эту работу и, основывая свои открытия на некоторых экспериментах Франклина, заявил, что морская вода холоднее в областях мелководья и рифов. Демонстрируя внешний энтузиазм по поводу «великой важности этого открытия», Дашкова тем не менее отнеслась к нему скептически и послала всю документацию в Адмиралтейство для дальнейших экспериментов, которые дали отрицательные

результаты или не дали вообще никаких. Все опыты прекратились, когда Дашкова покинула академию[430].

Поскольку Дашкова лично знала многих ведущих мыслителей того времени, академия расширила свои научные и институциональные контакты с Западом, установила более тесные связи с зарубежными исследовательскими центрами и избрала новых иностранных членов. В ее состав были приняты историк Уильям Робертсон и химик Джозеф Блэк из Шотландии в 1783 году, математик А. Г. Кестнер и философ Иммануил Кант из Германии в 1785 и 1794 годах соответственно. Бенджамин Франклин стал первым американцем, избранным в академию в 1789 году. Широкие круги российских читателей в первый раз узнали об экспериментах Франклина в июне 1752 года в статье в «Санкт-Петербургских ведомостях». В это время в Петербурге Ломоносов и его друг и коллега Георг Вильгельм Рихман исследовали атмосферные электрические разряды, и Рихман погиб. 5 марта 1754 года франклиновская «Пенсильвания газетт» опубликовала подробное описание эксперимента Ломоносова. Кроме того, Эзра Стайлс из Йельского университета попросил Франклина передать в Россию письмо, которое он написал Ломоносову 20 февраля 1765 года касательно некоторых термометрических наблюдений, проведенных в Бостоне. В течение многих лет имели место контакты между Франклином и Россией; например, Д. А. Голицын, который также интересовался атмосферным электричеством, писал Франклину в 1777 году. «Альманах бедного Ричарда» Франклина был первым трудом этого американского автора, переведенным на русский язык, а его «Автобиография» была очень популярна в России и получила рецензию Карамзина[431]. В свою очередь, Дашкова стала членом ряда зарубежных академий. В 1789 году по рекомендации Франклина она стала первой женщиной и вторым уроженцем России — членом Американского философского общества. Среди документов Дашковой, хранящихся в архиве академии, есть копия диплома, свидетельствующего об ее избрании почетным членом Королевской ирландской академии в Дублине в 1791 году[432]. Она была также членом Стокгольмской академии и Берлинского общества натуралистов.

Фундаментальной задачей администрации академии было образование юношества, и Дашкова направляла значительную часть своей энергии на возрождение гимназии. Университет был закрыт в 1760-х годах, но академическая гимназия просуществует до 1805 года, располагаясь с 1765 года в доме барона Строганова на Тучковой набережной. И опять наибольшее беспокойство княгине доставляли денежные проблемы. Письмо Дашковой

Вяземскому о посылке трех студентов в район Тобольска, датированное 13 декабря 1783 года, было наполнено негодованием и гневом на то, что власти неправильно понимают и недостаточно финансируют образовательную миссию академии и прежде всего гимназию, где молодых людей готовили в учителя и чиновники[433]. Дашкова прикладывала все возможные усилия, чтобы определить достойных выпускников на хорошие должности, и в 1788 году ей опять пришлось обратиться к Вяземскому за помощью; верный себе, он отказал.

Полная решимости развивать образовательную программу академии, Дашкова взялась за увеличение приема в гимназию. Она писала, что в гимназии было только два ученика, когда она взяла контроль в свои руки, но она, очевидно, приуменьшает их число, поскольку тогда учеников было около тридцати. Она немедленно выгнала шестерых, которых считала неспособными, и через некоторое время утроила прием, доведя число учеников до девяноста. С 1786 по 1795 год число учеников гимназии возросло с 90 до 175[434]. Большинство учеников получали денежную помощь, а те, кто ее не имел, могли присутствовать на занятиях как слушатели. Не все студенты были из дворян; в 1785 году здесь приступил к занятиям Василий Попугаев. Крестьянского происхождения, он впоследствии стал поэтом и борцом за свободу, связанным с кругом Радищева[435].

Дашкова сосредоточила свое внимание на подборе квалифицированных работников, совершенствовании учебной программы и не постеснялась применить строгие и решительные меры, такие, например, как увольнение некомпетентных или незаинтересованных преподавателей. Без колебаний она избавилась от преподавателя древних языков за недобросовестность в выполнении своих педагогических обязанностей и ликвидировала ставку преподавателя скрипки, получавшего 800 рублей в год, заменив ее двумя ставками учителей английского и итальянского языков[436]. Обучение музыке стояло не на первом месте, тогда как обучение языкам было частью ее планов по расширению контактов с Западом путем академических обменов и переводов важнейших научных сочинений. Дашкова даже сама обучала языкам некоторых студентов. Она установила более строгую систему экзаменов для учеников, требовала регулярного присутствия академиков на экзаменах, проводившихся в гимназии два раза в год. Она лично присутствовала на некоторых из них и резко реагировала на неудовлетворительные ответы. После посещения одного из устных экзаменов по математике осенью 1792 года она обеспокоилась увиденным низким уровнем подготовки и, проведя

расследование, заключила, что в этом нет вины ни преподавателей, ни студентов, но сама программа обучения составлена неправильно. Поэтому она поручила математикам академии создать новую, более современную программу, которая была бы ясной, сжатой и целенаправленной.

В русской академической среде существовало тогда серьезное немецкое влияние, поскольку русские студенты учились в немецких университетах, а в Московском университете и в Академии наук работало много немцев. Наиболее одаренные и успешные студенты получали возможность продолжить образование за границей, и в 1785 году академия послала четырех учеников в Геттингенский университет. Другим предпочитаемым зарубежным университетом был Тюбингенский. Имя этого престижного учреждения высшего образования было связано с научной семьей Гмелинов, представители которых работали главным образом в областях химии, ботаники, минералогии вместе с физиком и писателем Г. Лихтенбергом и с математиком и эпиграмматистом А. Г. Кестнером. Чтобы внести новые идеи и энергию в работу академии, Дашкова организовала стажировку для восьми студентов университета и гимназии, которые работали вместе с академиками, голосовали на собраниях и готовились к полноправному членству в академии. Усилия Дашковой принесли прекрасный результат: трое из учеников гимназии впоследствии стали академиками. Также в это время Ф. И. Т. Эпинус написал свой влиятельный «План об организации в России низшего и среднего образования» — работу, которая заложила основы всех последующих школьных реформ[437]. Под руководством Дашковой академия приняла участие в реформах образования 1780–1790-х годов, в обучении и трудоустройстве лучших учителей, в написании новых учебников. Из восьмидесяти книг, выпущенных тогда для новых школ, примерно тридцать были написаны в академии.

Среди наиболее важных инициатив Дашковой в Академии наук были лекции, организованные ею для повышения уровня образования учеников гимназии и публики. Прочитанные рядом ведущих ученых того времени, они сыграли важную роль в движении к поставленной ею цели просвещать и воспитывать российское общество, поддерживая его интерес к науке и одновременно вырабатывая и проясняя направления научных исследований. 3 июля 1783 года Дашкова предложила членам академии рассмотреть возможность «использовать часть времени, которое у них остается от научной деятельности, на чтение публичных курсов лекций»[438], то есть расширить учебную программу для тех, кто хотел бы продолжить свое образование

или не мог завершить его как обычные студенты. Восстановив ответственность ученых в академии и сэкономив значительные суммы из ее бюджета, Дашкова представила Екатерине 25 марта 1784 года доклад, в котором просила разрешения начать эти популярные лекции и подчеркивала, что они будут читаться по-русски, а не по-французски. Дашкова доказывала, что «чтение лекций на российском языке… кажется мне тем паче полезным, что науки перенесутся на наш язык и просвещение распространится»[439]. В указе от 20 апреля Екатерина одобрила инициативу Дашковой и выделила 30 тысяч рублей с тем, чтобы проценты с этой суммы, то есть около 1500 рублей, пошли на гонорары читающих лекции профессоров[440]. Получив поддержку Екатерины, Дашкова возродила традицию публичных лекций, установленную еще Ломоносовым. Они служили поставленной ею цели преобразования российского общества путем распространения идей Просвещения и, по крайней мере частично, походили на лекции, читавшиеся в Баварской академии наук и Лондонском королевском обществе.

Расписание и информация о лекциях появлялись в «Санкт-Петербургских ведомостях». Дашкова также распространяла объявления по ведущим образовательным учреждениям и вывешивала их на улицах города. Двухчасовые лекции были доступны всем в Санкт-Петербурге бесплатно с мая по сентябрь, два раза в неделю. Они читались с 1785 по 1802 год ведущими российскими учеными — С. Е. Гурьевым, Я. Д. Захаровым, С. К. Котельниковым, Н. Я. Озерецковским, В. М. Севергиным, Н. П. Соколовым — по широкому кругу дисциплин, включавшему математику, химию, физику, естественную историю и минералогию[441]. Академические лекции были хорошо приняты и стали популярны. Дашкова часто посещала их, чтобы следить за продвижением и успехом, и была довольна, что молодые люди, не имевшие возможности продолжать свое образование иным способом, слушали их (164/157). Озерецковский написал Дашковой, что его выступления привлекли большое число слушателей; иногда их количество превышало 50 человек[442]. Среди присутствовавших была обычная публика, а также студенты разных специальностей из различных институтов города, таких как медицинская школа, военная академия, кораблестроительный институт, центральная народная школа, академическая гимназия и педагогическая семинария. Например, лекции регулярно посещал И. И. Мартынов, молодой семинарист и сын сельского священника. Он станет затем одним из основателей Царскосельского лицея, в котором учились Пушкин и Кюхельбекер.

Среди многих забот Дашковой в академии не было более трудной и неприятной, чем выпрашивание финансовой поддержки у Екатерины и ее советников. Чтобы выполнять и поддерживать свои академические программы и инициативы, она опять бросилась в политические споры и придворные интриги. Соответственно, когда Павел с супругой вернулись из-за границы, Дашкова избегала встречи с ними и бывала у них с визитами как можно реже «под тем предлогом, — объясняла она, — что мое время сверх меры поглощено исполнением директорских обязанностей… В последующие десять лет я неукоснительно следовала этому принципу и бывала у их высочеств только в дни больших праздников, когда туда приезжал весь двор» (165/158). Дашкова была свидетельницей натянутых отношений между великим князем и его матерью и в 1783 году отклонила его приглашение приехать в Гатчину[443]. Дистанцирование от Павла все-таки не уберегло Дашкову от его гнева и не спасло ее: «Павел I мучил и преследовал меня так же, как тех, кто, по его мнению, задевал или оскорблял его» (165/158).

Двор Екатерины, однако, едва ли был безопасным местом, поскольку Дашкова продолжала сражаться с придворными и фаворитами императрицы, а иногда и с ней самой. Екатерина со своей компанией молодых любовников открыто пренебрегала традиционной моралью в личной жизни, что было довольно обычно в то время для мужчин, но неприемлемо для женщины. Дашкова ревновала ее, не одобряла и презирала всех фаворитов, особенно Григория Орлова, Александра Ланского и Платона Зубова. Постепенно новые враги пришли на место старых и забытых, и в «Записках» княгиня даже не упоминает смерть Григория Орлова в 1783 году. Надо было сражаться в новых битвах в Академии наук и побеждать новых соперников.

Дашкова была заинтересована в результатах, и ей было не до тонкостей межличностных отношений, тогда как меры по сокращению расходов, многие из которых навязал ей Вяземский, встречали активное сопротивление. Некоторые из коллег продолжали выказывать недовольство ее правлением и отказывались признать женщину во главе академии. Существовали также неизбежные перебранки и обманы. Дашкова часто была слишком авторитарна, слишком полна административного рвения и временами чересчур прямолинейна, властолюбива и пристрастна. Она могла быть особенно сурова и требовательна в отношениях с подчиненными. Например, она не признала талантов И. П. Кулибина и презирала Петра Палласа — географа, натуралиста, палеонтолога, геолога, этнолога и одного из выдающихся членов Академии наук. Избранный в

Американское философское общество в 1791 году, он руководил академическими экспедициями и был автором описаний отдаленных районов России и Сибири. Уважаемый натуралист, больше всего известный своими книгами о путешествиях в Юго-Восточную Россию, в Сибирь и Крым, он, как говорила Дашкова, «был человеком беспринципным, безнравственным и корыстным» (170/162). Другие академики отмечали его финансовые огрехи, и однажды администраторы академии задержали почту Палласа, подозревая, что он посылал образцы минералов за границу. Проблемы возникли в конце 1783 года, когда адъюнкт В. Ф. Зуев, академический помощник Палласа, согласился поработать на Комиссию по основанию народных школ и в результате опоздал со сдачей отчета по своей экспедиции[444]. Дашкова чувствовала, что медлительность Зуева была следствием его стремления предпочесть академической работе другие, более выгодные занятия. Дашкова посчитала такую дополнительную работу нарушением контракта и по совокупности исключила его из академии, «хотя с сожалением, но для примера другим»[445].

Она также потребовала, чтобы коллеги внимательно изучили опубликованные труды Зуева на предмет неточностей и ненаучности, но группа академиков выступила в его защиту. Среди них был его академический руководитель Паллас, который не смог поколебать решительную Дашкову. Не сумев убедить ее, он решил действовать через ее голову и обратился с прошением к императрице, которая подписала 4 марта 1784 года указ в его пользу и подчеркнула необходимость работы в ее комиссии таких образованных людей, как Зуев[446]. Несмотря на немилость Дашковой, Зуев дослужился до академика. Паллас так и остался ее врагом. Были и другие неприятные ситуации, особенно когда он работал вместе с Екатериной над ее словарем. Дашкова подозревала, что Паллас распространял при дворе слухи о том, что академики недовольны ее правлением. Когда она попыталась закрыть старую химическую лабораторию, академики проявили энергичное сопротивление. Дашкова была обижена и разгневана, чувствуя, что они недооценивают ее понимание их научных нужд. Ее ответ был прямым, решительным и беспрецедентным — она поставила на голосование вопрос о доверии. Проголосовали в ее пользу с большим перевесом и с примечательным исключением Палласа и А. И. Лекселя. Паллас еще находился под впечатлением дела Зуева, тогда как Лек-сель считал, что ему недоплачивают.

Дашкова также часто ссорилась со знаменитым итальянским архитектором Джакомо Кваренги во время строительства нового здания Академии наук. Первоначально собрания академии

проходили во дворце царицы Прасковьи Федоровны (на месте современного Зоологического музея АН) и в Кунсткамере. Со временем, однако, эти здания потребовали обновления, поскольку существовавшие помещения были тесными, неудобными и не соответствовали основным требованиям постоянно расширяющейся роли академии в науке и образовании. Дашкова написала Екатерине о необходимости постройки нового здания для Академии наук[447]. Кваренги, приехавший в Россию в 1780 году, предпочитал основанный на идеях Палладио строгий неоклассический стиль более декоративному русскому барокко, популярному в царствование императрицы Елизаветы. Екатерина поручила ему возглавить проект, длившийся с 1783 по 1785 год и стоивший около 90 тысяч рублей. Строительство началось в 1783 году на пустом участке земли на Васильевском острове между двумя архитектурными памятниками — Кунсткамерой и зданием Двенадцати коллегий[448]. Кваренги спроектировал здание, обращенное фасадом к Неве. Дашкова проявила острый интерес к проекту, поскольку всегда считала себя специалистом в этой области: «Ничто не интересовало меня так, как архитектура» (169/-).

Дашкова внимательно следила за продвижением строительства и неустанно пыталась побыстрее его завершить. В своих мемуарах Ф. Ф. Шуберт, сын астронома и академика Ф. И. Шуберта, вспоминал, как она неотрывно следила за процессом: «Когда она при упомянутом строительстве Академии, которым Дашкова очень интересовалась и которое посещала ежедневно, иногда даже дважды за день, карабкалась по лесам, ее можно было принять скорее за переодетого мужчину, чем за женщину»[449]. Конфликты и противоречия между царским архитектором и директором академии были неизбежны. Темпераментный архитектор наконец устал от того, что он считал постоянным вмешательством в свои дела, и совершенно потерял самообладание, когда княгиня рекомендовала установить окна в венецианском стиле. Он в ярости написал ей: «Если же проект должен быть изменен согласно Вашим идеям, то в таком случае я не буду далее руководить постройкой, остановившись на том, что мною уже сделано»[450]. К сожалению, конфликт между двумя упрямыми людьми не мог быть разрешен и выполнение проекта продолжилось без Кваренги. Отделка фасадов была закончена в 1787 году, работы в интерьерах продолжались до 1790-х годов[451].

Хотя она могла быть нетерпима к некоторым людям, особенно к приспособленцам, карьеристам и тем, кого она не уважала, Дашкова в подавляющем большинстве случаев относилась к академикам тактично и уважительно.

М. И. Сухомлинову очень нравилась ее работа в академии, он положительно отзывался и о ее характере[452]. Другие комментаторы писали, что она была выдающимся организатором, обладала необычайным умом, превосходным образованием и огромной энергией, называли ее женщиной с характером, энергией и решимостью[453]. В академии княгиня всегда активно участвовала в научной, педагогической и издательской деятельности: она следила за исследовательскими проектами, утверждала курсы и публичные лекции и инициировала публикации важных научных сочинений. В «Рапорте Екатерине II о состоянии, в котором находилась Академия наук, когда я вступила в управление ею в 1783 году, и в котором она находится ныне в 1786 году» она дала полный отчет в 45 пунктах о работе за трехлетний период пребывания в должности[454]. Этот отчет — свидетельство энергии и делового отношения Дашковой, работы в первые годы руководства; он предвосхищает ее основные достижения в будущем. Через двенадцать лет ее управления количество важных публикаций выросло и включило многие неопубликованные ранее работы. Более того, Дашкова эффективно реорганизовала саму академию, расширила библиотеку и коллекцию минералов, улучшила качество публикаций, напечатала новые карты, организовала ряд экспедиций в различные малоисследованные районы России, заплатила долги академии и уничтожила дефицит ее бюджета. 5 августа 1794 года, в конце своего директорства, Дашкова опять представила «Рапорт» Екатерине об экономическом состоянии когда-то неплатежеспособной академии. Теперь в ее распоряжении были средства, включая доходы от книжной продажи, библиотеки и типографии, достигавшие полумиллиона рублей[455]. Она справедливо гордилась своими делами и достижениями.

Глава вторая
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

Годы директорства Дашковой не были посвящены исключительно управлению Академией наук. Она была частью двора и светской жизни Петербурга, особенно в первые годы, посещая чаще, чем когда-либо раньше, приемы в Зимнем дворце, представления в Эрмитажном театре, балы в Таврическом дворце и другие светские праздники, устраивавшиеся самыми могущественными людьми страны. У Александра Безбородко, например, она встретила французского графа Артуа, будущего Карла X, брата казненного Людовика XVI.

Имея доступ к императрице и входя в самые влиятельные слои общества, Дашкова, как директор Академии наук, остро осознавала свою необычность и исключительность. Она была женщиной, временно оказавшейся причастной к власти, и вершины и провалы ее жизни рисовали картину изгнаний и возвращений. Они были побочными следствиями выбора, доступного мужчинам, и заключали в себе ответственность и последствия, связанные с этим выбором. Неизбежным следствием ее выдающегося положения была двойственность, поскольку она играла некоторые вполне определенные мужские роли, хотя и сознавала себя женщиной в мужском мире. Как никогда ранее уникальность ее жизни при дворе и в академиях привела ее к прямому соприкосновению, соперничеству и неизбежному конфликту с членами внутреннего круга императрицы.

Особый характер назначения Дашковой полностью проявился только через несколько месяцев, когда в июне 1783 года Екатерина отправилась в финский Фредериксхамн для трехдневных переговоров со шведским королем Густавом III. Екатерина пригласила Дашкову присоединиться к делегации и сопровождать ее, поэтому она вместе с императрицей переправилась через Неву на Выборгскую сторону, где их ждали экипажи. В этом путешествии в Финляндию свита Екатерины включала ее фаворита Александра Ланского, государственного секретаря Александра Безбородко, сенатора Александра Строганова, главного конюшего Льва Нарышкина, камергера Федора Барятинского, вице-президента Адмиралтейской коллегии Ивана Чернышева, камергера Евграфа Черткова и конюшего Михаила Потемкина. Названная первой в официальных документах и ехавшая в экипаже Екатерины, Дашкова оглядела посольство императрицы и поняла, что «из женщин была только я» (175/166)[456]. Она прекрасно видела историческое и

политическое значение своих достижений. С оживлением и нетерпением ожидала встречи с королем Швеции, хорошим писателем, драматургом и большим покровителем искусств. Вскоре она узнала, что брат короля, герцог Сюдерманландский (впоследствии он будет коронован как Карл XIII), которого она встречала в Спа, намеревался наградить ее Большим крестом Ордена заслуг — честь, никогда до того не оказанная женщине. Вероятно, чтобы не обидеть Екатерину, Дашкова отклонила орден и тем самым лишний раз продемонстрировала преданность своей монархине.

Хотя она считала короля образованным, остроумным и красноречивым правителем, но испытывала смешанные чувства перед встречей, возможно, из-за его оппозиции шведскому парламенту или его чрезвычайной любви к Франции. Он очень любил Вольтера и французских философов, а Дашкова издевалась над его триумфальным путешествием в Париж в 1771 году, когда его приветствовали и придворные, и философы. В «Записках» она обратила критику короля в решительное нападение на саму идею королевского путешествия: «Таким знаменитым вояжерам все показывают лишь с самой лучшей стороны; все, что они видят, подготовлено так, чтобы они знали только обманчивую внешность. Другая беда, связанная с путешествиями монархов или их наследников, состоит в том, что, стремясь добиться их расположения, не скупятся на лесть и фимиам. Возвратившись домой, они уже требуют от своих подданных обожания и не согласны на меньшее» (176/167). В действительности, Дашкова направляла свое осуждение путешествий монархов на саму императрицу, намекая на поездку Екатерины на Украину и в Крым в 1787 году и на особые приготовления к царскому путешествию — так называемые «потемкинские деревни». В тот раз Потемкин, который организовывал поездку, не пригласил Дашкову сопровождать императрицу. Перед отъездом из Фредериксхамна король подарил Дашковой кольцо со своим портретом, украшенное бриллиантами. Почти сразу после возвращения в Петербург она велела снять бриллианты и отдала их племяннице Анне Полянской.

Молва, сплетни и дезинформация окружали официальную должность Дашковой до такой степени, что Энгельгардт, например, ошибочно докладывал, что Дашкова, чье отношение к Потемкину всегда было сложным и большей частью негативным, безосновательно раскритиковала его и что императрица выгнала ее с поста директора Академии наук[457]. Конфликты часто начинались по самым ничтожным поводам, как в тот раз, когда Александр Ланской, нежный и отрокоподобный «правящий»

фаворит, сначала заподозрил неладное, а затем разгневался на неточное и предвзятое описание в «Санкт-Петербургских ведомостях» событий, связанных с путешествием Екатерины в Финляндию. «Ведомости» печатались в типографии Академии наук и, следовательно, поддерживали Дашкову, поэтому они упомянули среди тех, кто сопровождал императрицу, одну княгиню, проигнорировав Ланского. Еще одна подобная конфронтация произошла, когда Екатерина подарила Дашковой свой бюст; это была работа известного русского скульптора Федота Шубина, чей шедевр — бюст Екатерины II — находится теперь в Эрмитаже. Ланской обиделся, заявив, что скульптура — его. Екатерина решила спор в пользу Дашковой, после чего, как пишет княгиня, «он бросил на меня гневный взгляд, я же отвечала ему взглядом, исполненным презрения» (166/158). В конце концов она отвергла его капризы и обвинения как глупые и безжалостно сообщила в «Записках», как он умер: «Ланской… буквально лопнул: у него лопнул живот» (178/168). Более объективные источники объясняют смерть Ланского дифтерией или сердечным приступом.

Дашкова продолжала полагаться на поддержку Екатерины, в том числе и финансовую, и однажды, по ее собственному рассказу, она гуляла с Екатериной в роскоши Английского сада Царского Села, когда их разговор перешел к культуре России, ее языку и необходимости охранять то и другое от вредного иностранного влияния. Дашкова заговорила о возможности устройства Российской академии, основанной на принципах академии Французской, которая ей понравилась в Париже, и на примере других ранее организованных российских обществ по изучению языка и культуры. Екатерина велела изложить эти мысли письменно и немедленно предоставить их. В тот же вечер после ужина Дашкова села за работу, хотя ей, кажется, не очень этого хотелось. В предложении императрице от августа 1783 года, озаглавленном «Доклад императрице Екатерине II об учреждении Российской Академии», Дашкова писала, что совершенно необходимо теперь очищать и обогащать русский язык, особенно принимая во внимание его богатство и силу. Она также набросала предварительный план «Из краткого начертания Императорской Российской Академии», в котором призвала более конкретно к стандартизации грамматики, словоупотребления и правил стихосложения путем публикации русской грамматики, авторитетного академического словаря и руководства по риторике[458]. Прочитав проект, Екатерина подписала декрет об основании Российской академии и назначила Дашкову ее первым президентом («Резолюция императрицы Екатерины II по поводу

учреждения Российской академии» 30 сентября 1783 года)[459]. Впоследствии, однако, Екатерина, кажется, проявляла мало непосредственного интереса к трудам Российской академии[460]. Тем не менее своей поддержкой инициативы Дашковой Екатерина опять действовала новаторски, а Герцен даже сказал, что «Екатерина II, делая ее [Дашкову] президентом Академии, признала политическое равенство обоих полов»[461].

В то время как Академия наук представляла различные отрасли точных и естественных наук, Российская академия занималась прежде всего изучением русского языка, литературы и культуры. Дашкова частично скопировала ее с Французской академии, поскольку в Париже она регулярно обедала с аббатом Рейналем, который считал важным приглашать также французских академиков. Французская академия была основана еще в 1635 году, во времена кардинала Ришелье, и ее функции включали очищение французского языка и публикацию академического словаря, первое издание которого появилось в 1694 году. В 1707 году Фридрих I Прусский основал по образцу Французской Берлинскую академию для исследований в области немецкой филологии и литературы. Существовали также и русские предшественники Российской академии, например, Российское собрание, бывшее частью Академии наук. Основанное в марте 1735 года, оно было первой официальной исследовательской группой, в которую входили такие российские филологи, как Ломоносов и Тредиаковский. Оно существовало только три года, и Ломоносов позже сожалел, что в Академии наук нет филологической секции или института, который следил бы за русским языком и определял его развитие. После смерти Ломоносова Академия наук практически совсем перестала интересоваться вопросами русской филологии. Только в 1771 году с основанием Вольного российского собрания в Московском университете было сделано еще одно усилие по научному изучению русского языка. Основанное для обогащения, исправления и совершенствования русского языка путем публикации русских стихов и прозы, оно включало таких членов, как Дашкова, Ржевский, Херасков, Фонвизин, Княжнин, Державин, Хвостов, Щербатов — все они стали в будущем членами Российской академии. Через некоторое время, однако, Вольное российское собрание оставило филологические проблемы и стало в основном заниматься просвещением.

Денег на ежегодные расходы Российской академии требовалось мало, поскольку Дашкова перевела туда группу переводчиков, которую поддерживала Екатерина в Академии наук. Тем самым она высвободила пять тысяч рублей, «которые,

судя по малому числу переводов, сделанных до сих пор, [предыдущие руководители академии] считали собственными карманными деньгами» (168/161). Дашкова имела в виду «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык», которому Екатерина в октябре 1768 года определила ежегодное содержание в пять тысяч рублей. Оно являлось частью ее программы по просвещению России путем перевода иностранных книг на русский язык, и Владимир Орлов, Андрей Шувалов и Григорий Козицкий приняли участие в проекте. Дашкова, которая не была с ними в хороших отношениях, закрыла проект и даже обвинила их и других участников в растрате средств[462]. «Собрание, старающееся о переводе», просуществовало до 1783 года, когда оно вошло в состав Российской академии. Следовательно, когда Дашкова стала использовать его денежное содержание, дополнительно потребовалось только 1250 рублей для оплаты отливок и медалей. В ноябре 1783 года годовой бюджет Российской академии был установлен в 6259 рублей[463]. Как президент Российской академии Дашкова не получала жалованья дополнительно к трем тысячам рублей, которые она определила себе как директору Академии наук.

На торжественном открытии Российской академии 21 октября 1783 года Дашкова стала первым президентом академии, в которой появились и первые члены — 31 человек. Они были набраны из наиболее выдающихся писателей, ученых и политических деятелей эпохи, среди них — Державин, Херасков, Ржевский и Львов, драматурги Фонвизин и Княжнин, историки Болтин и Щербатов. Княжнин, который был выпускником академической гимназии, наряду с Державиным и Херасковым посвятил стихотворение Дашковой и ее академии. Благодарный за свое назначение Херасков, поэт, драматург и куратор Московского университета, объявил Дашкову «председательницей муз» и просил их радостно воспеть «наперсницу врученного ей Парнаса». Дашкова была довольна и напечатала это сочинение в своем журнале[464]. Позднее архитектор Баженов, библиофил Мусин-Пушкин, археолог и художник Оленин также стали членами академии. В состав академии вошли также секретарь Екатерины Храповицкий, государственный секретарь Безбородко, академики Лепехин, Озерецковский, Иван Шувалов и Румовский — астроном и вице-президент Академии наук. Список знаменитостей — представителей науки, культуры и деятелей государства — включал также Г. А. Потемкина-Таврического, А. В. Олсуфьева, И. П. Елагина, И. Л. Голенищева-Кутузова и А. С. Строганова. Отец Дашковой Роман Воронцов числился

пятнадцатым в категории государственных служащих[465].

Несмотря на страх публичных выступлений, Дашкова взяла себя в руки, глубоко вздохнула и вышла к трибуне. Оттуда она оглядела собравшихся и поняла, что она — единственная женщина в зале. «Государи мои! — начала она. — Новый знак попечительного о нашем просвещении промысла всеавгустейшей нашей монархини — вина настоящего собрания»[466]. Задачей академии, объяснила она, будет изучение и упорядочение русского языка. Задача эта не будет легкой, но «сие равномерно, как и сочинение грамматики и словаря, да будет первым нашим упражнением»[467]. Она более всего полагалась в предстоящих делах на собравшихся: «В помощи же вашей надежду свою полагая, и тем самым желаю искренно свое к вам почтение засвидетельствовать»[468]. Слова Дашковой при открытии Российской академии выражали ее глубокое уважение к наследию Ломоносова. Многие современники высмеяли ее речь, считая, что она слишком вознесла Екатерину и слишком держалась идей Ломоносова, прежде всего тех, что выражены в посвящении его грамматики великому князю Павлу. Державин рассказывал, что некоторые даже хихикали во время ее речи[469]. Перед публикацией речи в «Московских ведомостях» Екатерина сама вымарала некоторые неумеренные похвалы Дашковой в свой адрес[470].

Множество организационных проблем требовало внимания Дашковой, и в ее характере было лично следить за каждым аспектом ее проектов. В письме Безбородко, написанном через два дня после церемонии открытия, Дашкова попросила найти здание для Российской академии[471]. Пока же она устраивала собрания либо в конференц-зале Академии наук, либо в своем доме, где участники могли свободно пользоваться ее библиотекой. В 1786 году, получив деньги, Дашкова купила новый дом для Российской академии и участок земли для Ботанического сада[472]. В ноябре того же года другим декретом были учреждены две медали за участие в заседаниях и за достижения и особые заслуги членов академии[473]. Первая представляла собой маленький серебряный жетон, которым, следуя практике Французской академии, Дашкова награждала членов академии за участие в еженедельных собраниях. Жетон был квадратный, на лицевой его стороне была монограмма Екатерины в лавровом венке со словами «Императорская Российская Академия». На другой стороне были символически изображены грамматика, риторика и стихосложение над книгой и дата основания академии — 21 октября 1783 года. Вторая медаль была золотой, с профилем Екатерины на одной стороне и ее

монограммой на другой, вместе со словами «Российскому слову отличную пользу принесшему». В 1784 году Российская академия присудила свою золотую медаль в ознаменование первой годовщины со дня основания. Митрополит Новгородский и Петербургский Гавриил номинировал Дашкову, а Иван Шувалов поддержал его. Дашкова отказалась от этой чести и настояла на награждении своего постоянного секретаря И. И. Лепехина «по усердию и ревности к пользе Российского слова»[474]. Только в 1790 году Дашкова согласилась стать пятым получателем золотой медали.

Академия уделяла много внимания исследованиям в области российской и славянской лингвистики, переводу древних историй, публикации русской и зарубежной классики и поддержке молодых авторов. Кроме того, в задачи академии входило «возвеличить слово наше», а также нормализация грамматики, синтаксиса и произношения. Она поддерживала разнообразные международные контакты, особенно с зарубежными академиями. Дашкова принимала активное участие во всех трудах и изданиях академии. Протоколы академии свидетельствуют, что из 364 общих собраний во время ее правления она лично председательствовала на двух третях. В отличие от Академии наук, где ее функции были в первую очередь административными, Дашкова играла активную роль в литературных, лингвистических и культурных проектах Российской академии. Соблюдая данные во вступительной речи обещания, Дашкова поручила П. И. Соколову, переводчику и преподавателю академической гимназии, написать грамматику с правилами русского словоупотребления. «Начальные основания российской грамматики» с посвящением Дашковой появились в 1788 году и выдержали затем пять переизданий, последнее — в 1808 году Дашкова отблагодарила Соколова избранием в Российскую академию и наградила его ее высшим отличием — золотой медалью. После смерти И. И. Лепехина в 1802 году Соколов стал непременным секретарем Российской академии.

Через неделю после церемонии открытия академии на втором собрании И. П. Елагин рекомендовал немедленно начать работу над академическим словарем. За время пребывания Дашковой на посту президента величайшим достижением Российской академии стал шеститомный «Словарь Академии Российской», который вывел Дашкову на передний край славянской лексикологии. Словарь был завершен за сравнительно короткий период в одиннадцать лет, и 4 августа 1789 года Лепехин объявил о начале публикации словаря, который появился в Петербурге в 1789–1794 годах в шести частях и содержал 43 257

дефиниций[475]. Чтобы закончить «Флорентийский академический словарь», потребовалось 39 лет, а «Французский академический словарь» — 59 лет. Основанная на модели «Французского академического словаря» работа Дашковой была первым толковым, нормативным словарем, являвшимся серьезным достижением русской лексикографии. Николай Карамзин и Александр Пушкин были среди тех, кто высоко его ценил[476]. Пушкин с похвалой отозвался о нем в статье «Российская Академия», опубликованной в 1836 году в «Современнике», и упомянул о нем в первой главе «Евгения Онегина»: «Хоть и заглядывал я встарь в Академический словарь»[477].

Организационный комитет проекта состоял из Фонвизина, Леонтьева и Румовского, тогда как Лепехин, перегруженный обязанностями секретаря Российской академии, не мог активно участвовать в работе комитета. Фонвизин, опытный писатель, переводчик и сочинитель, играл ведущую роль на этапе подготовки и 11 ноября 1783 года представил «Начертание словаря». Дашкова также играла важную роль в составлении словаря и поддержала спорное предложение Фонвизина структурировать его этимологически. В 1786 году академики решили принять алфавитный порядок словаря, хотя Дашкова сама предпочитала порядок этимологический. Она осталась на своей позиции и со временем смогла убедить других перейти на ее сторону. Составители словаря в конце концов пришли к компромиссу, и, представляя проект императрице, Дашкова уверила ее, что приблизительно через три года она выпустит новое, упорядоченное по алфавиту издание словаря. Фактически же это случилось значительно позже — в 1806–1812 годах.

В соответствии с рекомендацией Дашковой были созданы три рабочие группы: грамматическая, толковательная и издательская. Дашкова входила во вторую и по большей части проводила встречи в своем доме на Английской набережной, 16. Работа над словарем свела вместе целое поколение писателей и ученых, которые столкнулись с проблемами орфографии, этимологии и упорядочивания современного словоупотребления и грамматики. Из 60 членов Российской академии 47 работали непосредственно над словарем, в их числе писатели Державин и Княжнин, естествоиспытатель Лепехин, астроном Румовский, математики Иноходцев и Котельников, историк Щербатов и многие другие. Романист Николай Эмин очень короткое время участвовал в работе, но привел все в крайний беспорядок и через неделю в ярости ушел служить в армию.

Дашкова полностью посвятила себя составлению словаря, вычитывала первые гранки и вносила свои исправления и

комментарии на некоторых страницах. Она сама собрала и описала более семисот слов из областей морали, политики и управления. Когда она подошла к толкованию значений слов, то неизбежно воспользовалась собственным опытом. Очень вероятно, что она думала о прошлых действиях Екатерины по отношению к ней, когда писала, что чувство справедливости определяет истинно добродетельную личность. Опять же думая о Екатерине, Дашкова обеспокоилась неадекватностью обычных определений слова «дружба». Ее недовольство было следствием отношений с Екатериной и разочарования в искренности чувств императрицы[478]. Обсуждение во «Французском академическом словаре» не удовлетворило ее, и она посвятила много времени поиску определения, которое преодолело бы предсказуемые категории возраста, пола и контекста. Прежде всего, дружба не может существовать без обоюдной любви и, добавляет Дашкова, «дружба основана на почтении и доверии, она священна. Она главная опора человека в борьбе с невзгодами, его спасительная сила. Дружба необходима для достижения просвещенного общества»[479]. Святость дружбы для Дашковой, особенно в свете двуличности императрицы, служила упреком Екатерине. По контрасту, Дашкова хранила как сокровище веер, подаренный ей Екатериной четверть века назад, и носила платок Кэтрин Гамильтон до самой старости. Княгиня призналась брату Александру, что ее понимание дружбы слишком романтично, но ее принципы неколебимы. Она была сентиментальной личностью, желавшей быть открытой и преданной своим друзьям. Следовательно, она страдала, когда люди (даже такие, как Екатерина) относились к ней иначе[480].

Конкурирующий проект усложнил работу Дашковой и еще раз привел ее в прямой конфликт с ее бывшей подругой — императрицей. Екатерина интересовалась этимологией и начала работу над сравнительным словарем всех языков и диалектов под названием «Linguarum totius orbis vacabularia comparative» («Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы»). Пятьсот экземпляров в четырех томах появились в Петербурге с 1787 по 1791 год под редакцией врага Дашковой П. С. Палласа. Выбор слов и их порядок в словаре отражали представления XVIII века о иерархии, основанной на вере и семье. Первые четыре слова были «Бог», «небо», «отец» и «сын» с переводами на две сотни языков, начиная со славянских и кончая гавайским. Поиски определений дают еще один пример важной роли Бенджамина Франклина и Американского философского общества в российско-американских научных связях XVIII века. Лафайет[481], который был тогда во Франции,

получил вопрос касательно туземных американских диалектов и, в свою очередь, написал другому члену Философского общества — Джорджу Вашингтону, а затем и его президенту Бенджамину Франклину. Они прислали Екатерине «Словарь языков шауни и делавэров… краткий образец языка южных индейцев» и другую информацию[482]. На Дашкову, однако, это не произвело впечатления. Она была обижена, как она считала, этой попыткой Екатерины отвлечь внимание от работы Российской академии. С горечью она писала: «Странное это произведение представлялось несовершенным и бесполезным и внушало мне какое-то отвращение, хотя его превозносили как восхитительный словарь» (170/162). Конкуренция, которую она ощущала от проекта Екатерины, и ее большая нелюбовь к главному редактору Палласу, без сомнения, в большой степени определили суждение Дашковой.

Дашкова работала над словарем, управляла двумя академиями, но более всего беспокоилась о своих детях, поскольку отношения с сыном Павлом и дочерью Анастасией приносили ей много горя. В начале 1783 года Павел отправился с Потемкиным на юг России. Отъезд сына сильно повлиял на тоскующую и чрезмерно заботливую мать. Беспокоясь о его состоянии, Дашкова еще 14 августа 1782 года написала письмо самому Потемкину, умоляя его как следует заботиться о сыне и не посылать в те места, климат которых мог быть вредным для здоровья. Она просила князя разрешить Павлу съездить к матери. Дашкова часто писала Потемкину и через шесть лет в письме от 17 сентября 1789 года повторила те же просьбы[483]. Она говорила всякому, кто соглашался слушать, о том, как грустит и скучает, и даже написала Робертсону в Эдинбург, объясняя, что ее сын теперь служит в полку и, поскольку он в добром здравии и выполняет свой долг, она не может жаловаться на его отсутствие. Он, согласно Дашковой, отсутствовал уже восемнадцать месяцев, что «для страстно любящей матери… все же слишком много»[484]. Княгиня делала все возможное, чтобы сын вернулся. Она посылала ему деньги и переписала на него все отцовское наследство, которое значительно выросло под ее управлением. Получив звание полковника, Павел приехал к матери зимой 1786 года, и опять всплыли старые сплетни о его причастности к избранной группе потенциальных любовников Екатерины. Дашкова изо всех сил это отрицала и даже угрожала покинуть Россию. «Я же слишком люблю императрицу, чтобы противиться чему-либо доставляющему ей удовольствие, но перестала бы уважать себя, приняв участие в переговорах такого рода. Если же когда-нибудь мой сын станет фаворитом, мне только раз

понадобится его влияние — чтобы получить отпуск на несколько лет и паспорт для поездки за границу» (174/165).

Дочь представляла гораздо большую проблему. Умная, образованная, с прекрасным знанием иностранных языков, она работала какое-то время в тени Дашковой в академии, переводя статьи для выпускавшегося матерью журнала «Собеседник». Сэмюел Бентам[485], который работал вместе с Анастасией, не любил Дашкову и в письме домой брату Джереми, английскому юристу и философу[486], описывал ее как «злобную, жадную и тщеславную». Он был близок с Павлом и очень высоко оценивал Анастасию[487]. В отчаянном усилии освободиться от требовательного и часто деспотического влияния матери Анастасия бросила работу в академии и стала вести экстравагантную и расточительную жизнь. Понимая, что сильнее всего может ранить ее рассудительную и бережливую мать, она восстала против Дашковой и вела себя неприлично, устраивая публичные и семейные скандалы. Екатерина писала Гримму о ней: «Все женщины прекратили знакомство. Это дочь княгини Дашковой, но ведет такую жизнь, что мать и слышать о ней не хочет»[488]. Положение ухудшалось еще и тем, что она тратила и проигрывала огромные деньги и постоянно была в долгах. Когда она узнала, что ее свекор умер и оставил Андрею Щербинину хорошее наследство, она помирилась с мужем, надеясь избежать влияния матери, несмотря на то, что «мольбы, слезы и жгучая печаль, граничившая с отчаянием, довели» Дашкову до болезни (173/164). Бесконечные ссоры, распри и раздоры следовали друг за другом, когда, как писала Дашкова, она «помнила только о горе, причиненном покинувшей меня дочерью, и рисовала в уме картины грустного будущего» (173/164). Анастасия, впрочем, скоро оставила мужа — но не азартные игры.

Летом 1783 года Кэтрин Гамильтон приехала в Петербург из Ирландии, чтобы прожить год у своей старой подруги и отвлечь таким образом Дашкову от изматывающей работы и от конфликтов с дочерью. Княгиня взяла трехмесячный отпуск и провела его в Москве, чтобы показать гостье «все достопримечательности этой древней столицы», а затем в Троицком, чтобы дать ей почувствовать вкус «настоящей» России, которую так любила (171/163). Дашкова организовала народные праздники в деревнях, где жители приветствовали их, одетые в многоцветные расшитые одежды. Предложив гостям традиционные хлеб и соль, они ели, пили, а затем пели традиционные хоровые песни и водили хороводы перед англичанкой, которая «очарована была чисто национальной сценой… наш маленький деревенский праздник понравился ей

больше, чем самые роскошные придворные балы» (171–172/-)[489]. После короткого пребывания в Троицком они отправились в Круглое в Белоруссии, что означало для Кэтрин Гамильтон путешествие по Московской, Калужской, Смоленской и Могилевской губерниям. В Петербурге они посетили дачу на Петергофской дороге, где въездом служили простые ворота из двух столбов и перекладины. Как только они приехали, кто-то из их компании сразу отправился в лес за грибами. Когда и Дашкова последовала за ними, поперечное бревно ворот упало прямо ей на голову. Этот случай был дурным предзнаменованием, и земля, на которой она планировала построить новый загородный дом, казалась приносящей несчастья, ведь еще за двадцать лет до этого княгиня провалилась здесь в болото. Хотя физически с ней ничего страшного не случилось, ее психологическое состояние постепенно ухудшалось. После отъезда Кэтрин Гамильтон Дашкова опять почувствовала себя одинокой и окруженной врагами при дворе. Она испытывала постоянные приступы депрессии, «с которой можно было справиться, только погрузившись в непрерывную деятельность — либо в дела обеих Академий, либо в заботы о хозяйстве и строительстве в моей усадьбе. Я даже трудилась вместе с каменщиками, которые клали стены» (174/164–165).

Административная деятельность в двух академиях оставляла ей мало времени для работы со словарем и сочинительства. Для этого она готовила себе приют в виде загородного каменного дома, который строил для нее Кваренги[490]. Они сотрудничали здесь примерно в то же время, когда планировали новое здание Академии наук на набережной Невы. Кваренги спроектировал для Дашковой большой дом с портиком в четыре ионических колонны в стиле русского классицизма 1780–1790-х годов, но она всегда считала себя его главным архитектором. С характерным вниманием к мелочам и к ужасу измученного Кваренги Дашкова вмешивалась во все детали проекта, изменяя дизайн, наблюдая за строительством, украшая интерьер и планируя сад. В описании Петербурга в 1794 году И. Георги рассказывает о главном доме, его крыльях и флигелях, построенных на участке, покрытом смешанным с болотом лесом. Дашкова осушила окружающую местность и превратила ее в прекрасный ухоженный парк со специально посаженными деревьями, аккуратно устроенными участками и беседками[491]. Она решила назвать свою усадьбу в честь святых, память которых чтили в дни, когда произошла дворцовая революция. Усадьба стала известна как «Кирианово», хотя православная церковь и не отмечает дни святых Кира и Иоанна 28 или 29 июня. Дашкова, должно быть, изменила свое

решение, когда поняла, что во время переворота император как раз отмечал день своего покровителя — святого Петра.

Дашкова стала одной из первых русских женщин, вовлеченных в журналистскую деятельность. Эта работа была частью ее обязанностей в Академии наук, а также важной составляющей ее стремления к просвещению России, поскольку в XVIII веке журналы были одним из важнейших каналов распространения передовых идей в обществе. Цели журналов, так же как и цели литературы и искусства вообще, совпадали с идеями Дашковой и дворянской оппозиции. Подобно Ломоносову, Николаю Новикову и другим, она стремилась распространять идеи Просвещения среди дворянства, образовывать его и побуждать людей обращаться от грехов и ошибок к моральному совершенствованию. Дашкова оптимистически считала, что образование и просвещение приведут к преобразованию как индивидуумов, так, в конце концов, и общества. Она стремилась не к радикальным политическим и социальным переменам, а, скорее, к улучшению существующего порядка.

Сатира была важнейшим жанром литературы той эпохи, а журналы подчеркивали роль моральных стремлений сатиры исправить грехи и ошибки времени. В первую очередь сатирические журналы направляли свои стрелы, часто плохо замаскированные, против коррупции, взяточничества, неумеренности, современной моды, франкофилии, невежества, предрассудков и всякой манерности. Ведущую роль играла императрица, ее новый журнал «Всякая всячина» появился в 1769 году. Созданный по образцу английских сатирических журналов «Тэтлер» и «Спектейтор», он публиковал легкую, спокойную сатиру, направленную на современные нравы русского общества. Екатерина анонимно участвовала в выпуске этого журнала и покровительствовала другим журналам, даже издававшимся Новиковым, хотя она и не была согласна с его пониманием и использованием сатиры. Екатерина напишет и в журнал Дашковой, но это сотрудничество болезненно проявит границы ее терпения и приведет к дальнейшему конфликту между ними.

Ранее, в 1763 году, Дашкова участвовала в журнале Богдановича «Невинное упражнение»; есть также некоторые свидетельства о том, что она могла сотрудничать с Новиковым в его «Трутне» (1769–1770)[492]. Хотя последнее остается неясным, гораздо более вероятно, что она участвовала в журналах, издававшихся Новиковым позже: «Живописец» (1772–1773) и, возможно, «Кошелек» (1774). У Дашковой было много общего с идеологическими установками Новикова относительно свободного выражения общественного мнения, защиты

индивидуальных прав и битвы с «галломанией»[493]. В самом деле, по инициативе Дашковой Новиков возобновил публикацию исторических документов в альманахе «Приложение древней российской вивлиофики» (1786–1795, вышло двадцать дополнительных выпусков). После возвращения из второго путешествия по Европе она планировала начать новый журнал «Санкт-Петербургский меркурий», публикация которого так и не началась.

Однако как глава двух академий Дашкова основала и редактировала два научных журнала. В 1783 году вышли четыре выпуска «Собеседника любителей российского слова» (май 1783-го — сентябрь 1784 года), а в 1784 году — еще шесть. Это был журнал, посвященный почти исключительно лингвистическим, литературным и историческим темам. «Новые ежемесячные сочинения» (1786–1791, 1793–1796), с другой стороны, занимались вопросами просвещения и популярной науки. Академия наук выпустила 121 номер этого журнала, который явился продолжением «Ежемесячных сочинений» (1755–1764) Ломоносова, но ко времени директорства Дашковой академия перестала публиковать какие-либо научные периодические издания. Дашкова велела академикам предоставлять результаты своих исследований для публикации в академических журналах и продолжала искать материалы для них по гуманитарным и естественным наукам у специалистов и образованных любителей. Дашкова также редактировала «Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений» (1786–1791, 1793–1794) и опубликовала 43 тома современных пьес, включая свои собственные. Важный источник российского театрального репертуара главным образом последнего тридцатилетия XVIII века, журнал содержал основные работы Богдановича, Екатерины II, Фонвизина, Хераскова, Хвостова, Крылова, Княжнина, Ломоносова, Лукина, Николева, Майкова, Сумарокова, Тредиаковского и многих других.

Вероятно, самым влиятельным и дольше всех выходившим из этих журналов был дашковский «Собеседник». Состоявший из шестнадцати томов, этот журнал включал широкий выбор стихов и прозы, серьезных и юмористических эссе, а также сатирических и дидактических сочинений с явным акцентом на первые. С увлечением принимая участие во всех делах по подготовке журнала вместе с О. П. Козодавлевым, Дашкова сумела собрать и вдохновить лучшие таланты эпохи. Н. А. Добролюбов писал, что «Собеседник» «совмещал в себе почти всю литературную деятельность русских писателей того времени. Жизнь общества тогдашнего отражалась в нем более, нежели в каком-либо из

других изданий»[494]. Богданович опубликовал здесь около двадцати стихотворений, а Державин — многие из своих лучших произведений, например, оды «Фелица», «Благодарность Фелице», «На смерть князя Мещерского», «Бог». Княжнин, Херасков и Капнист также печатались в журнале. Уже известный своей сатирой Капнист, как и многие другие молодые авторы, продолжал совершенствовать свое искусство и прославлять свое имя. Фонвизин к тому времени уже прославился как драматург, а его противоречивые «Вопросы» Екатерине, в конце концов, сыграли важнейшую роль в закрытии журнала.

Идея подобного журнала появилась у Дашковой через три месяца после ее назначения директором Академии наук. Основание журнала немного предшествует появлению Российской академии, и пять номеров уже были в печати, когда появился указ об основании академии 30 октября 1783 года. Тем не менее журнал стал официальным органом Российской академии и содержал принципы, которыми она руководствовалась, а главными участниками журнала стали члены академии. Редакторская политика Дашковой отражала многие общие цели и проблемы журнала и академии касательно очищения и улучшения русского языка, распространения полезных знаний, разъяснения просвещенных идей и образования читающей публики. «Собеседник» был посвящен принципам Просвещения и изучению русского слова; в нем Дашкова публиковала литературные сочинения, филологические исследования, очерки нравов и определения синонимов. Многие статьи были критическими, оценивали литературные или исторические работы и уделяли большое внимание грамматическим, логическим, стилистическим и орфографическим нормам литературного русского языка. Дашкова объясняла, что она намеревалась публиковать достойные статьи для обсуждения проблем просвещения вообще и русского языка в частности.

«Собеседник», однако, был литературным журналом, и Дашкова избегала чисто лингвистических или научных статей. Одной из первых целей Дашковой была защита России от модных заимствований из французского языка, культуры и образования. Журнал высмеивал бездумное следование французской моде, а также слишком консервативные и реакционные тенденции русской мысли[495]. Поскольку он не был официальным правительственным изданием, императрица участвовала в нем как бы на равных со всеми остальными. В результате в течение некоторого времени сторонники Екатерины и более либеральные и прогрессивные придворные группировки вели свою полемику на страницах этого журнала, и Дашкова неизбежно оказалась между

императрицей и молодыми писателями своего поколения, многие из которых составляли оппозицию трону. Сложности были неминуемы и дали о себе знать немедленно, когда 20 мая 1783 года «Санкт-Петербургские ведомости» № 40 опубликовали объявление о выходе первого номера журнала.

В объявлении о грядущей публикации нового сатирического журнала отмечалось, что все письма следует отправлять непосредственно Дашковой. В заметке «От редакторов» она призывает своих читателей присылать материалы и отклики на опубликованные статьи — посылать их редакторам или ей самой. Она назвала свое полное имя — Екатерина Романовна Дашкова, — и пообещала прочитывать все материалы и публиковать отзывы без изменений. Это было смелое обещание, поскольку послания Екатерины также попадали под прямые оценки и критику[496]. Дашкова продемонстрировала полную наивность, полагая, что царица могла спокойно участвовать в сатирическом журнале, когда она с самого начала заявила, что редакторы будут поощрять свободный обмен мнениями. Она добавляла: «Ежели кто захочет написать критику на какое-либо сочинение, находящееся в сем собрании, не искать других типографий к напечатанию таковых критик или сатир, но прислать оные прямо к издателям или на имя ея сиятельства княгине Екатерине Романовне Дашковой, которая, конечно, прикажет оные без наималейшей перемены напечатать»[497]. Кажется, замечания Дашковой не понравились Екатерине, и в следующем выпуске «Собеседника» появилось письмо из Звенигорода, автор которого со второго выпуска стал участником журнала. Хотя Афанасьев посчитал, что этим автором был Николай Львов, скорее всего, это все-таки была сама Екатерина[498].

В письме она высоко оценила журнал и также намекнула на политику открытой критики публикуемых материалов[499]. Дашкова осознала всю серьезность и даже опасность литературного сотрудничества со всемогущей царицей и в своем ответе превознесла письмо Екатерины, назвав его совершенной моделью для других и даже программным «предисловием» ко всему журналу[500]. Дашкова мудро капитулировала и подчинилась авторитету Екатерины в редакторском деле. Тем не менее, назвавшись главным редактором, она не отступила от провозглашенной ею политики, скорее, она тщетно пыталась умиротворить императрицу лестью и поэтической хвалой.

На титуле журнала была изображена Минерва, богиня мудрости, с мечом и щитом в руках, стоящая на облаке рядом с двуглавым орлом. Такая аллегорическая репрезентация

безошибочно указывала на Екатерину II. Дашкова не объявляла об участии Екатерины, но вскоре стало ясно, что русская Минерва была не только высоким покровителем, но и участником журнала. Целью Екатерины было повлиять на общественное мнение и представить свое правление в наиболее выгодном свете. Она была довольно плодовитым писателем, ее анонимные сочинения включали сатирические зарисовки «Были и небылицы», «Записки, касательно российской истории» и ответы Фонвизину. Хотя императрица, по-видимому, поддерживала журнал, Дашкова поняла, что их сотрудничество не будет легким. Поэтому она перепечатала в первом номере «Собеседника» свою юношескую панегирическую надпись к портрету Екатерины. Этот пример юношеского произведения Дашковой наиболее важен как выражение ее стремления умиротворить императрицу попыткой восстановить прежние близкие отношения с ней. Как еще одну дань императрице Дашкова напечатала в том же номере, анонимно и не дав знать автору, новаторскую оду Державина «Фелица». Державин написал посвященную Екатерине «Фелицу» в 1782 году. Мастерская смесь панегирика и сатиры, ода высмеивает излишества и чудачества причастных власти екатерининских придворных и противопоставляет их скромности и умеренности «киргиз-кайсацкой царицы Фелицы» — то есть Екатерины.

Державин беспокоился о том, как будет принята ода при дворе, и поэтому не торопился ее публиковать. Через год О. П. Козодавлев, коллега Державина по Сенату, поэт, переводчик и советник Дашковой по Академии науки «Собеседнику», сделал копию оды. Хотя Державин хотел сохранить ее в секрете, Дашкова слышала чтение «Фелицы» на одном из литературных вечеров у Шувалова. По другой версии, Козодавлев втайне от Державина передал экземпляр оды Дашковой. После публикации оды Потемкин потребовал себе экземпляр, и Державин был вне себя, поскольку волновался из-за возможных последствий и даже наказания. К счастью, Екатерина, увидевшая себя в Фелице, осталась довольна и обеспечила будущее поэта. К его удивлению, в конце мая 1783 года на обеде, данном его начальником Вяземским, он получил небольшой пакет с дружеской запиской «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину»[501]. Она была приложена к золотой табакерке с бриллиантами и пятью сотнями золотых монет. Как подсчитал Державин, щедрый дар императрицы стоил около трех тысяч рублей. В письме Козодавлеву он назвал Дашкову, благодаря которой все это стало возможным, истинной любительницей русского языка, имеющей настоящее благородное сердце[502]. Державин выражал свою

горячую благодарность Дашковой за постоянную поддержку, а она продолжала публиковать или перепечатывать из других источников многие стихотворения Державина в «Собеседнике» или «Новых ежемесячных сочинениях».

В конце концов, когда Державин начал испытывать враждебность и прямые нападки со стороны придворных, которых высмеивал, он резко изменил свое отношение к Дашковой. Прежде всего он был огорчен вредным влиянием, оказанным одой, которую он никогда не хотел печатать, на его карьеру. Не без оснований он заявил, что Дашкова втянула его в конфликт с Вяземским. Он добавил, что теперь он не может оставаться на своей должности и вынужден распродавать свою собственность. Он попросил Дашкову подтвердить, «что ни язык мой, ни перо мое не были никогда производителями никакой сатиры, тем паче с намерением кого-нибудь тронуть, кроме что обыкновенные людские слабости»[503]. Позднее Державин не получил желаемого назначения губернатором в свою родную Казань и в унынии отправился в Петрозаводск. Возможно, это случилось из-за интриг Вяземского, который не был доволен Державиным и действовал против него. Державин, однако, обвинил Дашкову в бахвальстве тем, что она может повлиять на императрицу в любом государственном вопросе. В результате, когда Екатерина узнала об этом, она отказалась от назначения Державина главным образом потому, что его рекомендовала Дашкова[504]. В конце концов, он почувствовал, что покровительство Дашковой стало помехой и только задерживало его карьеру. Княгиня также разгневалась, поскольку была уверена, что неблагодарный Державин стал вмешиваться в ее административные дела в Академии наук.

Державин вспоминал, как он вместе с женой отправился с визитом к Дашковой и встретил лишь грубость и неуважение.

Он рассказывал, что княгиня направляла свои диатрибы даже на императрицу, которая, согласно Дашковой, подписывает указы, не читая. В результате Державин прервал свой визит и разорвал дружбу с Дашковой[505]. Ее ссора с Державиным была одной из многих, связанных с «Собеседником» — журналом, который, как она надеялась, должен был стать источником гармонии и просвещения, ее высшим достижением в Российской академии.

Глава третья
«УЧЕНАЯ ДАМА»

Как и Екатерина, Дашкова писала пьесы, мемуары,

занималась языкознанием и публиковала статьи на темы, в которых считала себя наиболее компетентной и заинтересованной — об образовании, литературе и истории. Наиболее плодотворный период ее литературной активности совпадает с временем управления двумя академиями. Многие труды Дашковой и в прозе, и в стихах появились анонимно в ее журналах — около дюжины в «Собеседнике» и еще с десяток в «Новых ежемесячных сочинениях». Добролюбов высоко оценил ее честность, искренность и стремление атаковать слабости, лицемерие и лживость. «Через семьдесят лет, — писал он, — еще можно угадывать правдивость, меткость, благородную энергию этих заметок»[506]. Это особенно верно для ее сочинения «Послание к слову „так“», которое появилось в «Собеседнике» сразу после оды Державина «Фелица», и ее же «Надписи к портрету ее величества императрицы Екатерины II»[507].

Соединяющее поэзию и прозу «Послание к слову „так“»[508] — одно из наиболее успешных и оригинальных сочинений Дашковой. Хотя часто и тенденциозно, и дидактично, оно вообще характерно для публикаций Дашковой и соответствует духу эпохи. В то же время его мягкая сатира и акцент на язык послужили примером для других авторов «Собеседника». Поэма начинается с прямого обращения к самому слову, там оно одушевляется. В возвышенном тоне Дашкова начинает с восхваления уникальных качеств и невинности слова, столь часто неверно употребляемого:

> О! слово твердое, почтенное от век,
> Когда ты во устах честного человека!
> Мой дух стремится днесь воспеть тебе хвалу,
> Во славу честных душ, а мерзких худу.
> Я речь мою к тебе с почтеньем обращаю,
> А скаредных льстецов пред светом обнажаю.

Прозаическая преамбула поэмы переходит от серьезного обсуждения словоупотребления к насмешливо преувеличенному восхвалению многих достоинств этого слова: «Быв преисполнена истинным к вам почтением и вразумясь в важность, силу и точность смысла, кое вы существительно в себе содержите, я не могу довольно надивиться терпению вашему; дивлюсь суетному употреблению, кои из вас делают, и что мы худо зная свой язык слово ТАК приклеиваем, где бы НЕТ справедливее и ловче приместиться могло; чрез что важность вашу истребя, едва знаем ли мы прямой вес ваш и добровольно теряем из языка своего слово столь краткое и столь сильное».

В оставшейся части сочинения приведены примеры неправильного употребления этого слова теми, кто избегает противоречий, хотя они и правы, и ожидают наград удовольствия, успешной карьеры и прибыли. Они произносят слово «так» в неподобающих случаях, чтобы подтверждать то, что отвергает разум, чтобы совращать девушек, скрываться за подобострастием и льстить правителям.

Дашкова бросает вызов дуракам, эгоистам, льстецам, карьеристам и «такальщикам», готовым согласиться с любым абсурдом, если это отвечает их личным интересам. «Кто любит таканье и слушает льстеца, тот хуже всякаго бывает подлеца». Как и Фонвизин, она нападает на низкопоклонство и цинизм, чуждые ее природе, и осуждает как подхалимов, так и объекты их лести. Более того, она косвенно утверждает свою силу, независимость от авторитетов и право выражать собственное мнение, вставляя редакторские замечания, например, о гении Ломоносова:

> Лишь скажет кто из Бар: учение есть вредно,
> Невежество одно полезно и безбедно;
> Тут все поклонятся и умной и дурак,
> И скажут не стыдясь: *конечно, сударь, так.*
> А если молвит он, что глуп и Ломоносов,
> Хотя славный он пиит и честь и слава Россов;
> Тут улыбнется всяк
> И повторит пред ним: *конечно, сударь, так.*

Затем Дашкова высмеивает придворных консерваторов и призывает к ответу невежественных льстецов, соглашающихся с любым словом тех, кто у власти:

> Хотя покойно мы теперь ложимся спать,
> Не опасался невинно пострадать;
> Но если знатный раб, как будто сумасшедший,
> Наш новый век бранит, а хвалит век прошедший,
> Тогда ему подлец и умной и дурак,
> *С* поклоном говорит: *конечно, сударь, так.*

Предлагая широкий и обобщенный взгляд на общество и уделяя особое внимание языку, она высмеивает некоторые главные объекты русской сатиры XVIII века, например, священника, судью, сварливую жену и модную даму:

> Иныя женщины мужей своих лаская,

Французския слова с Российскими мешая,
Им нежно говорят: «*mon coeur,* иль жизнь моя
Позволь мне помахать; хоть я жена твоя,
Да хочется пожить в приятной мне свободе,
И свету показать, что мы живем по моде;
Любовник мой тебе конечно будет друг,
Всегда тебе готов для дружеских услуг.
Да он же и умен, *aimable* и прекрасен,
Не правда ли, *mon coeur,* ты на это согласен?»
А муж хотя к жене всю верность наблюдал,
И к женщинам другим отнюдь не отлетал;
Но слушая сие, он только что вздыхает,
И ей с учтивостью по моде потакает.
Жена ему в ответ: «*mon coeur, très obligée,*
Вишь верность наблюдать конечно *prejugé,*
И верность в женщине не глупости ли знак?»
Тут муж ей говорит: *так, маменька, так-так.*

Дашкова продолжает высмеивать глупцов, негодяев, льстецов, клеветников, хвастунов, вельмож и карьеристов: «Он чин за чином получает и в карты с барами играет». Затем она возвращается к восхвалению Екатерины и умоляет ее не поддаваться неискреннему низкопоклонству. Екатерина, как просвещенная и благосклонная правительница, позволит своим преданным подданным высказываться свободно, когда они говорят правду, и Дашкова заканчивает высокой похвалой императрице в форме, близкой к силлогизму:

Но место слову мы покажем,
Когда прямую правду скажем:
Народы Тита чтят,
В ЕКАТЕРИНЕ Тита зрят;
Подобно чтят ЕКАТЕРИНУ,
Несчетных благ своих причину;
Тут самой правды в знак
Весь Мир прискажет *так.*

В конце она опять обращается к самому слову: «…прошу верить, что имея щастие жить под правительством человеколюбивой и просвещенной Монархини, я могу и буду остерегаться от злоупотребления Вашего имени пребывая навсегда».

Ответом на поэму Дашковой стали два письма от читателей

журнала: первое, резко критикующее поэму, появилось вместе с ответом редактора, указывавшего на невежливый тон письма и уверявшего, что в будущем будут публиковаться только вежливые письма. Второе письмо в этом же номере — «Ответ от слова *так*»[509] — почти наверняка сочинено издателями журнала. Слово «так» не считает себя ни мужского, ни женского рода, но решает, что для ясности примет мужской род. В общем, в его чрезмерно педантичном и высокопарном комментарии много самопародии. Оно правильно указывает на грамматические проблемы в самом первом предложении преамбулы к поэме, а затем обращается к вопросам стиля, цитируя «Риторику» Ломоносова. По большей части, слово защищает позицию редакторов на том основании, что несмотря на сатирическую природу поэмы им нечего бояться, поскольку она не направлена ни на кого конкретно, но имеет общий характер. В противоположность первому отклику на поэму и самой поэме, которые были опубликованы анонимно, здесь автор гордо подписывает свое письмо именем «Так».

Первый выпуск «Собеседника» также включал «Сокращение катехизиса честного человека»[510] Дашковой. Потрепанная записная книжка была якобы случайно найдена во время прогулки и послана в журнал. Фактически это молитва и эмоциональный призыв к добродетели, нравственности и справедливости в мире. В следующем выпуске журнала было помещено письмо «К господам издателям „Собеседника любителей российского слова“»[511]. В нем Екатерина, выдавая себя за читателя из Звенигорода, очень хвалит журнал и просит дать более точное определение понятия «честный человек». Екатерина побуждает автора сочинения продолжить критику общества и защищать хорошие дела, критикуя пороки и ворчание завистников. Она одобряет автора «Послания к слову „так“» и надеется, что появятся также определения для таких слов, как «образование» и «дворянство»[512]. В коротком ответе Дашкова благодарит звенигородского корреспондента и предлагает ему прочесть ее статью «О смысле слова „воспитание“», опубликованную в том же выпуске журнала, в которой она рассматривает определение этого слова с исторической, моральной и педагогической точек зрения[513].

Эта статья содержит главные мысли Дашковой о воспитании и выражает ее веру — важнейшую в ее частной и личной жизни — в образование как оплот хорошего и справедливого общества. На мысль Дашковой оказали влияние такие теоретики, как Монтень, Локк, Фенелон, Руссо и т. д. Фундаментальный принцип Просвещения состоял в том, что образование граждан и постоянный интерес к литературе, искусству, науке, коммерции и

промышленности могут изменить общество к лучшему. Ключом к этому было именно образование, поскольку оно обладало способностью изменять людей и делать их *благоразумными.* В самом деле, выдающееся положение Дашковой как ученой женщины, ее должности директора Академии наук и президента Российской академии были во многом следствиями ее уникального образования. Более того, ее самореализация и уверенность в себе являлись одним из первых примеров интеллектуального равенства женщины. XVIII век был важнейшим временем в развитии женского образования. На Западе высказывались самые разнообразные мнения — от того, что образование должно воспитывать сильных, независимых, критически мыслящих женщин, до того, что предпочтительно ограниченное обучение послушных супруг, занимающихся домашним хозяйством. В России Сумароков мечтал об идеальном царстве, где девочки тоже ходили бы в школу, а Новиков, посвятивший свою жизнь распространению идей Просвещения в России, приготовил хорошо продуманную программу чтения для женщин[514]. Этот просвещенный мыслитель подтверждал равенство женщин и мужчин и считал женщин личностями, достойными таких же прав, как их отцы, мужья и сыновья.

Екатерина также занималась вопросами воспитания как публично, так и лично — путем создания Смольного института и организацией обучения великих князей Александра и Константина. Она увлеченно составляла для них упражнения и сама писала инструкции их учителям. Екатерина была также заинтересована в применении в России результатов более ранних дискуссий об образовании женщин. В 1715 году во время правления Петра Великого Федор Салтыков представил план образования женщин, вполне сравнимый с тем, что было тогда доступно на Западе. Во время Екатерины Иван Бецкой, ее главный советник в области образования, написал трактат «О воспитании юношества обоего пола». Немного позже Екатерина основала Императорское образовательное общество для благородных девиц в Смольном институте — интернате для девушек, курс обучения в котором могли пройти и девочки низших сословий. Приблизительно скопированный со школы Сен-Сир, основанной мадам де Ментенон, Смольный институт должен был создать новую русскую женщину. Эта инициатива, однако, не сводилась только к обучению. Екатерина и Бецкой представляли себе идеальную, гуманную педагогику Просвещения, которой занимаются образованные женщины в семье. Воспитание должно было научить женщин вести себя в обществе и способствовать их индивидуальному развитию и увеличению роли в домашней

сфере[515]. Кроме того, в России постепенно исчезало традиционное подозрительное отношение к образованным женщинам и уже ко времени Фонвизина неграмотная женщина стала объектом сатиры. Домашнее окружение Дашковой являлось интересным примером того, какие шаги предпринимались для борьбы с неграмотностью среди русских дворянок. Марта Вильмот отметила в своем дневнике 14 января 1804 года: «У мадемуазель Маслофф (тетка Дашковой. — *А. В.-Д.)*… квартира в этом доме. Она не умеет писать, и это обстоятельство доказывает отсталость здешнего образования, поскольку она родилась в богатой и знатной семье»[516]. В отличие от тетки племянница Дашковой училась в Смольном институте и снабдила Марту Вильмот копиями писем Екатерины А. П. Левшиной — одной из первых выпускниц этого института.

В каталоге московской библиотеки Дашковой перечисляется множество книг, посвященных проблемам образования, что подтверждает ее большой интерес к этой теме[517]. Среди них такие теоретические труды, как «Об образовании» Юма, «Воспитание детей» Локка, «Трактат об образовании девушек» Фенелона и «Эмиль, или О воспитании» Руссо — хотя в 1763 году Екатерина использовала все свое влияние, чтобы запретить публикацию в России книги Руссо, поскольку считала его религиозные взгляды опасными. Кроме того, многие книги из библиотеки посвящены проблемам педагогической практики — «Правила для народных училищ», «Опыт народного воспитания» и «Устав воспитания благородных девиц». Кроме профессиональных надобностей, педагогическая и ученая активность Дашковой распространялась и на ее личную жизнь, и на обучение детей. В ее библиотеке хорошо представлены книги о правильном воспитании и поведении женщин — «Трактат о воспитании дам», «Воспитание французского дворянства», «Курс воспитания девушек», «Должности женского пола». В письме к Кэтрин Вильмот Дашкова объясняла, что с ранней юности она читала по теме образования все, что ей было доступно, и выделяла Локка, которого прочитала во французском переводе[518]. В «Мыслях о воспитании» (1693) Локк описывает правильное нравственное воспитание дворянского сына. Он видит в особой восприимчивости, податливости важнейшую характеристику детства, считая развитие характера гораздо более важным, чем усвоение знаний. Образование — это воспитание интеллекта, а не собирание фактов. Локк считает обучение важным инструментом морального воспитания, важный акцент в его сочинении (а потом и в «Эмиле» Руссо) делается на хорошем физическом состоянии ребенка. Взгляды и идеи, изложенные в текстах Локка и Руссо,

сильно повлияли на Дашкову и других, например, на Новикова и Бецкого. «О воспитании и наставлении детей» (1783) Новикова появилось в «Прибавлении к Московским ведомостям» в том же году, что и «О смысле слова „воспитание“» Дашковой.

В споре о том, что важнее — природа или воспитание, — Дашкова ясно приписывает главную роль воспитанию, а идея о том, что заниматься своим образованием надо всю жизнь, находится в центре ее размышлений[519]. В эссе «О смысле слова „воспитание“» Дашкова, очевидно, осуждает образование своих «прадедов», когда чтение Псалтыри, арифметика, преданность царю, соблюдение закона и немногословность ценились более всего другого. Хотя такое непросвещенное обучение вряд ли могло считаться образованием в собственном смысле слова, Дашкова утверждает, что ее «прадедов», по крайней мере, не учили стыдиться того, что они русские. Подобные чувства стыда и неполноценности были позже насаждены в ее поколении, говоря словами Дашковой, легионами «парижских лакеев, мадам и мамзелюшек». Дашкова выражает затем свое разочарование и обсуждает одну из своих любимых тем: современное пагубное и разрушительное влияние излишней приверженности русских к фривольной французской моде. Она видит в образовании средство против бессмысленного и безвкусного подражания Западу, средство научить русских, особенно детей, гордиться своей страной и ее историей.

Хотя Дашкова не говорит о женщинах или об особенностях женского воспитания, она тем не менее считает задачу образования частью семейных проблем. К сожалению, тот факт, что семьи, учителя и школы более не учат детей думать самостоятельно, приводит к множеству социальных проблем, например, к несчастливым бракам. Дашкова не уточняет, но наверняка имеет в виду свой собственный независимый выбор мужа и неудачный брак, который она устроила дочери. Не имея в детстве собственной нормальной семьи и спокойного дома, Дашкова подчеркивает, что воспитание должно начинаться в семье и что родители должны показывать своим детям положительные образцы поведения. Как и Новиков, Дашкова в определении хорошего воспитания подразделяет процесс обучения на три вида. Первые два — это физическое и моральное воспитание. Они идентичны указанным Новиковым, хотя Дашкова всегда более практична и менее абстрактна. На самом деле, моральное руководство детьми гораздо более важно, чем любой формальный или неформальный учебный курс. «Я более озабочена, — писала она У. Робертсону в 1776 году, — нравственным состоянием и душевным складом своего сына, чем

могла бы когда-либо быть озабочена уровнем его познаний»[520]. Третий вид — классическое, или школьное образование; у Новикова оно называется «умственным». Новиков рассматривает врожденное стремление ребенка к знаниям и способность оценивать окружающий мир, в то время как Дашкова занимается вопросами образовательной программы.

Новиков признал, что Дашкова «почитается за одну из ученых российских дам и любительницу свободных наук», а когда она обратила свое внимание на светское образование, то составленный ею учебный курс был довольно интенсивным[521]. Дашкова положила в его основу изучение языков, не только классических — древнегреческого и латинского, — но и немецкого, английского и французского для общения с иностранцами. Как и в программе, предложенной Робертсону для изучения ее сыном в Эдинбургском университете, Дашкова настаивала на необходимости математики, особенно высшей, а также логики, риторики, истории, географии, моральной философии, экспериментальной физики и химии. Она рекомендует модель британских университетов, очевидно основываясь на опыте обучения сына в Эдинбурге, и возвращается к идее о том, что «человеку, готовящемуся быть полезным обществу», необходимо путешествовать. Дашкова посвятила теме образовательного путешествия уже упоминавшееся письмо сыну. В этом письме она объясняла ему, как нужно организовать поездку, как выбрать цели и как правильно вести себя молодому путешественнику. Развивая принятые в XVIII веке представления об образовательном путешествии и идеи, накопленные во время своих поездок по континенту и Британии, Дашкова еще раз вернется к этой теме в очерке «Путешествующие»[522]. Она приходит к выводу, что не богатство, а постоянное воспитание дома, в школах или в путешествиях создает счастливого, полезного и умного человека.

Статья Дашковой «О смысле слова „воспитание“» вызвала публикацию в третьем номере журнала еще одного письма из Звенигорода, в котором Екатерина упрекала ее за игнорирование вопроса «чувствительности» ребенка как необходимого элемента воспитания[523]. Она убеждала Дашкову дополнить обсуждение точным определением «чувствительности», поскольку правильное понимание этого слова, которым слишком часто пренебрегают, является важнейшим в деле истинного воспитания. Чтобы родители и учителя могли прививать и правильно развивать ее в детях, им надо избавиться от всех ошибочных понятий, научившись отличать истинные и ложные чувства. Последние суть слабости сердца и ума, а первые ведут к созданию

нравственного, справедливого и сильного человека. Дашкова немедленно и уважительно ответила, что, хотя корреспондент из Звенигорода и просит дать определение слову «чувствительность», мало что можно добавить к его пониманию этого слова. Конечно, Дашкова должна была принять всерьез комментарии Екатерины, особенно в свете растущего интереса к сентиментализму и предромантических идей в России того времени. Обсуждение Екатериной «чувствительности» на страницах «Собеседника» представляет собой раннюю теоретическую формулировку эстетических принципов сентиментализма, и в «Записках» Дашкова вынуждена была подчеркнуть отсутствие чувства в собственном образовании: «Но что было сделано для развития нашего ума и воспитания сердца? Ничего» (14/38).

Екатерина под именем читателя из Звенигорода также сурово критиковала Дашкову за отсутствие у нее различий в воспитании мужчин и женщин. Удивительно, но Дашкова не приняла вызов и попросила корреспондента самого развить эту тему[524]. В статье Дашковой ничего не сказано специально о женском воспитании. Возможно, ее нежелание высказываться по этому вопросу связано со стремлением вести себя по-мужски в публичной жизни и с отказом признать, что воспитание ее собственной дочери, возможно, потерпело крах[525]. Все же Дашкова разделяла с большинством своих современников убеждение в моральной концепции знания. По крайней мере, она могла бы толковать нравственную задачу воспитания как обычное требование приучать женщину к естественным ролям добродетельной жены и матери. И предшественники, и современники Дашковой часто предлагали проекты и изобретали институции для воспитания жен и матерей. Сам Локк не видел причин различать нравственное воспитание девочек и мальчиков, но делал различия по физическим характеристикам и преподаваемым предметам в зависимости от конкретных педагогических надобностей[526]. Новиков высказывался гораздо более ясно, чем Локк, и поддерживал литературные пристрастия женщин, хотя и разделял общее отрицательное отношение к ученым и интеллектуальным женщинам[527].

Дашкова не вступила в дискуссию, хотя в следующем году и опубликовала перевод сочинения Генриха Корнелиуса Агриппы «О величии и превосходстве женского пола». Написанное в 1530-х годах, оно доказывает, что благородные женщины во всем превосходят мужчин[528]. Митрополит Платон, например, был разгневан, хотя «подрывное» сочинение появилось под измененным и менее провокационным названием «О

благородстве и преимуществе женского пола» (1784)[529]. Позже Дашкова вернется к вопросу о воспитании дочери; тем не менее ее нежелание внимательно рассмотреть проблему различия воспитания мужчин и женщин и то, что она ставила выше образование сына, имели трагические последствия для ее отношений с детьми.

В последующих сочинениях Дашкова продолжала рассматривать воспитание как важнейший способ формирования характера человека. Она верила в просвещенного монарха, которого воплощала собой Екатерина, и была заинтересована в применении западных моделей к российской реальности. Ее главной идеей была необходимость поддержки самостоятельного и самоценного человека со стороны общества и государства. Таким образом, просвещенные граждане были так же важны, как и просвещенный монарх. В то же время она выступала против всех форм сумасбродства и неумеренности. Она стремилась достичь своих идеалов посредством воспитания и постепенных, разумных реформ, ведших к ограниченной, конституционной монархии английского образца и сильному просвещенному дворянству. Граждане просвещенного государства должны быть образованными, добродетельными, честными, щедрыми, патриотичными и вовлеченными в создание справедливого общества. Соответствующее правильно проведенное воспитание должно произвести счастливого, нравственного, добродетельного и социально активного человека.

В статье «О истинном благополучии» Дашкова обнаруживает, что благополучие, к которому стремятся все граждане, не состоит в богатстве, ранге, власти или роскоши[530]. Накопление собственности ради нее самой есть отвратительная черта современной жизни, поскольку целью жизни являются образование, уверенность в себе и напряженная работа, ведущая к улучшению жизненных условий. Экономическая независимость должна состоять «не в истреблении естественных человеческих желаний, но в научении употреблять получаемое добро согласно с рассуждением в пользу себе и обществу»[531]. Основная идея Дашковой здесь заключается в том, что источником индивидуального и общественного благополучия является добродетель. Основываясь на принципах милосердия, гуманности, честности, искренности, бережливости и усердия, она определяет добродетель как «то душевное расположение, которое постоянно устремляет нас к деяниям полезным нам самим, ближним нашим и обществу»[532].

Далее автор утверждает, что недостаточно просто понимать смысл добродетели. Все, а особенно те, кто у власти, должны

принять и уважать ее: «Не довольно, говорит Конфуций, знать добродетель, надобно ее любить, а любя, надобно ею обладать. Сие священное правило, для всех состояний полезное, долженствует паче впечатлено быть в сердцах великих вельмож»[533]. Позднее в очерке «О добродетели» Дашкова еще более прояснила и расширила свое понимание добродетели, связав его с воспитанием. Когда добродетель «непременна, неподвижна», пишет Дашкова, она целиком зависит от справедливости и умения оценивать себя и других беспристрастно[534]. Она искренне считала, что воспитанный, просвещенный человек будет добродетельным и, следовательно, справедливым, честным, милосердным, благоразумным, сдержанным и терпимым. Добродетель — это главная цель воспитания, порождающая некое позитивное действие, без которого общественный договор и процветание народа невозможны. Достижение добродетели зависит от знания и обучения искусствам, а полезные науки могут улучшить условия жизни людей и изменить общество к лучшему.

Многие сочинения Дашковой посвящены нравам современного ей общества. Сатирический очерк «Картины моей родни, или Прошедшие святки» описывает с гоголевским гротеском родственников молодого человека — пугающую, бранчливую тетку и богатого дядю, увлеченного римской историей[535]. Дашкова высмеивает лицемерие как наибольший грех, вредящий дружбе и близким личным отношениям. Дядя чтит древнюю историю и в душе считает себя настоящим римлянином, но выражает он свой классический дух использованием римского права для обмана соседей. Он называет себя просвещенным человеком, но зажигает восковые, а не более дешевые сальные свечи, только чтобы покрасоваться перед гостями. Дашкова также мимоходом отмечает страдания его крепостных слуг, когда в общем, без конкретных деталей говорит о побоях, которые им приходится выносить. Такой же дидактический тон она использует в «Моей записной книжке», состоящей из ряда записей, сделанных в различные дни недели[536]. Чем богаче человек, утверждает Дашкова, тем больше он несет обязательств перед обществом, а в XVIII веке наибольшую ответственность перед российскими людьми имели дворяне-землевладельцы, хозяева унаследованных и приобретенных поместий. Следовательно, в обязанности дворянства входит управление экономикой своих хозяйств, а не устройство легкомысленных и пустых балов, приемов и прочих развлечений[537]. Она считает честность и справедливость главными составляющими индивидуальной и общественной

нравственности, а реализацию способностей и персональный рост — результатом разумного и тщательно продуманного плана[538]. Один из ее персонажей, молодой русский, получивший образование в Лейдене, выражает положительные чувства Дашковой к Англии. В конце этого отрывка издатель добавляет, что продолжение последует в следующем номере[539]. Хотя оно не появилось в «Собеседнике», через несколько лет Дашкова опубликовала «Отрывок записной книжки» и «Продолжение отрывка записной книжки» в «Новых ежемесячных сочинениях»[540].

В «Отрывке записной книжки», рассматривая подходящий путь нравственного обновления России, Дашкова перечисляет качества, необходимые различным членам общества, например, солдату требуются храбрость и твердость, судье — объективность и честность, купцу — организованность и правдивость. Тот, кто выполнил обязанности в полном соответствии со своими внутренними возможностями, «спокоен в совести своей, он свыше неблагодарности, злословия и глупости людской»[541]. Возможно, самой важной предпосылкой достижения внутреннего покоя и индивидуальной свободы, замечает Дашкова, является обуздание страстных желаний, особенно стремлений к богатству и власти. Отсутствие такого контроля ведет к потере личных принципов и порабощению страстями[542]. Она подчеркивает, что роскошь ведет к долгам и душевной слабости, отвлекая людей от необходимой подготовки к служению отечеству[543]. Зная о своей репутации скряги, она продолжает темы умеренности и воспитания в «Продолжении отрывка записной книжки»: «Умеренность и бережливость заслуживают похвалу, а не пересмешку: честнее и добродетельнее жить малым и проживать только свое, нежели жить роскошно и проживать чужое»[544].

Дашкова предупреждает также о вредных последствиях поверхностного знания во всех областях науки, которое у людей ограниченных может вызвать фальшивые и раздутые представления о собственном превосходстве и непогрешимости; в конце концов, такие заблуждающиеся люди обречены на неудачу во всех своих предприятиях[545]. Когда дело доходит до женщин, она вновь отказывается полностью признать их роль в обществе и довольствуется общепринятыми суждениями и общими словами. Женщины в обществе должны олицетворять «скромность, стыдливость, прилепленность к нравственности, блюдение хозяйства, нежность сердца и домоседство»[546]. Интересно отметить, что портрет идеальной женщины в российском обществе, который она рисует, мало похож на саму Дашкову. Но ранее, в «Моей записной книжке», она высоко оценила

основанный Екатериной Смольный институт за его способность изменять воспитанниц посредством образования[547].

Важность правильного воспитания останется центральной темой всех ее сочинений. Гораздо позже Дашкова опубликует еще один отрывок под заголовком «Нечто из записной моей книжки» в «Друге просвещения», где она вместе с теткой и двоюродным племянником горько сожалеет о прошлых днях, когда в России родители занимались воспитанием и образованием своих детей[548]. «Записки тетушки» состоят из шести глав, включающих то, что тетушка слышала, видела и читала, что с ней случилось, ее впечатления и воззрения[549]. Среди этих отрывков из записной книжки «завещание» тетушки о нравственной философии представляет собой наиболее развитое и продуманное выражение взглядов Дашковой на моральные, политические и социальные проблемы. И здесь ее идеал — «просвещенный и кроткий Государь, пекущийся о благе своих подданных». Она цитирует тот же самый пассаж из древнегреческого сатирика Лукиана, который появился двадцатью годами ранее в ее переводе «Essai sur la poésie épique» Вольтера[550]. Написанные в дашковской дидактичной, фрагментарной манере, которая характеризует многие ее публикации в «Собеседнике» и других журналах, «Записки тетушки» завершаются на оптимистической ноте: «Добродетель поздно или рано без награждения не остается».

Существует очевидное стилистическое и тематическое единство всех трех опубликованных «записных книжек», сосредоточенных на нравственных, философских проблемах и задачах воспитания, которые выражены отдельными фразами и наставительными, нравоучительными афоризмами. В стихотворных и прозаических произведениях Дашковой ее стиль склонен к морализаторству и опирается на поговорки и максимы: «Без приобретения красот ума и сердца есть только кукольство»; «Не унывайте в бедствиях, а в счастье надменностью не заражайтесь»; «Умеренность в желаниях более всего удобна доставить независимость»[551]. Во многих сочинениях она демонстрирует склонность к употреблению разговорной речи, пересыпанной афоризмами. Они часто взяты из французских источников, например, *un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire* («дурак всегда найдет другого дурака, который им восхищается»), и из русских пословиц, например, когда супружеской паре жить «розно так тошно, а вместе так тесно».

Снова и снова Дашкова возвращается к своим взглядам на взаимозависимость добродетели и воспитания, хотя позже, особенно после французской революции, она делает больший акцент на «франкомании» и патриотизме. В «Письме к издателям

сих „Сочинений“» Дашкова обращается к своему излюбленному приему подслушивания[552]. Тема подслушанного разговора — опять добродетель, а необходимой составляющей добродетели является справедливость, пишет Дашкова, поэтому все людские добродетели суть следствия нашего чувства справедливости. Она предлагает учредить ежегодную премию за лучшее сочинение в стихах или прозе о добродетели. Для примера она прилагает поэму «Притча: Отец и дети», которую она якобы получила от некоего молодого человека[553]. С большой уверенностью можно сказать, что автором этой поэмы была сама Дашкова. Состоящая из тридцати трех стихов различной длины и написанная в основном рифмованными двустишиями, поэма превозносит всеобщую добродетель, персонифицированную отцом, дети которого — великодушие, героизм, мудрость, кротость, честь и душевное спокойствие.

В последующих письмах издателям Дашкова утверждает, что деньги и жалованье не должны быть главной мотивацией для учителей, и обсуждает, как их следует избирать из наиболее талантливых и имеющих истинное призвание к этой профессии[554]. Родители должны непосредственно участвовать в воспитании своих детей. Она риторически спрашивает: «Не первый ли долг родителей самим заниматься воспитанием детей своих?»[555] Согласно Дашковой, воспитание в России должно объединять методы и опыт западных теоретиков с местными и национальными нуждами. Дашкова считала, что система образования в ее отечестве должна обращаться к его уникальному историческому развитию. Даже самые прогрессивные европейские подходы к воспитанию не должны исключать духовные и нравственные оценки, основанные на вековых обычаях и традициях российского народа. Самое главное, иностранное влияние не должно определяться модой. К этой теме она будет постоянно возвращаться. В «Ответе [Иоанну Приимкову]» она представляет сатирическую карикатуру на провинциальную сплетницу, более всего озабоченную своей репутацией в обществе и французской модой[556].

Письмо Дашковой «К господам издателям „Новых ежемесячных сочинений“» есть главным образом выражение презрения к французской моде и ужас перед эксцессами французской революции[557]. Она убеждает читателей освободиться от французского влияния и моды — «да будут русские русскими, а не подражателями дурного подлинника», провозглашает она. Цитируя высказывание Вольтера о том, что Франция — это страна тигров и обезьян, Дашкова заключает, что русские обезьянничают с обезьян. Она, возможно, является также

автором отклика на свое собственное письмо, подписанного неким Андреем Шейным. Он очень лестно отзывается о чувствах Дашковой и патриотично призывает вернуться ко всему русскому[558]. Через месяц в том же журнале Дашкова опубликовала одиннадцать вопросов в письме «К господам издателям „Ежемесячных сочинений“»[559]. Она вновь нападает на модное увлечение французским воспитанием и представляет идеи, более полно развитые ранее в ее статье «О смысле слова „воспитание“». Критичная и несгибаемая, Дашкова не уступает в своей продолжающейся битве с франкофилией. Как и прежде, Андрей Шейн полностью согласен с ней и даже добавляет несколько собственных вопросов[560]. В работе «Истины, которые знать и помнить надобно, дабы, следуя оным, избежать несчастий» она выдвигает десять истин, которые приведут к счастливой жизни[561]. Они опять конкретизируют ее понимание таких слов и концепций, как добродетель и персональная ответственность, восхваляют разум и осуждают все формы человеческой неумеренности: «Всякое излишество есть грех и вредно»[562]. Многие из этих истин уже утверждались в других трудах Дашковой, таких как серия записных книжек.

Дашкова основала свои десять просвещенных заповедей, так же как и главные идеи, на религиозных, христианских принципах, которые определяют ее кодекс нравственного поведения[563]. Ее сочинения не были антиклерикальными, и в жизни она строго соблюдала религиозные традиции, в которых была воспитана. Хотя Дашкова мечтала о новом порядке, основанном на просвещенных идеях, она не отрицала семейные и религиозные традиции. Каждый год в день памяти небесного покровителя семьи Воронцовых она отправлялась в имение своего деда поклониться святому Дмитрию Ростовскому. Она соблюдала все установленные ритуалы своей веры и знала наизусть молитвы и песнопения служб Русской православной церкви. В Троицком она поправляла сельского священника и подсказывала ему, когда в состоянии смущения или опьянения он с трудом пробивался сквозь литургию. Марта Вильмот писала о Дашковой: «Она строго соблюдала, как за себя, так и за всех человек своего семейства, установленные обряды своей веры. В кругу людей близких она признавала многие догматы греческой церкви чистой выдумкой людей»[564].

Ее убеждения были также пантеистическими, и под влиянием деизма и скептицизма того времени она видела проявление божества в жизни и природе:

Что есть всему Творец, сомненья не имею;

Мне сердце говорит о Нем;
Но иначе любить я Бога не умею,
Как только в ближнем лишь своем[565].

Дашкова не считала, что ее принципы противоречат рациональным, просвещенным идеям, и отвергала любые представления о судьбе или предопределении. Скорее, она выделяла выбор, персональную ответственность и самоопределение как путь к самосозиданию, ведущий к потенциальному освобождению божественного во всех нас. Марта Вильмот цитировала Дашкову: «Я не предполагаю, чтоб провидение вмешивалось в каждый акт нашей жизни; сотворив и одарив нас полным сознанием добра и зла, оно дало нам безграничную свободу избрать тот или другой путь: иначе, что же такое было бы справедливость?»[566] Ее идеи были выведены из «Мыслей» Блеза Паскаля и его «пари», заключавшегося в том, что всегда лучше верить в Бога, поскольку ценность веры в Бога всегда выше, чем ценность неверия. «Моего красноречия недостанет на то, чтоб доказать вам истину, — утверждала Дашкова, — но во мне есть внутреннее сознание. Моя вера тверда, ваши умствования не одолеют ее; но если бы было и иначе, что я выиграю от ваших софизмов?»[567] Значит, Дашкова спорила не о существовании Бога, а, скорее, о вере в Бога, поскольку пыталась соединить нравственное воспитание и образование детей с духовными ценностями и основать их на христианских принципах.

Третий выпуск «Собеседника», в котором Дашкова опубликовала свою статью «О истинном благополучии», содержал также «Вопросы» Фонвизина. Для Дашковой Фонвизин был союзником и источником вдохновения; его сатирические сочинения были близки ее сердцу и по содержанию, и по форме. Дашкова высказывала идеи, близкие к идеям Фонвизина, выраженным не только в его пьесах, но также в «Рассуждении о непременных государственных законах», и оба автора цитировали Конфуция, представляли идеального монарха и разъясняли центральные политические идеи оппозиции Екатерине[568]. Императрица гневно ответила на «Вопросы» Фонвизина. Она была главным автором «Собеседника», начиная со второго номера, и из 2800 страниц журнала по крайней мере 1456, то есть больше половины, были предоставлены ею[569]. Ее участие было значительным и включало письма, «Записки касательно российской истории» и «Были и небылицы». Екатерина терпела сатирические сочинения в журнале Дашковой, но «Вопросы»

Фонвизина, помещенные анонимно в третьем номере, рассердили ее. В журнале возникла серьезная дискуссия между Фонвизиным и императрицей, поскольку «Вопросы» драматурга били не в бровь, а в глаз. Он направил их на само самодержавие, и его попытка поднять проблему нравственной и интеллектуальной ограниченности некоторых из тех, кто во власти, вызвала гнев Екатерины. В результате скандала вокруг «Вопросов» Фонвизина разошлись пути Екатерины и ее литературных соратников и отношения между Екатериной и Дашковой стали еще более натянутыми.

Дашкова, без сомнения, была вовлечена в это дело и неофициально поддерживала Фонвизина в его полемике с Екатериной[570]. Хотя Фонвизин выступил анонимно, Дашкова, конечно, знала имя автора. Согласно С. Глинке, она вместе с Иваном Шуваловым безуспешно пыталась отговорить Фонвизина от публикации каких-либо дополнительных «Вопросов» и заставить его закрыть дело[571]. Она была лично хорошо знакома с драматургом, разделяла его политические взгляды, и они оба были близки к Панину. Вернувшись из-за границы, Дашкова написала дружеское письмо Фонвизину с просьбой помочь ей найти дом в Петербурге и подшучивала над собой, изображая фрейлину Екатерины, живущую в ветхой гостинице[572]. Дашкову и Фонвизина объединял главным образом дух оппозиционности ко двору Екатерины. Кажется вероятным, что после некоторого обсуждения они пришли к согласию о его направленности. Одной из целей стал их общий враг Вяземский. В четвертом номере «Собеседника» Фонвизин напечатал «Челобитную российской Минерве от российских писателей», в которой высмеяны «знаменитые невежды», «ненавидящие всех упражняющихся в словесных науках». Намек был безошибочно направлен на генерал-прокурора Сената, который в это время преследовал Державина и, в конце концов, заставил поэта подать в отставку. В «Записках» Дашкова рассказывает о дурном расположении Вяземского к ней и его склонности обижаться на все, что печатается в ее журнале. Вяземский разозлился из-за некоторых появившихся в «Собеседнике» сатирических произведений, считая, что Фонвизин и Дашкова высмеивают его и его жену. Он отыгрался особенно на Осипе Козодавлеве, помощнике Дашковой и соиздателе журнала, на одном из ведущих авторов Державине и на самой Дашковой.

Какое-то время Екатерина думала, что «Вопросы» написал Иван Шувалов, чтобы отомстить за пародийного нерешительного персонажа, выведенного во втором выпуске «Собеседника». Но больше всего Екатерину вывел из себя вопрос номер

четырнадцать — о шутах, занимающих высокие должности при ее дворе. Целью в этом случае был обер-шталмейстер Лев Нарышкин, которого Дашкова считала «глупым шутом» (47/65). Фонвизин написал: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?»[573] Вопрос вызвал сердитый ответ Екатерины, обвинившей автора в «свободноязычии». В письме, написанном осенью 1783 года, Екатерина рассмотрела «Вопросы» Фонвизина и нашла их опасными, поскольку они могли спровоцировать кого-нибудь на высказывание «подобных же или еще больших вольностей»[574]. По свидетельству очевидца, прочитав вопросы, она пообещала: «Мы отмстим ему»[575].

«Вопросы» Фонвизина, дашковская критика и сатиры на придворное общество, такие как «Послание к слову „так“», разгневали многих из наиболее могущественных советников Екатерины. Лев Нарышкин был одним из главных врагов Дашковой при дворе, и ее ссора с ним была одной из причин закрытия «Собеседника». Так как она была прямо связана с самым провокационным вопросом Фонвизина, Дашкова понимала, что он мог вновь разжечь прошлое соперничество с императрицей и вызвать дополнительные проблемы. Действительно, было еще много болезненных моментов, например, она не постеснялась внимательно прочесть гранки присланных Екатериной сочинений и вернуть их со своими редакторскими комментариями. Таким образом, она рассердила Екатерину своей критикой и тем, что императрица посчитала самовольными изменениями в ее публикациях в «Собеседнике»[576]. По мере ухудшения отношений с Екатериной гордая и амбициозная Дашкова становилась объектом насмешек и сплетен по поводу ее поведения при дворе и частной жизни. Возможно, побуждаемый самой Екатериной, Нарышкин организовал и поставил короткие пьески для придворных, высмеивающие работу Дашковой. К великому удовольствию всех присутствующих, в том числе и Екатерины, он спародировал инаугурационную речь Дашковой на церемонии открытия Российской академии. Нарышкин во многих случаях служил рупором Екатерины и с ее молчаливого одобрения опубликовал свою пародию в «Собеседнике» на протокол заседания Российской академии под председательством Дашковой, назвав академию «обществом незнающих», или *ignoranti bambinelli* [577]. Дашкову же он назвал академиком в чепце.

На следующем заседании академии, 11 ноября 1783 года, Дашкова публично призвала всех «противустоять насмешкам и невежеству», направленным на них. Последовал обмен гневными письмами в «Собеседнике» между Дашковой и Львом

Нарышкиным, или Каноником, как он себя называл. Екатерина продолжала поддерживать и одобрять далеко не безвредные атаки Нарышкина, а когда Дашкова пожаловалась, то ответила: «Что касается протокола Каноника, я ничего тут не могу сделать без его ведома. Так как у него не было и мысли оскорбить кого бы то ни было, то, я думаю, видя оборот, который приняла его шутка, он вряд ли почувствует искушение продолжать ее и подчиниться условиям, которые Вы изволили наложить на него. Мне очень жаль, что Вы нездоровы»[578].

Дашкова чувствовала, что на нее направлено жало глумлений и насмешек, но отказывалась играть при дворе роль шута. Она отдалилась от двора, а издание «Собеседника» временно прекратилось.

Ссора между сторонниками императрицы и оппозицией стала серьезной. Екатерина перестала посылать свои труды в журнал и потребовала вернуть ей все посланные ранее рукописи. Державин писал, что из-за этих раздоров «затворились княгине райские двери; т. е. императрица поблагодарила ее за труд, пожаловала в награждение 25 тысяч рублей и не велела к себе впускать в назначенный после обеда час для упражнения в литературе»[579]. Тесное сотрудничество Дашковой с императрицей закончилось, и Екатерина прекратила их послеполуденные дискуссии, позволив княгине являться с докладом только по воскресеньям. В качестве компенсации она подарила ей деньги, о которых упомянул Державин, для постройки дачи, чтобы ей было чем заняться во второй половине дня вместо прежних бесед. Мечта Дашковой о свободном и открытом обмене идеями между всеми придворными фракциями и среди оппозиции умерла. В течение некоторого времени роль княгини в «Собеседнике» состояла в поддержании мира и определенного уровня вежливости и приличия в горячих дискуссиях, особенно когда они касались писаний императрицы. В «Искреннем сожалении об участи господ издателей „Собеседника“» она защищала свой журнал и просила всех участников и авторов, особенно Екатерину — автора «Былей и небылиц», продолжать публиковать описания исторических событий, а также статьи на другие темы для просвещения народа[580]. Екатерина, однако, настаивала на выражении своего неудовольствия и наконец объявила читателям о намерении прекратить сотрудничество с журналом. Письмо Дашковой «К господину сочинителю „Былей и небылиц“ от одного из издателей „Собеседника“» удостоило Екатерину высочайшей похвалы и описало слезы читателей после прекращения публикации ее произведений[581]. Дашкова умоляла «не покидать Петербург» автора, «коего отъезд из града Петрова будет

чувствителен всем читателям „Собеседника“», поскольку лишит их утонченных, веселых, глубоких и высоконравственных сочинений. Неумеренные комплименты Дашковой вызвали недовольство Екатерины, которая, видимо, заподозрила неискренность и в «Краткодлинном ответе» велела Дашковой снизить тон риторики[582].

Однако гораздо более суровая критика сочинения Екатерины последовала в статье С. П. Румянцева о Петре Великом, в которой он восхвалял славное правление Петра и приуменьшал достижения Екатерины или, по крайней мере, остался к ним равнодушным[583]. Екатерина рассвирепела и в том же номере написала резкий ответ, обвиняющий Румянцева в том, что он ведет себя вызывающе, исключительно чтобы прославиться[584]. Хотя издатели защищали императрицу в следующем номере «Собеседника», Екатерина не была удовлетворена. Позже Румянцев напишет в автобиографии, что она была столь недовольна статьей о Петре Великом, что приказала Дашковой подвергнуть ее тщательному анализу и написать опровержение[585]. Дашкова подчинилась и представила свою атаку на Румянцева под названием «Краткие записки разносчика» императрице, которая осталась довольна и одобрила эту резкую, но, как ей казалось, абсолютно справедливую критику: «Читая статью „Разнощика“, я готова была бы поклясться, что она написана мною, до такой степени, по-моему, автор ее удачно подражает мне. Что касается Вашей критики, она очень резка и, конечно, справедлива, но берегитесь ответа. Чтобы успокоить Вас, я буду отныне забирать к себе все уже отпечатанные листы, которые смогу найти, но трудно удержать в тайне то, что уже напечатано»[586].

Дашкова должна была почувствовать страх, когда читала угрозы Екатерины. Императрица предупредила, что в будущем она будет изучать более тщательно содержание поступающих в журнал материалов, поскольку терпеть не может применять санкции против уже опубликованных работ. К несчастью, худшее было еще впереди — Екатерина применит-таки санкции против «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева и дашковской публикации пьесы Княжнина «Вадим Новгородский».

Сочинение Дашковой, в котором она делает выговор Румянцеву, появилось в следующем номере «Собеседника»[587]. Замаскированное под пересказ разносчиком подслушанного разговора, оно нападает на Румянцева за незнание русского языка, за то, что его работа просто переводит французские слова и конструкции на русский. Чем стремиться к глубине ума и карьере писателя, рекомендует Дашкова, лучше было бы заняться

изучением русского языка. Дашкова была единственной, кто критически отозвался о статье Румянцева[588]. Она продолжит полемику с ним до конца и в «Записках», лишь за несколько лет до смерти, представит свои негативные взгляды на Петра Великого, высказанные во время беседы с канцлером Кауницем в Вене.

Кроме того, она защищала императрицу и одобряла действия Екатерины при каждом удобном случае. Например, в рассказе «Вечеринка» Дашкова описывает званый вечер, во время которого разговор зашел о русской литературе[589]. Когда главный герой прибывает, он обнаруживает, что хозяйка скучает, и решает поэтому познакомить ее с екатерининскими «Былями и небылицами», напечатанными на страницах «Собеседника». Внезапно атмосфера вечера проясняется, хозяйка сначала улыбается, затем смеется — и вот лед треснул. Дискуссии на литературные темы оживляют вечер. Сочинение Екатерины знакомит читателя с российскими традициями и с необходимостью устремляться к высотам, достигнутым в поэтических трудах бессмертного Ломоносова. В качестве иллюстрации Дашкова цитирует пассаж из ломоносовского свободного перевода Горация[590]. Она также очень хвалит Богдановича, особенно его поэму «Душенька», в которой искусно совмещаются комическое и героическое, русский фольклор и греческий миф. Дашкова способствовала карьере Богдановича и вдохновляла его на участие в «Собеседнике», где он опубликовал ряд поэм и статей, прославляя в некоторых свою покровительницу Дашкову.

Атмосфера споров и антагонизма в журнале и в обеих академиях нанесла Дашковой значительный урон. Усилия княгини кончились ничем, поскольку личная вражда и политические стычки между Екатериной, Нарышкиным, Фонвизиным, Румянцевым и другими привели к отказу Екатерины от участия в «Собеседнике» и к закрытию журнала. 17 апреля 1784 года Александр написал Семену, что Дашкова готовится покинуть Петербург и провести лето в Троицком. Она уедет в начале мая[591]. Дашкова не вернется к работе издателя журнала. В последние шесть месяцев своего существования «Собеседник» выходил нерегулярно и закрылся шестнадцатым номером в сентябре 1784 года, просуществовав меньше полутора лет. Екатерина обнаружила, что не может диктовать свою волю в таком открытом форуме и устала от колкостей, направленных на ее царскую персону. Согласно «Запискам», Дашкова предвидела, с какими проблемами ей придется столкнуться, когда соглашалась возглавить Академию наук, и подозревала, что это назначение

неизбежно приведет ее к прямому конфликту с императрицей.

Часть четвертая
ОПАЛА (1794–1810)

Глава первая ОТЧУЖДЕНИЕ

Горе, гнев, потери и бесконечные ссоры дома и при дворе наполняли годы руководства Дашковой двумя академиями, выполнения государственных обязанностей и частого общения с императрицей. Она глубоко опечалилась, когда узнала о смерти Дидро в 1784 году: «На всю жизнь, и даже в настоящую минуту я свято чту память его. Мир не сумел оценить достойно этого необыкновенного человека. Простота и правда проникали каждое действие его, и главная задача всей его жизни состояла в том, чтоб содействовать благу своих ближних» (93/-)[592]

Дашкова ставила Дидро очень высоко, выше Вольтера, который в России был всеобщим кумиром. Дидро всегда был гораздо более доступен, и она считала его близким другом. Согласно В. А. Бильбасову, «из русских современников Дидро только двое ценили его по достоинству — две женщины: императрица Екатерина II и Е. Р. Дашкова»[593]. Дашкова не найдет утешения ни у детей, ни у других членов семьи. В 1785 году, комментируя письмо княгини с соболезнованиями по поводу смерти его жены в Венеции, Семен написал Александру о плохом характере сестры, о ее нестерпимом самомнении и выразил желание, чтобы она, наконец, оставила его в покое[594]. Годом позже он критиковал несообразное и чрезмерное образование, которое она навязала своим детям, добавив, что она, например, заразила легкую натуру сына семенами тщеславия[595].

В 1785 году Дашкова попросила императрицу разрешить ей разделить семейную собственность так, чтобы сохранить за собой любимое Троицкое, поскольку оно когда-то принадлежало мужу, и еще две деревни — Птицыно (сегодня — Дашково Орловской области) и Муриково (Волоколамский район). Сыну оставались 11 деревень, но согласно законам того времени Дашкова могла получить только одну седьмую часть собственности мужа[596]. Княгиня претендовала на б*о*льшую долю не только как опекун сына, но и на основании того, что она вложила почти 13 тысяч рублей своего приданого, заплатила многочисленные долги мужа вместе с процентами, сама приобрела дополнительные земли и обеспечила образование детей. Сенат в конце концов принял решение в ее пользу, и она продолжила свое разумное и эффективное управление имениями Дашковых. Выигрыш этого

дела, однако, только обострил и так натянутые отношения с детьми и привел к дальнейшим тяжбам.

Однажды по случаю Екатерина настойчиво попросила Дашкову написать по-русски пьесу для Эрмитажного театра. В 1781 году императрица поручила Джакомо Кваренги спроектировать и построить для нее неоклассический храм искусств с крытым мостом через Зимнюю канавку, соединившим великолепный камерный театр со зданием Старого Эрмитажа. Кваренги создал интерьер по образцу античного амфитеатра с полукруглыми рядами скамей, поднимавшихся к розовым и желтоватым мраморным стенам, вдоль которых установлены коринфские колонны. Статуи и бюсты Аполлона, девяти муз и древнегреческих авторов занимали ниши между колоннами интимного театра для драм и концертов камерной музыки, вмещавшего около четырехсот человек. Он был завершен в 1787 году, а первое представление в стенах Эрмитажа состоялось еще в 1785-м. Екатерина лично покровительствовала дворцовой труппе, ставившей, наряду с другими, Мольера и Шеридана, а также тогдашних европейских авторов. К 1786 году Екатерина уже заказывала пьесы для своего театра, требуя участия придворных. Она сама сочинила и поставила три антимасонских комедии — «Обманщик», «Обольщенный» и «Шаман сибирский».

Хотя Дашкова и протестовала, утверждая, что не имеет ни грамма таланта, просьба императрицы ей польстила, и она быстро сочинила пьесу в двух действиях под названием «Тоисиоков, или Человек бесхарактерный» (1786). Когда она показала пьесу Екатерине, та была разочарована и потребовала чего-нибудь более существенного, настаивая на пяти актах. Нехотя Дашкова расширила пьесу с помощью, как она считала, «бесполезных добавлений» (186/175). Пьеса была закончена и исполнена по распоряжению Екатерины на сцене Эрмитажного театра в августе 1786 года, а Дашкова затем опубликовала ее в «Российском феатре» — издававшемся ею журнале[597]. «Тоисиоков» — мягкая сатира в духе Горация на российское увлечение всем французским, похожая по стилю на фонвизинского «Бригадира» (1768–1769). Название пьесы скроено из названий двух сатир — «И то, и се» и «Ни то, ни се», — появившихся в 1769 году. А. Н. Афанасьев в статье «Литературные труды кн. Е. Р. Дашковой» писал: «Комедия эта написана по французским образцам; русской действительности в ней и слыхом не слыхать»[598]. Фактически это была типичная русская пьеса эпохи Просвещения, построенная по европейской модели французского классицизма; ее сюжет вполне представляет место и время, в которых жила Дашкова. Пьеса столь же многим обязана

Фонвизину, сколь и Буало и имеет простой и неправдоподобный сюжет, разворачивающийся как следствие основной черты характера главного героя — его нерешительности. Тоисиоков усложняет и запутывает свои дела постоянными колебаниями и неуверенностью, в то время как его тетка распутывает их решительными действиями и безграничной энергией.

Эта комедия, в которой имена отражают главные черты характеров героев, осуждает и высмеивает модную франкоманию, бездеятельность, леность, глупость и испорченность. Все это есть у главного героя — Тоисиокова, слабовольного, бесконечно колеблющегося помещика, образ которого во многом предвосхищает безмерно вялого героя Гончарова Обломова. Дашкова противопоставляет инертному Тоисиокову его тетку, целеустремленную и твердую Решимову, старомодную вдову, одетую в черное и весьма, почти до самопародии, напоминающую Дашкову. Он — тряпка, человек бесполезный и неспособный к действиям, она — сильная, прямая женщина, которая никогда ничего не откладывает, а действует без суеты. Подавленный проблемами, противоречиями, внутренними конфликтами и неуверенностью, он не может решить между этим и тем или чем-нибудь еще и в результате не в состоянии заставить себя сделать хоть что-то. Невежество, неграмотность, лицемерие и слабоволие фактически приводят его к краху, поскольку он глупо тратит деньги, без необходимости продает и вновь покупает одну и ту же собственность, постоянно перестраивает дом или затевает строительные проекты, продолжающиеся до бесконечности. Слабо структурированный сюжет, основанный на подслушивании и других освященных временем приемах, вращается вокруг камердинера француза Лафлера, который вместе с дворецким надувает Тоисиокова, приводя его на грань разорения. Однако вмешивается неукротимая Решимова, спасает своего злополучного племянника и, воспользовавшись ситуацией, долго увещевает и поучает его.

В конце концов, Решимова с помощью своего конюшего Пролаза успешно разрушает планы злодеев, спасает деньги и женит молодых влюбленных. Они скучны, традиционны и незначительны, как и большинство второстепенных персонажей. Здравомыслов ничем не замечателен и чрезвычайно похож на фонвизинских Добролюбова и Стародума. Решимова из них наиболее интересна: она являет собой модель положительного действия, извлекающего племянника-неудачника из запутанных сетей обмана. Занимая на сцене главное место, она постоянно критикует его и в заключение рассуждает о женитьбе. Дашкова основывает монолог Решимовой на опыте своей прежней

замужней жизни, рассказывая о том, как молодожены сначала преследовали свои эгоистические интересы и отдалялись друг от друга. Позднее молодая пара жила вместе, в изоляции, вдали от общества, но супруги устали друг от друга и, наконец, пришли к необходимости найти компромисс в браке, что привело к тридцати годам супружеского блаженства. К сожалению, ранняя смерть мужа лишила Дашкову такого счастья, и она могла только воображать его на сцене. Итак, пьеса заканчивается традиционно — поучительной и высокоморальной проповедью, произнесенной как для Тоисиокова, так и для всех зрителей.

При дворе появились некоторые предположения касательно прообраза главного героя Тоисиокова; основными кандидатами были Иван Шувалов и враг Дашковой Лев Нарышкин. Княгиня отрицала какие-либо связи между ее персонажем и реальными людьми: «Не желая давать повод к предположениям, что я имею в виду определенное лицо, живущее в Петербурге, я выбрала характер самый распространенный, то есть человека бесхарактерного, какими, к несчастью, изобилует общество» (186/175). Рисуя своего героя Тоисиокова для сцены, Дашкова опиралась на свою долгую любовь к драматическому искусству и постоянную склонность к театральности, которая сыграет затем важнейшую роль при создании «Записок». М. Н. Макаров рассказывал, что, советуясь с Дашковой при написании статьи о пьесах Екатерины, он услышал от княгини, что именно она, а не императрица, была автором комедии «Госпожа Вестникова с семьею». Однако он не подкрепил ее утверждение никакими доказательствами авторства Дашковой[599]. Согласно некоторым источникам, она была также автором «Народного игрища», пародии на модные «слезные комедии», которую в 1774 году Новиков опубликовал в своем журнале «Кошелек»[600]. Пьеса «Свадьба Фабиана, или Алчность к богатству наказанная» (1799) до нас не дошла. Она была ответом Дашковой в форме драмы на пьесу Августа Коцебу «Бедность и благородство души» и реакцией на глубоко затронувшего ее персонажа Цидерштрема[601]. Написанная менее чем за три часа, она является эмоциональным выражением разочарования Дашковой в драматурге, который не пожелал достаточно наказать скупость. Коцебу был сентиментальным писателем, который жил в России наездами в 1781–1801 годах. Его пьесы начали появляться в конце 1790-х годов и повлияли на русскую драму, раздвинув рамки французского классицизма. А. Ф. Малиновский перевел пьесу, и Дашкова видела ее в усадебном театре брата Александра[602].

С детства театр был страстью Дашковой, которую она разделяла с братом. Хорошо известный театр ее отца на Знаменке

открылся в 1769 году в его собственном двухэтажном каменном доме в Москве (ул. Знаменка, 12/2). Александр унаследовал это увлечение отца и содержал в Андреевском один из лучших усадебных театров в России. Его успех был во многом определен профессиональным руководством друга Александра Франсуа Жермена Лафермьера — поэта, либреттиста и влиятельного человека в театральном мире. Он родился 11 февраля 1737 года в Страсбурге и обучался в Страсбургском университете. В университете он встретил Генриха Людвига фон Николаи, который стал его другом на более чем сорок лет. Николаи служил секретарем Д. М. Голицына, российского посла в Вене, сменившего затем Дашкову на посту директора Академии наук. Когда Лафермьер приехал в Россию благодаря поддержке Михаила Воронцова, он получил место библиотекаря великого князя, а затем стал секретарем первой и второй жены Павла. Он сопровождал Павла Петровича и Марию Федоровну в путешествии за границу в 1781–1782 годах и, как близкий друг семьи Воронцовых, вероятно, встречался с Дашковой в Риме. Именно при дворе Павла он занялся музыкальным театром и работал вместе с композитором Д. С. Бортнянским, деятельность которого после 1780 года также была тесно связана с «малым» двором в Павловске, поскольку он был учителем музыки великой княгини. Лафермьер сотрудничал с Бортнянским, например, при работе над оперой «Сын-соперник» *(Le fils rival ou la Moderne Stratonice)* и над собранием романсов и песен.

Дашкова, однако, попала к Павлу в немилость и редко посещала его двор. Лафермьер же не был в фаворе при дворе Екатерины и, выйдя в отставку в 1793 году, уехал вместе с Александром Воронцовым в Андреевское. Ему очень понравился усадебный театр Николая Шереметева, поэтому он попытался создать нечто подобное в Андреевском, где регулярно ставил произведения зарубежных и русских драматургов, таких как Сумароков, Крылов, Княжнин и Веревкин. Обычно он ставил один спектакль в неделю, но когда приезжала Дашкова, организовывал дополнительные вечерние представления, чтобы удовлетворить ее большую любовь к опере и театру. В 1794 году репертуар труппы состоял из оперы «Севильский цирюльник» Д. Паизиелло, комедий «Бедность и благородство души» А. Коцебу, «Бригадира» и «Недоросля» Д. Фонвизина, одноактных пьес «Влюбленный слепец» и «Выдуманный клад» И. Соколова. Кроме того, репертуар включал «Вот каково иметь корзину и белье» Екатерины II, трагедию «Дмитрий Самозванец» А. Сумарокова и многое другое. Дашкова видела многие из этих спектаклей в театре брата и организовала собственный театр в Троицком на основании работ

Лафермьера в Андреевском.

Драматический и музыкальный театр играл важную роль в жизни Дашковой еще и потому, что она была вовлечена в культурную жизнь Петербурга. Среди других произведений Дашкова видела музыкальную «драму с голосами» в четырех действиях «Розана и Любим» своего протеже Николая Николева, а также «Несчастье от кареты» и «Скупого» Я. Б. Княжнина на музыку В. Пашкевича. Дашкова выпестовала талант писателя Николая Николева, который жил у нее с пятилетнего возраста. Он посвятил ей свою первую комедию «Попытка не шутка, или Удачный опыт» (1774), а позже опубликовал в «Новых ежемесячных сочинениях» «Лирическое послание Е. Р. Дашковой» — изложение его классицистских идей, основанных на прочтении Буало. Исполненная с большим успехом в Москве в феврале 1785 года пьеса «Сорена и Замир» была оценена как слишком политически смелая для того времени, поскольку делала акцент на правах личности. Московские власти возражали против некоторых строк, критиковавших абсолютную монархию, но Екатерина отказалась запретить пьесу[603]. На следующий год она была напечатана в дашковском «Русском феатре», где княгиня опубликовала также другие пьесы Николева. В 1792 году он стал членом Российской академии.

Дашкова часто посещала концерты и спектакли в Эрмитажном театре, где в течение многих лет появлялись ведущие европейские исполнители, а также присутствовала на особых вечерних концертах во внутренних покоях императрицы. Музыкальному вкусу Екатерины соответствовали легкие комические оперы ее итальянских капельмейстеров Доменико Чимарозы и Джузеппе Сарти. Одной из трех сохранившихся рукописей с музыкальной нотацией в альбоме Дашковой является опера Сарти «Идалида», датированная 1785 годом[604]. Также популярны при дворе были Василий Пашкевич и Михаил Соколовский. Джованни Паизиелло, служивший при екатерининском дворе в 1776–1784 годах, развлекал придворных сочинениями типа «Le philosophe ridicule»[605]. Он дирижировал оркестром, а скрипачи Джованни Баттиста Виотти и Жак Пьер Жозеф Род солировали или аккомпанировали оперной диве Катарине Габриели. Когда Чимароза отказался удовлетворить непомерные требования Габриели выплачивать ей 12 тысяч рублей в год плюс компенсацию расходов, объяснив, что такая сумма превышала оплату фельдмаршалов в России, она резко возразила, что фельдмаршалы встречаются часто, но Габриели — только одна.

Поскольку присутствие Дашковой при дворе и ее близость к

императрице многим придворным не нравились, она оставалась мишенью для шуток и насмешек, подвергаясь бесконечным унижениям. Каждый из опрометчивых поступков, к которым она была так склонна, становился предметом всеобщего внимания. Один такой случай поставил Дашкову в очень неприятное и неловкое положение и осложнил ее отношения с семейством Нарышкиных. Он явился кульминацией долгого спора о клочке земли, но в финансовых делах, касавшихся академий и ее лично, Дашкова была неколебима и беспощадна к тем, кто хотел поживиться за ее счет. Схватка за землю была еще одним примером в длинной череде претензий к Александру Нарышкину, ее соседу и врагу при дворе. В отличие от брата Льва Александр Нарышкин не был в фаворе у Екатерины, она считала его неприятным человеком. В 1787 году враждебность Дашковой вылилась в грандиозную конфронтацию, когда свиньи Нарышкина забрели на ее территорию и вытоптали шесть любимых растений в горшках ценой шесть рублей. Дашкова уже была не в духе, поскольку только что была вынуждена заплатить карточные долги сына. Как всегда предпочитая сразу принимать меры, она велела нарышкинских свиней немедленно зарезать. После короткого слушания местный суд принял решение не в пользу Дашковой, оштрафовал ее на 80 рублей и потребовал, чтобы она в будущем воздержалась от подобных акций[606]. Нераскаявшаяся Дашкова поклялась, что в будущем непременно прирежет свиней Нарышкина, если они опять посмеют приблизиться к ее растениям.

Узнав об этом глупом инциденте, Екатерина и ее окружение сделали все, чтобы раздуть его. На официальных приемах императрица сажала Дашкову рядом с ее врагом, даже несмотря на опасения, что их ссора может перейти все границы. За столом враги сидели на краешках стульев спиной друг к другу, что давало придворным остроумцам повод сравнивать их с российским двуглавым орлом. Храповицкий писал, что в то время императрица плохо отзывалась о Дашковой, устав от ее бесконечных рассказов о европейских путешествиях. Екатерина любила Анну, жену Александра Нарышкина, и явно демонстрировала, что предпочитает ее Дашковой. Храповицкий записал в дневнике 19 мая 1788 года, что при переезде двора в Царское Село Екатерина приказала «очистить комнаты Анны Никитишны Нарышкиной… чтобы не было комнат для Княгини Дашковой: „С одной хочу проводить время, а с другой нет… они [Дашкова и Нарышкины] же и в ссоре за клок земли“»[607]. Екатерина предпочитала держать Дашкову на расстоянии, но ссора так понравилась ей, что она высмеяла ее в

неопубликованной и никогда не исполнявшейся пьесе «За мухой с обухом». Она сатирически описала пререкания между Нарышкиным и Дашковой, выведя их под именами глупого Дурындина и надоедливой Пострелovой, постоянно похвалявшейся своими заграничными поездками[608].

Происшествие с нарышкинскими свиньями было одной из историй, которые укрепляли репутацию Дашковой как человека вздорного, дающего пищу для нелепых сплетен и анекдотов. Согласно французскому учителю П. А. Строганова, при дворе говорили, что, когда в Троицкое приехали гости, Дашкова приказала их слуг и лошадей отправить на работы в поле. Она выдала гостям по рабочему фартуку и не посадила за стол до тех пор, пока они не принесли по несколько кирпичей к строящейся церкви. «И все-таки гости не переводились у нее; и везде принимали ее с почетом»[609]. Однако Дашкова не могла закрывать глаза на шутки и колкости в свой адрес, не могла она игнорировать и маневрирование и интриги при дворе таких врагов, как Орловы, Домашнев и Завадовский, которого она называла *Monsieur Sans Tête*[610]. Униженная и оскорбленная враждебностью и насмешками тех, с кем вместе работала, она хотела уйти со своих постов в академиях и покинуть Россию насовсем. Она помнила рассказы о том, как Анна Иоанновна оскорбила ее мать и заставляла унижаться других придворных. Теперь настал ее черед. Хотя Дашкова и понимала, что слишком чувствительна и что не следует принимать все так близко к сердцу, но было чересчур утомительно и противно ее природе постоянно скрывать истинные чувства. «Почему они не оставят меня в покое? — писала Дашкова в письме. — Я прошу малого, только позволить мне работать без унижения, а если это невозможно, я уйду и покину мою родную страну. Я бы не осталась в этой стране даже на четырнадцать месяцев после ухода из Академии. Вот почему все, что сейчас происходит, так меня огорчает и терзает мою душу… Я не могу сидеть спокойно и сносить новые оскорбления и обвинения — я ничем не заслужила их»[611].

В 1788 году началась война со Швецией. Дашкова рассказала о «странной истории» (179/169), которая случилась во время войны и улучшила ее настроение, хотя и ненадолго. Ее старый знакомый герцог Сюдерманландский, который командовал шведским флотом, послал белый флаг в Кронштадт и приложил к нему пакет и письмо к Сэмюелу Грейгу, шотландскому морскому офицеру и адмиралу русского флота. Находясь на борту флагманского корабля «Густав Третий», герцог написал: «Пакет, адресованный на ваше имя из Филадельфии, попал в мои руки;

считаю удовольствием немедленно отправить его к вам»[612]. Как оказалось, шведы захватили судно, на котором нашли пакет, адресованный Дашковой, чье имя герцог сразу вспомнил. Получив пакет, адмирал Грейг немедленно послал его в Петербург, в Государственный совет, возглавлявшийся Екатериной, которая, в свою очередь, переслала его, видимо не вскрыв, в Кирианово Дашковой. Получив письмо, Дашкова была сильно взволнована. Отправленное 15 мая 1789 года, оно прибыло в Петербург только 18/29 августа 1791 года, «подписанное лично знаменитым доктором Франклином» в знак признания и как «свидетельство высокой оценки литературных трудов княгини со стороны самых далеких обществ»[613]: «Франклин относился ко мне с таким уважением и дружеским расположением, что рекомендовал меня в члены почтенного и уже знаменитого Философского общества в Филадельфии; я была принята туда единогласно и получила соответствующий диплом; с тех пор общество не пропускало случая послать мне издаваемые им труды. Этот пакет и содержал некоторые из них, а также письмо секретаря общества. Письмо Франклина польстило мне больше, чем послание герцога… Я написала Франклину и секретарю общества и искренне поблагодарила их за присланные книги» (179/169).

Когда Дашкова сообщила о содержании пакета Екатерине, императрица не была довольна тесными связями Дашковой с командующим вражеским флотом и ее дружбой с Франклином. Она потребовала, чтобы Дашкова прекратила переписку с герцогом. В это время отношение Екатерины к Франклину также не было позитивным, а когда ей как-то показали его портрет, она заметила: «Je ne l’aime pas»[614][615]. Императрица, которая старалась держать под своим скипетром обширные земли и многие народы России, не одобряла борьбу североамериканских колоний за независимость. В связи с публикацией Радищевым «Путешествия из Петербурга в Москву» Екатерина заявила в гневе, что тот «хуже Пугачева… [он] хвалит Франклина»[616]. В этом случае мнение Дашковой категорически разошлось с точкой зрения Екатерины — княгиня была большой поклонницей Бенджамина Франклина.

По несчастному стечению обстоятельств, личные трагедии, кажется, всегда сопровождали величайшие профессиональные достижения Дашковой. Покидая спальню императрицы, Дашкова заметила в передней шталмейстера Василия Ребиндера. Он подошел к ней, выразил свое сочувствие и рассказал о недавно полученном из Киева письме, в котором ему сообщали о женитьбе Павла Дашкова. Дашкова была потрясена и чуть не лишилась

чувств. Она была вынуждена попросить стакан воды, чтобы вернуть самообладание: «Нервная лихорадка, печаль и скорбь, овладевшие моей душой, на несколько дней оставили мне лишь одну способность — плакать» (181/171). Она пожертвовала всем ради детей и посвятила себя исключительно образованию сына. Она заслужила дружбу и уважение своих детей! Только что она оплатила еще одно обязательство сына и покрыла карточный долг в 1200 рублей, который он сделал в Киеве. Она была недовольна расточительством сына, хотя он попросил прощения и пообещал исправиться. Это обещание он сдержать не смог, и Екатерина охарактеризовала его так: «Он прост и пьяница»[617]. Прошло два месяца, прежде чем Павел наконец написал матери, попросив разрешения жениться, но к тому времени Дашкова уже знала, что сын женился на Анне Алферовой, дочери купца Семена Алферова. Дашкова чувствовала себя преданной: Павел держал это дело в секрете и тем самым обманывал ее, демонстрируя недоверие, опасение и даже страх перед матерью.

Хотя у Павла и его жены не было детей, источники проинформировали Дашкову о том, что во время свадьбы Анна уже была беременна. Современник Павла Ф. Ф. Вигель сообщал, что тот «долго не задумался, взял да и женился, не быв даже серьезно влюблен»[618]. Дашкова ответила коротко, едва сдерживая гнев, что, когда его отец захотел на ней жениться, он поспешил в Москву попросить согласия матери, поскольку требовалось, чтобы соискатель получил одобрение родителей, прежде чем официально предложит руку молодой женщине. Дашкова ожидала такого же послушания и уважения от сына. И все же не тайный характер этого брака беспокоил ее больше всего. Павел женился на женщине гораздо ниже его по положению, и этот «необъяснимый и нелепый» мезальянс не помогал его карьере и не давал ему приданого. Скорее, он мог отдалить блестящее будущее, которое она планировала для сына и, возможно, подвергнуть риску все ее многолетние усилия. Более того, она чувствовала, что ей нанесено публичное оскорбление, поскольку ее враги при дворе знали об этом браке и не относились к нему серьезно, в то время как она оставалась в неведении. Более всего озабоченная вопросами наследования и финансов, Дашкова забыла, что сама вышла замуж свободно и импульсивно.

Павел, отчаянно стремившийся освободиться от деспотической власти матери, продолжал служить в Польше, Молдавии и Бессарабии. Дашкова не увидит его четыре года. Эти годы, последовавшие за женитьбой сына, были одними из наиболее трудных для Дашковой: под тяжестью мрачных мыслей она чрезвычайно страдала от одиночества и разочарования: «Лето

прошло в меланхолическом настроении, черные мысли полностью овладели мной. Только милость Божья помогла мне справиться с ними, ибо с того момента, как я осознала, что покинута детьми, жизнь стала для меня бременем и я отдала бы ее без борьбы и сожаления первому встречному, который захотел бы ее оборвать» (183/172).

В сочинении «На смерть графини Румянцевой» Державин призывает Дашкову противостоять страданиям и ссылается на мужественное поведение Румянцевой. Здесь же он с иронией описывает полы в доме княгини, покрытые английскими коврами[619].

Постепенно собираясь с силами и преодолевая депрессию, Дашкова опять погрузилась в академические заботы, что на время «отвлекало от неотвязных грустных мыслей». Но поведение детей, которые постоянно пытались вырваться из-под тяжкого материнского контроля, не давало ей передышки. Екатерина заметила, что «с хваленым матерью воспитанием и дочь и сын вышли негодяи: сын и Военного Ордена не мог в войну заслужить»[620]. Дочь исчезла и решительно отказывалась отвечать на письма, а через год после женитьбы сына Дашкова узнала, что Анастасию преследуют кредиторы[621], которые получили решение суда, запрещавшее Анастасии покидать Петербург. Она попала под надзор полиции, следившей за каждым ее шагом. На следующий день княгиня разыскала дочь — больную, дышавшую с трудом, — и довольно жестоко отметила, что Анастасия выглядела теперь старше и еще менее привлекательно, чем раньше. Но Дашкова пришла ей на помощь, писала от ее имени и поручалась за нее. Она простила Анастасию, пообещала урегулировать ее долги и устроила ей путешествие на воды в Ахен. Любовь Дашковой всегда была диктаторской, и дочь опять взбунтовалась. Екатерина заметила, что «никто ее [Дашкову] не любит… даже дочь… не соглашается жить с матерью»[622]. В марте 1793 года Дашкова, не веря своему открытию, в ужасе обнаружила, что дочь находится в Вене, больная и в полном безденежье. Анастасия после завершения курса лечения не вернулась домой, а продолжала жизнь расточительную, беспутную, со многими долгами и скандалами. Она направилась в Вену, а потом в Варшаву, где промотала 14 тысяч рублей.

Растрачивая деньги и влезая в долги, Анастасия нашла верный способ огорчать и обижать свою мать. Этот ее долг был невообразим для осторожной в денежных делах Дашковой, которая за двадцать лет до того купила большой дом в Петербурге именно за такую сумму. В данном случае, однако, она осталась непоколебимой и непреклонной, уверенной в том, что

болезнь Анастасии — ее фантазия или, даже хуже, уловка, скрывавшая постыдное и развратное поведение. Если Анастасия хотела, чтобы Дашкова уладила ее катастрофические финансовые проблемы, ей следовало вернуться к матери. В конце концов, это было делом чести; бережливая, экономная даже в мелочах Дашкова чувствовала, что должна заплатить сполна. По некоторым источникам, Дашкова приняла на себя за все время ошеломляющую сумму в 250 тысяч рублей сделанных дочерью долгов[623]. Ранее Екатерина писала, что все теперь избегают Анастасию и что даже мать не хочет слышать о ней из-за столь презренного ее поведения[624]. Дашкова потеряла своих детей и никогда еще не чувствовала себя столь одинокой. Она знала, что теперь дети покинули ее навсегда. Поступки дочери были столь абсурдны, а Дашкова так терзалась, что императрица написала ей: «Верьте, что я вполне сочувствую Вашим душевным и телесным страданиям»[625]. Казалось, не было выхода из тьмы и отчаяния, накрывших ее жизнь: «Прошедшее, настоящее и будущее одинаково отуманились передо мной и не представляли ни одной светлой точки, на которой бы могла остановиться мысль. Самыя страшныя видения фантазии овладевали мной. Я с трепетом припоминаю, что в числе моих дум была мечта о самоубийстве; и если б не освежала моей души религия, эта последняя опора человеческого несчастия, последнее убежище для души, томимой отчаянием, я не могла поручиться за то, чем окончилась бы моя агония. В одном уверена, что ни убеждение против нелепого акта самоуничтожения, ни сила рассудка не могли спасти меня: я слишком страдала, чтоб слушаться разума, гордости или другого человеческого побуждения. Я искала, от всей души искала смерти» (184/-)[626].

Профессиональная деятельность Дашковой в литературе, образовании и издании книг и журналов, к счастью, отвлекала ее от психологического и эмоционального хаоса семейной жизни. К сожалению, она же вела княгиню к прямой конфронтации с императрицей. Пока Россия наслаждалась победами во второй турецкой войне — осадой и захватом турецкой крепости Очаков и завоеванием еще большей территории вокруг Черного моря, — Франция переживала время социальных перемен и политических потрясений. Крайности французской революции ужаснули Екатерину; просвещенная царица, когда-то восхищавшаяся либеральными идеями *philosophes,* открыла период политической реакции, цензуры и увеличения государственного контроля в России. Однажды Дашкова мимоходом упомянула Руссо в разговоре с императрицей и затем вынуждена была согласиться с мнением Екатерины, что он — автор опасный. Для Дашковой

негативные замечания Екатерины о Руссо и Франклине означали, что правительственная политика становится еще более консервативной. Не только Радищев, Княжнин и Новиков, но и сама Дашкова с ее либеральными, просвещенными взглядами и упрямым, часто несгибаемым характером попала под подозрение.

Уже весьма натянутые отношения Дашковой и императрицы стали еще более ухудшаться. Джон Паркинсон, оксфордский профессор, путешествовавший по России в начале 1790-х годов, встречал несколько раз Дашкову, и та выразила ему свое «недовольство императрицей»[627]. Отчуждение росло главным образом потому, что Екатерина подозревала Дашкову в участии в бунтарской деятельности. Еще в 1786 году Державин писал поэту и драматургу В. В. Капнисту: «При сем препровождаю тебе, мой друг, твои сочинения, с которых копии Дашковой я отдал. Она требовала оды о рабстве; но я сказал, что ты оной не оставил, по причине, что не нашел в своих бумагах»[628]. Далее он объяснял, что не рекомендовал Дашковой публиковать ее, поскольку это не было в интересах ни Дашковой, ни Капниста. В 1790-х годах Екатерина также считала, что Дашкова приняла участие в публикации считавшегося революционным «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, с его прямым осуждением крепостничества и предчувствием полного разрыва правительства с образованными людьми. В эти годы теснейшим союзником и конфидентом княгини был брат Александр, круг друзей которого включал Львова, Державина и Радищева. Погруженная в литературную и художественную жизнь Петербурга конца XVIII века, Дашкова была хорошо знакома с Николаем Львовым — архитектором, художником и музыкантом. Львов возглавлял группу ведущих культурных деятелей того времени — писателей Г. Р. Державина, В. В. Капниста, Я. Б. Княжнина, И. И. Хемницера, И. И. Дмитриева; художников В. Л. Боровиковского и Д. Г. Левицкого; музыкантов Е. И. Фомина, В. А. Пашкевича, И. Прача и др.

Начиная с января 1778 года Радищев, прогрессивный писатель и либеральный мыслитель, работал в Коммерц-коллегии, которую возглавлял Александр Воронцов. Он был протеже Александра и его братом-масоном. В 1789 году он анонимно опубликовал «Житие Федора Васильевича Ушакова» — интеллектуальную биографию его товарища, с которым он изучал философию в Лейпцигском университете. В ней Радищев обсуждал темы деспотизма, коррупции и войны. Большое влияние на него оказала материалистическая философия Гельвеция из книги «Об уме». Хотя Дашкова также находилась в юности под обаянием Гельвеция, она не одобрила сочинения Радищева.

Державин указал ей на него, и сразу же после прочтения княгиня написала письмо с предупреждением брату. Она объяснила, что встретилась с Державиным в Российской академии, где он сказал, что многие современные писатели плохо знают русский язык, и привел в пример «глупое» сочинение Радищева на смерть Ушакова. Она ответила, что не читала его, но не верит такой оценке, поскольку автор явно неглуп. Когда она прочла, наконец, это сочинение, то нашла, что автор подражал «Сентиментальному путешествию» Стерна и начитался Клопштока и других немецких писателей, которых не понял до конца[629]. Она согласилась с Державиным в том, что написанное архаичным и неуклюжим русским языком сочинение может использоваться «как доказательство того, что у нас много писателей, не знающих своего языка» (186/175). Еще более важно, что, согласно «Запискам», она пророчески написала брату о том, что мысли и идеи его протеже являются «опасными в наше время» (187/175).

Дашкова поэтому не удивилась, когда получила от брата письмо с известием о публикации Радищевым «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790), названного ею «набат к революции» (187/-)[630]. Написанное в форме травелога, оно содержало лишь слегка прикрытое осуждение крепостничества, тирании и других злоупотреблений власти. В «Путешествии» было видно влияние приятеля и в одно время спутника Дашковой аббата Рейналя, сочинения которого, включая «Историю двух Индий», резко критиковали рабство и деспотизм. Кажется, она не читала «Путешествие из Петербурга в Москву», но Екатерина прочла, и его «революционное» содержание привело ее в ярость. Согласно Храповицкому, Екатерина обвинила автора в том, что он мартинист и подстрекатель[631]. Она приказала Радищева схватить, допросить и отправить в Сибирь. Арест Радищева огорчил Дашкову, а за брата она просто испугалась, поскольку Александр защищал своего друга до конца. В знак протеста Александр перестал появляться в Сенате, Государственном совете и при дворе и провел все лето и осень в своем доме на берегу Финского залива. Его протест во многом способствовал облегчению приговора Радищеву. В самом деле, брат, многие идеи которого Дашкова разделяла, оказался в оппозиции к Екатерине и указал на коррупцию при ее дворе: «Роскошь, послабление всем злоупотреблениям, жадность к обогащению и награждения участвующих во всех сих злоупотреблениях»[632]. Официально Александр попросил отпуск, и в 1792 году Екатерина согласилась. На самом деле, Александра заставили уйти в отставку, и он покинул правительственный пост. Он продолжал поддерживать Радищева и его семью во время их

ссылки в Сибирь, снабжая их деньгами и другими необходимыми вещами. Из Петербурга он переехал в Москву, где жил в собственном доме в Немецкой слободе и в усадьбе Андреевское. В ноябре 1793 года Дашкова написала брату, что Екатерина все еще подозревает их обоих в участии в публикации книги Радищева[633].

Как и ее брат, Дашкова не была защищена от нетерпимости Екатерины и ее преследования писателей, художников и интеллектуалов в то время, как политический климат в России становился все более репрессивным. Искрой, зажегшей гнев Екатерины и приведшей к угрозам сжечь неугодные книги, стала публикация Дашковой в академической типографии в 1793 году трагедии Якова Княжнина «Вадим Новгородский». Пьеса, критиковавшая самодержавие и защищавшая политическую свободу, появилась в дашковском журнале «Российский феатр». Вдова Княжнина попросила Дашкову напечатать последнюю трагедию умершего в 1791 году мужа, с тем чтобы доход от продажи послужил финансовой поддержкой осиротевших детей драматурга. Сам Княжнин не стал публиковать пьесу, испугавшись, что после взятия Бастилии Екатерина примет ее за коварную атаку на испорченную абсолютную власть или даже за призыв к революции. Дашкова описала возникшие проблемы в отношениях с Екатериной после выхода «Вадима» в длинном письме брату. Написанное по-русски и по-французски в первой половине ноября 1793 года в Петербурге, оно так и не было отправлено[634].

В этом письме Дашкова объясняла, что в июне книгопродавец И. П. Глазунов попросил разрешения напечатать трагедию «Вадим Новгородский», которую он купил у семьи покойного автора — друга Дашковой, ее союзника и коллеги по Российской академии. Когда Глазунов предложил напечатать пьесу в академической типографии, Дашкова немедленно санкционировала это. Она совсем не оценивала содержание пьесы и не подозревала, что та может содержать что-то компрометирующее. Она сообщала, что ее помощник Осип Козодавлев прочитал рукопись и «не нашел в ней ничего, что могла бы изъять цензура»[635]. Дашкова, однако, призналась брату, что не думала представлять пьесу цензору перед публикацией[636]. Шум, поднятый по поводу ее выхода, как казалось княгине, был результатом придворной интриги, после того как кто-то сообщил Платону Зубову, тогдашнему молодому любовнику Екатерины, что в пьесе содержатся опасные намеки и подтексты. Николай Новосильцев сообщил Дашковой, что Иван Салтыков, который, по ее мнению, никогда ничего не читал, также очернил это сочинение перед ее величеством. Таким образом, враги при дворе, которые ненавидели ее и нашли в этом

деле возможность ей навредить, специально раздували скандал, преувеличивая бунтарское содержание пьесы.

Ранее, пишет Дашкова, Екатерина послала ей зловещую и угрожающую записку, сообщая, что получила драму Княжнина: «Недавно появилась новая русская трагедия „Вадим Новгородский“, напечатанная, судя по обложке, в академической типографии. Говорят, в ней много едких выходок против верховной власти. Вы хорошо сделаете, приостановив ее продажу, пока я сама не соберусь прочесть ее. Спокойной ночи; а Вы читали ее?»[637]

Позднее Екатерина и ее подручные неоднократно повторяли Дашковой свои угрозы и запугивания. В среду государственный секретарь Василий Попов сообщил ей, что в будущем следует обращать большее внимание на то, что она публикует. Вскоре к ней явился с визитом Никита Рылеев, глава полиции и затем губернатор Петербурга, в чьи обязанности входил надзор за цензурой. Он вежливо попросил ее подписать распоряжение, открывавшее ему доступ на склад академии, чтобы он мог собрать все копии трагедии и изъять их из продажи. Екатерина на самом деле издала приказ, который невозможно было выполнить: конфисковать все существовавшие экземпляры пьесы. Пока он получал ее подпись, Дашкова сообщила ему, что там нет ни одного экземпляра, но что пьеса была также напечатана в последнем номере журнала «Российский феатр». Ему поэтому следует вырвать ее из журнала и тем самым погубить весь номер. Тем не менее Дашкова, которая, очевидно, испугалась, дала шефу полиции разрешение вынуть запрещенные страницы из журнала. Утром в пятницу Дашкова узнала, что полиция обыскала книжную лавку академии и ничего не нашла.

Внимательное изучение императрицей сочинения Княжнина обеспокоило Дашкову, и она сразу же послала Екатерине письмо вместе с подтверждающими документами, признавшись, что в июне одобрила публикацию «Вадима Новгородского», не прочитав пьесу заранее, и что журнала еще нет в книжной лавке. Письмо не остановило Екатерину от отправки только что назначенного генерал-прокурора Александра Самойлова, который в сентябре 1793 года заменил умершего Вяземского, с визитом к Дашковой для строгого и серьезного разговора. Дашкова поняла, что Екатерина предпринимает все усилия, чтобы ее запугать, но, твердо уверенная в том, что не сделала ничего дурного, пообещала себе оставаться спокойной и невозмутимой. Самойлов обвинил Дашкову в распространении материалов, наносивших ущерб интересам императрицы, которая уже была разгневана публикацией книги Радищева. Он рекомендовал Дашковой

объяснить ее величеству, что пьеса показалась ей не чем иным, как исторической романтической историей, полной любви, интриг и приключений. Когда непреклонная и теперь уже разгневанная Дашкова отказалась это сделать и заявила, что весьма трудно объясняться с царицей, угрозы Самойлова стали еще более зловещими. Он уверил Дашкову, что это дело приняло серьезный оборот, что Дашкова не отдает себе отчет в его важности и даже хуже — что императрица подозревает ее и брата Александра в поддержке публикации бунтарского сочинения Радищева. Но Дашкова была готова к этому обвинению, поскольку ранее Богданович предупредил ее, что Державин, напуганный скандалом вокруг Радищева, распространяет о ней злобные сплетни.

Дашкова надеялась, что все дело слишком раздуто и скоро закончится, поскольку продолжение его будет только питать скандал и разжигать любопытство читающей публики. На следующий день Дашкова отправилась с обычным визитом во дворец и тотчас же заметила, что императрица, пригласившая ее в Бриллиантовую комнату, была не в духе. Она была удивлена и огорчена, когда Екатерина гневно заговорила с ней и прямо заявила, что не может допустить превращения данной ситуации в нечто, напоминающее жестокости террора, опустошавшего Францию. Императрица продолжала, что два предательских сочинения — Радищева и Княжнина — уже напечатаны. Что принесет третье? Это был суровый и опасный упрек, поскольку Екатерина обвинила Дашкову в предательстве. Княгиня призналась в чтении Радищева и упомянула Державина, хотя в «Записках» она написала, что разговор о «Житии Федора Васильевича Ушакова» имел место годом ранее с ее братом. Екатерина пригрозила сжечь ужасную и оскорбительную трагедию Княжнина и потребовала объяснить ей, чем она заслужила такое плохое отношение. Дашкова, кажется, продемонстрировала при этой встрече замечательное самообладание, поскольку Екатерина сделала много, чтобы спровоцировать несогласие и гнев княгини. Даже если и так, то ее острый язык сослужил ей плохую службу, и она ответила, что если императрица решит сжечь пьесу, то не Дашковой будет стыдно за такие действия[638].

В «Записках» Дашкова цитирует обращенные к ней слова Самойлова о Екатерине: «Кажется, она на вас не сердится». Она продолжает драматически описывать момент примирения: «Словом, я была очень довольна, что императрица не вынудила меня полностью порвать с ней, и, едва переступив порог, протянула ей руку, попросила дать свою для поцелуя и забыть все

происшедшее в последние дни.

— Но в самом деле, княгиня… — начала было она.

Я помешала ей продолжать, приведя тривиальную русскую поговорку: „Если серая кошка пробежала между нами, не надо звать ее назад“. Императрица была милостива, что отозвалась на мои чувства и, посмеявшись от всего сердца, начала говорить о другом. Я была очень весела и за обедом заставила ее величество громко хохотать» (190/178).

Петр Завадовский, однако, написал Александру, что Дашкова «вместо, чтобы сказать: простите неумышленность, предстала в виде бодром и веселом», что не понравилось Екатерине[639]. Он объяснил, что хотя Дашкова уверила императрицу в том, что не читала пьесу, и извинилась за ее публикацию, Екатерина не сменила гнев на милость. Она считала, что Дашкова не выказала необходимого сожаления и недостаточно раскаялась[640]. Княгиня защищалась, утверждая, будто сочинение Княжнина ничем не отличалось от бесчисленных пьес, исполнявшихся во множестве публичных театров столицы, включая Эрмитажный театр Екатерины. Но Дашкова не упомянула, что такие «революционные» произведения, как «Брут» и «Смерть Цезаря» Вольтера и, возможно, «Спартак» Жозефа Сорена, оказали большое влияние на тон и многие чувства, выраженные в пьесе Княжнина. Кроме того, республиканские настроения пьесы привели Екатерину в ярость, поскольку ее публикация совпала с казнями Людовика XVI 23 января 1793 года и Марии Антуанетты 16 октября. Утверждение Дашковой о том, что она не читала пьесу, также не было убедительным. Согласно сыну Княжнина, Дашкова знала, что содержание пьесы вызовет гнев Екатерины[641]. Ее публикация в 1793 году была, вероятнее всего, ответом на действия императрицы, направленные против интеллектуальной свободы вообще, на изгнание ее брата в частности и, возможно, на кампанию Екатерины против масонов.

Конец царствования Екатерины после французской революции был временем реакции и преследования либеральных интеллектуалов. Растущие репрессии, направленные против авторов, издателей и продавцов книг, привели к установлению формальной системы цензуры в сентябре 1796 года. Характерной чертой атаки Екатерины на либеральные и прогрессивные идеи было преследование масонов, закрытие лож и ссылка масонских лидеров в их поместья. Самым ярким примером репрессий стал арест в 1792 году писателя, редактора сатирических журналов и издателя Николая Новикова, которого держали без суда и следствия в Шлиссельбургской крепости. Новиков был одной из главных фигур Просвещения, с ним Дашкова часто и подолгу

сотрудничала. Полиция арестовала его, обыскала дом и обнаружила запрещенную масонскую литературу, которую цензоры опечатали. В письме, датированном июлем 1792 года, Дашкова выступила в защиту Новикова и обратилась к генерал-губернатору Москвы А. А. Прозоровскому[642].

В России XVIII века масонство было важным центром прогрессивной мысли. Его целью было внутреннее самосовершенствование личности и создание справедливого общества. На практике оно сосредоточивалось на ограничении абсолютизма просвещенными людьми — идее, которая была главной и для Дашковой. Как женщина, она не могла быть масоном, но была тесно связана со многими из них. Н. И. Панин был высокопоставленным членом ложи «Немезида». Практически все мужчины в семье Дашковой были масонами, а ее отец являлся мастером ложи «Молчаливость» в Петербурге. Это была первая русская ложа, получившая имя, и в ней состояли муж княгини Михаил Дашков, писатель Сумароков и историк князь Щербатов. Роман Воронцов возглавлял ряд других лож, например, «Муз» и «Урания», и вместе с сыном Семеном был членом Великой ложи И. П. Елагина. Александр также был масоном, принадлежал к той же ложе, что и Радищев, и его уход в отставку был, по крайней мере частично, ответом на действия Екатерины против масонов. Дашкова чувствовала, что она не может более находиться в такой атмосфере преследований и насилия. Работа в академиях, бурная семейная жизнь и придворная политика легли на ее плечи тяжелым грузом; сестра Елизавета, увидев ее в это время, встревожилась и написала: «Она больна, печальна и очень изменилась»[643]. В конце концов, Дашкова испытала всю тяжесть гнева Екатерины, и случай с пьесой Княжнина приведет ее к отставке с постов в обеих академиях.

Глава вторая
ТРОИЦКОЕ И КОРОТОВО

Общим чувством ненужности и постоянной готовностью к немедленной ссылке на север России был отмечен весь последний период жизни Дашковой с 1794 года до смерти в 1810-м. 28 июля 1794 года Завадовский писал Семену, что Дашкова планирует покинуть столицу: «Она недовольна; сам знаешь ее нрав, сколько трудно пребыть ей покойною в поступках и желаниях»[644]. Не желая работать в атмосфере страха и стать жертвой развернутой императрицей кампании подавления неугодных и усиления цензуры, 5 августа 1794 года Дашкова подала прошение об отставке с руководящих постов в академиях и о двухлетнем освобождении от обязанностей фрейлины «для улучшения расшатанного здоровья и приведения дел в порядок» (192/180) [645].

К прошению, в котором она писала Екатерине о своей самоотверженной службе, Дашкова приложила «Рапорт об экономическом положении Академии наук за 1783–1794 годы». В нем она подвела итоги одиннадцатилетнего управления главной российской научно-исследовательской организацией, дополнив их бухгалтерскими отчетами по книжной лавке, издательству, академической гимназии, строительным проектам и всем доходам, которые она «имела счастье сделать»[646]. Согласно этим подсчетам, она смогла добавить в бюджет 526 188 рублей. Она отправила все документы государственному секретарю Дмитрию Трощинскому, сопроводив их письмом, выражавшим большую гордость тем, что завершила «Академический словарь», и желание остаться президентом Российской академии, хотя и не получала там никакого жалованья. На листе бумаги, прикрепленном к письму Дашковой, Трощинский отметил: «Указом от 12 августа 1794 года Екатерина удовлетворила просьбу княгини двухгодичного отпуска»[647]. Дашковой более не нужно было появляться при дворе.

Екатерина сохранила Дашковой годичное жалованье в три тысячи рублей как бывшему директору Академии наук и назначила на ее место Павла Бакунина, троюродного брата Дашковой и двоюродного брата знаменитого анархиста Михаила Бакунина[648]. Оплаченный отпуск являлся фактическим отстранением Дашковой от всех обязанностей в академии. Неизбежное расставание с Екатериной сильно ее опечалило — она не могла стереть из памяти давние дни, проведенные вместе. Она была тогда молода, романтична, а ее преданность —

неизменна[649]: «Я горячо любила ее еще в то время, когда она не была императрицей и когда я могла оказывать ей услуги более существенные, чем она мне; стало быть, мои чувства к ней были бескорыстны. Несмотря на то, что она не всегда относилась ко мне так, как ум и сердце ей подсказывали, я не переставала любить ее; мне доставляло удовольствие любоваться ею всякий раз, когда она давала к тому повод. Я ставила ее много выше всех самых прославленных государей, занимавших русский престол» (192/180–81).

В понедельник 14 августа 1794 года Дашкова явилась в академию в последний раз. Она вошла в конференц-зал, заняла свое место во главе стола и обратилась к тринадцати собравшимся академикам и адъюнктам. Она сказала им, что гордится тем, что служила академии почти двенадцать лет, поблагодарила их за поддержку и раздала копии своего официального прошения об отпуске. Затем она обняла каждого из присутствовавших академиков и адъюнктов, которые проводили ее до самого экипажа. Они выразили горячее пожелание видеть ее снова в академии в ближайшем будущем, но Дашкова уехала навсегда[650]. Она подписала протокол этого последнего собрания почти два года спустя, 3 мая 1796 года[651].

Никогда Дашкова не чувствовала себя такой одинокой, как во время сборов к отъезду в Москву и Троицкое. Она мечтала увидеть брата, который теперь жил в Москве и своем имении, но, перед тем как «полностью отойти от службы, от столичного шума» (190/178), она должна была заняться бесчисленными финансовыми и юридическими делами. Она приняла решение совершенно порвать со своей прежней беспокойной жизнью в столице и «жить на покое, ни о чем не думать и не заниматься ничем, кроме сельских дел» (190/179). Поэтому она продала свой дом за 50 тысяч рублей, написав брату, что потеряла на этом пять или шесть тысяч. Она уплатила долги дочери и 30 тысяч рублей, которые брала в банке на образование сына и зарубежное путешествие. Пообещав освободить свою бывшую собственность как можно скорее и не имея теперь жилья, она сняла на время дом В. И. Левашова. Она ожидала позволения брата переехать в бывший дом отца, унаследованный Александром[652]. Возведенный в 1754 году Романом Воронцовым особняк был огромен и казался нереальным, напоминая ей об отце через десять с лишним лет после его смерти. Память о его отторжении и холодности только увеличивала ее одиночество и печаль: «Я казалась себе принцессой, зачарованной злым гением, который не давал мне вырваться из плена» (192 /180).

Долгая тяжба с родственниками мужа Анастасии — семьей

Щербининых, требуя всего ее внимания, не позволяла ей убежать в сказочную страну волшебников, заклинаний и принцесс. Не знала она и точного местонахождения дочери. 23 мая 1793 года в письме из Кирианова она признается Александру, что ничего не знает о положении Анастасии, и в 1794 году опять беспокоится о живущей в Варшаве дочери, от которой не слышала ни слова[653]. Иногда Дашкова чувствовала себя публично оскорбленной действиями дочери — например, когда она получила письмо от секретаря императрицы относительно жалобы портнихи Ф. Мейер на неуплату Анастасией счетов. Пытаясь прояснить дело и разбирая запутанные финансовые проблемы дочери, Дашкова обнаружила, что некоторые долги Анастасии были на самом деле сделаны ее мужем Андреем Щербининым и что он как-то задним числом переписал на нее заложенный им участок земли[654]. Еще больше запутывало ситуацию то, что его мать и сестры, взявшие на себя управление его имениями как доверенные лица, оспаривали претензии Дашковой.

Дашкова направила в Сенат прошение, добавив условие: ввиду очевидной финансовой безответственности Анастасии предоставить княгине в опекунство б*о*льшую часть собственности дочери с полными правами управления. К несчастью, дело бесконечно долго рассматривалось в Сенате, а Дашкова не могла как следует решить финансовые проблемы без подтверждения ее прав Сенатом[655]. Посылая письмо за письмом Екатерине, она просила скорого решения. 14 января 1794 года она обратилась к императрице с просьбой о временном урегулировании дела Щербинина. И вновь, 9 июля 1794 года, она описывала юридические детали своего опекунства и просила Сенат назначить ее опекуном имений дочери, чтобы она могла покрыть огромные долги. Дашкова писала, что Анастасия сбежала в Варшаву и оставила ее с обязательствами более чем на 30 тысяч рублей, а теперь она получила счет еще на 12 тысяч со сроком уплаты 15 дней[656]. В конце концов, Сенат принял решение в пользу Дашковой. Теперь княгиня смогла выправить финансовое положение дочери, и это только ухудшило их отношения, поскольку Анастасия не без оснований считала, что мать стала владелицей ее собственности и забрала у нее почти все, чем она владела.

Накануне отъезда из Петербурга Дашкова отправилась в Таврический дворец, чтобы попрощаться с Екатериной. Однако Екатерина приняла ее холодно и формально, никаких сцен теплого расставания не было. Наконец Дашкова покинула Петербург навсегда; в будущем она будет возвращаться сюда только на короткое время. Ее путь домой был кружным и

распланированным, поскольку она проинспектировала свое имение Круглое, остановилась в Троицком только на неделю, провела несколько дней в Москве, утепляя свой дом перед наступлением холодов, и посетила брата в Андреевском, где начала несколько проектов по благоустройству территории. У Дашковой была квартира в усадьбе брата, княгиня часто приезжала к нему и наслаждалась работой в саду, тщательно устраивая деревья и траву, кусты и мхи. Лафермьер очень высоко ценил качество и красоту ее ландшафтного искусства. 1 октября 1794 года он писал: «На прошедшей неделе нас посетила княгиня Дашкова, которая ничего не утратила — не своей активности, ни своей энергии, ни своей живости… Пять или шесть дней, проведенных вместе с нами, она употребила на то, чтобы направить или исправить работы, производимые на присоединяемой к саду возле дома земле. Нужно согласиться, что она знает толк в этом лучше, чем наш управитель, на которого возложена эта работа. Она начала с четырьмя-пятью рабочими, а закончила, заставив работать всех. Она сама — главная в работе и не терпит, чтобы кто-нибудь был праздным зрителем»[657].

Дашкова отмечает в «Записках», что она была садовником и архитектором по склонности, фермером по необходимости и что в ее имении не было конца работе. Посадка деревьев стала страстью, а создание усадьбы — способом бегства от шума и суеты столицы. Троицкое было ее собственной частью России, и эту часть она могла преображать в упорядоченный, разумно спланированный персональный рай — лесной Эдем в сельской России. В то время усадьба состояла из главного дома и нескольких зданий, составлявших единый архитектурный ансамбль с Троицкой церковью в центре. Дашкова усердно трудилась над ее реконструкцией, которая началась в 1767 году. Построенная в стиле московского барокко с более поздними классическими элементами, церковь была сложена из местного кирпича, изготовленного недалеко от усадьбы, и покрыта тонким слоем красной штукатурки с белой отделкой. Согласно некоторым источникам, она была творением известного архитектора К. И. Бланка, который работал для дяди Дашковой Ивана Воронцова.

Дашкова провела 1794–1796 годы главным образом в Троицком, часто переписываясь с братом, который после 1793 года постоянно жил в Андреевском. Она просила его снабжать ее необходимыми лекарствами, они посылали друг другу ананасы, фрукты и овощи, кусты и семена для посадки. Каждый год он отмечал ее именины на день святой великомученицы Екатерины Александрийской. В 1795 году Дашкова и Александр обменялись

визитами; брат короткое время провел в Троицком и был поражен обновлениями и работами, проведенными в саду и с различными постройками в усадьбе. Во время ее следующего визита в Андреевское он предоставил ей полную свободу в планировании сада с размещением растений и аллей. Она продолжала работать в его саду в течение нескольких лет. В письме 1800 года она описывала завершение работ в саду Александра и оставляла подробные рекомендации и инструкции по его правильному содержанию. Двухстраничный документ, шутливо озаглавленный «Репорт от вашего Аглинскаго садовника Дашкавой», фактически является набором точных указаний касательно высаживания орнаментальных и плодовых деревьев, выращивания цветов и прокладки и поддержания дорожек[658]. Тщательно ухоженные, с налетом романтизма в идее и реализации, сады в Андреевском и Троицком были, по всем отзывам, замечательными.

В Троицком Дашкова сохраняла активность и занимала себя работой, поскольку старалась привыкнуть к более медленному темпу и дням, которые кажутся в деревне такими длинными. Во всех своих начинаниях Дашкова была методичной и точной, как часы. Она спала плохо и просыпалась рано, работала целый день лишь с одним часом отдыха после обеда. В дождливые дни она изобретала и набрасывала архитектурные проекты. Она целиком окунулась в управление хозяйством: строительство, планирование, восстановление, расширение земель и в заботу о пострадавших от засухи зерновых или о мельнице, поврежденной при разливе реки: «Каждое дерево, каждый куст сажались мной самой или на моих глазах там, где я указала. Любоваться делом своих рук так естественно, и я, не колеблясь, могла бы назвать Троицкое одним из самый красивых имений, какие мне пришлось видеть в России или за границей» (196/183–184).

Городская жизнь в Москве и удовольствия высшего общества потеряли для нее свою привлекательность; она описала посещение маскарада, который был «противен и моим принципам, и моим чувствам»[659]. Как только погода позволяла путешествовать, она отправлялась из Москвы в Серпухов, где часто ночевала в собственном доме, а оттуда уже ехала до тех пор, пока не пересекала речку Протву и не прибывала в Троицкое. Туда она въезжала по липовой аллее, оставляя церковь справа, а затем через ворота к главному дому, стоявшему на высоком берегу на изгибе реки. Дорожка вела к югу от дома, через березовую рощу к небольшому холму, где Дашкова воздвигла гранитный обелиск на четырех сферах в честь Екатерины и дворцовой революции 1762 года. Все же она не могла расстаться с надеждой, пусть призрачной, что Екатерина не сможет обойтись

без нее и поймет, что Дашкова стала жертвой ревности и обмана. Рядом с монументом было небольшое возвышение, которое она называла своим «Парнасом». Это был холм метров в двенадцать высотой в центре парка со спиральной тропой, ведшей к бельведеру на вершине. Там Дашкова любила сидеть, читать и смотреть на долину Протвы и Калужскую дорогу, проходившую недалеко от дома. Она ждала курьера, который привез бы ей приказ немедленно явиться в столицу. Из Петербурга между тем приходили лишь сплетни и письма о возможном приглашении княгине сопровождать внучку Екатерины Александру в Швецию на свадьбу с королем Густавом IV. Но свадьба Александры не состоялась, а курьер так и не приехал.

Потрясенная, она внимательно следила за событиями во Франции от кровавого террора к Директории и появлению Наполеона Бонапарта. Она когда-то надеялась, что Просвещение принесет либеральные реформы, а не революцию. Дашкова не отказалась от идеалов Просвещения, которым следовала с юности, но эксцессы французской революции шокировали ее не только потому, что угрожали экономическим основаниям ее жизни и ее социальному положению, но и потому, что она отрицательно относилась ко всем формам насилия. В конце двухлетнего отпуска Дашкова написала императрице 27 августа 1796 года, попросив продлить его еще на год, ссылаясь на плохое здоровье как на причину[660]. Письмо было получено 4 сентября 1796 года, а через неделю Екатерина ответила, разрешив запрошенное продление с сохранением полного содержания[661]. Но через несколько месяцев «ужасный удар постиг Россию» и «чуть не свел» Дашкову «в могилу» (197/184).

Шок от смерти Екатерины 6 ноября 1796 года был настолько силен, что вызвал у княгини нервическую реакцию и бессонницу, и она решила немедленно ехать в Москву. Там она обратилась за советом к докторам, которым не доверяла, и ей приставили пиявки, чтобы «восстановить более спокойное и правильное кровообращение» (199/185). Для Дашковой восхождение на трон Павла означало наступление времени, когда «общество оказалось во власти ужаса и тревоги, ставших постоянными чувствами каждого. Не было семьи, где не оплакивали бы какой-нибудь жертвы. Муж, отец, дядя видели в жене, сыне, в наследнике доносчика, из-за которого они могли погибнуть в казематах крепости или в глубине Сибири» (197/184). Павел слишком долго ждал своего прихода к власти; теперь, в возрасте сорока двух лет, он мстил своим врагам, тем, кто были союзниками его матери.

За исключением Дашковой, Павел благоволил ко всему семейству Воронцовых — ведь они поддерживали его отца.

Император смотрел на Семена, который с 1785 года жил в Англии, с большим расположением из-за действий его в 1762-м. Он предложил Семену пост вице-канцлера, но тот предложение отклонил. Тем не менее в 1799 году Павел, который был гроссмейстером Мальтийского ордена, наградил Семена Большим крестом. В том же году, после смерти А. А. Безбородко, Павел предложил Семену пост российского канцлера — самый высокий государственный пост в стране. Семен применил все свои дипломатические навыки и вновь отклонил приглашение вернуться на службу в Россию. На сей раз император разгневался и 22 мая 1800 года освободил Семена от всех его служебных обязанностей. Затем царь приказал конфисковать его собственность в России, но все действия против Семена прекратились с концом царствования Павла.

Преследование Дашковой началось почти сразу с получением ею указа Сената от 12 ноября 1796 года, которым император отстранил ее от «управления порученных ей мест» и утвердил назначение Павла Бакунина, которому было тогда двадцать лет, директором Академии наук[662]. Так закончилось правление Дашковой; во время службы она была одним из самых преданных и энергичных поборников и организаторов российской науки, литературы и образования. Академик Я. К. Грот заключил, что «несмотря на некоторую шероховатость своего характера, на излишнее честолюбие и тщеславие, она прошла свой блестящий путь честно, выполняя необычайную для женщины задачу добросовестно и успешно, и приобрела неоспоримое право на видное место в ряду деятелей, оказавших истинные услуги русскому образованию»[663]. Менее чем через два года академики восстали против своевольного правления Бакунина; он ушел, а пост директора упразднили. В том же году Г. Л. Николаи стал президентом Академии наук, однако отказался принять президентство в Российской академии, поскольку не очень хорошо говорил по-русски. В течение некоторого времени Российская академия оставалась без руководителя.

Дашкова приехала в Москву утром 4 декабря 1796 года, и Александр, которого беспокоили ее здоровье и благополучие во время царствования Павла, вскоре присоединился к ней. Павел готовился к поездке в Москву для коронации и решил выслать Дашкову из города и заточить ее в Троицком. 1 декабря, менее чем через месяц после смерти Екатерины, Павел написал Михаилу Измайлову, главнокомандующему Москвы, приказывая ему напомнить Дашковой о перевороте 1762 года и отправить ее в ссылку. «Извольте смотреть, чтобы ехала немедленно», — потребовал Павел[664]. Дашкова только расположилась в своем

московском доме, когда Измайлов вызвал ее и сообщил, что по приказу его величества императора она должна безотлагательно вернуться в Троицкое, чтобы она там «на-памятовала бы происшествия, случившегося в 1762 году», другими словами, вспомнила о своих действиях, которые лишили трона и привели к убийству его отца[665]. Согласно анекдотическому рассказу А. Т. Болотова, Измайлов приказал Дашковой отправиться в двадцать четыре часа, а она ответила, что будет готова уехать через двадцать четыре минуты, и покинула Москву прямо в его присутствии[666]. На самом деле, 4 декабря 1796 года Измайлов написал Павлу, что передал Дашковой императорский приказ немедленно покинуть Москву. Дашкова ответила, что уедет через три дня, а затем Измайлов удостоверил ее отъезд из Москвы 6 декабря, примерно после часа ночи[667].

Александр старался успокоить встревоженную сестру, уверяя ее, что чувство долга перед памятью отца продиктовало Павлу его решение и что после коронации он смягчится. Предположение оказалось верным относительно большинства заговорщиков 1762 года, возведших Екатерину на трон и все еще живых, но оно не оправдалось, когда дело дошло до Дашковой. Даже Алексей Орлов, непосредственный участник событий, повлекших смерть Петра III, не испытал всей тяжести императорского гнева. Павел заставил его поклясться в верности, присутствовать на церемонии перезахоронения Петра III, а затем мягко выслал за границу. Дашкова, однако, прекрасно помнила враждебность к ней Павла, которую тот продемонстрировал после возвращения из Италии. Она знала, что его отношение к ней не изменилось и что ощущение предательства, совершенного ею после римской встречи 1782 года, питает его ярость. Наказание, которое Павел приготовил Дашковой, было наиболее суровым, поскольку он не мог простить ей измены его делу и принятия предложенного Екатериной места во власти — во главе двух академий. Она писала брату: «Однажды начав избивать свою жертву, тиран повторяет удары до ее полного уничтожения. Я жду новых преследований и смиряюсь перед ними с покорностью создания перед своим создателем» (200/186).

Следующий удар пришел совсем скоро, когда через несколько дней служанка разбудила княгиню в три часа ночи. Дальний родственник Василий Лаптев прибыл в Троицкое с письмом, приказывавшим ей немедленно отправляться в северные земли Новгородской губернии. До следующего распоряжения ей следовало проживать там в ссылке в принадлежавшей ее сыну деревне Коротово недалеко от Череповца. Весть о предстоящей ссылке перевернула весь дом, а Дашкова, со своей стороны,

почувствовала гнев и возмущение действиями Павла, которые считала безумными. Она описывала такое обращение с собой как характерное для Павла с его политикой — разрушать все, что создала его мать: «Павел с первых дней восшествия на престол открыто проявил ненависть и презрение к своей матери. Он спешил отменить или, точнее, разрушить все, что было ею сделано» (201/187). Согласно рассказу Дашковой, женщины в доме встретили атаку Павла на их тихий и почти гармоничный мир дружно, решительно и с достоинством. Даже Василий Лаптев, принесший дурные вести, был так переполнен эмоциями, что поклялся никогда не покидать Дашкову.

Анастасия, которая к тому времени уже вернулась домой, была вне себя, но покорно согласилась поехать и поддержать мать. Мисс Бэйтс, английская подруга Дашковой, жившая у нее, также твердо решила следовать за княгиней в холодные, морозные пределы российского Севера. Другая родственница, Елизавета Долгорукая, внучка тетки Дашковой Прасковьи Воронцовой, приехала в Троицкое на помощь. Она планировала почти все приготовления к отъезду и старалась предвидеть все, что могло потребоваться для выживания в ссылке. Ее забота и внимание глубоко тронули Дашкову; она будет вспоминать о ней с любовью, но увидит еще только однажды. Елизавета умерла через два года в возрасте 25 лет — «преждевременная смерть унесла ее», написала Дашкова, и «до конца дней я оплакивала потерю верного и умного друга» (204/190). Там были и другие молодые женщины, опекавшиеся Дашковой, которых она отослала домой к родителям — племянница Дашковой Екатерина Кочетова и Анна Исленьева, внучка двоюродной сестры княгини Дарьи Воронцовой. Последняя прожила с Дашковой около десяти лет и занималась ее деловой перепиской. После возвращения из ссылки Дашкова особенно приблизила Исленьеву, получившую от нее 17 тысяч рублей и унаследовавшую еще четыре тысячи[668]. В дальнейшем сестры Вильмот и Исленьева помогут Дашковой преодолеть еще предстоявшие ей трудные годы. Исленьева выйдет замуж за историка Алексея Малиновского и будет посаженой матерью Натальи Гончаровой при венчании А. С. Пушкина.

Дашкова написала сыну 25 декабря 1796 года, умоляя оставаться на службе Павлу, невзирая на то, как царь с ней обращается. Она также проинструктировала Александра, как управлять ее делами в ее отсутствие. Завершив все необходимые приготовления, ослабевшая и нездоровая княгиня была готова покинуть дом. Ей было пятьдесят три года, она была уже немолода и имела несколько серьезных болезней: она сильно

страдала от геморроя и воспаления правого седалищного нерва, у нее отекали ноги. Она лежала на кровати или диване и не могла встать, чтобы идти самостоятельно. На следующий день, 26 декабря, крестьяне отнесли ее в церковь для участия по русскому обычаю в прощальной службе перед дальней дорогой, а оттуда — прямо к ожидавшему ее экипажу. Власти ошибочно считали, что Дашкова путешествовала только в каретах и что требование ехать в маленькой и жесткой кибитке будет для нее дополнительным наказанием. Дашкова гордо заявила, что ей не впервой путешествовать в кибитке, хотя каждый поворот, каждая выбоина на дороге, вероятно, были для нее мучением. Ни лекарства, ни мази не смогли улучшить ее состояния, а долгое путешествие в повозке только ухудшило его. Хотя она ехала зимой, на санных полозьях, боль была невыносимой, а путешествие — пыткой. По дороге к месту ссылки она остановилась пообедать у Гончаровых. Она была тогда, согласно одному из очевидцев, «старухой довольно неприятной наружности, в долгополом суконном сюртуке с большим орденом св. Екатерины на груди и с громадным колпаком на голове»[669].

Они ехали медленно и с трудом глубокой зимой на север России. Дороги были плохи, а постоялые дворы — грязны и полны тараканов. Вскоре у Дашковой разболелся желудок, начались колики и диарея, а у мисс Бэйтс поднялся сильный жар. Через некоторое время Дашкова пришла в себя, несмотря на диету, состоявшую в основном из капустного супа, замороженного большими кусками, которые разогревали по дороге. Гораздо больше беспокоили неясные слухи о том, что ее везут не в Коротово, а собираются оставить «в удаленном и уединенном монастыре» (205/190), а также некий «неизвестный человек» (205/191), который всех выспрашивал и записывал все, что видит и слышит о передвижениях и разговорах Дашковой. Агент тайной полиции держал Дашкову под строгим наблюдением и докладывал все Ивану Архарову, безжалостному военному губернатору Москвы и младшему брату, возможно, самого знаменитого сыщика России Николая Архарова[670]. Дашкова писала, что Ивана Архарова «император облек обязанностями и властью инквизитора, что вовсе не претило его грубой душе, лишенной человечности» (206/192). Каждый вечер Дашкова проверяла погреба и другие укромные места в крестьянских избах, где она останавливалась, — «не спрятался ли там лазутчик Архарова» (207/193), чтобы подслушать ее разговоры.

По мере продвижения экспедиции к Твери путешествие становилось все более трудным и опасным. Отвратительная

погода замедлила их продвижение. Застигнутые метелью, которая замела всякие признаки дороги, они часами беспомощно блуждали в снегу в поисках хоть какого-нибудь жилья, где можно было бы укрыться. Глубокий бело-серый снег лежал до самого горизонта, сугробы громоздились все выше и выше. Вокруг виднелись только отдельные силуэты голых деревьев. В отчаянии они остановились и стали ждать, когда утихнет ветер, а вскоре заметили вдали огонек. Лошади с трудом «тащились шагом», и потерявшиеся и испуганные люди, близкие к «ужасной медленной смерти» (206/191), достигли, наконец, маленькой деревеньки в пять изб. Они продвинулись не более чем на пять верст за последние двадцать часов, едва не погибли в снегу и оказались теперь далеко от намеченного пути.

Наконец они, совершенно измотанные этими блужданиями, прибыли в Тверь, где были приятно удивлены теплым приемом, оказанным тверским губернатором Александром Поликарповым. Он приготовил прекрасное жилье и продукты для Дашковой и ее свиты вдоль всего их пути до Коротова. Он также рекомендовал княгине написать Николаю Репнину о ее состоянии и вообще пренебрег тем, что мог пострадать от руки «мстительного монарха». И в самом деле, Павел лишил Поликарпова должности «за сочувственное отношение к изгнаннице» (206/191), но вскоре опять назначил его.

На следующее утро после легкого завтрака путешественники отправились в дальнейший путь, но продвигались медленно и неуверенно, меньше чем по 40 верст в день, поскольку станционные смотрители получили приказ не менять их усталых лошадей на свежих. В городах на пути, таких как Красный Холм, их встречали ласково и часто снабжали провиантом, а в Весьегонске Анастасия и мисс Бэйтс посетили ярмарку, которая считалась одной из лучших в России. Дашкова не пошла с ними; она была слишком озабочена судьбой сына и его возможным преследованием из-за ее опалы. Мысли о его аресте и образы того, как Павла увозят в Сибирь, мучили ее. Она много раз писала брату и другим, спрашивая, нет ли новостей о сыне. На самом деле, карьера Павла Дашкова не пострадала. Павел I был благосклонен к своему крестнику, и сын даже пытался вступаться за мать, но без всякого успеха.

Покинув Весьегонск, Дашкова со спутниками отправилась дальше на север через Даниловское близ Устюжны, а затем миновала родной дом поэта Константина Батюшкова, где тогда жил его отец Николай. После примерно двух недель пути поздней январской ночью они, наконец, прибыли в Коротово на четырех тройках вместе с кое-какое мебелью и книгами. Дашкова не

ожидала увидеть обширные болота и темные леса, окружавшие эту отдаленную деревню. Она никогда здесь не была, поскольку передала эту собственность сыну. Устроились в трех крестьянских избах — Дашкова заняла одну, Анастасия вторую, поодаль от матери, а третья стала служить местом общих трапез. В своей избе Дашкова перегородила жилое пространство большим зеленым занавесом, чтобы отделиться от слуг. Одним из первых ее деловых распоряжений было позвать сельского священника, чтобы прочитать благодарственную молитву и благословить новое жилье. Затем она отправилась в церковь в соседнее село Гришкино и причастилась у отца Григория. Условия жизни в деревне были суровыми, но народ отнесся к Дашковой с добротой и большим желанием помочь. Дважды в неделю ей приносили хлеб, яйца, пироги, клюкву и пряники с местного рынка, а также все необходимое для жизни. Местные помещики, наоборот, считали слишком опасным посещать сосланную княгиню и избегали ее.

Напряжение поездки было слишком тяжело, и в ссылке Дашкова страдала от головных болей и бессонницы. Она попала в обстановку, в которой никогда раньше не была, и ту сторону жизни России, о которой только слышала, увидела теперь во всей жестокой открытости. Когда замерзли болота, по льду рек и озер открылся путь, значительно сокращавший расстояние от Петербурга до Сибири, поэтому прямо под окнами Дашковой провозили многих политических заключенных и «несчастных изгнанников» (211/195). Однажды она встретила одного из этих несчастных, некоего Разварина, родственника матери Дашковой по своей первой жене. Вовлеченный в заговор против императора, он был схвачен полицией, и во время пыток перед высылкой из столицы ему вывернули все конечности. Его состояние и невозможность помочь причиняли Дашковой душевную боль: «Долго еще потом образ молодого человека с изуродованным телом и истерзанными, если можно так выразиться, нервами представлялся моему расстроенному воображению» (212/196).

Сначала Анастасия обедала с матерью, но затем Дашкова перестала ее приглашать[671]. Хотя дочь и последовала добровольно за матерью в ссылку и стойко переносила суровые здешние условия, мать и дочь вскоре поссорились. В результате Анастасия перестала приходить к ней и ела в своей избе. В письме брату Дашкова написала, что дочь по собственной воле к ней не ходит и что они не виделись тринадцать дней[672]. Дашкова жила в одиночестве, изоляции, депрессии и болезнях. Внезапное и полное уединение обошлось ей очень дорого, оставив чувства подавленности и горечи. Она заметила, что многие из прежних

друзей перестали писать, немногие родственники переписывались с ней, и еще меньше было сочувствовавших ее положению. О ее изгнании Семен писал брату 20 января 1797 года: «Я получил письмо от нашей сестры и был искренне огорчен тем, что с ней случилось, и что теперь, в ее преклонном возрасте, она наказана за то, во что безрассудство и страстность юности вовлекли ее более тридцати лет назад. Возможно, она должна была этого ожидать, но даже если и так, это не облегчает ее состояния»[673].

Дашкова чувствовала бы себя абсолютно одинокой и покинутой, если бы не решительные действия Авдотьи Воронцовой, вдовы двоюродного брата Дашковой, и ее дочери, которые приехали к ней на неделю и жили в соседней избе. Дашкова воспитывала сына Авдотьи и руководила его образованием с семи до шестнадцати лет, пока тот не поступил в армию[674]. В благодарность Авдотья предложила помощь и дружбу: она привезла книги и проводила долгие часы с Дашковой, рисуя наброски пейзажей, ввиду отсутствия бумаги, на маленьком деревянном столике, который потом очищала и использовала вновь.

По дороге в Коротово Дашкова последовала совету Поликарпова и обратилась к другому родственнику по мужу, Николаю Репнину, за советом и помощью. Она также попросила его доверить ответ ради безопасности только некоторым академикам, чья честность и искренность были безупречны. Она собиралась послать кого-нибудь из Коротова, чтобы забрать адресованные ей письма. Случилось так, что во время ее ссылки возник ряд крестьянских восстаний, в частности, на землях Апраксиных-Голицыных. Отправленный в Архангельскую и Новгородскую губернии для подавления этих мятежей, Репнин проезжал мимо места ссылки Дашковой. Однажды Дашкова сидела у окна и увидела, как прямо к ее двери идет священник. Когда она вышла его встретить, он быстро и украдкой сунул ей в руку письмо и исчез. Оно было от Николая Репнина, который не подписал письмо и просил сжечь его после прочтения. Он советовал Дашковой написать отличавшейся добрым нравом и состраданием императрице Марии Федоровне, чтобы та ходатайствовала за нее. Дашкова не склонна была это делать, уверенная в том, что со встречи в Риме императрица к ней совсем не расположена. Даже если это и было так, Дашкова боялась, что скоро из Коротова пути не будет: снег и лед растают, а река вздуется, выйдет из берегов и затопит поля вокруг деревни. Они приехали глухой зимой на полозьях, но с приходом весны кибитки будут бесполезны, а лодок достать было негде.

Дашкова решила написать императрице, прося ее о помощи и

влиянии на мужа касательно ссылки княгини. Она приложила письмо императору, которое является важнейшим примером того, как Дашкова вносила значительные изменения в автобиографию. Дашкова послала письмо в январе 1797 года, через месяц после прибытия в Коротово, и оно достигло Петербурга 10 февраля. В нем Дашкова просила Павла смягчить наказание и позволить ей жить ближе к Москве по медицинским причинам. В «Записках» она написала, что письмо было скорее высокомерным, чем угодливым, и что она более заботилась не о себе, но о тех, кто ее сопровождал: «Начала я с того, что по моему физическому состоянию вряд ли имеет смысл писать это письмо, а его величеству давать труд читать его. Мне совершенно безразлично, когда и где предстоит умереть, но мои религиозные принципы и человеколюбие не позволяют равнодушно смотреть на страдания невинных людей, разделяющих со мной ссылку, ничем, как говорит мне совесть, не заслуженную. Далее я писала, что никогда при жизни императрицы, его матери, не была настроена злонамеренно по отношению к нему и, наконец, что прошу его дозволения вернуться в мое калужское имение, где мои спутницы и мои люди будут лучше устроены с жильем и смогут в случае болезни получить помощь» (213 /196).

Письмо, которое она на самом деле послала, не содержало ни слова заботы о друзьях и слугах и было мало похоже на это описание: «Милующее сердце вашего императорского величества, подданной, угнетенной летами, болезнями, а паче горестию быть под гневом вашим, простит, что сими строками прибегает к благотворительной душе монарха своего. Будь милосерд, государь, окажи единую просимую мною милость, дозволь спокойно окончить дни мои в Калужской моей деревне, где по крайней мере имею покров и ближе помощи врачей. Неужели мне одной оставаться несчастной, когда ваше величество всю империю ощастливить желаете и столь многим соделываете счастие. Удовлетворя моей просьбе, вы оживить изволите несчастную, которая по гроб будет государя человеколюбивого прославлять»[675].

Дашкова несколько раз переделывала письмо и послала черновик Александру, неискренне и заносчиво настаивая, что в нем нет ничего унизительного[676]. Этот черновик был короче, сдержаннее и не содержал таких наиболее риторических, подобострастных и льстивых пассажей, как «милующее сердце вашего императорского величества», «будь милосерд, государь», «неужели мне одной оставаться несчастной, когда ваше величество всю империю ощастливить желаете и столь многим соделываете счастие» и «государь человеколюбивый»[677]. Разница

между тем, что она чувствовала, и тем, что она писала, определяет состояние страха и ее *amour propre*[678]. Дашкова призналась брату, что во время царствования Павла ужас правил умами[679]. И все же она была неискренней, хотя в следующем письме, датированном 8 апреля 1797 года, она уверяла брата, что не примет участия в двуличных попытках пресмыкаться перед императором[680]. Понимая, что оставляет после себя противоречивые исторические свидетельства, 28 июня того же года Дашкова попросила брата вернуть ей его экземпляр письма, объяснив, что создает небольшой архив на память сыну[681].

Дашкова узнала, что, когда императрица Мария Федоровна получила письмо, она передала его мужу, который впал в безумную ярость, не пожелав даже вскрыть его. Он приказал послать агента в Коротово, чтобы тот отобрал у Дашковой все принадлежности для письма — перья, чернила, бумагу — и проследил, чтобы она больше не имела никаких контактов с внешним миром. Императрица рассказала об этом своей подруге Екатерине Нелидовой, которая вложила письмо Дашковой в руки маленького Николая, будущего императора Николая I, и повела его повидаться с отцом. Когда Павел взял письмо у сына, он смягчился и согласился написать краткую и резкую записку с позволением Дашковой вернуться в Троицкое. Дашкова получила указ Павла от 10 февраля 1797 года, через три дня после его подписания. Когда курьер прибыл с письмом, бледная и дрожащая мисс Бэйтс приветствовала его тем, что упала на колени и воскликнула: «Дорогая княгиня, и в Сибири также есть Бог!» (214/198). В течение десяти дней англичанка была в жару и бреду, но когда жар спал и она восстановила силы, Дашкова и все ее люди покинули Коротово. В марте на севере России все еще стояла зима, и они легко скользили по льду и снегу, однако постепенно при движении к югу песок, грязь и трава начали появляться под полозьями, затрудняя их путь домой. Наконец они достигли Протвы и вскоре смогли различить вдали церковь и колокольню Троицкого.

Сразу же после возвращения Дашкова отстояла благодарственную службу в церкви, до предела заполненной доброжелателями из соседних деревень и просто любопытными, желавшими посмотреть на хозяйку Троицкого, только что вернувшуюся из политической ссылки. Она была счастлива жить, наконец, в своем имении, но чувствовала себя одинокой и подавленной, несмотря на присутствие племянницы Екатерины Кочетовой и компаньонки мисс Бэйтс. Нужно было многое сделать, возобновить многие строительные проекты. В первую очередь, однако, она должна была восстановить порядок, и

управление хозяйством дало ей необходимое отвлечение от сердечной боли и депрессии. Она узнала, что в ее отсутствие управляющий имением Круглое не следовал ее приказам, пренебрегал своими обязанностями и позволил хозяйству разваливаться. Он сказал крестьянам, что их госпожа постриглась в монастырь, и продолжил введение новых, затратных методов хозяйствования. Теперь он потребовал свое жалованье, но Дашкова посчитала его негодяем и отказалась платить. Дашкова не любила передавать ответственность подчиненным и не доверяла своим управляющим. Ранее, еще перед отъездом из Коротова, она, указывая на управляющих, кричала собравшемуся народу: «Вы им не верьте, они за алтын продадут человека. Какое будет дело, прямо ко мне приходите»[682].

Шестого марта она написала Александру, приглашая навестить ее в Троицком в мае[683]. От брата, который был в Москве, она узнала о постое восьмидесяти солдат в ее доме на Никитской и еще сотни — в Щукине, одном из ее летних имений под Москвой, откуда она отправляла лес на продажу. Поскольку она отвечала за содержание и топливо и устала от борьбы с неудобствами и непрошеными гостями, то решила продать Щукино, которым владела тридцать лет и любила в основном за тамошний сад. Более того, она совсем не была уверена, что местные власти позволят ей опять жить в Москве, да и не рвалась туда: «Кроме того, я знала, что в городах, и прежде всего в Москве, заведена система шпионства, тем более опасного, что доносы служат верным средством сделать карьеру при склонных к подозрительности тиранах» (217/200).

После жизни, полной политической борьбы и служения государству, Дашкова теперь желала следовать известному высказыванию Вольтера и возделывать свой собственный сад, хотя этот сад и состоял из обширных земельных владений в России, обрабатываемых множеством крестьян. Она полностью отдалась работе, преисполняясь гордостью за процветание своих крестьян и улучшение имений. Она надзирала за работой и общим управлением хозяйством, проектами и людьми, проверяла доходы и расходы, успевая следить за текущими событиями, вопросами истории и литературы[684]. Дашкова полностью контролировала свои деревни, их хозяйства и повседневную жизнь работавших на нее людей. Среди ее других обязанностей были отношения с крестьянской общиной, установление оброка, организация доставки товаров и решение спорных вопросов, улаживание долгов, выплат и рекрутской повинности[685]. Герцен заключил, что «Дашкова делается отличной хозяйкой, строит домы, чертит планы и разбивает парки. В ее саду не было ни

одного дерева, ни одного куста, который бы она не посадила или которому бы она не отвела места. Она отстроила четыре дома и с гордостью говорит, что мужики ее одни из богатейших в околотке»[686].

Дети продолжали быть для нее источником немалых огорчений, и Огарков заметил, что «исповедуя самые передовые идеи о воспитании, она должна была горько разочароваться от результатов применения своих принципов к собственным детям»[687]. Женитьба сына продолжала вызывать конфликты. В двух письмах к матери Павел сетовал, что она не хочет иметь ничего общего с его женой, которую не знала. Ведь он выбрал эту женщину, достойную любви и уважения его матери[688]. Тем не менее Павел, который жил в Петербурге в 1798 году в достаточном фаворе у императора и мог повлиять на него, был чрезвычайно обеспокоен ссылкой матери и старался, как во время ее путешествия в Коротово, использовать свое влияние при дворе и на Павла I, чтобы освободить ее от заключения в усадьбе. Он отправлял прошения великому князю Александру, а также президенту Академии наук Г. Л. Николаи, а через них — императрице Марии Федоровне. Наконец он смог обеспечить матери свободу, и 13 апреля 1798 года Павел I дал Дашковой разрешение жить в Москве и даже посещать столицу, но только в отсутствии двора[689]. Дашкова узнала, что, когда сын услышал о ее освобождении, он был до такой степени обрадован, что обнял Павла I и, забывшись, поднял тщедушного императора высоко в воздух.

Какое-то время единственной радостью Дашковой была успешная карьера сына — присвоение ему звания генерал-лейтенанта 14 марта 1798 года и назначение военным губернатором Киева. В письме к матери от 28 апреля сын писал, что он на пути к месту своего нового назначения и что он очень огорчен медлительностью Павла I, с которой тот разрешал Дашковой посещать Москву. Но в конце письма проявилась действительная причина его написания — сыну нужны были деньги[690].

К сожалению, Павел не унаследовал черты характера матери. Как и отец, он был общительным, хорошим танцором и редко пропускал балы. Ф. Ф. Вигель, вице-губернатор Бессарабии, писал, что Павел был красивым, добрым, легкомысленным и прекрасно сложенным мужчиной, страстно любившим танцевать, а Марта Вильмот в письмах домой часто обращала внимание на его живую и общительную натуру[691]. Петр Завадовский высоко ценил способности Дашкова, упоминая его образование и внутреннюю склонность к военной службе[692]. Однако в основном

свидетельства современников о нем неблагоприятны: Джереми Бентам находил его несерьезным и слишком тщеславным, а дядя Семен писал 29 октября 1801 года, что Павел Дашков, «несмотря на многие его хорошие качества, самодоволен до степени утомительной»[693]. Л. Н. Энгельгардт был особенно критичен, указывая на пренебрежение службой и недостаточную серьезность Дашкова. Он был слишком беззаботным командиром, его обвиняли в фаворитизме по отношению к некоторым офицерам, финансовой неаккуратности и нечестности в делах с подчиненными. Он жил расточительно, делая огромные карточные долги, и под его командованием «солдаты во многом претерпевали нужды, для продовольствия провианта и фуража [он] принимал деньгами и задерживал их; то же случилось и с жалованьем; хотя через некоторое время оно и отдавалось»[694]. Солдаты поэтому были вынуждены воровать и заниматься мародерством, чем его полк заслужил плохую репутацию. Его семейная жизнь была не лучше. Павел сожалел, что родился под несчастливой звездой. Он думал, что уже никогда не будет счастлив, а его семейная жизнь была разрушена — он жил с любовницей, с которой у него было несколько детей, в то время как его жена проживала отдельно в маленьком доме в деревне.

Типичным для Павла I и трагичным для других было то, что его покровительство не было ни надежным, ни длительным, и Павел Дашков недолго исполнял свои обязанности в Киеве. Неожиданно он получил короткую записку, в которой император смещал его с поста, поскольку подозревал в участии в деле Альтеста. Андрей Альтести был греческим авантюристом, который приехал в Петербург и стал секретарем Платона Зубова, а затем Екатерины II. Он приобрел большое богатство и влияние, но Павел I обвинил его в коррупции и нецелевом расходовании средств и арестовал. Дашкова считала, что единственное преступление сына состояло в том, что он заявил о невиновности Альтести, но, независимо от степени участия в деле, Павел попал в немилость, а карьера его закончилась. 24 октября 1798 года он вышел в отставку и уехал в свое тамбовское имение. Следовательно, непомерные усилия Дашковой и ее искренняя преданность делу воспитания сына для блестящей военной карьеры и жизни на службе государству кончились ничем. После столь значительных стараний по его воспитанию и образованию она теперь увидела, что потерпела полный крах.

Павел никогда не выказывал той решимости и дисциплины, которые характеризовали карьеру матери. Фактически его долговые обязательства были столь велики, что в июле 1799 года Дашкова послала сыну девять тысяч рублей, а в октябре — еще 24

тысячи, чтобы покрыть долги[695]. Во время царствования Александра I он вернулся в Москву, открыто жил там со своей любовницей и некоторое время был предводителем московского дворянства.

Проблемы с детьми, а также внезапная смерть Елизаветы Долгорукой, молодой женщины, которая бескорыстно помогала Дашковой до отъезда в ссылку, привели к возобновлению приступов депрессии. Дашкова высказала свои самые мрачные чувства, когда написала об отвращении к жизни и о том, что с удовлетворением лишь ждет смерти, которая освободит ее от моральных и физических страданий[696]. Дружба и поддержка Александра были единственным утешением Дашковой в это время. Она посетила его в имении, где провела подряд шесть недель, продолжая работать «английским садовником». Зимой 1800/01 года она съездила из Москвы в Андреевское, возможно, в последний раз. В ту зиму Александр не стал переселяться в Москву и Дашкова присоединилась к нему в усадьбе, чтобы вместе встретить Новый год. Обстановка была тихой и грустной, когда сестра и брат, вельможи ушедшего екатерининского времени, приветствовали новое столетие одни, вдали от шума и суеты политической жизни столицы. Все же они обсуждали текущие события, и у Дашковой появилось странное, оказавшееся точным предчувствие, что император Павел не доживет до конца наступающего года. Так завершился для них эпохальный XVIII век. Это был век революций во Франции и Америке, век Вольтера, Дидро, Бенджамина Франклина и Декларации независимости, а для Дашковой, прежде всего, — век Екатерины.

Позже в этом же месяце, когда Александр напомнил ей о новогоднем предсказании, Дашкова осталась убежденной в том, что Павел I не увидит 1802 года. Возможно также, что она уловила слухи о неизбежном свержении императора. В самом деле, группа заговорщиков убила Павла во время дворцового переворота в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, и сын Александр I сменил его на троне. Вследствие этого изгнание Дашковой прекратилось, и 19 марта, через неделю после убийства, она пишет новому императору полное энтузиазма и поддержки письмо, выражая в нем свою «любовь и приверженность»[697]. Она благодарила теперь царя Александра и его супругу Елизавету, которые, будучи еще великим князем и великой княгиней, послали ей в ссылку свои портреты в знак сочувствия. Дашковой нравился император, которого она знала с детства, но его супругой она восхищалась даже больше: «Ум, образованность, скромность, изящество, приветливость и такт в сочетании с редкой для ее возраста осмотрительностью — все в ней

привлекало» (222/204). Император Александр убедил брата Дашковой вернуться в Петербург и вновь принять активное участие в государственных делах, а Дашкова последовала за братом в столицу. Племянник Дмитрий Татищев принес ей приглашение, и она прожила в его доме на Английской набережной май и июнь 1801 года. Она проделывала это путешествие между Москвой и Петербургом множество раз. Оно длилось около недели, поскольку в ее годы поездки были трудны, и она продвигалась медленно, короткими перегонами, даже по ночам, когда она пыталась спать в импровизированной постели в экипаже.

Петербург и особенно двор изменились за время ее семилетнего отсутствия. Она больше не чувствовала себя здесь как дома и в конце июля с чувством облегчения вернулась в Москву, чтобы присутствовать на коронации. Для подготовки Дашкова заняла 44 тысячи рублей в банке, чтобы купить необходимые платья и экипажи и покрыть дополнительные расходы. Согласно некоторым источникам, император возместил ей б***о***льшую часть расходов, но она отложила 19 500 рублей, чтобы оплатить — в который раз — вексель Павла[698]. Из уважения к ее возрасту и поскольку она теперь считалась одной из первых дам двора, во время торжественного въезда их величеств в Москву ее экипаж следовал сразу за экипажами царской семьи. Хотя было большой честью для Дашковой выступать такой важной персоной на коронации, но душу ее это больше не трогало, она даже не захотела рассказать о церемонии в «Записках»: «Так как я не люблю ни церемоний, ни этикета, ни парадных обедов, то больше об этом говорить не буду» (223/205).

В это время либерально мыслящий Семен, идеи которого во многом были близки молодому императору, готовился посетить Россию. В правление Павла он жил как частное лицо в Англии и теперь, летом 1802 года, хотел приехать в Петербург. Новый император вернул Семена на должность и восстановил всю его конфискованную Павлом собственность. Несмотря на неприязнь, существовавшую между Дашковой и братом, годы смягчили их чувства, а их споры со временем утихли. В переписке с Семеном Дашкова посвящала его во все трудности ссылки и выражала опасение, что, возможно, никогда его больше не увидит. Она благодарила его за теплые письма и была очень рада встретить его сына Михаила, который вызвал «полный восторг»[699]. Дашкова хотела увидеться с младшим братом в последний раз и сожалела только о том, что он не привезет своих детей к ней в Москву и Троицкое. Поэтому в июле 1802 года она опять приехала в Петербург, чтобы встретиться с Семеном, который остановился с

дочерью Екатериной у Александра. Дашкова завещает своей племяннице Екатерине осыпанный бриллиантами портрет Екатерины II, врученный ей как фрейлине. 8 сентября 1802 года молодой император Александр назначил убеленного сединами Александра Воронцова российским канцлером, а осенью того же года — первым российским министром иностранных дел. Но Александр шел не в ногу с новым поколением в Петербурге. Император окружил себя молодыми людьми с новыми идеями, и Александр недолго оставался на своем посту; он был канцлером только два года. В феврале 1804 года он покинул Петербург и уехал в Москву, а затем в Андреевское.

Двор императора Александра был нарочито простым, без помпы и расточительности двора его бабушки, и Дашкова обижалась, когда слышала, как критикуют Екатерину II и хвалят Петра I. Хотя Дашкова считала, что Екатерина унизила ее, она никогда открыто не осуждала императрицу: «Правда, я прошла молчанием или только слегка коснулась тех душевных потрясений, которые были следствием неблагодарности людей, обманувших мою безграничную доверенность им»[700]. Дашкова знала, что руководящее положение, которого она достигла в обществе, зависело от покровительства другой женщины. Она чувствовала себя не на месте при александровском дворе, где, согласно Дашковой, в основном «единодушно поносили царствование Екатерины II и внушали молодому монарху, что женщина никогда не сумеет управлять империей» (224/206).

Вдобавок она была поражена милитаристским духом столицы. Дашкова видела «парадную» армию прусского типа, против которой она возражала в правления Петра III и Павла I и которую Александр продолжал развивать. Восприятие Дашковой военной формы было двояким и часто скроенным в соответствии с историческим моментом. С одной стороны, она была инструментом подавления и регламентации, а с другой — воплощала возможности освобождения и преобразований, как, например, форма, которую она надела во время переворота. Теперь в Петербурге преобладали сержанты для муштры, и у нее было чувство, что Россия готовится к войне. Она не подозревала, что примерно через десять лет армия Наполеона будет стоять у ворот Москвы.

Осенью Дашкова покинула Петербург навсегда и вернулась в Троицкое. Английский путешественник Реджинальд Гербер описал ее во время царствования Александра I. Она все еще носила то же пальто и звезду, что и в Коротове, выражая тем самым сохранившееся ощущение внутренней ссылки: «Она, конечно, потеряла свою былую красоту, но все еще сохраняла

свои причуды; ее обычная одежда — это мужское длинное пальто и ночной колпак, а также звезда»[701]. Дашкова, однако, не собиралась сидеть и ждать конца своих дней. Последнее десятилетие ее жизни было также и наиболее продуктивным; она заново прошла всю свою жизнь в автобиографии — главном достижении ее литературной карьеры. За некоторое время до этого члены Российской академии пригласили ее вновь возглавить академию, а непременный секретарь, выдающийся академик И. И. Лепехин, написал приглашение. В ответном письме, полученном в академии 25 мая 1801 года, Дашкова отклонила предложение, ссылаясь на слабое здоровье, и почти сразу этот пост занял А. А. Нартов[702]. Дашкова, однако, решила укрепить свой собственный, индивидуальный голос, вернувшись на общественную арену посредством «Записок» — ее истории *(Mon histoire[703])*.

Глава третья
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В последнее десятилетие своей жизни, которое соответствовало первому десятилетию нового века, Дашкова жила летом в своем поместье, а весной и осенью и зимой — в Москве. Визит сестер Марты и Кэтрин Вильмот на некоторое время омолодил Дашкову, отвлек ее от одиночества и чувства приближающегося конца. Они были англо-ирландскими кузинами Кэтрин Гамильтон и старшими дочерьми Эдварда Вильмота из ирландского Корка, с которым Дашкова встречалась в Англии в 1776 году и еще раз в 1780-м. Когда их брат умер, Кэтрин Гамильтон уговорила их посетить ее дорогую старую подругу Дашкову в России. В июне 1803 года, несмотря на войну между Францией и Британией, Марта покинула Англию и отправилась в Россию, где прожила пять лет. В Петербурге она остановилась на некоторое время в доме племянницы Дашковой Анны Полянской и немедленно услышала множество сплетен и пренебрежительных комментариев о княгине. Анна уверила ее, что Дашкова — жестокая, мстительная, неукротимая личность, погубившая многие жизни и живущая в жалкой пустынной местности вдалеке от общества образованных людей[704]. Неблагодарная племянница ругала свою тетку, хотя не так давно Дашкова, не обращая внимания на семейные ссоры, устроила Анну при дворе, а затем завещала ей три тысячи рублей.

Другие рассказывали Марте о чудаковатой старухе, которая ведет затворническую жизнь, скаредна и имеет отвратительный характер. Пережиток прошлого века, она встречается только с

такими же «обломками» екатерининского царствования, чтобы сыграть в карты, хотя и ненавидит проигрывать. Услышанные Мартой истории совсем не совпадали с тем, что рассказывала Кэтрин Гамильтон о храброй молодой женщине, которая благородно, со шпагой в руке, участвовала в революции 1762 года. Вильмот была так напугана, что попросила помощи у британского посланника Дж. Уоррена, обещавшего ей свою защиту.

Наконец она прибыла в Троицкое, которое, к ее облегчению, совсем не было пустыней. Большой заметный кирпичный дом, покрытый белой штукатуркой, стоял на берегу реки Протвы. Прекрасные сады вели к полосе темного леса, тянувшейся за горизонт. Подъезжая к дому мимо церкви с высокой отдельно стоящей колокольней, она могла видеть и другие строения: театр, школу верховой езды, лазарет, конюшни, дом управляющего, гостевой дом и службы. В особом загоне пасся огромный английский бык. Несмотря на суровую русскую погоду, в теплице росли теплолюбивые растения и тропические фрукты — персики, апельсины и ананасы. Марту приветствовала энергичная пожилая женщина с живым умным лицом. Дашкова была одета в свое обычное старое темно-коричневое длинное мужское пальто, украшенное ради торжественного случая серебряной звездой, в ночной колпак, а вокруг шеи был намотан шелковый платок, когда-то подаренный ей Кэтрин Гамильтон.

Марта почувствовала себя более уверенно, когда Дашкова ласково и тепло ее приветствовала, хотя общение было затруднено. Марта не знала русского, а ее французский был очень плох, тогда как Дашкова говорила на ломаном английском «с необычными выражениями», а в трудных случаях свободно использовала слова, заимствованные из французского, немецкого, итальянского и, как из последнего резерва, даже русского[705]. Марта стала любовью последних лет Дашковой и заполнила пустоту, созданную отсутствием детей. Герцен писал: «После Екатерины она со всем пылом голодного сердца привязалась к Гамильтон. И под старость дружба, материнская, бесконечно нежная, согрела ее жизнь; я говорю о мисс Вильмот, издательнице ее записок»[706].

Дашкова окружила себя портретами Марты, которые были на табакерке, в спальне и один в натуральную величину в гостиной в Москве. Две женщины стали очень близки; их отношения были одним из немногих светлых моментов в конце жизни Дашковой. Когда Дашкова стала беспокоиться о своем ухудшавшемся здоровье, она обратилась к императрице Марии Федоровне с просьбой в случае ее смерти взять Марту Вильмот под свое

крыло[707]. Через несколько лет Дашкова высказала ту же просьбу императрице Елизавете, которая ответила: «Во всяком случае, мисс Вильмот может быть уверена, что я все, что могу, готова сделать для нее, согласно с вашим желанием»[708]. Дашкова также отложила пять тысяч рублей в фонд дома сирот, откуда Марта Вильмот могла брать деньги в случае необходимости. Наконец, она перевела некоторую сумму Марте прямо в Англию. Со своей стороны, Марта назовет свою первую дочь Кэтрин Энн Дашков в честь женщины, которую считала своей «русской матерью». Сестра Марты Кэтрин Вильмот присоединилась к ним в сентябре 1805 года и оставалась до июля 1807-го. Так в последние годы жизни Дашкова полагалась на дружбу других женщин, в частности, двух сестер Вильмот и Анны Исленьевой.

Когда приехала Кэтрин Вильмот, Дашкова устраивала для молодых женщин всевозможные развлечения и поездки. Живя в Москве, они посещали бесконечные концерты, музыкальные вечера и спектакли в частных дворянских театрах или в Большом театре. В своем дневнике Марта Вильмот часто отмечает посещения легкомысленных французских комических опер, которые ей нравились. Они катались на санях, участвовали в сельских праздниках, слушали русские народные и цыганские песни и приобщались к духовному в путешествиях в Троице-Сергиев монастырь и в Ростов Великий. Зимой, укутанные в меха и собольи муфты, они быстро скользили на полозьях. В иных случаях вспаханные дороги с глубокими колеями были сущим мучением, и несчастные лошади тратили как минимум полчаса, чтобы вытащить экипаж из очередной бездонной ямы, пока женщин бросало во все стороны вместе с их подушками, бюварами и собачками. Они приезжали в синяках, измотанные и не в духе.

Сестер Вильмот интересовала культурная и музыкальная жизнь России, поэтому их дневники и письма являются богатейшим источником сведений о русской народной музыке, обычаях и одежде, а также о повседневной жизни в русской усадьбе, деревне и городе. В письмах домой они писали о театре в Троицком, где во время их пребывания крепостные актеры исполняли пьесы каждую неделю, и об оркестре, составленном из крестьянских музыкантов, которых Дашкова посылала в усадебные оркестры других помещиков для обучения. Марта брала уроки игры на гитаре и гуслях. В ее дневнике есть описания песен и танцев, свидетельницей которых она была главным образом в Троицком и Круглом. Она записывала и переводила тексты оригинальных народных песен — результат поездок и экспедиций в деревни Калужской и Могилевской губерний,

добавляла к ним сведения о их содержании, месте в сельских традициях и ритуалах, а также определения таких слов, как «балалайка», «лапти» и «гудец»[709]. Дашкова руководила ими, поскольку сестры не владели в достаточной степени русским языком, и в результате их работа представляет собой интересный ранний пример транскрипции и сохранения русских народных традиций.

Дашкова также проявляла интерес к местным народным обычаям своей страны — в духе все возрастающей тенденции в России с середины XVIII века, когда они стали объектом внимания. Из пятнадцати песен, собранных Мартой, девять принадлежали к народной традиции. Музыкальный альбом Дашковой «Recueil des airs composés par son altesse Madame la Princesse de Daschkow née Comtesse de Worontzow»[710], который она составила во время пребывания сестер Вильмот, напротив, главным образом отражал музыкальные вкусы ее юности. Ее репертуар состоял из аранжировок русских, украинских и польских народных песен, а также примерно из тридцати сочинений, обработанных для сопровождения клавесина. Они включали романсы, арии на итальянские, русские, французские и английские тексты, ее английский духовный гимн, ряд танцевальных пьес (контрдансы и мазурки), три анданте и один романс с аккомпанементом, а также отрывок из популярной оперы Джованни Паизиелло «La Molinara» (1788)[711]. Включение Дашковой в свой альбом романсов и гимна на английские тексты выделяют ее из главных тенденций музыкальных вкусов в России XVIII века, в которых доминировали влияния французской песни и комической оперы, итальянской оперы, музыкального театра и мастеров австрийской и немецкой классики — Баха, Гайдна, Моцарта и раннего Бетховена.

В зимний сезон они посещали обеды, балы и маскарады в домах круга друзей и знакомых Дашковой: А. И. Маврокордато, П. Л. Санти, А. М. Голицына, А. Г. Орлова, Н. И. Куракина, И. П. Салтыкова, И. А. Остермана и прочих московских вельмож. В другое время княгиня организовывала вечера в своем доме для соратников — некогда влиятельных людей екатерининской эпохи. Эти в прошлом могущественные придворные и кавалеры, а ныне рыцари зеленого стола, собирались у нее для игры в карты и политических дискуссий[712]. Теперь в отставке, многие из бывших врагов давно позабыли прошлые распри. В один голос они восхваляли Екатерину и столь же единодушно критиковали Александра I за то, что он слишком молод и неопытен.

В 1803 году Марта и Дашкова посетили бал в русском стиле, который дал когда-то заклятый враг княгини Алексей Орлов,

известный в Москве развлечениями в его роскошной усадьбе Нескучное[713]. В перерыве между полонезом и контрдансом его дочь Анна, которая в будущем раздаст огромное состояние Орлова и уйдет в монастырь, исполнила традиционные танцы — казачок и цыганочку[714]. По просьбе Дашковой она также спела несколько русских народных песен. Кэтрин Вильмот рассказывала, что в таких случаях Дашкова обычно приезжала на бал, когда еще не зажигали свечи: «Другая странность княгини — это ее привычка всюду приезжать первой»[715]. Сотни восковых свеч в хрустальных канделябрах и медных подсвечниках освещали главный зал. Вокруг зала и в соседней комнате были установлены столы с нераспечатанными колодами карт. Когда собиралось достаточно гостей, музыканты играли полонез. Старшие, наиболее важные гости танцевали первые несколько туров и удалялись к карточным столам заняться вистом и другими играми. Молодежь продолжала танцевать английский променад, мазурку, котильон и менуэт *en deux et en quatre*[716].

Вдовы обычно не танцевали, а в пустых сплетнях Дашкова видела мало толку, поэтому она занималась тем, что наблюдала за всем критическим взглядом. Новые порядки вызывали у нее отвращение, поскольку полонез заменил менуэт и в моду входил вальс со своей бесконечной повторяемостью и шокирующей физической близостью. Дашкова, которая «совершенно не умеет скрывать своих чувств», была груба со многими гостями на балу и открыто критиковала новый стиль их одежды[717]. На ее вкус, мода стала слишком французской и слишком республиканской. К концу XVIII века вместе с растущей популярностью и влиянием Руссо появился новый дух предромантизма с акцентом на культе природы и «естественном». Юбки с фижмами *(les paniers*), корсажи из китового уса и мушки исчезали. Мода обратилась к стилизованной естественности, основанной на классических моделях древних Греции и Рима или на игривой, театральной репрезентации сельской жизни. В первые десятилетия нового века, с 1800 по 1815 год, доминировала новая мода, в которой француженки старались выглядеть как римлянки в туниках. На самом деле, как считала Дашкова, они носили не что иное, как тонкие, облегающие ночные рубашки с талиями под самыми подмышками и непристойно обнажали лодыжки. Павел I требовал от всех напудренных париков, но во время александровского царствования молодые люди и женщины перестали их носить. В Москве Дашкова оказалась среди таких независимых и откровенных светских львиц, как Анастасия Офросимова, которая не руководствовалась и не стесняла себя принятыми нормами приличного поведения. Их прямая и откровенная манера

приводила в ужас многих светских людей. В конце концов Дашкова исчезала в задней комнате, где играла в карты. Она любила вист и фараон, которые стали очень популярны в модном обществе. Затем она уезжала задолго до завершающего котильона.

Сестры Вильмот жили на Никитской в московском доме Дашковой, все еще не законченном, но, по их воспоминаниям, теплом и хорошо обставленном. Комнаты украшали мебель из красного дерева, обитая сафьяном, китайские безделушки и английские ковры. Обычной домашней одеждой Дашковой был суконный или камлотовый халат, в котором она чувствовала себя свободно, когда управляла большим домашним хозяйством, вела обширную переписку, читала, музицировала и рисовала. Некоторые висевшие на стенах картины были творениями самой княгини, а в нескольких комнатах стояли клавесины. Книги были везде. Кэтрин Вильмот в дневнике перечислила названия книг, которые она брала из огромной домашней библиотеки. Без сомнения, многие из них рекомендовала Дашкова в надежде погрузить молодую женщину в российскую историю и культуру. Все эти книги, в переводе или в оригинале, были на английском и французском. Список включал «Антидот», «Историю России» Левека, «Историю России» Ломоносова, «Взгляд на Российскую империю и жизнь Екатерины II» Тука, «Историю России» Щербатова, «Историю Российской империи при Петре Великом» Вольтера и исторические сочинения Карамзина в «прискорбном» переводе.

Часто они ездили в Троицкое. Усадебный дом там был хоть и меньше, но столь же великолепен, красноречиво говоря о богатстве хозяйки и ее большом интересе к искусству, истории и путешествиям. Главная приемная была украшена принадлежавшим кисти Вигилиуса Эриксена портретом Екатерины в офицерском мундире на белом коне «в самый день умерщвления мужа»[718]. Портреты Екатерины, окруженные почти религиозным почитанием, были в каждой комнате дома. Столовая находилась напротив двери, ведшей в гостиную, обитую красным сафьяном и уставленную позолоченной мебелью. Там же находилась галерея портретов тех, кто сыграл важную роль в жизни Дашковой. Почетное место было отведено покойному мужу, хотя рядом висели Екатерина — «властная дама» в горностаевой мантии с вышитыми на шлейфе орлами — и ее внук Александр I «во всем своем императорском достоинстве»[719]. Там были также портреты Фридриха II, Станислава Понятовского и множества членов семьи — едва ли не все Воронцовы и Дашковы.

Марта и Кэтрин Вильмот пили кофе или чай в девять часов,

затем шли гулять, заниматься, читать или писать. Когда было тепло, они сидели в решетчатой беседке, сделанной на китайский манер и окруженной розами. Место было идиллическим, если пренебречь комарами и осами, из-за которых приходилось закрывать лица легкими итальянскими вуалями. Вместе они гуляли по садовым дорожкам, разговаривая и смеясь. Днем они музицировали, пока обеденный колокол не звал к столу в половине второго или в два. Еда была всегда существенной и сочетала местные русские блюда с экзотическими. Обычно обед состоял из фаршированных яиц, супа, часто приготовленного из местной рыбы, гидромеля[720] или кваса. Затем подавали жареное мясо с солеными огурчиками, осетровую икру, молочного поросенка, сливки и салаты. На десерт были финики и варенье из роз, яблочный пирог, медовые соты, маринованные сливы или крымские и сибирские яблоки. Чай пили в шесть, а «обильный горячий ужин» следовал в половине десятого или в десять.

В течение дня женщины часто обменивались записочками. Они выражали трогательное отношение Дашковой к Марте, когда по утру княгиня приглашала ее выпить вместе кофе или вечером писала: «С тяжелым сердцем и слабой надеждой заснуть я ложусь в постель. Лучше бы я осталась рядом с вами и смотрела на мое дорогое дитя». Постоянно беспокоясь о здоровье Марты, ее головных болях и действии прописанных лекарств, Дашкова обращалась к ней «мое английское дитя» и «мартышка», тогда как Марта называла княгиню «матушка» или *maman russe*[721]. Марта изучала русский, итальянский и французский языки, а Дашкова называла себя ее учителем французского *(votre maitre de langue française)*. Она мягко журила Марту, когда та «делала много ошибок, потому что спешила», но затем ободряюще уверяла, что при таком новом методе обучения она «быстро достигнет успехов». Иногда депрессия и сознание близкой смерти охватывали Дашкову, и она писала о себе: «Не скорбите о ее смерти, жизнь не была для нее счастьем»[722].

Чтобы защититься от мрачного настроения и депрессии, Дашкова проводила дни и ночи в работе. Кэтрин описала необычайное трудолюбие и энергию княгини: «Княгиня оригинальна во всем, манера ее речи своеобразна; она все умеет делать — помогает каменщикам возводить стены, собственными руками прокладывает дороги, кормит коров; сочиняет музыку, поет и играет на музыкальных инструментах, пишет статьи, лущит зерно, поправляет священника в церкви, если тот неточен в службе, в своем театре исправляет ошибки актеров; она доктор, аптекарь, ветеринар, плотник, судья, адвокат»[723].

За время пребывания сестер Дашкова вырыла на территории

усадьбы пруд и посадила фруктовые деревья — яблони, груши, вишни и сливы. По вечерам в дополнение к своей деловой переписке она писала ученым, друзьям и членам семьи. Ее письма были прямыми, искренними и лишенными какой-либо искусственности или ханжества. Они указывали на большое разнообразие ее интересов, среди которых политика, военное дело, новости, книги, российские и зарубежные издания, наука, медицина и т. д. Часто она писала о своем здоровье, о необходимости пить крапивный сок для лечения постоянного кашля, о простых подробностях повседневной жизни и о природе.

Особенно показательным является одно из писем Дашковой к Кэтрин Гамильтон. Хотя оно не датировано, содержащиеся в нем самооценка и самоанализ были, вероятно, следствием работы княгини над «Записками» 1804–1805 годов[724]. Дашкова защищалась от обвинений в том, что она раздражительная, гордая, тщеславная, жестокая, язвительная и жадная. Она категорически отвергла всякое представление о ней как о женщине гениальной, но признала, что жизнь ее была посвящена разуму. Не была она и ученым, поскольку ее образование никогда не было методичным, но более делом вдохновения. Замужняя жизнь, ответственность за воспитание детей и случайное и традиционное образование отвлекали ее и не позволяли заняться науками, исследованием и писательством. Следовательно, традиционное женское образование XVIII века и замкнутость в домашней сфере мешали и препятствовали Дашковой: «Потом началась семейная жизнь, дети, болезни и после горе — обстоятельства, как вы видите, вовсе не благоприятные кабинетным трудам, которые я так любила»[725].

Некоторые комментаторы, продолжает Дашкова, писали, что она упряма, самоуверенна и эгоистична, но она считает, что на самом деле была добровольной рабыней мужа, свекрови и гувернантки детей Каменской. Даже друзья могли управлять ею, если только хотели. Имея в виду свое мнимое тщеславие, Дашкова заявляла, что никогда не считала себя привлекательной и это вызывало в ней чувство неуверенности. Хотя оно никогда не ограничивало ее мысли и действия, княгиня с трудом скрывала низкую самооценку, и все могли видеть это по ее лицу. Поэтому в ее манерах всегда было нечто неуклюжее, что некоторые неверно воспринимали как высокомерие или несдержанность. Действительно, ее неуверенность выражалась в скрытности, которая неправильно истолковывалась в обществе и создавала ложное впечатление о том, что Дашкова говорила и делала: «Я старалась закрыть под маской холодного, бесчувственного вида душевной скорби о потери самого любезного мне существа»[726].

Многие из тех, кто судил ее, отмечали, что княгиня могла быть недоброй, неугомонной и эгоистичной, но большинство этих оценок относилось к ее действиям во время дворцового переворота 1762 года. Не отрицая этих обвинений, Дашкова объясняла, что тогда она была очень молода и неопытна. Думая, возможно, о Екатерине, Дашкова писала, что главным образом мерила других своими мерками и часто наивно переоценивала людей. Такие завышенные оценки преследовали ее всю жизнь, несмотря на повторявшиеся уроки горького опыта. Все равно после мужа Екатерина оставалась первейшим воплощением ее идеалов, а те, кто окружал императрицу при дворе, были врагами.

Озабоченная своей ролью в исторических событиях в России XVIII века и тем, как историки оценивали ее место и вклад в царствование Екатерины, она читала и писала о своей жизни. Несмотря на ее сложные и часто антагонистические личные отношения с императрицей, восхваление и публичное прославление Екатерины представляли собой защиту и оправдание собственных действий и решений Дашковой[727]. В «Записках» она решилась представить свою версию прошлого, увиденного ее часто весьма необъективным взглядом. С гневом она прочла «Историю, или Анекдоты о революции в России 1762 года» Рюльера и «Жизнь Екатерины II, российской императрицы» Кастерб — труды, которые, по ее мнению, оклеветали Екатерину. Основанная на «Истории» Рюльера работа Кастерб, согласно Дашковой, использовала необоснованные сплетни и слухи; апокрифические письма в первом издании раздражали ее больше всего[728].

Решение написать автобиографию было прежде всего ответом на ошибки и неточности, с которыми другие описывали ее отношения с Екатериной. В «Записках» она упомянула, что прочитала две хвалебные истории о Екатерине и, исправив некоторые фактические неточности, представила их как противоядия к заблуждениям во французских сочинениях: «Я недавно читала два сочинения на Русском языке; первое: „Жизнь Екатерины Великой“; другое — „Анекдоты царствования Екатерины II“. Оба они написаны в патриотическом духе и с чувством преданности государыне. Впрочем, надо заметить, что в обоих допущена очень грубая ошибка; в них говорится, что Екатерина знала Греческий и Латинский язык и что в числе новейших языков она предпочитала Французский как самый легкий для разговора. Я положительно утверждаю, что императрица не знала ни Латинскаго, ни Греческаго и если она говорила с иностранцами на Французском предпочитательно своему родному Немецкому, то единственно потому, что ей

хотелось заставить Россию забыть, что она была Немка» (192–93/-)[729].

Дашкова также работала над статьями и литературными произведениями и продолжала публиковаться под различными псевдонимами в «Друге просвещения», «Вестнике Европы», «Русском вестнике» и, возможно, в других журналах. Понимая, что ее историческое наследие зависело главным образом от репутации Екатерины, она прислала письмо издателям «Друга просвещения» и приложила к нему «Посвящение портрету Великой Екатерины». Это был тот же самый панегирик, что появился в «Собеседнике» в 1783 году. В следующем номере она опубликовала «Изображение Великой Екатерины», которое написала лет двадцать назад[730]. Необходимость сохранить свое персональное наследие в позитивном свете повлияла и на другую деятельность княгини. Она учредила стипендию своего имени в московском Екатерининском институте и пожертвовала деньги женским приютам под патронажем вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Дашкова также занималась переустройством своего кабинета естественной истории, который собирала в течение более чем тридцати лет. Большую, музейного качества коллекцию окаменелостей, минералов и предметов искусства, состоявшую из 15 430 образцов и оценивавшуюся в огромную сумму 50 тысяч рублей, она подарила Московскому университету[731]. В 1805 году либеральный мыслитель И. М. Борн предложил избрать Дашкову почетным членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Это была большая честь, которой удостоило ее следующее поколение писателей, поскольку общество было одной из влиятельных литературных групп александровского царствования. Считавшееся прогрессивным и демократическим, оно включало в свои ряды сыновей Радищева, а позже А. С. Пушкина и Д. В. Дашкова[732] — основателей литературной группы «Арзамас».

С февраля 1804-го до конца 1806 года Дашкова по настоянию и при помощи сестер Вильмот писала «Записки». По вечерам в Троицком они старались согреться у камина, прислушиваясь к вою волков снаружи; когда окна замерзали, они читали свое будущее в ледяных узорах на стекле. Дашкова зачаровывала сестер анекдотами из жизни при дворе Екатерины и читала им выдержки из своей обширной переписки с императрицей, начиная с ранних годов их дружбы. Очень часто, когда Дашкова читала, Кэтрин Вильмот замечала болезненное возбуждение, оживлявшее лицо княгини, и просила читать еще[733]. Восхищенная Марта уговорила для вида сопротивлявшуюся Дашкову записать ее жизненный опыт в автобиографической форме. Дашкова

согласилась, добавив: «[Я] написала эти мемуары, так как она очень этого хотела. Мисс Вильмот является единственной их распорядительницей с условием, что они будут напечатаны только после моей смерти» (226/207).

Дашкова принялась за работу немедленно, собирая бумаги, документы и письма. По утрам она трудилась в кабинете, а по вечерам в красном углу гостиной в любимом кресле за маленьким шахматным столиком. Она помещалась там после ужина, одетая в фиолетовое шелковое платье и вечный белый ночной колпак, простой и неуместный в этом святилище имперского блеска. Маленькая черная собачка Фиделька спала на большой подушке у ее ног, а Анна Исленьева занималась своим вязаньем, в то время как Дашкова, которой было тогда 62 года, сочиняла «Записки». Она прочитала десятки писем от Екатерины, Вольтера, Дидро, Гаррика, аббата Рейналя и многих других и тщательно просмотрела заполненные прошедшей жизнью записные книжки, кучи документов и связки старых бумаг, увязанные в большие пачки.

Работа шла быстро, и Марта очевидно ошиблась, когда написала, что они начали работать осенью 1804 года[734]. На самом деле, еще 10 февраля того года Марта отметила в дневнике: «Княгиня начала записывать историю своей жизни. Она говорит, что к этому ее побудила лишь дружба ко мне, и добавила, что саму рукопись и право публикации она передаст мне. Вероятно, это будет чрезвычайно интересный труд»[735]. Следовательно, Дашкова написала первоначальный вариант приблизительно за двадцать один месяц, поскольку на последней странице «Записок» отмечена дата завершения: 27 октября 1805 года. Марта подтвердила это время, когда заметила: «Таким образом, записки были окончены к концу другого года»[736]. Пока Дашкова писала, Марта копировала рукопись и даже предприняла ее перевод. 29 марта 1804 года она «начала переводить на английский „Записки“ моей дорогой княгини, она пишет их по-французски»; однако, по ее собственному признанию, французский язык Марты был слабым[737]. Поэтому задача перевода легла главным образом на Кэтрин. 29 апреля 1806 года Марта отметила: «Каждый день я пишу, точнее, *переписываю,* историю княгини, Кити переводит, и это занимает наши утренние часы». А 9 ноября 1806 года она добавила: «Вчера я начала переписывать Киттин перевод „Записок“ княгини после того, как сделала их копию по-французски и переписала все письма императрицы Екатерины к княгине Дашковой»[738]. Значит, вполне можно предположить, что в дополнение к двум экземплярам «Записок», над которыми сестры работали так усердно, Кэтрин

Вильмот еще в России сделала первый вариант английского перевода[739].

Когда молодые женщины работали с Дашковой, они с удивлением обнаружили, что рукопись принимает характер скорее полемический, чем повествовательный. Дашкова хотела представить свой вариант истории потомкам. Ее решение сформулировать и выдвинуть оправдание своего прошлого было твердым и выражало стремление быть «правильно» включенной в историю: «В своих записках я не хочу ничего скрывать и потому не стану таить те небольшие размолвки, которые случались между нами, но я никогда не впадала в немилость, как это утверждают некоторые писатели, и если императрица не делала для меня больше, так это оттого, что знала: корысть не владела моей душой» (68/79–80).

Следует еще раз подчеркнуть, что защита княгиней Екатерины, несмотря на «небольшие размолвки» и заявление, что императрица сделала для нее очень много, может быть объяснена пониманием Дашковой того, что она не смогла бы достичь такого положения во власти и такого влияния в любой другой период российской истории.

Столь же удивительным для сестер Вильмот было изображение Дашковой ее личной жизни и то, что она решила сделать акцент на более традиционной ее роли любящей матери, направлявшей и обучавшей своих детей. «Сама я, — писала Дашкова, — испытывала всевозможные лишения, но они были мне безразличны, ибо меня полностью захватили материнская любовь и родительские обязанности» (112/115). Стоит заметить, что она сконцентрировала внимание исключительно на образовании сына, избегая любого упоминания дочери, а если она вообще вспоминала об Анастасии в этом контексте, то только как о случайной, побочной участнице процесса обучения брата. Умолчания Дашковой и нежелание обсуждать образование дочери в «Записках» были, по крайней мере частично, следствием напряженных и в конечном счете трагических отношений матери и дочери. Однако ко времени написания «Записок» сын княгини также разочаровал и прогневал ее.

Кажется, Кэтрин Вильмот спросила Дашкову о том, почему та ничего не пишет о воспитании дочери. Дашкова оправдывалась в письме к Кэтрин, написанном через месяц после завершения «Записок» и позже опубликованном в журнале «Друг просвещения»[740]. Интересно, что в этом письме произошла важная инверсия по сравнению с тем, что княгиня обсуждала в «Записках»: она коснулась образования дочери и проигнорировала образование сына. Дашкова подробно изложила

идеи Локка о телесном воспитании, не упоминая о Руссо, хотя физическая подготовка была центральной в теориях образования обоих мыслителей. Однако, объясняла она, самые всеохватные подходы к образованию не принимают как следует во внимание внутренние и внешние факторы, определяющие развитие личности. В качестве подходящего примера в «Записках» она акцентирует противоположность характера Анны Воронцовой и своего собственного, хотя их образование было в основном одинаковым: «Обращаю на это внимание тех, кто мнит себя знатоком в вопросах воспитания и создает теории согласно своим взглядам на этот предмет, столь важный, столь решающий для благополучия человечества и вместе с тем столь плохо познанный, ибо со всеми своими многочисленными разветвлениями и во всей совокупности он не может быть объят умом одного человека» (13/37). Для Дашковой краеугольным камнем образования была индивидуализация, которая позволяла учитывать разнообразие среды, личностей, индивидуальных нужд и различие полов. Как она лаконично выразилась, воспитатель всегда должен иметь в виду время (когда), место (где) и меру (сколько). Печальная ирония заключалась в том, что она лишила свою дочь как раз такого индивидуального внимания.

В том же сочинении Дашкова писала: «В 16 лет я была матерью… Дочь моя не могла пролепетать еще единого слова, а я уже помышляла дать ей *воспитание совершенное.* Я была удостоверена, что на четырех языках, довольно мною знаемых, читая все то, что о воспитании было писано, возмогу я извлечь лучшее, подобно пчеле, и из частей сих составить целое, которое будет чудесно». В разделе статьи, пропущенном в принадлежавшей Кэтрин Вильмот копии оригинального письма, Дашкова с грустью признает, что непредвиденные обстоятельства могут уничтожить результаты даже самого лучшего воспитания[741]. Это как раз то состояние разочарования в своих прежних принципах, которое сформировало отношение Дашковой к образованию дочери в «Записках». Вопреки ее настоящей материнской преданности и самопожертвованию существовали непредвиденные обстоятельства, связанные в сознании Дашковой с понятиями физического воспитания, и из-за телесного недостатка Анастасии — последствия рахита — Дашкова не дала ей образования, сравнимого с ее собственным. В «Записках» она закрыла глаза на способности Анастасии, которые потенциально могли привести к серьезной карьере и интеллектуальной независимости дочери.

Ясно, что Анастасия была очень одаренной женщиной, которая извлекла многое из своего воспитания (каким бы

традиционным оно ни было) и косвенно из того, чему обучался ее брат. Но ко времени написания Дашковой письма к Кэтрин Вильмот Анастасия была сорокапятилетней, страдающей от «разлития желчи» инвалидкой, которая не могла простить матери того, что та уделяла все свое внимание сначала брату, а потом Марте Вильмот[742]. Она демонстрировала «открытую враждебность и ревность» по отношению к Марте, обвиняя ее в том, что та надеялась выйти замуж за Павла и заставляла Дашкову устроить развод сына[743]. Очевидно, заявления Анастасии не были совсем уж надуманы. Дмитрий Бутурлин писал своему дяде Александру Воронцову 1 сентября 1804 года, что Дашкова и ее сын в ссоре и что она хотела бы, чтобы он женился на Марте Вильмот *(son Anglaise[744])*. Через несколько лет, в 1810 году, Элизабет Морган утверждала, что, если бы Анна Дашкова рано умерла, Дашкова конечно же постаралась бы сделать Марту своей невесткой[745].

Вследствие этого отношения Дашковой с дочерью еще более ухудшились. Растущая взаимная неприязнь матери и дочери выливалась во вспышки гнева, ссоры и скандалы. Анастасия продолжала делать долги, которые мать теперь отказывалась оплачивать. Бесконечные споры и столкновения привели к разрыву всяких контактов между матерью и дочерью. Таким образом, в конце жизни, будучи уверена, что она сделала очень много для своих детей, и публично проповедуя образовательные идеи Просвещения, Дашкова не смогла в «Записках» обратиться к вопросу о том, обеспечила она или нет надлежащее воспитание дочери. В результате жизнь женщины выдающегося ума и положения закончилась личной трагедией, поскольку, несмотря на собственное передовое и либеральное образование, она не смогла признать и учесть индивидуальные особенности своей дочери.

Дашкову отвлекали от работы над «Записками» и другие проблемы — трудности в управлении имениями, трения с польскими чиновниками, плохие дороги, плохая погода, слабое здоровье. Ее беспокоила возможная опухоль в левой груди[746]. С каждым годом она обнаруживала, что остается все меньше и меньше членов семьи, к которым можно было бы обратиться за поддержкой. Старшие сестры умерли — Мария в 1779 году, а Елизавета в 1792-м. Семен продолжал жить в Англии и больше не возвращался в Россию. В 1806 году он оставил дипломатическую службу и его заменил Х. А. Ливен. Семен умер в 1832 году в собственном доме на Мэнсфилд-стрит в районе Сент-Джонс-Вуд в Лондоне и был похоронен в церкви Мэрилебон[747]. Дашковой казалось, что у нее остался только Александр, но даже он просил

ее не приезжать к нему в имение, пока он не поправит свое здоровье. Она писала Александру, чтобы получить информацию и проверить факты, упоминавшиеся в «Записках». 28 октября 1805 года, почти за месяц до смерти, он ответил на ее вопросы по хронологии исторических событий, произошедших в течение их жизни[748]. Боясь за здоровье матери, Павел скрывал от нее смерть ее брата, которая наступила 3 декабря 1805 года. Павел один с несколькими близкими родственниками присутствовал на скромных и простых похоронах в Андреевском, где Александр был погребен в усадебной церкви недалеко от могилы его друга и товарища Франсуа Лафермьера. Дашкова была убита горем, когда почти через две недели, приехав в Москву 15 декабря, узнала о смерти любимого брата и ближайшего друга.

Это были годы войны в Европе, и вести о битвах и походах достигали Троицкого. Победоносно наступающая армия Франции, страны, которая вдохновляла Дашкову в юности просвещенными идеями свободы, равенства и справедливости, теперь угрожающе приближалась к России. Наполеон разгромил русско-австрийскую армию под Аустерлицем в 1805 году, а в конце октября 1806 года княгиня узнала о победе французов под Йеной над Пруссией, союзницей России. Эти события, как бы они ни были исторически значительны, померкли в сравнении с прибывшей вскоре новостью. 9 января 1807 года, когда Дашкова принимала гостей, она совершенно неожиданно узнала, что ее сын в жару и близок к смерти. Княгиня была в плохих отношениях с Павлом и в течение нескольких лет встречалась с ним лишь в редких случаях. Поэтому она не поверила тому, что услышала, подозревая, что это была попытка их примирить. К несчастью, она больше никогда не увидела сына. 17 января 1807 года пришло известие о его смерти в 44 года в его московском доме на Тверской. Кэтрин Вильмот описала картины горя, когда смерть Павла «превратила дом в склеп»[749]. Даже императрица Елизавета попыталась утешить Дашкову. Она написала княгине, что принимает «искреннее участие» в ее горе и понимает ее, поскольку пережила смерть своего младенца-сына и «была нездорова вследствие удара, нанесенного моему сердцу последним несчастием»[750].

Не желая встречаться с дочерью и подвергаться ее безобразным нападкам, Дашкова не пришла на похороны. Анастасия охраняла гроб брата, не позволяя своим врагам, которые были среди гостей, подходить близко. Марта писала, что Анастасия, «как первое лицо в этой траурной процессии, стояла у самого гроба, но стояла как демон мести, а не как убитая горем сестра своего брата, который был к ней так добр». Анастасия увидела Анну Исленьеву и бросилась к ней. «Не позволяйте этим

английским чудовищам приближаться к нему!» — потребовала она[751]. Когда несчастная и скорбящая Дашкова узнала о поведении дочери, она разгневалась и написала Анастасии длинное письмо, в котором лишила ее наследства. Никогда более она не желала выносить истерические сцены и позорные скандалы дочери. Она не могла простить ее возмутительное поведение по отношению к племяннице Татьяне Норовой и Марте Вильмот во время похорон: «Вся церковь была потрясаема бешеным твоим голосом, все были поражены ужасом, видя бесчеловечие, злость и намерение уморить мать слухом сего безбожного исступления; вся Москва с отвращением имя твое поминает».

Она припомнила все зло, сотворенное Анастасией, ее злонамеренную ложь и попытки настроить людей против матери. Дашкова навсегда запретила дочери появляться в ее доме и особо отметила, что даже после ее смерти дочь сможет высказать ей свое уважение только в церкви. Княгиня также написала, что абсолютно отказывается разрешить усыновление незаконных детей ее сына, пока его вдова жива, даже несмотря на то, что Павел был последним мужчиной в семье Дашковых: «Я торжественно повторяю, что сын мой не хотел невозможного, то есть усыновить побочных детей, прижитых при жизни и ныне еще живущей жены его… я также торжественно утверждаю, что он тебе их вверить никогда не хотел и при последней болезни своей просил приятеля своего их взять. Ты хвастаешься, что выпросишь у Государя, чтобы, отступя от закона, ниспровергнул таинство брака по исповеданию нашему освященное; он изволит для твоей прихоти, и удовлетворяя твоему чванству детей незаконных при живой жене — мечта достойна твоего исступления»[752].

Однако вопреки желаниям матери Анастасия усыновила детей брата и оказалась умелым педагогом и довольно талантливым учителем. Она одна воспитала и дала образование своему племяннику Михаилу Павловичу Щербинину, у которого было имя от деда, отчество от отца и фамилия от тетки. Писатель, сенатор и государственный деятель, он по просьбе Анастасии служил секретарем своего двоюродного дяди Михаила Воронцова и написал его биографию. Он также очень тепло отзывался о своей тетке, высоко ценил ее и благодарил за свое литературное образование[753]. Дашкова, со своей стороны, приложила все усилия, чтобы сохранить фамилию, предложив присоединить ее к своей Семену и его сыну Михаилу. Они отказались, но ее семнадцатилетний крестник и двоюродный племянник Иван Илларионович Воронцов принял предложение и в 1807 году, согласно указу Александра I, стал первым

Воронцовым-Дашковым.

Для княгини наступило время формально выразить предсмертную волю, поскольку первое завещание она написала около десяти лет назад, 24 декабря 1796 года, как раз перед отъездом в ссылку в Коротово. Оно было зарегистрировано в основанном И. И. Бецким в 1764 году московском приюте, которому она оставила часть своих денег. Теперь надо было сделать необходимые шаги, чтобы завершить лишение дочери наследства. В августе 1807 года она письменно выразила своим душеприказчикам Ф. И. Киселеву, А. А. Нелединскому-Мелецкому, П. Л. Санти и А. М. Урусову свою волю касательно местонахождения завещания, устройства похорон и распределения собственности. Первыми, кого она назвала в письме, были племянница Анна Исленьева и Марта Вильмот, причем Дашкова особо попросила душеприказчиков оградить Марту от наглости Анастасии. Она также сделала распоряжения по продаже ордена Святой Екатерины, с тем чтобы вырученные деньги пошли на поддержку нуждавшихся дворянских девушек в Екатерининском институте. В благодарность за помощь она оставила Киселеву свою копию портрета Екатерины кисти Лампи[754].

Дашкова разделила основные свои имения между Михаилом Воронцовым и Иваном Воронцовым-Дашковым. Михаил унаследовал белорусское имение Круглое и московский дом, а Иван получил Троицкое и окружавшие его деревни в Калужской и Московской губерниях, а также усадьбу Кирианово под Петербургом. Кроме того, она распределила различные денежные суммы между душеприказчиками, друзьями, родственниками, фондами поддержки свадеб, молодых семей, бедных, заключенных, департаментом социального обеспечения и расходами на приходскую церковь. Дашкова также дала вольную своим служанкам Прасковье, Настасье и Анне. Дочери она завещала лишь три тысячи рублей плюс ежегодную выплату четырех тысяч рублей под контролем Михаила Воронцова и, к несчастью, в пожизненное пользование — чувство гнева и обиды[755].

Сразу после смерти матери Анастасия оспорила в Сенате ее последнюю волю. Следствие и последовавшее решение подтвердили законность завещания, а проигравшей Анастасии напомнили о деньгах и собственности, которые она получила в наследство от отца[756]. Она продолжала жить в Москве, стесненная в средствах, воспитывая детей брата, давая им уроки и обеспечивая всем необходимым. Жена Павла жила отдельно в провинции в маленьком доме, который теперь Анастасия

унаследовала от брата. После того как Дашкова в течение многих лет отказывалась ее видеть, она выступила в защиту своей невестки касательно ее справедливой доли наследства. Затем княгиня взяла Анну к себе, а позже купила ей дом за 17 тысяч рублей[757]. Кэтрин Вильмот характеризовала жену Павла как «приветливую и очаровательную», а Марта описала встречу Дашковой с невесткой: «Слезы лились рекою, и в первые пять минут едва ли было произнесено хотя бы одно слово»[758]. Близкие отношения между двумя женщинами продлились недолго — в 1809 году Анна Дашкова умерла, ей был всего 41 год.

В 1807 году Кэтрин Вильмот собралась домой на год раньше Марты. При отъезде сестер Дашкова осыпала их деньгами, табакерками, драгоценностями, медалями, одеждой, картинами и сувенирами из Геркуланума. Дашкова подарила Кэтрин медальон с бриллиантовым набором «Волосы Венеры», а ее компаньонке Элинор Кавано часы и шелковые перчатки[759]. Она преподнесла Марте Вильмот красивую коробку с оправленным в золото «агатовым деревом» *(arboris d'agate),* которое когда-то принадлежало ее матери, и множество других даров, включавших пять тысяч фунтов стерлингов и веер, полученный ею от Екатерины при первой встрече почти полвека назад. Несмотря на репутацию скряги, Дашкова могла быть щедрой, когда хотела помочь и поддержать деньгами тех, кто был ей близок.

Ее исключительная щедрость по отношению к сестрам Вильмот опровергает суровый вердикт Державина: «Княгиня Дашкова без собственных своих корыстных расчетов… ничего и ни для кого не делала»[760]. Самое главное, Дашкова рассчитывала, что сестры перевезут рукопись ее автобиографии, письма и другие архивные материалы в Англию. Ясно, что княгиня надеялась на публикацию ее истории за границей и приняла с этой целью некоторые меры. Например, она оставила описание своего участия в событиях 1762 года своей подруге Элизабет Морган. В письме 1816 года из Бата Элизабет сообщила Марте, что Дашкова дала ей очерк «того блестящего события ее жизни» с указанием опубликовать его после ее смерти, возможно, передав вырученные деньги на благотворительность. В другом письме она добавила, что, когда Дашкова «покидала Ирландию, примерно в 1781 году, она дала мне рукописную брошюру, содержавшую то, что, я думаю, может быть правильно названо протоколами революции»[761].

Обладание потенциально опасными материалами, описывавшими свержение и убийство российского монарха, было причиной большого беспокойства для женщин, поэтому Кэтрин спрятала документы «на себе» и успешно добралась с ними до

дома. Таким образом, экземпляр «Записок» и, вероятно, английский перевод сохранились. Когда Марта также планировала отъезд, отношения между Россией и Британией испортились и власти узнали, что она везла какие-то важные секретные документы. Доносчиком мог быть Федор Ростопчин, доверенный друг Дашковой, который читал рукопись и надеялся выслужиться перед троном[762]. Ростопчин был генерал-губернатором Москвы во время нашествия Наполеона и заявлял, что поджег Москву, но позже это отрицал. Когда французы заняли Винково — его усадьбу на Старой Калужской дороге к югу от Троицкого, — они нашли дом в руинах и его собственноручную записку: «Я добровольно сжег этот дом, чтобы он не был осквернен вашим присутствием»[763].

Кажется, именно из-за предательства Ростопчина Марту стали подозревать в вывозе бунтарской литературы из России. На самом деле, у Марты были оригинал «Записок», различные бумаги и письма Екатерины к Дашковой, и все это она надеялась опубликовать. Российские власти арестовали ее и допрашивали пять дней. Считая, что языковые уроки и коллекция музыкальных нот были на самом деле зашифрованными посланиями, они перевернули весь ее багаж. Запуганная молодая женщина в страхе сожгла некоторые бумаги и среди них «Записки» Дашковой. Получив разрешение на выезд, Марта, наконец, достигла Англии, пережив кораблекрушение у шведского острова. После того как был уничтожен оригинал, остались только две копии «Записок» — одна у Кэтрин в Англии и другая в России в бумагах и документах Дашковой[764].

Когда сестры Вильмот уехали, Дашкова, более чем когда либо, почувствовала себя одинокой и никому не нужной. Ее жизнь во власти была теперь вписана в автобиографию и целиком осталась в прошлом. Дашкова вернулась к работам в усадьбе и к сочинительству. Она всегда занималась самообразованием, стремясь расширить и углубить свои знания путем постоянных штудий и практики. Даже в конце жизни, примерно за три года до смерти, она посещала лекции ректора Московского университета П. И. Страхова по экспериментальной физике[765]. Московский салон княгини, где она обсуждала литературные сочинения, а также политические события, выделялся своей серьезностью. Неудачные кампании русской армии, ее поражение под Фридландом в 1807 году и ожидание неминуемого вторжения Наполеона в Россию питали антифранцузские взгляды Дашковой. В 1808 году она опубликовала письмо в «Русском вестнике» — журнале, который издавал в Москве с 1808 по 1826 год Сергей Глинка[766]. Это письмо издателю опять представляло разговор с

тетушкой, в котором княгиня сильно порицала французское и немецкое влияние, восхваляла английское и призывала родителей играть б*о*льшую роль в образовании детей. Глинка и многие другие комментаторы описывали Дашкову как личность оригинальную. «С умом россиянки, — писал Глинка, — у нее был весь ум европейский». Ее чрезвычайная чувствительность к редакторским правкам в рукописи позабавила его. «Я вызываюсь к вам в сотрудницы, — писала она, — только с уговором: я настойчива и даже своенравна во мнении о слоге своем, прошу не переменять у меня ни буквы, ни запятой, ни точки»[767].

Все более и более комментаторы считали ее пережитком исчезнувшего века Екатерины, эксцентричной старухой в мужской одежде. Василий Ключевский популяризовал ни на чем не основанный образ Дашковой как сумасшедшей из Троицкого, некой ведьмы и ненормальной матери. В лекциях по российской истории он представил гротескный и оскорбительный портрет Дашковой, пренебрегавшей своими детьми и проводившей дни за дрессировкой крыс. Смерть сына, по мнению Ключевского, ни в малейшей степени не обеспокоила ее, тогда как любая неудача дрессированной крысы приводила в отчаяние. Только в екатерининской России, заключил он, Дашкова могла начать жизнь с Вольтера и кончить крысами[768]. Но единственными, так сказать, крысами, с которыми Дашкова имела дело, были некоторые близкие к трону ее современники, и она часто отмечала, что такова была ее судьба — вызывать гнев и злость самовлюбленных подлецов. Столь же нечестно было писать, что Дашкова пренебрегала своими детьми, когда на самом деле верно было противоположное: именно ее чрезмерная, угнетавшая забота о их благополучии в большой мере привела их к бунту. Страница за страницей в «Записках» посвящаются ее детям, что составляет резкий контраст с автобиографиями многих ее современников, описывавших главным образом политику и светскую жизнь.

Хотя Дашкова была успешна в своей публичной жизни и находилась в центре политических, культурных и литературных событий в России второй половины XVIII века, много времени она провела вдали от двора. Ее личная жизнь была глубоко трагичной. Она искала дружбы и товарищества с другими женщинами, но Екатерина горько ее разочаровала. Очень рано овдовевшая, она пережила сына и поссорилась с дочерью. Старость Дашковой стала для нее возвращением в ссыпку и воплощением одиночества. Начав жизнь покинутой и одинокой, она кончила ее так же. Дашкова писала Марте: «Как все переменилось в Троицком! Театр закрылся; на нем не дается ни одного представления. Фортепиано молчит; горничные перестали

петь песни. Все жалеют о вас и моем унынии»[769]. Она мечтала о бегстве из садов Троицкого, которые когда-то считала райскими, и писала о своем возможном возвращении в Англию: «Что же до моего путешествия в Англию, в случае мира и возможности, — я желаю его от всей души; но чтоб осуществить его, мое здоровье не должно так быстро упадать, как в настоящее время». Поездка не состоялась, и постепенно княгиня слабела и хирела, начав часто простужаться и кашлять.

Когда обычные энергия и сила покинули ее, она стала проводить больше времени в постели или в любимом кресле, прислушиваясь к перезвону колоколов на построенной ею колокольне и к гаснущим в отдалении отзвукам имен ушедших от нее людей: Екатерины, императрицы, которую она боготворила, и Кэтрин — молодой женщины, увезшей «Записки» в Англию; Анастасии, свекрови, ничего не оставившей ей в наследство, и Анастасии — дочери, которую она сама лишила наследства; Марфы, матери, которую она не знала, но чью память почитала, и Марты — друга ее старости, которая первой опубликует историю ее жизни. Когда Дашкова решила попрощаться, она обратилась не к дочери и не к кому-либо еще. Она написала Марте Вильмот: «По-видимому, установившаяся зима распустилась в эти два дня, хотя не к добру, ибо для нашего климата она необходима. Не знаю, когда я в состоянии буду съездить в Москву; завтра будет отправлено это письмо, и дай Бог, чтоб оно застало вас вполне благополучной. Прощайте, мое милое дитя. Да благословит вас провидение!»[770]

В начале зимы 1809 года Дашкова, слабая и больная, вернулась в Москву. Когда ее состояние ухудшилось, прописанные кровопускания только еще более лишили ее сил. 4 января 1810 года она скончалась. Венедикт Малашев, сын ее бывшего управляющего, крепостной и дворовый музыкант, описал ее последние дни и сопровождал гроб из Москвы для погребения в Троицком. Поминальная служба прошла в церкви Вознесения на Никитской напротив ее дома. В согласии с волей покойной эскорт драгун последний раз сопровождал ее в имение. Душеприказчик Петр Санти и несколько друзей и родственников присутствовали на похоронах; кроме них, церковь наполняли только люди из окрестных деревень и любопытные зеваки[771].

ЭПИЛОГ

В конце 1980-х годов, накануне развала Советского Союза, я смог осуществить свою многолетнюю мечту и посетить Троицкое — усадьбу, которая была для Дашковой гораздо больше чем просто домом и память о которой она так преданно сохранила в «Записках». Ирония заключалась в том, что, будучи местом изгнания вдали от петербургской власти, Троицкое также стало для княгини противоядием от физической и духовной неприкаянности ее юности. В самой сердцевине ее внутренних поисков смысла и самоопределения оно дало ей чувство непосредственности, и тем не менее оно являлось физическим воплощением внутреннего ощущения потери и лишения. Троицкое было ее раем — потерянным, обретенным и вновь потерянным.

Война 1812 года истощила Воронцовых экономически, и они продали многие имения Дашковой, но Троицкое оставалось их собственностью до начала XX века. Оно было потеряно во время революции и Гражданской войны, когда многие члены семьи погибли, а некоторые были казнены как «идеологически опасные элементы». Моя бабушка, беременная моим отцом, была арестована вместе с другими членами семьи и отправлена на расстрел. Они спаслись чудом, когда один из охранников отпустил их, и покинули Россию навеки, чтобы создать свои жизни заново в чужих краях[772]. Поскольку Россия стремилась строить новое социалистическое государство, память о Дашковой ушла в небытие, о ней почти не вспоминали. Ее семья более не жила в России, а Троицкое, переименованное в Большевик, стало совхозом. Однако Дашкова не исчезла совершенно, ее можно было найти выставленной на виду у всех в самом центре на площади Островского. Там, по замыслу автора монумента М. О. Микешина, императрица Екатерина Великая стоит на высоком постаменте, окруженная придворными и сторонниками: Суворовым, Румянцевым, Орловым, Бецким, Потемкиным, Чичаговым, Безбородко и Державиным.

Среди них сидит с книгой в руках единственная женщина — княгиня Дашкова.

Более чем через шестьдесят лет после того, как семья Дашковой покинула Россию, я был первым из ее потомков, до сих пор носящим ее фамилию, который посетил Троицкое, расположенное теперь совсем недалеко к югу от Москвы. С двойной фамилией и двойной русско-американской идентичностью я намеревался вновь обрести свое прошлое и

происхождение, разобраться в остатках экспроприированной истории семьи и найти свое место среди теней предков. Отождествление и отталкивание, влечение и отвращение формировали мое отношение к России и моей собственной «русскости». Путешествие обещало привести к важным открытиям, поскольку я хотел вернуться в дом предков и тем самым встретить и понять природу моего собственного отношения к утерянному родовому наследию.

Я собирался проникнуть в волшебный мир моих снов и детских историй, заколдованное царство старой, сказочной России и семейных воспоминаний об утерянном жилище Дашковой — парке и садах, дубах и березах, виде, открывавшемся на Протву. Я хотел попасть в старомодный, привлекательный и романтический уголок провинциальной России, но оказался в самом сердце суровой советской действительности, когда прибыл в Кременки — современный город с населением около 13 тысяч человек. Депутация местных жителей привела меня к темным и покинутым жилищам, которые я смог различить вдали за рекой. По мере того как мы шли по длинной грязной дороге, по краям которой стояло несколько сохранившихся лип, волшебная страна воображаемого прошлого наталкивалась на реальность с ее бедностью, алкоголизмом и безысходностью. Постепенно я начал понимать это место, проступавшее из-под семейных преданий, деревенских мифов, наслоений советской идеологии и руин бывшей усадьбы Дашковой.

Сохранилось очень мало — местность была разорена, община разрушена, ландшафт изменился до неузнаваемости. Изменились и люди. Ржавая сельхозтехника была разбросана по экспроприированной земле; барский дом исчез — местные жители разобрали его на кирпичи для постройки своих домов и сараев. Остались лишь руины немногих усадебных построек и бывшей мельницы, а также рассыпавшиеся и подпертые кольями главные ворота, одиноко и бессмысленно стоявшие в чистом поле. Дашковский «Парнас», где она как-то ожидала курьера от императрицы, совершенно скрылся за разросшимися деревьями и напоминал древний могильный курган. Обелиск остался стоять безымянным на голом холме, его происхождение и смысл забылись. Метрах в пятнадцати среди зданий совхоза бросались в глаза огромные гранитные серп и молот. Построенная Дашковой церковь была заперта, заколочена и заброшена. Опустевшая колокольня все еще стояла, но ее колокола были сняты и переплавлены, их молчание пробуждало ощущение пустоты и эхо внутреннего диалога между мечтами прошлого и сегодняшней реальностью, между верой и осквернением святого места. Когда

местные жители, многие из которых были потомками крепостных Дашковой, разбивали иконы и растаскивали из церкви «предметы культа», они разорили и могилу княгини. От нее ничего не осталось, и представители городских властей не разрешили мне войти в церковь. Однако, согласно деревенскому поверью, школьная учительница в городе сохранила надгробие Дашковой, пряча его у себя дома в течение многих лет. Когда это стало безопасным, она отдала его Калужскому краеведческому музею, гордясь достижениями Дашковой и, возможно, уподобляя себя ей как деятель образования и русская женщина.

На приеме после поездки говорили о совместных предприятиях и реставрационных проектах в миллионы долларов, а множество официальных тостов за обновление Троицкого сталкивались в моем сознании с опустошенностью и унылым молчанием срубленных вишневых садов. Мое стремление вновь обрести прошлое было неправильно истолковано: капиталовложения, имущественные сделки и ипотечные мелодрамы не имели никакого отношения к внутренней необходимости обрести потерянные воспоминания. Реальные или воображаемые, они находились где-то в пространстве между мечтой и разрушительной реальностью возвращения домой. Тем не менее, хотя боль и разочарование возвращения и ранили, в них заключался и путь переоценки, освобождения и продолжения. Всякая возможность реального возрождения священного для Дашковой места исчезла перед лицом осквернённой земли, где когда-то стояла ее церковь. Вид разоренной церкви усилил образ потерянного дома, семейной святыни, и этот образ для меня теперь целиком зависел от реконструкции в тексте.

Хотя в России за последние годы многое изменилось, я больше не возвращался в Троицкое. Между тем важность и влияние Дашковой в глазах россиян выросли, возродился интерес к ее жизни и трудам. На переднем фронте борьбы за «открытие» Дашковой были женщины. Еще в 1970-х годах Л. Я. Лозинская опубликовала свое описание жизни княгини. За ним последовало появление в России двух изданий «Записок»: Г. Н. Моисеева перепечатала дореволюционный русский перевод (1985), а Г. А. Веселая сделала новый перевод и включила в книгу выдержки из писем и русских дневников сестер Вильмот (1987). В США Барбара Хельдт в новаторском феминистском исследовании «Ужасное совершенство: Женщины и русская литература» (1987) противопоставила публичное и личное «я» Дашковой в «Записках». Она подчеркнула необходимость интерпретировать это сочинение «как автобиографическую вещь, исследуя, как Дашкова определяла себя во всех ролях, которые играла»[773].

Со временем роль Дашковой в перевороте 1762 года, ее занятия журналистикой и писательством, руководство Академией наук, а также последующая ссылка и затворничество стали темой немалого числа публикаций. Сегодня школы, институты и библиотеки в России носят имя Дашковой, так же как и ряд исследовательских стипендий для женщин в различных науках в ведущих институтах и университетах. Были организованы конференции о ней, например, в Академии наук и в Государственном историческом музее в Москве. В 2006 году Американское философское общество отметило память Дашковой, которая стала первой женщиной — его членом в результате встречи с Бенджамином Франклином в Париже более двухсот лет назад. Одно из первых научных обществ на Западе, признавших достижения Дашковой, устроило выставку «Княгиня и патриот: Екатерина Дашкова, Бенджамин Франклин и эпоха Просвещения» в здании общества в Филадельфии.

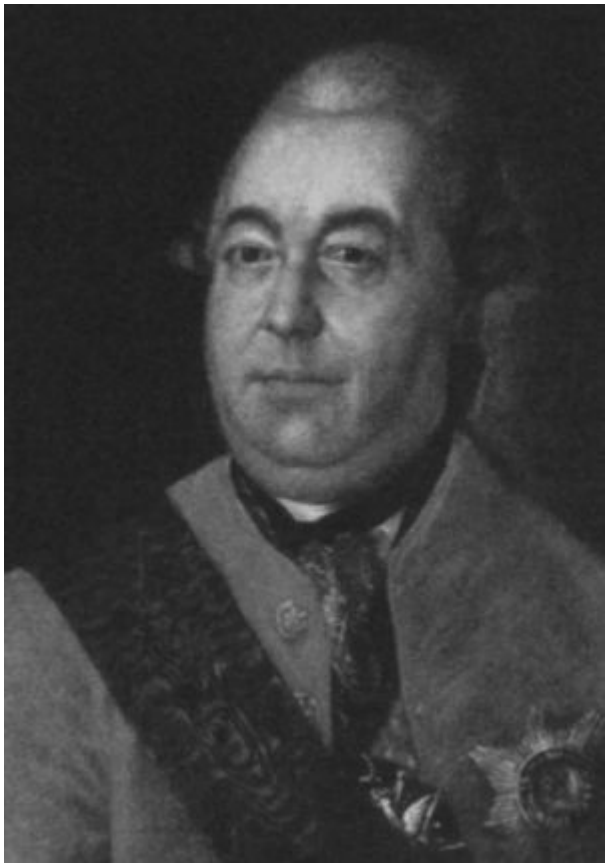
Обладавшая блестящим умом и сильной волей, Дашкова была независимой женщиной, мечтавшей о славе и политических достижениях. В далеком XVIII веке она продемонстрировала, что женщины могут гораздо больше, чем всего лишь посещать балы, вести хозяйство, служить мужьям и воспитывать детей. Они могли играть активную роль в политике и добиваться успеха в областях, где традиционно доминировали мужчины. Дашкова постоянно была вынуждена демонстрировать способность активно участвовать в общественной жизни и подтверждать право на такое участие перед лицом предубеждений и установленных представлений о том, как должна вести себя женщина. Независимость, уверенность в себе и чувство самоценности стали ее целями, а также основаниями размышлений о воспитании и преобразовании общества для реализации потенциала каждой личности.

В Троицком церковь Святой Троицы реставрирована, и в ней восстановлена могила Дашковой. Она не написала себе эпитафии, а большинство некрологов перечисляют только ее главные официальные достижения: Российского императорского двора статс-дама, ордена Святой великомученицы Екатерины кавалер, Императорской Академии наук директор, Российской Императорской Академии президент, Римско-императорско-Эрлангенской, королевских Стокгольмской и Дублинской академии, обществ Берлинского испытателей природы, философского в Филадельфии, Целльского земледельческого, Санкт-Петербургского экономического и Московского университета член. Но Дашкова хотела, чтобы память о ней была иной, и в последнем абзаце «Записок» осторожно, с

осведомленностью много страдавшего человека, написала: «В заключение я поистине могу сказать, что сделала все добро, какое было в моей власти, и никогда никому не причинила зла, а за несправедливости, интриги и клевету, доставшиеся мне, отплатила только забвением и презрением. Свой долг я исполнила так, как его понимала, в соответствии с тем, что подсказывал разум. С честным сердцем и честными намерениями я перенесла все мучения, от которых изнемогла бы, если бы совесть моя не была спокойной; а теперь — приближающийся конец своей жизни я встречаю без страха и тревоги» (226 /207–208).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

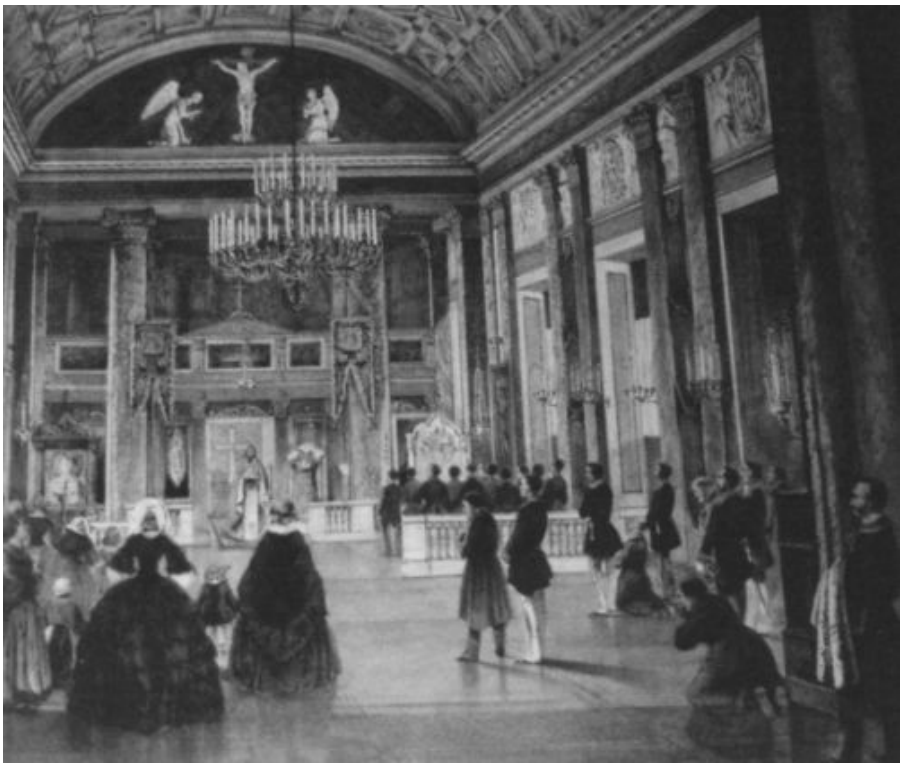
Михаил Илларионович Воронцов



Роман Илларионович Воронцов

Анна Воронцова, двоюродная сестра Дашковой и ее подруга детства

Дворец Воронцовых в Санкт-Петербурге



Капелла Воронцовского дворца

Братья Дашковой — Александр

и Семен Воронцовы

Екатерина Сенявина — жена Семена Воронцова

Императрица Елизавета Петровна

Великий князь Петр Федорович и его супруга Екатерина

Петр III

Елизавета Воронцова — нелюбимая сестра Дашковой

Михаил Иванович Дашков

Дашкова с детьми Михаилом и Анастасией

Граф Никита Панин

Переворот 28 июня 1762 года. Акварель Х. Кестнера

Григорий Орлов

Измайловский полк присягает Екатерине II

Орден Святой Екатерины

Дашкова в военной форме, которую она носила в дни переворота

Коронация Екатерины в Кремле

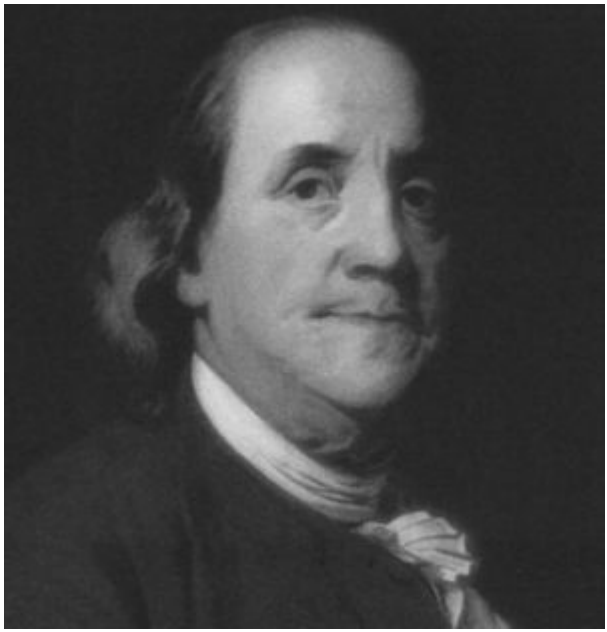
Императрица Екатерина II. Картина Д. Левицкого

Сегодня в особняке Дашковой находится Московская консерватория

Иван Шувалов

Вольтер

Дени Дидро



Бенджамин Франклин

Леди Арабелла Денни английская подруга Дашковой

Портрет Дашковой времен ее заграничного путешествия

Картина Анжелики Кауфман «Вышивальщица»

Екатерина Дашкова. Картина Д. Левицкого

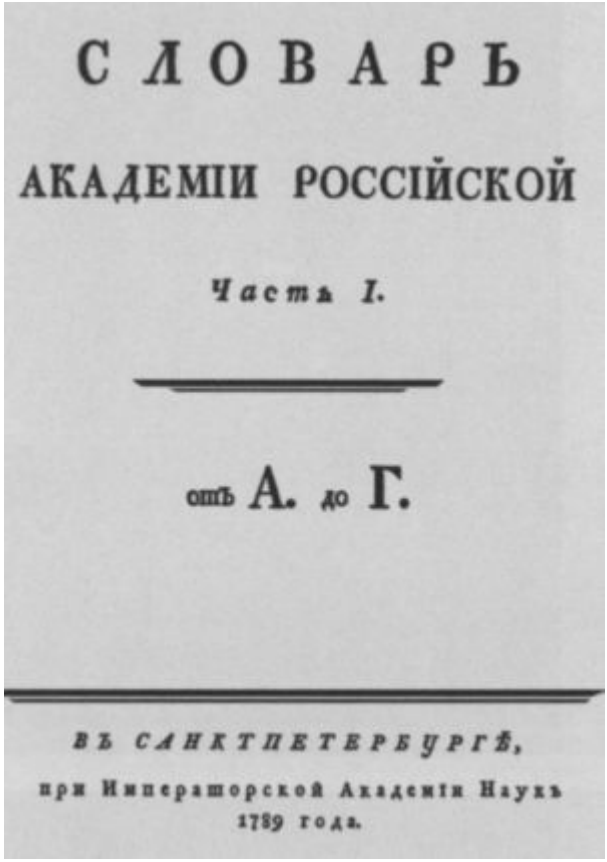
Дашкова в годы руководства двумя академиями

Императорская Академия наук. Гравюра XVIII в.

Джакомо Кваренги

Екатерина II на прогулке. Картина В. Боровиковского

Григорий Потемкин


СЛОВАРЬ

АКАДЕМІИ РОССІЙСКОЙ

Часть I.

отъ А. до Г.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ

1789 года.

Титульный лист «Словаря Академии Российской»

Здание Российской академии

СОБЕСѢДНИКЪ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССІЙСКАГО СЛОВА,
Содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ Россійскихъ писателей.
ЧАСТЬ I.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ
1783 года.

«Собеседник любителей российского слова» — один из журналов, издаваемых Дашковой

Г. Р. Державин

Д. И. Фонвизин

Я. Б. Княжнин

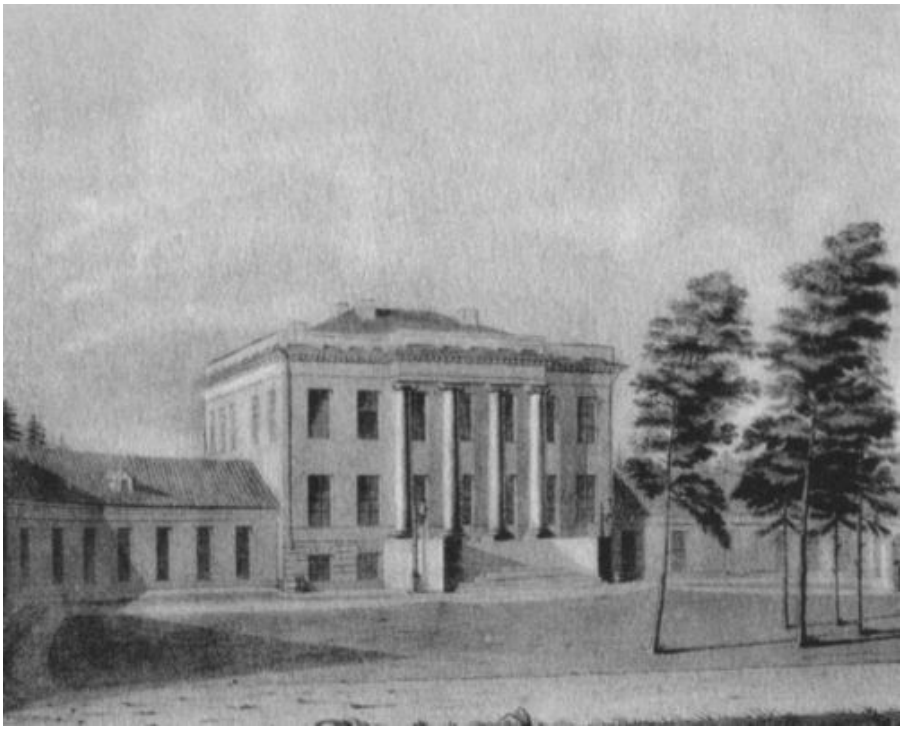
РОССІЙСКІЙ
ѲЕАТРЪ
или
Полное собраніе
всѣхъ
россійскихъ театральныхъ
сочиненій.
Часть I.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
при Императорской Академіи Наукъ,
1786 года.

Журнал «Российский феатр» с пьесой Княжнина «Вадим», ставшей причиной опалы Дашковой

БУМАГИ
КНЯГИНИ
Е. Р. ДАШКОВОЙ
(УРОЖДЕННОЙ ГРАФИНИ ВОРОНЦОВОЙ).
SEMPER INMOTA VIRES
МОСКВА.
1881.

Издание писем и документов Дашковой

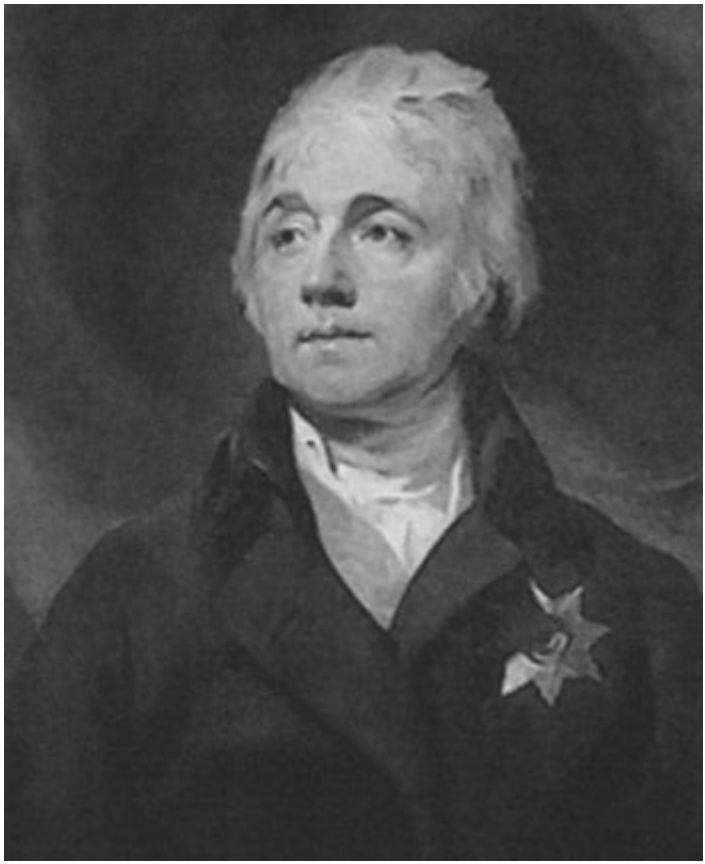
Директор академии на покое



Имение Дашковой Кирианово близ Санкт-Петербурга

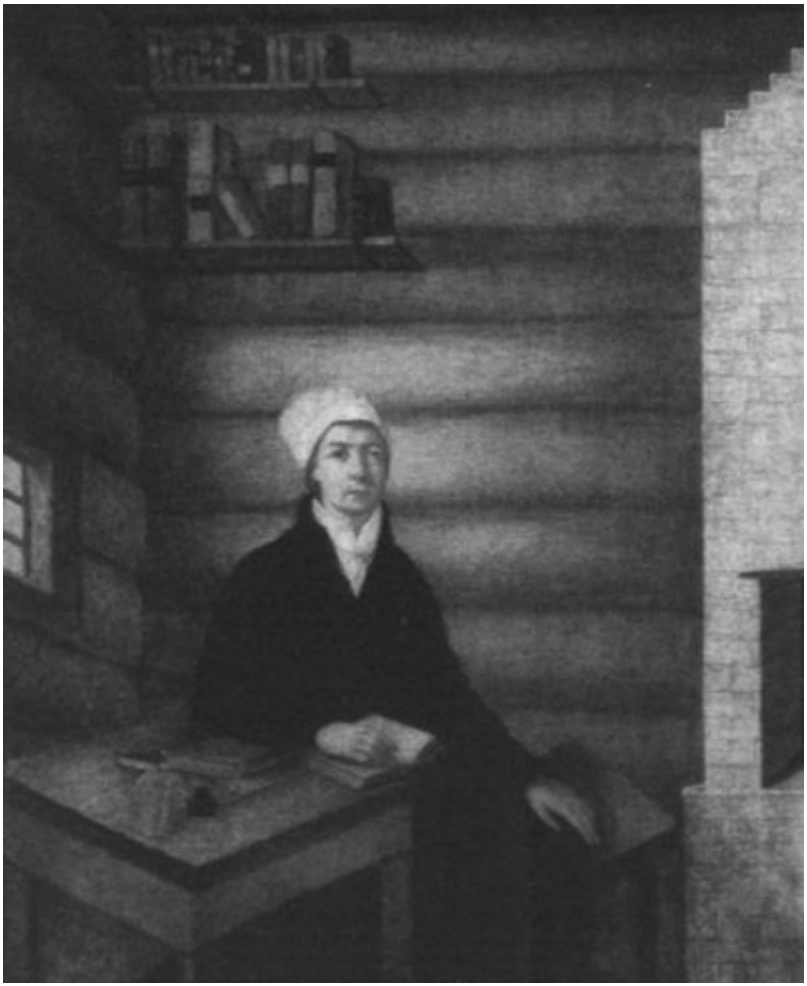
Кирианово в наши дни

Воронцовский дворец. Современный вид



Семен Романович Воронцов — посол России в Лондоне

Император Павел I



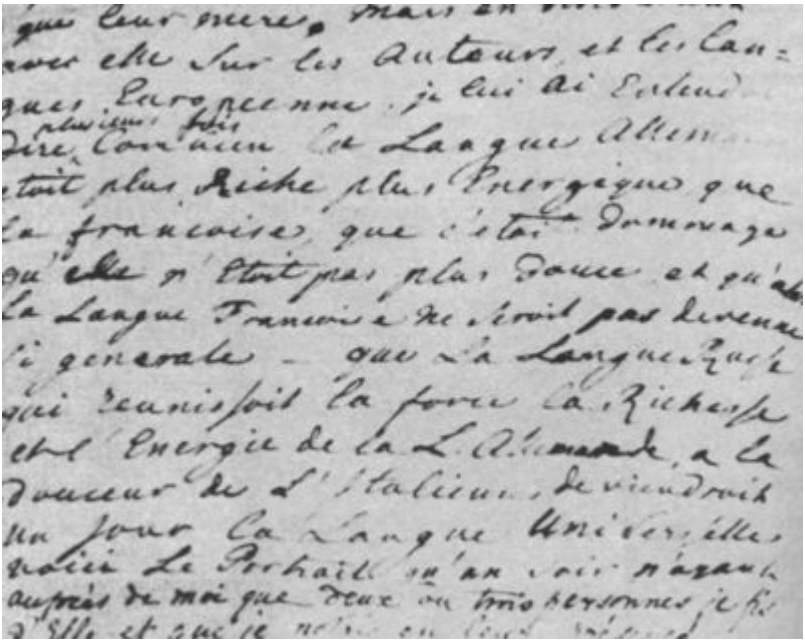
Дашкова в ссылке

Дашкова в годы опалы. Картина С. Тончи

Павел Михайлович Дашков

Кэтрин Вильмот

Мэри Вильмот



Страница из «Записок» Дашковой

Церковь в Троицком — место захоронения Дашковой

Памятный обелиск в Троицком

Современный бюст Дашковой

Марка с портретом Дашковой, выпущенная в 1996 году

Скульптурное изображение Дашковой на памятнике Екатерине II в Санкт-Петербурге

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AAE — Archives des Affaires Étrangères, «Russie» (Архив иностранных дел Франции, отдел «Россия»).

BFP — Brook Family Papers (Бумаги семьи Брук).

Nova — Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae (Новые протоколы Имп. Петербургской академии наук).

RIA — Royal Irish Academy (Ирландская королевская академия).

АКВ — Архив князя Воронцова.

АКК — Архив князя Ф. А. Куракина.

БЕРД — Бумаги Е. Р. Дашковой.

ГИМ ОПИ — Государственный исторический музей, отдел письменных источников.

ЕРД — Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы.

МДБ — Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

РА — Русский архив.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

РС — Русская старина.

СИРИО — Сборник императорского русского исторического общества.

Собеседник — Собеседник любителей российского слова.

СПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

СПФИРИ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е. Р. ДАШКОВОЙ

***1743**,17 марта* — Екатерина Романовна Воронцова родилась в Санкт-Петербурге в семье графа Романа Илларионовича Воронцова и его супруги Марфы Ивановны.

1744 — принцесса Софья Анхальт-Цербстская, будущая императрица Екатерина II, прибывает в Россию, чтобы выйти замуж за великого князя Петра Федоровича.

1745 — Екатерина и Петр женятся в Москве.

1754 — у Екатерины рождается сын Павел, будущий император Павел I.

1756 — начало Семилетней войны.

1758 — Екатерина Воронцова встречает своего будущего мужа Михаила Дашкова.

***1759**, февраль* — брак Екатерины и Михаила Дашкова. В течение следующих двух лет Дашкова живет в Москве и Троицком.

***1760**, 21 февраля* — у Дашковой рождается дочь Анастасия.

***1761**, январь* — у Дашковой рождается сын Михаил.

Июнь — возвращается в Санкт-Петербург.

25 декабря — смерть императрицы Елизаветы, трон наследует Петр III.

***1762**, июнь* — дворцовый переворот и восшествие на престол Екатерины.

Осень — умирает сын Дашковой Михаил.

***1763**, май* — в Москве у Дашковой рождается сын Павел. Григорий Орлов обвиняет ее в участии в заговоре Хитрово. Дашкова совершает путешествие в Ригу.

***1764**, август* — муж Дашковой умирает в Польше. Казнь Мировича. Дашкова уезжает из Санкт-Петербурга в Москву.

1765 — Дашкова живет в Москве и в усадьбе Троицкое.

1767 — Уложенная комиссия собирается для кодификации законов России на основе «Наказа» Екатерины.

1768 — Дашкова путешествует в Киев. Начало Русско-турецкой войны.

***1769**, декабрь* — отправляется в путешествие по Европе.

1771 — возвращается в Санкт-Петербург. Чума в Москве.

1772 — живет в Москве и усадьбе Троицкое.

1773 — восстание Пугачева.

1775 — отъезд Дашковой в Европу для обучения сына. Брак ее дочери Анастасии и бригадира Андрея Щербинина.

1777 — рождение внука Екатерины, будущего императора Александра I.

1779 — Павел Дашков заканчивает курс обучения в Эдинбургском университете.

1781 — Дашкова встречается с Бенджамином Франклином в Париже.

1782 — встреча с великим князем Павлом в Риме и возвращение в Петербург.

1783 — Дашкова становится главой двух академий. Летом ее посещает Кэтрин Гамильтон.

1784 — смерть Дени Дидро.

1787 — Екатерина путешествует на юг России и в Крым. Дашкова не сопровождает ее. Начало новой Русско-турецкой войны.

1788 — в январе Павел женится на мещанке Анне Алферовой. Война со Швецией.

1789 — Дашкова печатает шеститомный «Словарь Академии российской».

1790— публикация «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

1793 — казнь Людовика XVI и Марии Антуанетты. Ссора с Екатериной из-за публикации пьесы Княжнина «Вадим Новгородский». Второй раздел Польши.

1794 — Дашкова покидает посты президента в обеих академиях. Террор и Директория во Франции.

1795 — Третий раздел Польши.

1796 — Екатерина умирает, и на трон восходит Павел I, который ссылает Дашкову на север России.

1797, март — Дашкова возвращается из ссылки.

1801 — Павел I убит во время дворцового переворота, ему наследует его сын. Дашкова присутствует на коронации Александра I в Москве.

1802, июль — Дашкова последний раз посещает Петербург.

1803 — Марта Вильмот приезжает в Троицкое, позже к ней присоединяется сестра Кэтрин.

1805 — Дашкова пишет свои «Записки». Наполеон наносит поражение австро-русским войскам под Аустерлицем.

1807, 6 января — смерть сына Дашковой Павла.

1808, октябрь — Марта Вильмот покидает Россию.

1810, 4 января — Дашкова умирает в Москве.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. ИСТОЧНИКИ

Архивы

Государственный исторический музей. Отдел рукописей. Ф. 47.

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 178.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 14, 17, 199, 248, 285, 1255, 1261.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 17, 468, 730, 834, 938, 1151, 1329.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 1, 3,5, 8,21, 137.

Archives des Affaires Étrangères, «Russie». F. 68, 70–71, Paris.

Brook Family Papers, Additional MSS. No. 31, British Museum, London.

National Library of Scotland, MS. 3942. F. 269–270, 281–282, 287, Edinburgh.

Royal Irish Academy, 12 L 18, 25, 30, 31, 34; 12 M 18, Dublin.

Опубликованные источники

Архив князя Воронцова / Под ред. П. Бартенева. Т. 1–40. М., 1870–1897.

Архив князя Ф. А. Куракина / Под ред. В. Н. Смольянинова. Т. 1–10. Саратов, 1890–1902.

Болотов А. Т. Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла первого (Из записок А. Т. Болотова) // Русский архив. 1864. № 5–6. С. 596–622.

Бумаги Е. Р. Дашковой // Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина. М., 1901. С. 60–97.

Бутенев А. П. Воспоминания русского дипломата Аполлинария Петровича Бутенева // Русский архив. 1881. № 1. С. 5–84.

Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 1–2. М., 1928.

Герцен А. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. — В кн.: *Герцен А. И.* Собрание сочинений. Т. 12. М., 1957. С. 361–422.

Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895.

Глинка С. Н. Катерина Романовна Дашкова: Из записок С. Н. Глинки // Русское слово. 1861. № 4. С. 1–10.

Дашкова Е. Р. Вечеринка // Собеседник любителей

российского слова. 1783. № 9. С. 240–247.

Дашкова Е. Р. Записки 1743–1810 / Ред. Г. Н. Моисеева. Л., 1985.

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. Лондон, 1859 (репринтное издание: М., 1990).

Дашкова Е. Р. Записки тетушки // Новые ежемесячные сочинения. 1786. № 1. С. 61–80.

Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С. С. Дмитриева, сост. Г. А. Веселая. М., 1987.

Дашкова Е. Р. Изображение Великой Екатерины, писанное в 1784 году // Друг просвещения. 1804. № 10. С. 41–42.

Дашкова Е. Р. Искреннее сожаление об участи господ издателей Собеседника // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 3. С. 148–154.

Дашкова Е. Р. Истины, которые знать и помнить надобно, дабы, следуя оным, избежать несчастий // Новые ежемесячные сочинения. 1795. № 114. С. 2–7.

Дашкова Е. Р. К господам издателям Ежемесячных сочинений: вопросы // Новые ежемесячные сочинения. 1793. № 82. С. 3–6.

Дашкова Е. Р. К господам издателям Новых ежемесячных сочинений // Новые ежемесячные сочинения. 1792. № 78. С. 3–6.

Дашкова Е. Р. К господину сочинителю «Былей и небылиц» от одного из издателей Собеседника // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 5. С. 156–161.

Дашкова Е. Р. Картины моей родни, или Прошедшие святки // Собеседник любителей российского слова. 1782. № 14. С. 164–166; 1784. № 12. С. 17–22.

Дашкова Е. Р. Краткие записки разносчика // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 9. С. 7–16.

Дашкова Е. Р. Литературные сочинения / Ред. Г. Н. Моисеева. М.: Правда, 1990.

Дашкова Е. Р. Моя записная книжка // Собеседник любителей российского слова. 1784. № 13. С. 19–41.

Дашкова Е. Р. Надпись к портрету ее величества императрицы Екатерины II // Собеседник любителей российского слова. 1782. № 1. С. 14.

Дашкова Е. Р. Нечто из записной моей книжки // Друг просвещения. 1806. № 12. С. 194–201.

Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание» // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 2. С. 12–28.

Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание»: Сочинения, письма, документы / Сост. Г. И. Смагина. СПб., 2001.

Дашкова Е. Р. Об истинном благополучии // Собеседник

любителей российского слова. 1783. № 3. С. 24–34.

Дашкова Е. Р. От издателей // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 1.С. 160.

Дашкова Е. Р. Ответ [Иоанну Приимкову] // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 10. С. 21–24.

Дашкова Е. Р. Ответ от слова «так» // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 3. С. 39–43, 43–45, 141–147.

Дашкова Е. Р. Отрывок записной книжки // Новые ежемесячные сочинения. 1790. № 47. С. 12–19.

Дашкова Е. Р. Письмо к другу // Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. 1774. № 1. С. 78–80.

Дашкова Е. Р. Письмо к издателю Русского вестника // Русский вестник. 1808. № 2. С. 227–232.

Дашкова Е. Р. Письмо к издателям // Друг просвещения. 1804. № 4. С. 38–39.

Дашкова Е. Р. Письмо к издателям сих сочинений // Новые ежемесячные сочинения. 1786. № 5. С. 67–71.

Дашкова Е. Р. Письмо к К. Вильмот с размышлениями о вопросах воспитания, 15 ноября 1805 г. // Друг просвещения. 1806. № 12. С. 190–193.

Дашкова Е. Р. Послание к слову «так» // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 1. С. 15–23.

Дашкова Е. Р. Притча: Отец и дети // Новые ежемесячные сочинения. 1786. № 5. С. 71–72.

Дашкова Е. Р. Продолжение отрывка записной книжки // Новые ежемесячные сочинения. 1791. № 47. С. 3–6.

Дашкова Е. Р. Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым англинским провинциям // Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. 1775. № 2. С. 105–144.

Дашкова Е. Р. Путешествующие // Собеседник любителей российского слова. 1784. № 11. С. 120–132.

Дашкова Е. Р. Речь, говоренная при открытии императорской Российской академии//Московские ведомости. 1783. № 87. Перепечатано в: Друг просвещения. 1804. № 2. С. 144–146.

Дашкова Е. Р. Сокращение катехизиса честного человека // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 3. С. 33–35.

Дашкова Е. Р. Тоисиоков, или Человек бесхарактерный // Российский феатр, или Полное собрание всех феатральных сочинений. 1788. № 19. С. 239–317.

Дашкова Е. Р. Четырестишие // Друг просвещения. 1805. № 11. С. 144, 149.

Державин Г. Р. Сочинения Державина / Под ред. И. А. Грота.

1-е изд. Т. 1–9. СПб., 1864–1883.

Державин Г. Р. Сочинения Державина / Под ред. И. А. Грота. 2-е изд. Т. 1–7. СПб., 1868–1878.

Достопамятный разговор Екатерины Великой с княгиней Дашковой // Русский архив. 1884. № 2. С. 266–273.

Екатерина II. Краткодлинный ответ // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 6. С. 147–151.

Екатерина II. Мемуары. — В кн.: *Екатерина II. О* величии России. М., 2003. С. 477–724.

Екатерина II. Ответ // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 6. С. 179–180.

Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века / Ред. Г. Н. Моисеева. М., 1990.

Записки М. А. Фонвизина // Русская старина. 1884. № 42. С. 61–63.

Из опыта о епическом стихотворстве / Пер. Е. Р. Дашковой // Невинное упражнение. 1763. Январь. С. 13–21; Февраль. С. 51–56; Март. С. 99–111; Апрель. С. 143–155.

Из письма княгини Е. Р. Дашковой к графу Герману Кейзерлингу // Русский архив. 1887. № 3. С. 185–191.

Из розыскного дела о трагедии Княжнина «Вадим» // Русский архив. 1863. № 5–6. С. 467–473.

К господам издателям Собеседника любителей российского слова // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 2. С. 8–11.

К господам издателям Собеседника любителей российского слова // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 3. С. 154–159.

Ломоносов М. В. Избранные произведения в двух томах / Под ред. С. Р. Микулинского. М., 1986.

Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Leipzig, 1876.

На бывшаго в Академии Наук директором господина Домашнева // Русский архив. 1872. № 10. С. 203–206.

Новиков Н. И. О воспитании и наставлении детей. — В кн.: *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. М., 1951. С. 452–453.

О сообщественном условии / Пер. Е. Р. Дашковой // Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. 1774. № 1.С. 85–86.

Общество должно делать благополучие своих членов / Пер. Е. Р. Дашковой // Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. 1774. № 1. С. 80–84.

Опыт о торге / Пер. Е. Р. Дашковой // Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. 1774.

№ 1. С. 87–112.

Письма Императора Павла Петровича к московским главнокомандующим (1796–1801) // Русский архив. 1876. № 1. С. 6–32.

Письма кн. Е. Р. Дашковой к кн. А. Б. Куракину // Русский архив. 1912. № 7. С. 461–466.

Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю Г. А. Потемкину // Древняя и новая Россия. 1879. № 2. С. 152–159.

Письмо к издателям из Звенигорода // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 2. С. 8–11.

Полное собрание законов Российской империи. Т. 1–45. СПб., 1830.

Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии Наук. Т. 3–4. СПб., 1900–1911.

Прошение к господам издателям // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 8. С. 26–33.

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1961.

Рассказ Н. И. Панина о воцарении Екатерины Великой: Из записок барона Ассебурга // Русский архив. 1879. № 1. С. 362–369.

Ромм Ж. К истории русской образованности нового времени // Русский архив. 1887. № 1. С. 6–38.

Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. Т. 1–43. СПб., 1786–1794.

Румянцев С. П. Петр Великий // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 7. С. 164–177.

Рюльер К.-К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. — В кн.: Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подг. текстов, коммент. и ст. Ю. Лимонова. Л., 1989. С. 263–313.

Рябинин Д. Д. Биография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1879. № 1. С. 58–82.

Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 1–148. СПб., 1867–1916.

Словарь Академии Российской, 1789–1794. Т. 1–6 / Репринтное издание под ред. Л. В. Тычининой. М., 2001–2006.

Снегирев И. М. Воспоминания И. М. Снегирева // Русский архив. 1866. № 4. С. 513–562.

Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией. Т. 1–6. СПб., 1805–1813.

Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой, Екатерины и И. В. Лопухина / Ред. Е. Л. Рудницкая. М., 1992.

Тьебо Д. Записки профессора-академика Тьебо, 1765–1885 // Русская старина. 1878. № 23. С. 477–483.

Фонвизин М. А. Сочинения и письма / Под ред.

С. В. Житомирской, С. В. Мироненко. Т. 2. Иркутск, 1982.

Херасков М. М. Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой // Собеседник любителей российского слова. 1783. № 6. С. 19–22.

Храповицкий А. В. Памятные записки статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. СПб., 1862 (репринтное издание: М., 1990).

Чечулин Н. Д. Записки княгини Дашковой. СПб., 1907.

Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1846–1918.

Шейн А. Письмо к издателям // Новые ежемесячные сочинения. 1793. № 81. С. 15–16.

Шейн А. Письмо к издателям // Новые ежемесячные сочинения. 1793. № 86. С. 12–13.

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева с предисловием Искандера [А.И.Герцена]. Лондон, 1858; факсимильное издание: М., 1985. С. 1–96.

Щербинин М. П. Воспоминания М. П. Щербинина // Русский архив. 1876. № 3. С. 285–313.

Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997.

Catherine II. Memoirs of Catherine the Great / Ed. by K. Anthony. N.Y., 1935.

Catherine II. The Memoirs of Catherine the Great / Ed. by D. Maroger. London, 1955.

Catherine II. The Memoirs of Catherine the Great / Ed. by M. Cruse and H. Hoogenboom. N.Y., 2005.

Dachkova E. R. «Mon histoire»: Mémoires d'une Femme de Lettres Russe à l'Epoque des Lumières / Ed. by A. Woronzoff-Dashkoff, C. Legouis, C. Woronzoff-Dashkoff. Paris, 1999.

Dachkova E. R. Mémoires de la princesse Daschkoff / Ed. by P. Pontremoli. Paris, 1966.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. 2 vols. London, 1840.

Dashkova E. R. The Memoirs of Princess Dashkova / Translated by Kyril Fitzlyon. London, 1958 (Reprint: Durham, 1995).

Documents of Catherine the Great: The Correspondence with Voltaire and the Instruction of 1767 in the English Text of 1768 / Ed. W. F. Reddaway. London, 1931.

Dublin Historical Record. Vol. IX. Dublin: The Old Dublin Society, 1946–1948.

Letters from Mrs. Elizabeth Carter to Mrs. Montague, between the Years 1755 and 1800, Chiefly upon Literary and Moral Subjects / Ed. Pennington Montague. London, 1817.

Locke J. Some thoughts on education. London: J. Hatchard, 1836 (русский перевод: *Локк Дж.* Мысли о воспитании. — В кн.: *Локк Дж.* Сочинения. Т. 3. М., 1988. С. 407–608).

col1_0 Mémoires secrets sur la Russie. Paris, 1859.

col1_1 Secret Memoirs of Catherine II. London, 1904.

Montesquieu C. De l'esprit des lois. Paris, 1973 (русский перевод: *Монтескье Ш. Л.* О духе законов / Сост., пер. и коммент. А. В. Матешук. М., 1999).

Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. V. 1. Petropolis, 1783.

Rousseau J. J. Julie, ou La Nouvelle Héloïse. Paris, 1993 (русский перевод: *Руссо Ж. Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. М., 1968).

Rulhière C. C. de. A History or Anecdotes of the Revolution in Russia. 1797 (Reprint: N.Y., 1970).

Rulhièure C. C. de. Histoires ou Anecdotes sur la révolution de Russie, en l'an 1762, par Rulhière. Paris, 1797.

Schlegelberger G. Die Fürsten Daschkowa. Berlin, 1935.

The Papers of Benjamin Franklin / Ed. Barbara B. O berg. V. 34. New Haven— London, 1998.

Voltaire. Oeuvres completes. V. 1–52. Paris, 1877–1885.

Wilmot K. The Grand Tours of Katherine Wilmot: France 1801–3 and Russia 1805–7 / Ed. E. Mavor. London, 1992.

Wilmot M. and C. The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot / Ed. by the Marchioness of Londonderry and H. Montgomery Hyde. London, 1935.

2. ЛИТЕРАТУРА

Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне XVIII в. Т. 2. Варшава, 1897.

Алексеев В. Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002.

Артемьева Т. В. Философия в Петербургской Академии наук XVIII века. СПб., 1999.

Афанасьев А. Литературные труды княгини Е. Р. Дашковой // Отечественные записки. 1860. Т. 129. С. 181–218.

Бантыш-Каменский Д. Н. Дашкова, княгиня Екатерина Романовна // Словарь достопамятных людей Русской земли. Т. 2. М., 1836. С. 183–190.

Барсуков А. Князь Гр. Гр. Орлов // Русский архив. 1873. № 2. С. 1–146.

Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Т. 1–2. Berlin, 1900.

Благово Д. Д. Рассказы бабушки. Л., 1989.

Богатова Г. А. Дашкова и словарь ее эпохи // Словарь Академии Российской 1789–1794 / Репринтное издание под ред. Л. В. Тычининой. Т. 1. М., 2001. С. 13.

Богословский В. А. Кваренги — мастер архитектуры русского классицизма. Л., 1995.

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966.

Бройтман Л. И. Петербургские адреса Е. Р. Дашковой // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы / Под ред. А. И. Воронцова-Дашкова, М. М. Сафонова. СПб., 1996. С. 182–196.

Бутурлин М. Д. Княгиня Е. Р. Дашкова // Русская старина. 1877. № 18. С. 575.

Бутурлин М. Д. Очерк жизни гр. Д. П. Бутурлина // Русский архив.

1867. № 5. с. 376–386.

Веселая Г. А. Екатерина Романовна Дашкова в селе Троицком: Материалы к биографии //Труды Государственного исторического музея. 1984. Т. 58. С. 77–91.

Веселая Г. А. Послание княгини Е. Р. Дашковой своим крестьянам в Новгородскую губернию в деревню Коротово. — В кн.: Е. Р. Дашкова и ее время: исследования и материалы / Ред. Л. В. Тычинина. М., 1999. С. 113–124.

Воронцов-Дашков А. И. Московская библиотека княгини Е. Р. Дашковой. В кн.: Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы / Под ред. А. И. Воронцова-Дашкова, М. М. Сафонова. СПб., 1996. С. 134–139.

Воронцовы — два века в истории России: К 250-летию Е. Р. Дашковой / Отв. ред. М. М. Сафонов. СПб., 1993.

Гепферт Ф. О драматургии Е. Р. Дашковой. — В кн.: Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы / Под ред. А. И. Воронцова-Дашкова, М. М. Сафонова. СПб., 1996. С. 147–151.

Гилельсон М. И. Пушкин и «Записки» Дашковой // Молодая гвардия. 1974. № 10. С. 132–144.

Добролюбов Н. А. Собеседник любителей российского слова. — В кн.: *Добролюбов Н. А.* Собрание сочинений / Под ред. Б. И. Бурсова. М., 1961–1964. Т. 1. С. 182–289, 570–574.

Долгова С. Р. Княгиня Е. Р. Дашкова и семья Малиновских. М., 2002.

Долгорукова Е. А. Черты из жизни кн. Екатерины Романовны Дашковой // Русский архив. 1864. № 5–6. С. 569–586.

Е. Р. Дашкова и А. С. Пушкин в истории России / Ред.

Л. В. Тычинина. М., 2000.

Е. Р. Дашкова и ее время: исследования и материалы / Ред. Л. В. Тычинина. М., 1999.

Е. Р. Дашкова и ее современники / Ред. Л. В. Тычинина. М., 2002.

Е. Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия / Ред. Л. В. Тычинина. М., 2001.

Е. Р. Дашкова: личность и эпоха / Ред. Л. В. Тычинина. М., 2003.

Е. Р. Дашкова: Портрет в контексте истории / Ред. Л. В. Тычинина. М., 2004.

Егоров Б. Ф. Российские утопии: исторический путеводитель. СПб., 2007.

Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы / Под ред. А. И. Воронцова-Дашкова, М. М. Сафонова. СПб., 1996.

Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810): Каталог книжной выставки / Ред. Н. К. Леликова, В. И. Капуста. СПб., 1993.

Екатерина II и ее окружение / Ред. А. И. Юхта. М., 1996.

Елисеева О. И. Вельможная Москва: из истории политической жизни России XVIII в. М., 1997.

Елисеева О. И. Екатерина II и Е. Р. Дашкова. Феномен женской дружбы в эпоху Просвещения. — В кн.: Е. Р. Дашкова и А. С. Пушкин в истории России / Ред. Л. В. Тычинина. М., 2000. С. 19–34.

Есипов Г. Н. К биографии княгини Е. Р. Дашковой // Исторический вестник. 1882. № 9. С. 665–675.

Зайцева А. А. Е. Р. Дашкова и книжная торговля Академии наук // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы / Под ред. А. И. Воронцова-Дашкова, М. М. Сафонова. СПб., 1996. С. 110–127.

Иловайский Д. И. Екатерина Романовна Дашкова // Сочинения Д. И. Иловайского. М., 1884.

Каменский А. Б. Под сению Екатерины: вторая половина XVIII века. СПб., 1992.

Карабанов П. Ф. Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии // Русская старина. 1870. № 2. С. 493–495.

Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1–8. М., 1955–1959.

Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л., 1986.

Корнилович-Зубашева О. Княгиня Е. Р. Дашкова за чтением Кастера // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 355–370 (репринтное издание: Würzburg, 1978).

Корсаков А. Петр Алексеев, протоиерей московского Архангельского собора (1727–1801) // Русский архив. 1880. № 5–8. С. 153–210.

Кочеткова Н. Д. Дашкова и «Собеседник любителей российского слова» // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы / Под ред. А. И. Воронцова-Дашкова, М. М. Сафонова. СПб., 1996. С. 140–146.

Кросс Э. Г. Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776–1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в Горную Шотландию», 1777 / Пер. Ю. Д. Левина // XVIII век. 1995. № 18. С. 223–268.

Кучеренко Г. С. Сочинение Гельвеция «Об уме» в переводе Е. Р. Дашковой // XVIII век. 1999. № 21. С. 215–227.

Летопись Российской Академии наук. Т. 1 / Под ред. Н. И. Невской. СПб., 2000.

Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России. Т. 1–2. СПб., 1890–1901.

Лобанов-Ростовский А. Б. Еще о «Записках» княгини Дашковой // Русский архив. 1881. № 1.С. 366–379.

Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1978.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства XVIII — начала XIX века. СПб., 1994.

Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века. — В кн.: Из истории русской культуры. Т. IV(XVIII — начало XIX века). М., 2000. С. 537–574.

Малиновский А. Ф. Жизнеописание княгини Е. Р. Дашковой // *Долгова С. Р.* Княгиня Е. Р. Дашкова и семья Малиновских. М., 2002.

Микешин М. И. Социальная философия шотландского Просвещения. СПб., 2005.

Мордовцев Д. Л. Русские женщины нового времени: женщины девятнадцатого века. СПб., 1874.

Некрасове. М. Российская академия. М., 1984.

Нивьер А. Е. Р. Дашкова и французские философы // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы / Под ред. А. И. Воронцова-Дашкова, М. М. Сафонова. СПб., 1996. С. 41–54.

Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. М., 1772 (репринтное издание: М., 1987).

Огарков В. В. Е. Р. Дашкова: ее жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк. — В кн.: Дашкова. Суворов. Воронцовы. Сперанский. Канкрин: Биогр. повествования / Сост., общ. ред. Н. Ф. Болдырева. Челябинск, 1995 (Библиотека Флорентия Павленкова). С. 11–83.

Ожигова Е. П. Е. Р. Дашкова — директор Петербургской Академии наук // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы / Под ред. А. И. Воронцова-Дашкова, М. М. Сафонова. СПб., 1996. С. 94–102.

Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1–2. СПб., 1870–1873.

Пекарский П. П. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II //Записки Императорской Академии наук. 1863. № 3. С. 1–90.

Пряшникова М. П. Е. Р. Дашкова и музыка. М., 2001.

Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 г. / Ред. Г. А. Веселая. М., 1997.

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997.

Пыляев М. И. Старая Москва. СПб., 1891 (репринтное издание: М., 1990).

Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1889 (репринтное издание: М., 1990).

Россия XVIII в. глазами иностранцев / Ред. Ю. Лимонов. Л., 1989.

Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век / Под ред. П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивкова, Н. П. Сидорова. М., 1914.

Сафонов М. М. Екатерина Малая и ее «Записки» // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы / Под ред. А. И. Воронцова-Дашкова, М. М. Сафонова. СПб., 1996. С. 13–22.

Семевский В. И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, 1743–1810 гг.// Русская старина. 1874. № 3. С. 407–464.

Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II: На основании документов Архива Конференции Академии наук. СПб., 1914.

Семенников В. П. Русские сатирические журналы, 1769–1774. СПб., 1914.

Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II, 1768–1783 гг.: историко-литературное исследование. СПб., 1913.

Смагина Г. И. Сподвижница Великой Екатерины: Очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой. СПб., 2006.

Стенник Ю. В. Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей российского слова» // XVIII век. 1993. № 18. С. 113–130.

Суворин А. А. Княгиня Катерина Романовна Дашкова. СПб., 1888.

Сухомлинов М. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. — В кн.: История Российской Академии. Т. 1. СПб., 1874–1887. С. 20–57.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1994.

Теплова В. А. Дашкова, Екатерина Романовна. — В кн.: Словарь русских писателей XVIII века. Т. 1.Л., 1988.

Тишкин Г. А. «Ее Светлость Мадам Директор»: Е. Р. Дашкова и Петербургский университет в 1783–1796 гг. — В кн.: Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы / Под ред. А. И. Воронцова-Дашкова, М. М. Сафонова. СПб., 1996. С. 80–93.

Тишкин Г. А. Е. Р. Дашкова и учебная деятельность в Петербургской Академии наук. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1989.

Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке / Пер. с фр. Д. В. Соловьева. СПб., 2005.

Тычинина Л. В. Великая россиянка. М., 2002.

Удовик В. А. Воронцов. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).

Фирсова Е. Н. После ссылки: Е. Р. Дашкова в Москве и в Троицком в 1797–1801 гг. — В кн.: Е. Р. Дашкова и А. С. Пушкин в истории России / Ред. Л. В. Тычинина. М., 2000. С. 62–75.

Чайковская О. «Как любопытный скиф…»: Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 1990.

Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 1999.

Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1908.

Шугуров М. Ф. Заметки об английском переводе «Записок» княгини Дашковой // Русский архив. 1881. № 2. С. 132–140.

Шугуров М. Ф. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова // Русский архив. 1880. № 9–10. С. 150–217.

Alexander J. T. Catherine the Great and the Foundation of the Russian Academy // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter, 13, 1985. P. 16–24.

Alexander J. T. Catherine the Great: Life and Legend. N.Y. — Oxford, 1989.

Amoia A. Princess Ekaterina (Catherine) Romanovna Vorontsova Dashkova // Great Women Travel Writers from 1750 to the Present / Ed. by Alba Amoia and Bettina L. Knapp. N.Y., 2005. P. 11–26.

Bartlett R. Defenses of Serfdom in Eighteenth-Century Russia // A Window on Russia / Ed. by Maria Di Salvo and Lindsey Hughes. Rome, 1996. P. 67–74.

Black J. L. Educating Women in Eighteenth Century Russia: Myths and Realities// Canadian Slavonic Papers, 20, 1975. P. 23–43.

Castéra J. H. The Life of Catherine II, Empress of Russia. V. 1–3. London, 1798.

Castle T. Masquerade and Civilization: The Carnivalesque in Eighteenth-Century English Culture and Fiction. Stanford (Cal.), 1986.

Chernova A. «Mémoires» und «Mon Histoire». Zarin Katharina die Große und Fürstin Katharina R. Daschkowa in ihren Autobiographien. Berlin, 2007.

Christie I. R. The Benthams in Russia, 1780–1791. Oxford, 1993.

Cross A. G. «By the Banks of the Thames»: Russians in Eighteenth-Century Britain. Newtonville (Mass.), 1980 (русский перевод: *Кросс Э. Г.* У берегов Темзы: россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996).

Cross A. G. 'A Red Hot English Woman': Princess Dashkova's Love Affair with Britain // The Princess and the Patriot: Ekaterina Dashkova, Benjamin Franklin, and the Age of Enlightenment / Ed. Sue Ann Prince. Philadelphia, 2006. P. 89–96.

Cross A. G. A Russian in the Gordon Riots // Study Group of Eighteenth-Century Russia Newsletter, 1, 1973. P. 29–36.

Cross A. G. Contemporary British Responses (1762–1810) to the Personality and Career of Princess Ekaterina Romanovna Dashkova // Oxford Slavonic Papers, 27, 1994. P. 41–61.

Cross A. G. Dispute with a Tutor: An Episode from Princess Dashkova's Residence in Edinburgh // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter, 19, 1991. P. 22–29.

Cross A. G. Early British Acquaintance with Russian Popular Song and Music (The Letters and Journals of the Wilmot Sisters) // The Slavonic and East European Review, 66, № 1, 1988. P. 21–32.

Cross A. G. Paul Sandby and the Dashkovs // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter, 23, 1995. P. 37–44.

Cross A. G. The High Road and the Low: Russian Students and Travellers in Eighteenth-Century Scotland // Coexistence, 29, 1992. P. 113–124.

Davidson I. Voltaire in Exile: The Last Years, 1753–78. N.Y., 2004.

Dickinson S. The Russian Tour of Europe before Fonvizin: Travel Writing as Literary Endeavor in Eighteenth-Century Russia // Slavic and East European Journal, 45, 2001. P. 1–29.

Dvoichenko-Markoff E. Benjamin Franklin, the American Philosophical Society and the Russian Academy of Sciences // Proceedings of the American Philosophical Society, 91, August, 1947. P. 250–257.

Dvoichenko-Markoff E. The American Philosophical Society and Early Russian-American Relations // Proceedings of the American Philosophical Society, 94, December, 1950. P. 549–610.

Griffiths D. M. Castéra-Tooke: The First Western Biographer(s) of Catherine II// Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter, 10, 1982. P. 50–62.

Heldt B. Terrible Perfection: Women and Russian Literature. Bloomington (Ind.), 1987.

Herold K. Autobiographical Literature in French: Recovering a Memoiristic Tradition (1770–1830). PhDdiss., University of California. Los Angeles, 1998.

Holmgren B. The Russian Memoir. Evanston, 2003.

Humphreys L. J. The Vorontsov Family: Russian Nobility in a Century of Change, 1725–1825. PhD diss., University of Pennsylvania. Los Angeles, 1969.

Hyde H. M. The Empress Catherine and Princess Dashkova. London, 1935.

International Dictionary of University Histories / Ed. Carol Summerfield and Mary Elizabeth Devine. Chicago, 1998.

Kenney J. J. The Vorontsov Party in Russian Politics, 1785–1803: an Examination of the Influence of an Aristocratic Family at the Court of St. Petersburg in the Age of Revolution. PhD diss., Yale University, 1975.

Lent in A. Princess Dashkova // History Today, 18, 1968. P. 823–825; 19, 1969. P. 18–24.

Locke J. The Educational Writings of John Locke: A Critical Edition / Ed. J. Axtell. Cambridge, 1968.

Longmire R. A. Princess Dashkova and the Intellectual Life of Eighteenth Century Russia. Master's thesis, University of London, 1955.

Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven and L.: Yale University Press, 1981.

Mailloux L. La princesse Daschkoff et la France // Revue d'histoire diplomatique, 1, 1981. P. 5–25.

Marcum J. W. Semen R. Vorontsov: Minister to the Court of St. James's for Catherine II, 1785–1796. PhD diss., the University of North Carolina. Chapel Hill, 1970.

Marresse M. L. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca-London, 2003.

Mohrenschildt D. S. von. Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France. N.Y., 1936.

Montefiore S. S. Potemkin: Catherine the Great's Imperial Partner. N.Y., 2005 (русское издание: *Монтефиоре С. С.* Потемкин. М., 2003).

Monter B. H. The Public and Private Lives or Princess Dashkova // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter, 10, 1982. P. 10–12.

Nash C. S. Educating New Mothers: Women and the Enlightenment in Russia // History of Education Quarterly, 21, 1981. P. 301–316.

Papmehl K. A. Freedom of Expression in the Eighteenth-Century Russia. The Hague, 1971.

Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. N.Y., 1966.

Raney S. T. A Worthy Friend of Tomiris: The Life of Princess Ekaterina Romanovna Dashkova. PhD diss., Oklahoma State University, 1993.

Ransel D. L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven and L.: Yale University Press, 1975.

Rice T. T. Elizabeth: Empress of Russia. N.Y., 1970.

Roosevelt P. Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History. New Haven and L.: Yale University Press, 1995.

Rosslyn W. Women in Russia (1770–1825): Recent Research // Women and Gender in 18th-Century Russia / Ed. by Wendy Rosslyn. Hampshire-Burlington, 2003. P. 1–34.

Russian Women, 1698–1917: Experience and Expression, an Anthology of Sources/Ed. R. Bisha,J. M. Gheith, Ch. Holden and W. G. Wagner. Bloomington (Ind.), 2002.

Schubert F. von. Unter dem Doppeladler. Stuttgart, 1962.

Smith S. A Poetics of Women's Autobiography: Marginality and the Fictions of Self-Representation. Bloomington (Ind.), 1987.

Taigny E. Catherine II et la princesse Daschkoff. Paris, 1860.

The Princess and the Patriot: Ekaterina Dashkova, Benjamin Franklin, and the Age of Enlightenment / Ed. Sue Ann Prince. Philadelphia, 2006.

Whittaker C. H. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, IL.: Northern Illinois University Press, 2003.

Woronzoff-Dashkoff A. Additions and Notes in Princess Dashkova's «Mon histoire» // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter, 19, September, 1991. P. 15–21.

Woronzoff-Dashkoff A. Disguise and Gender in Princess Dashkova's «Memoirs» // Canadian Slavonic Papers, 32, March, 1991. P. 61–74.

Woronzoff-Dashkoff A. E. R. Dashkova (Essay, Bibliography, Translation) // Russian Women Writers / Edited by Christine D. Tomei. N.Y.-London, 1999.

Woronzoff-Dashkoff A. E. R. Dashkova and the Education of Women // A Window on Russia: Proceedings of the Fifth International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia (Gargnano, 1994) // Editors M. Di Salvo and Lindsey Hughes. Rome: La Fenice Edizioni, 1996. P. 307–312.

Woronzoff-Dashkoff A. E. R. Dashkova's Moscow Library // Slavonic and East European Review, 72, January, 1994. P. 60–71.

Woronzoff-Dashkoff A. Princess E. R. Dashkova: First Woman

Member of the American Philosophical Society // Proceedings of the American Philosophical Society. V. 140, № 3, September 1996. P. 405–414.

Woronzoff-Dashkoff A. Princess Ekaterina Romanovna Dashkova // Dictionary of Literary Biography / Editor Marcus C. Levitt. Detroit, Washington (D.C.), L.: Brucoli Clark Layman and Gale Publishers, 1995. P. 65–69.

Zimmerman J. S. Alexander Romanovich Vorontsov, Eighteenth-Century Enlightened Russian Statesman, 1741–1805. PhD diss., City University of New York, 1975.

notes

Примечания

1

Выдающийся американский политик и ученый-энциклопедист Бенджамин Франклин (1706–1790) в 1776–1785 годах занимал должность посланника США в Париже. *(Прим. ред.)*.

2

Во второй половине XVIII века в Англии существовали салоны «синих чулок» *(Blue Stocking),* где собирались дамы, интересующиеся наукой и социальными проблемами. Таких дам иронически называли «синими чулками»; позже это прозвище стало применяться к эмансипированным женщинам, принципиально не выходившим замуж. *(Прим. ред.)*.

3

Letters from Mrs. Elizabeth Carter. P. 88–89.

Cm.: *Dvoichenko-Markoff E.* Benjamin Franklin // Proceedings of the American Philosophical Society, 91, August, 1947. P. 250–257.

5

Здесь и далее в ссылках на «Записки» Дашковой цифры в скобках до косой черты обозначают страницы издания: *Dachkova E. R.* Mon histoire: Mémoires d'une Femme de Lettres Russe à l'Epoque des Lumières / Ed. by A. Woronzoff-Dashkoff, C. Legouis, C. Woronzoff-Dashkoff. Paris, 1999. Цифры после косой черты обозначают страницы издания: *Дашкова Е. Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С. С. Дмитриева, сост. Г. А. Веселая. М., 1987 *(прим. переводчика)*.

Papers of Benjamin Franklin. P. 347.

Мордовцев Д. Л. Русские женщины нового времени. С. 157.

8

Хорас Уолпол (1717–1797) — английский писатель и критик, создатель жанра готического романа. В своих дневниках описывал жизнь светского общества.

9

Цит. по: *Cross A. G.* Contemporary British Responses (p. 46) и *Cross A. G.* By the Banks of the Thames (p. 237) (в оригинале, возможно, игра слов: *an absolute Tartar* означает также «совершеннейшая мегера» *(прим. переводчика)*.

10

Цит. по: *Lentin A.* Princess Dashkova. P. 826.

11

Masson C.F.P. Secret Memoirs of Catherine II. P. 281.

12

Державин Г. Р. Сочинения Державина. 2-е изд. Т. 1. С. 155.

Державин Г. Р. Там же. Т. 6. С. 654.

14

Державин Г. Р. Там же. Т. 3. С. 270–271. Оба стихотворения относятся к портрету на фронтисписе.

15

Герцен А. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 361–362.

Огарков В. В. Е. Р. Дашкова. С. 11–12.

Добролюбов Н. А. Собеседник… С. 221–222.

18

См.: АКВ. Т. 5. С. 12, 21, 24 и др.

19

Heldt B. Terrible Perfection. P. 64–70. Обзор недавних работ см.: *Rosslyn W.* Women in Russia. P. 12–17.

Hyde H. M. Empress Catherine and Princess Dashkova. P. 261.

Woronzoff-Dashkoff A. Disguise and Gender. P. 61–74.

22

АКВ. Т. 5. С. 159; РГАДА. Ф. 1261. Оп… 1. Д. 3100.

23

Россия XVIII в. глазами иностранцев. С. 329.

24

Ошибки могли появиться из-за неправильного понимания ее сестрами Вильмот во время составления «Записок». Когда Марта Вильмот прибыла в Россию, ей еще не было и тридцати, тогда как Дашкова уже отметила свое шестидесятилетие. Разница в возрасте двух женщин и психологическое влияние отмеченной годовщины могли привести к тому, что Дашкова забыла один год.

25

На самом деле Ярослав Мудрый был женат на Ингигерде, дочери шведского короля Улофа Шётконунга, причем их свадьба состоялась около 1016 года. Викинг Симон Африкан, вероятнее всего, стал продуктом эпохи, когда русские дворянские роды старались вывести свою родословную от знатных иноземцев. (прим. ред.).

26

Генеалогия семьи (Родословие гг. графов Воронцовых, 1808), неопубликованная рукопись, подготовленная при жизни Дашковой, ведет происхождение семьи от Симона Африкановича. Родство с Хоконом I Норвежским — более поздняя, неподтвержденная интерпретация. Возможно, что Симон (Шимон Афрекиссон или Африканус) был сыном Афреки Эрикссона и племянником короля Хокона (Якуна). См. базу данных по генеалогии Киевской Руси: www.unc.edu/~smyre/rus/Shimon_Afrekisson.html.

27

В XIX веке П. В. Долгоруков в своей «Российской родословной книге» подверг сомнению связь между Воронцовыми, жившими в XVI веке, и теми, которые появились на сто лет позже. Семья Воронцовых обвинила Долгорукова в шантаже, и французский суд признал его виновным в клевете. Генеалогические проблемы, однако, решены не были. См.: *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы. С. 5–13.

28

Екатерина II. Мемуары. С. 676, 699.

29

Молодая Наталия Долгорукая, дочь фельдмаршала Б. П. Шереметева, напротив, последовала за своим мужем Иваном Долгоруким в Сибирь. После его казни она вернулась, ушла в монастырь и написала духовную автобиографию — первую современную автобиографию, написанную русской женщиной.

30

Бабушка Дашковой по отцовской линии умерла за три года до ее рождения, в 1740 году, а дед И. Г. Воронцов умер в 1750 году, когда ей было семь лет.

31

В наброске автобиографии Александр написал, что Дашковой было семь лет, когда она перешла жить к дяде (АКВ. Т. 5. С. 11–14).

32

Во дворце позже располагался Пажеский корпус, а сейчас там находится Санкт-Петербургское суворовское училище (Садовая ул., 26).

Rice T. T. Elizabeth Empress of Russia. P. 154.

Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. P. 122.

35

АКВ. Т. 5. С. 10–11; *Wilmot M. and C.* The Russian Journals. P. 158–159; *Екатерина II.* Мемуары. С. 706.

Алексеев В. Н. Графы Воронцовы. С. 41.

AAE. T. 68. C. 47.

Щербатов М. М. О повреждении нравов. С. 88–89.

Алексеев В. Н. Графы Воронцовы. С. 54–56.

Екатерина II. Мемуары. С. 655.

41

СПФИРИ РАН. Ф. 36. Оп… 1. Д. 1069. Л. 22, 72. Письмо от 22 октября 1760 года.

42

Ронцовы (также Ранцовы) — это фамилия Романа с отрезанным первым слогом. Такое сокращение было принято в то время для внебрачных детей; так, Воронцов превращался в «Ронцов», Трубецкой — в «Бецкой», а Репнин — в «Пнин».

Екатерина II. Мемуары. С. 560.

Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века. С. 539.

Высшего дворянства *(фр.)*.

Каменский А. Б. Под сению Екатерины. С. 92.

47

Церковь превратили в библиотеку, а распятие убрали, ангелы же всегда оставались на месте. Недавно церковь была восстановлена.

Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России. Т. 1. С. 70.

49

Книги для чтения в будуаре *(фр.)*.

50

Дашкова заплатила за книги сестры 222 рубля 22 копейки (*Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук. Т. 2. С. LV, прим. 2).

51

МДБ. Т. 118. С. 25.

АКВ. Т. 16. С. 68; Т. 32. С. 102–103.

Добролюбов Н. А. Собеседник… С. 222; *Dashkova E. R.* The Memoirs of Princess Dashkova / Translated by Kyril Fitzlyon. P. 332.

54

Сын Марии Дмитрий после безвременной смерти матери был воспитан и образован в доме дяди Александра Воронцова. Широко образованный человек и известный библиофил, он был директором Императорского Эрмитажа.

Школа легкой кавалерии *(фр.)*.

АКВ. Т. 5. С. 156.

Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века. С. 546, 571.

Он был племянником знаменитого голландского химика Германа Бургаве, чью фамилию добавил к своей.

59

Веера были способом коммуникации при дворе, что породило некий секретный язык. Из уважения к императрице сложенный веер обозначал молчание.

Корнилович-Зубашева О. Княгиня Е. Р. Дашкова за чтением Кастера. С. 358.

61

Alexander J. T. Catherine the Great: Life and Legend. P. 65.

Catherine II. The Memoirs of Catherine the Great / Ed. by D. Maroger. P. 369.

Catherine II. The Memoirs of Catherine the Great / Ed. by D. Maroger. P. 358; *Пыляев М. И.* Старый Петербург. С. 203–204.

Малиновский А. Ф. Жизнеописание княгини Е. Р. Дашковой; *Долговое. Р.* Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 169. Жена Малиновского Анна Исленьева была воспитанницей Дашковой, и он часто основывает свой биографический набросок на ее наблюдениях и разговорах с Дашковой. Видимо, из-за того, что это продукт устной истории, он содержит много неточностей. А. Ф. Малиновский был, возможно, автором некролога Дашковой в «Вестнике Европы» (1810. № 2. С. 149–151). См. также неопубликованную рукопись Я. К. Грота «Княгиня Дашкова» (СПФА РАН. Ф. 137. Оп… 1. Д. 13. Л. 1–10).

См.: Воронцов-Дашков А. И. Московская библиотека княгини Е. Р. Дашковой. С. 134–139.

Moréri L. Le grand dictionnaire historique. Paris, 1759.

L’Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers.

Рюльер К.-К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. С. 281.

69

Дашковский экземпляр книги Гельвеция *(Helvétius C.* De l’Esprit. Paris, 1758) находится в библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге (5154.f./2015).

70

Дипломат, писатель и ученый. Его сын Дмитрий стал католиком, вступил в орден иезуитов и занимался миссионерством среди индейцев в Западной Пенсильвании.

71

Малиновский А. Ф. Жизнеописание княгини Е. Р. Дашковой. С. 169.

72

Девиз на гербе рода Воронцовых гласил: *Semper immota fides* — «Вечная неколебимая верность» *(лат.) (прим. переводчика)*.

Герцен А. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 373, 393.

МДБ. С. 124.

Woronzoff-Dashkoff A. E. R. Dashkova's Moscow Library, 68.

Екатерина II. Мемуары. С. 706.

Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой. С. 104–105.

78

Копии писем Екатерины на французском языке хранятся в архиве BFP и были опубликованы в: *Dachkova E. R.* Mon histoire. С. 227–254.

79

Французский перевод можно найти в RIA 12 L 25. 21 августа 1762 года из Петербурга Михаил Воронцов послал Александру другой французский перевод стихов Дашковой (АКВ. Т. 31. С. 183).

Храповицкий А. В. Памятные записки. С. 187.

81

Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой. С. 101–102.

АКВ. Т. 5. С. 157–158.

83

Рюльер пишет, что Дашкова встретила своего будущего мужа и сказала Михаилу Воронцову: «Дядюшка! Князь Дашков мне делает честь своим предложением и просит моей руки» *(Рюльер К.-К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. С. 282).

АКВ. Т. 5. С. 16; *Суворин А. А.* Княгиня Катерина Романовна Дашкова. С. 20–21; См. перевод Томаса Ньюлина списка приданого Дашковой в: Russian Women, 1698–1917. P. 60–63.

85

Чечулин Н. Д. Записки княгини Дашковой. С. 319; *Суворин А. А.* Княгиня Катерина Романовна Дашкова. С. 20.

СПФИРИ РАН. Ф. 36. Оп… 1. Д. 1069.

АКВ. Т. 16. С. 4.

Там же. С. 35, 39.

89

В настоящее время — деревня Мартышкино, улица Дачная.

О театральности в «Записках» см.: *Levitt M. C.* Virtue Must Advertise: Self-Presentation in Princess Dashkova's *Memoirs* // The Princess and the Patriot. P. 39–56.

91

Castéra J. H. Life of Catherine II. V. 1. P. 330. В большинстве случаев Дашкова не соглашается с Кастера. См.: *Корнилович-Зубашева О.* Княгиня Е. Р. Дашкова за чтением Кастера. С. 355–370.

Davidson /. Voltaire in Exile. P. 7.

93

«За большим столом и со многими, с превеликим хохотанием и криком, забавлялся он в любимую свою игру кампию, которую игру также не видывал я никогда до того времени» *(Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. С. 425). Кампия — карточная игра; набор, колода карт (см.: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. Из — Каста. СПб., 1997. С. 228). *Прим. переводчика.*

Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой. С. 101, 113–114, 116.

95

О возможности эротических отношений между Дашковой и Екатериной, а также о представлениях о сексуальности в XVIII веке см. введение Ж. Гейт в издании: *Dashkova E. R.* The Memoirs of Princess Dashkova / Translated by K. Fitzlyon. P. 8–13.

Смагина Г. И. О смысле слова «воспитание». С. 262.

Веселая Г. А. Путь к трону. С. 185.

98

Письмо Станиславу Августу Понятовскому от 2 августа 1762 г. — В кн.: *Екатерина II.* О величии России. С. 727.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. С. 421. *Прим. переводчика.*

100

«Имел государь любовницу, дурную и глупую, графиню Елисавету Романовну Воронцову, но ею, взошед на престол, он доволен не был, а вскоре все хорошие женщины под вожделение его были подвергнуты… Княгиня Елена Степановна Куракина была привожена к нему на ночь Львом Александровичем Нарышкиным, и я сам от него слышал, что бесстыдство ее было таково, что, когда по ночевании ночи он ее отвозил домой по утру рано и хотел, для сохранения чести ее, и более чтобы не учинилось известно сие графине Елисавете Романовне, закрывши гардины ехать, она, напротив того, открывая гардины, хотела всем показать, что она с государем ночь переспала. Примечательна для России сия ночь, как рассказывал мне Дмитрей Васильевич Волков, тогда бывшей его секретарем. Петр Третий, дабы сокрыть от графини Елисаветы Романовны, что он всю ночь будет веселиться с новопривозной, сказал при ней Волкову, что он имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошел веселиться с княгинею Куракиной, сказав Волкову, чтобы он к завтрею какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с дацкою собакою. Волков, не зная ни причины, ни намерения государского, не знал, о чем зачать писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливой, то вспомнил нередкия вытвержении государю от графа Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянства, седши, написал манифест о сем. По утру его из заключения выпустили, и манифест был государем опробован и обнародован» *(Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. С. 77–78). *Прим. переводчика.*

101

Веселая Г. А. Путь к трону. С. 183.

102

Цит. по: *Ransel D. L.* The Politics of Catherinian Russia. P. 62.

103

Веселая Г. А. Путь к трону. С. 46.

Екатерина II. Мемуары. С. 710.

105

АКВ. Т. 5. С. 13, 21–22.

Там же. С. 21.

107

Николаю Трубецкому, фельдмаршалу и другу поэта Антиоха Кантемира, было тогда немного за шестьдесят. Его вторая жена Анна, вдова Хераскова, была матерью поэта М. М. Хераскова.

108

В три локона *(фр.)*.

109

Письмо к Григорию Орлову, 11 июля 1763 г.// Русская старина. 1874. № 11. С. 487.

Екатерина II. Мемуары. С. 705–706.

Каменский А. Б. Под сению Екатерины. С. 153.

112

Екатерина считала книгу Монтескье «О духе законов» (1748) молитвенником монархов со здравым смыслом. Хотя она изменила многие идеи Монтескье, 294 из 526 статей в части первой екатерининского «Наказа» взяты из его сочинения. См.: *Madariaga I. de.* Russia in the Age. P. 152–155, 158–159.

113

Чечулин Н. Д. Записки княгини Дашковой. С. 36.

СИРИО. Т. 12. С. 202.

115

Рюльер и Казанова, бывшие в 1765–1766 годах в России и посетившие Дашкову, повторили эти сплетни (Русская старина. 1874. № 9. С. 540). В своих комментариях Казанова высказывал также сильное раздражение ролью женщин в России.

АКВ. Т. 34. С. 333–352.

Cross A. G. Contemporary British Responses. P. 43.

118

АКВ. Т. 31. С. 260, 272 (8 декабря 1763 г. и 9 марта 1764 г.).

119

AAE. T. 70. C. 20.

120

Дом Романа Воронцова много лет стоял в руинах; сегодня это небольшая церковь на проспекте Стачек, д. 186а.

121

Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой. С. 114.

122

СИРИО. Т. 12. С. 7 (1/12 июля 1762 г.).

123

Из письма княгини Е. Р. Дашковой к графу Герману Кейзерлингу. С. 185–191. Этот короткий рассказ интересно сравнить с «Записками», написанными около сорока лет спустя. Возможно, Дашкова использовала копию этого письма, когда составляла автобиографию, поскольку за небольшими исключениями эти описания переворота идентичны, хотя письмо и гораздо более лаконично.

Рюльер также утверждает, что Дашкова приготовила экипаж и два дня держала его в постоянной готовности *(Рюльер К.-К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. С. 290).

125

Кажется, он противоречит себе, когда позже добавляет, что Шкурина послала экипаж. См.: Рассказ Н. И. Панина. С. 364–365. «Mémoires sur le détrônement de Pierre III» («Мемуары о низложении Петра III») Панина сохранились в бумагах барона фон Ассенбурга. См.: *Суворин А. А.* Княгиня Катерина Романовна Дашкова. С. 63, 161 и *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. С. 467 и след.

126

См. перевод: *Дашкова Е. Р.* Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 56.

127

Рассказ Н. И. Панина. С. 365–366.

128

См. перевод в: *Дашкова Е. Р.* Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 56. Герценовское издание, как и другие русские издания, содержит только частичный перевод.

129

Рябинин Д. Д. Биография графа Семена Романовича Воронцова. С. 64.

130

В 1727 году, возможно, в шутку, Александр Меншиков был сделан единственным мужчиной — кавалером этого ордена.

Бутурлин М. Д. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 575.

132

На портрете Дашкова одета в мундир полковника кирасирского полка ее мужа.

133

См. перевод: *Дашкова Е. Р.* Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 59.

134

Действия Семена во время переворота напоминают действия героя Пушкина Дубровского. Пушкин мог иметь его в виду, поскольку Дашкова упоминается в ранних черновиках повести.

135

Его непреклонность приведет к дуэли с графом Штакельбергом, на которой он был ранен и почти убил своего оппонента (АКВ. Т. 32. С. 153).

В настоящее время — проспект Стачек, д. 103.

137

Путь к трону. С. 182–183.

Герцен А. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 394.

139

Русский быт по воспоминаниям современников. С. 37, 48.

Там же. С. 54.

141

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 188.

142

АКВ. Т. 7. С. 653–655. Дашкова записала свои главные возражения и комментарии к сочинению Рюльера «История и анекдоты революции в России в 1762 г.», которое объявила «пустой книгой». Ее критический отзыв на сочинение Рюльера является важным дополнением к тем взглядам, которые она высказывает в мемуарах.

143

Hyde H. M. Empress Catherine and Princess Dashkova. P. 83.

Барсуков А. Князь Гр. Гр. Орлов. С. 139.

145

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 76. О сравнении двух рукописей см.: *Woronzoff-Dashkoff A.* Additions and Notes. P. 15–21.

АКВ. Т. 5. С. 105–106.

147

Рябинин Д. Д. Биография графа Семена Романовича Воронцова. С. 65.

АКВ. Т. 5. С. 103–104; Т. 31. С. 170.

149

Там же. Т. 5. С. 175–176, 177–178, 181.

Алексеев В. Н. Графы Воронцовы. С. 255–256.

151

СИРИО. Т. 12. С. 23.

Там же. Т. 7. С. 49.

153

Карабанов П. Ф. Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии. С. 495.

Алексеев В. Н. Графы Воронцовы. С. 31.

Бантыш-Каменский Д. Н. Дашкова. С. 183–184.

АКВ. Т. 31. С. 191, 193, 220.

157

СИРИО. Т. 18. С. 461 (12 июля 1762 г.). Позже он был главным советником Марии Антуанетты в Версале и даже выбирал ей приданое.

Rulhiure C. History. P. 155.

159

АКВ. Т. 7. С. 654.

Там же. Т. 5. С. 118.

161

Там же. С. 159–160 (6/17 августа 1762 г.).

162

Там же. С. 160–162 (30 августа/10 сентября 1762 г.).

163

Там же. Т. 31. С. 191 (24 августа 1762 г.).

164

Там же. Т. 29. С. 171–172 (22 октября/2 ноября 1762 г.).

165

Там же. Т. 5. С. 164 (Октябрь 1762 г.).

166

Там же. Т. 31. С. 193 (2 декабря 1762 г.).

167

Там же. Т. 5. С. 167 (9 декабря 1762 г.).

168

Там же. С. 168–170 (13 марта 1763 г.).

169

Там же. С. 170–173 (17/28 апреля 1763 г.).

170

Там же. Т. 31. С. 220 (22 мая 1763 г.).

171

Там же. Т. 5. С. 173 (19 октября 1763 г.).

172

Санкт-Петербургские ведомости. 1762. № 64. 9 августа. См.: Первые пособники Екатерины 11. РА. 1864. № 2. С. 201; СИРИО. Т. 7. С. 110.

173

Екатерина II и ее окружение / Ред. А. И. Юхта. С. 123.

Сафонов М. М. Екатерина Малая и ее «Записки». С. 20.

175

См.: *Ransel D. L.* The Politics of Catherinian Russia. P. 1 et passim. Ран-сел подробно обсуждает центральную роль в России XVIII века близких к власти семейных кланов вообще и группировки Панина в частности.

Ransel D. L. The Politics of Catherinian Russia. C. 106–111.

177

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 74.

178

Путь к трону. С. 499. До того как Павел I уничтожил письмо, Федор Ростопчин сумел сделать копию и послать ее Семену Воронцову. Следовательно, единственная сохранившаяся версия представлена в АКВ (Т. 21. С. 430).

Герцен Л. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 373; *Dashkova E. R.* Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 179.

180

СИРИО. Т. 18. С. 461 (13 июля 1762 г.).

Сухомлинов М. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 38.

182

Гилельсон М. И. Пушкин и «Записки» Дашковой. С. 141–142.

183

Тургенев А. И. Российский двор. С. 424;ААЕ. Т. 71.С. 101–102 (28 октября 1762 г.).

Самолюбие *(фр.)*.

185

ААЕ. Т. 71. С. 78 (12 октября 1762 г.).

Герцен А. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 393.

187

ААЕ. Т. 70. С. 352 (13 сентября 1762 г.).

188

Путь к трону. С. 314–315.

189

Там же. С. 183.

190

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 353–354.

МДБ. С. 118–125.

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 354.

Огарков В. В. Е. Р. Дашкова. С. 38.

Cross A. G. Contemporary British Responses. P. 42.

195

Маленькие вечеринки *(фр.)*.

Гилельсон М. И. Пушкин и «Записки» Дашковой. С. 141.

197

Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой. С. 118.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 33.

199

Воспоминания И. М. Снегирева. С. 513–562, 537; БЕРД, 75.

Тычинина Л. В. Великая россиянка. С. 117.

201

АКВ. Т. 5. С. 163. О Дашковой как фрейлине см.: *Карабанов П. Ф.* Статс-дамы и фрейлины. С. 493–495.

202

Рюльер К.-К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. С. 285.

Hyde H. M. Empress Catherine and Princess Dashkova. P. 87.

Тургенев А. И. Российский двор. С. 239; *Иловайский Д. И.* Екатерина Романовна Дашкова. С. 287.

205

СИРИО. Т. 7. С. 291, 294 (шесть записок Екатерины II по делу Ф. Хитрово).

Корнилович-Зубашева О. Княгиня Е. Р. Дашкова за чтением. С. 359–360.

207

СИРИО. Т. 22. С. 67 (7/18 июня 1763 г.).

Там же. Т. 12. С. 113 (28 июня 1763 г.).

209

Там же. Т. 22. С. 101 (29 июля/9 августа 1763 г.).

Нивьер А. Е. Р. Дашкова и французские философы. С. 43.

211

Из опыта о епическом стихотворстве / Пер. Е. Р. Дашковой. См.: *Кучеренко Г. С.* Сочинение Гельвеция «Об уме» в переводе Е. Р. Дашковой. С. 215–227.

Афанасьев А. Литературные труды княгини Е. Р. Дашковой. С. 183.

213

Из опыта о епическом стихотворстве / Пер. Е. Р. Дашковой. С. 55–56.

214

Латинская, французская и русская версии сопоставлены в: *Сухомлинов М. И.* Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 23–24, прим. 26, 367–369.

215

СИРИО. Т. 12. С. 154 (9 декабря 1763 г.).

216

В настоящее время д. 40 по набережной р. Мойки; в этом доме был знаменитый Демутов трактир, который часто посещали Пушкин, Чаадаев, Грибоедов и многие другие знаменитые личности.

217

АКВ. Т. 7. С. 653; *Корнилович-Зубашева О.* Княгиня Е. Р. Дашкова за чтением. С. 366.

СИРИО. Т. 51. С. 183, 498 и след.

219

Cross A. G. Contemporary British Responses. P. 43. Также см.: *Тургенев А. И.* Российский двор. С. 242–243.

Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. С. 35.

221

СИРИО. Т. 12. С. 200 (1/12 марта 1765 г.).

Тычинина Л. В. Великая россиянка. С. 118.

223

АКВ. Т. 5. С. 175–178.

224

Там же. Т. 16. С. 78. Петр Бартенев считает, что этот человек — Никита Панин.

МДБ. С. 118–125.

Огарков В. В. Е. Р. Дашкова. С. 43.

Храповицкий А. В. Памятные записки. С. 268.

Бутурлин М. Д. Очерк жизни гр. Д. П. Бутурлина. С. 376–386.

229

СИРИО. Т. 12. С. 202 (18/29 марта 1765 г.).

Там же. С. 199 (1/12 марта 1765 г.).

Елисеева О. И. Вельможная Москва. С. 54–55.

232

По-видимому, Анастасия на самом деле продала дом мужу своей внучки Федору Глебову (ГИМ ОПИ. Ф. 47. Д. 257. Л. 17). См. также: *Фирсова Е. И.* После ссылки. С. 70.

233

Дом сгорел во время французской оккупации города в 1812 году; перестроенный и впоследствии сильно расширенный, он довольно мало напоминает первоначальную конструкцию. В настоящее время в нем находится Московская консерватория, его адрес — Никитская ул. 13.

АКВ. Т. 17. С. 519.

235

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 376.

236

АКВ. Т. 12. С. 324–325 (24 февраля 1767 г.).

Там же. Т. 32. С. 97–99.

Там же. Т. 24. С. 130.

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины. С. 191–198.

240

СИРИО. Т. 12. С. 322 (4/15 ноября 1767 г.).

241

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 105.

АКВ. Т. 24. С. 132–133.

Кросс Э. Г. Поездка княгини Е. Р. Дашковой. С. 224.

Там же; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты. Т. 2. С. 133. Прим. 2.

Cross A. G. Contemporary British Responses. P. 46.

Wilmot K. Grand Tours of Katherine Wilmot. P. 95; *Cross A. G.* High Road and the Low. P. 117.

247

Дашкова Е. Р. Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям. С. 105–144; *Кросс А. Г.* Поездка княгини Е. Р. Дашковой. С. 224. См. также: *Cross A. G.* By the Banks. P. 238; *Dickinson S.* The Russian Tour of Europe. P. 15–20.

Их сын Сидней Герберт был британским военным министром *(War Secretary)* во время Крымской войны и вел войну на той территории России, для развития которой много усилий приложил его дядя Михаил Семенович Воронцов.

Cross A. G. A Red Hot English Woman. P. 91.

Bailey W. The Advancement of Arts, Manufactures and Commerce; or, Descriptions of the useful machines and models contained in the Repository of the Society for the Encouragement of Arts, Manufactures and Commerce. London, 1772.

251

Cross A. G. By the Banks of the Thames. P. 83.

252

Ibid. P. 237; *Кросс Э. Г.* Поездка княгини Е. Р. Дашковой. С. 225.

253

Дашкова Е. Р. Путешествие одной российской знатной госпожи… С. 106.

254

Цит. по: *Hyde H. M.* Empress Catherine and Princess Dashkova. P. 107 (см. также: *Кросс Э. Г.* Поездки княгини Дашковой. С. 223 *(прим. переводчика)*.

Wilmot K. Grand Tours of Katherine Wilmot. C. 146.

Mohrenschildt D. S. von. Russia in the Intellectual Life. P. 39, 65.

Rulhiure C. History. P. 198–199.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 183.

259

Ibid. P. 182; *Дашкова Е. Р.* Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 375, 376.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw. V. 2. P. 186.

Ibid. P. 182.

Ibid. P. 177. *Дашкова Е. Р.* Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 372, 375, 378.

263

Труды Вольного экономического общества. Т. 8 (1768). С. 59.

См.: *Bartlett R.* Defenses of Serfdom, 67–74; *Marrese M. L.* Liberty Postponed: Princess Dashkova and the Defense of Serfdom / The Princess and the Patriot. P. 23–38.

Каменский А. Б. Под сению Екатерины. С. 261.

АКВ. Т. 5. С. 191–193.

Веселая Г. А. Послание княгини Е. Р. Дашковой. С. 113–124.

Семевский В. И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. С. 417–418.

269

АКВ. Т. 21. С. 420.

Marresse M. L. A Woman's Kingdom. P. 194.

Екатерина II. Мемуары. С. 711–712.

272

Путь к трону. С. 48.

Тишкин Г. А. Е. Р. Дашкова и учебная деятельность в Петербургской Академии наук. С. 190–207.

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 363.

Гилельсон М. И. Пушкин и «Записки» Дашковой. С. 144.

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 380.

277

Там же.

Там же. С. 381.

Reddaway E. Documents of Catherine the Great. P. 108 (письмо, датированное 15 мая 1771 г.).

СИРИО. Т. 13. С. 122.

281

Домашний халат *(фр.)*.

Voltaire. Oeuvre compete. V. 47. P. 458–459. Цит. по: *Нивьер А.* Е. Р. Дашкова и французские философы. С. 50.

283

По легенде, идея основать город Карлсруэ (*Karlsruhe*) возникла у маркграфа Карла Вильгельма в 1715 году, когда он, утомившись от охоты, заснул под деревом на одном из местных лугов и ему приснился город, где можно было отдохнуть. *Ruhe* по-немецки — тишина, покой, отдых *(прим. переводчика)*.

АКВ. Т. 5. С. 180–181.

120 километров *(прим. переводчика)*.

АКВ. Т. 5. С. 178–180.

287

РГАДА. Ф. 285. Оп… 1. Д. 423. Л. 114.

288

РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 31. Л. 106 об.

289

АКВ. Т. 29. С. 203.

Там же. Т. 12. С. 366–367.

291

РГИА. Ф. 468. Оп… 1. Д. 3886. Л. 200, 202, 168 об., 121.

Ransel D. L. The Politics of Catherinian Russia. P. 242.

293

Фонвизин Д. И. Сочинения и письма. Т. 2. С. 127–129; Записки М. А. Фонвизина // РС. Т. 42 (1884). С. 62; *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. С. 56–57.

Елисеева О. И. Вельможная Москва. С. 52–59.

295

АКВ. Т. 5. С. 183.

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 365.

Чайковская О. «Как любопытный скиф…». С. 63.

Дашкова Е. Р. Письмо к другу. С. 78–80.

299

Дашкова Е. Р. Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым англинским провинциям. С. 105–144.

Там же. С. 106.

301

Социальная система *(фр.)*.

302

АКК. Т. 7. С. 276–281 (письма, датированные 3 и 17 марта 1774 г.).

303

Общество должно делать благополучие своих членов / Пер. Е. Р. Дашковой. С. 80–84; О сообшественном условии / Пер. Е. Р. Дашковой. С. 85–86; Опыт о торге / Пер. Е. Р. Дашковой. С. 87–112. См. об этом также: *Микешин М. И.* Социальная философия. С. 141–147.

Опыт о торге / Пер. Е. Р. Дашковой. С. 91–93.

305

Там же. С. 102.

306

Швейцарская художница Ангелика Кауфман (1741–1807) была одним из основателей Королевской академии искусств в Лондоне в 1768 году. Подаренная картина известна также под названием «Утреннее развлечение» *(прим. переводчика)*.

Сохранившиеся изображения не позволяют прийти к однозначному заключению. На гравюре Скородумова 1770 года, изображающей Дашкову с детьми, Анастасия сидит за фортепиано и частично скрыта стоящим братом.

308

АКК. Т. 7. С. 294 (письмо, датированное 5 мая 1774 г.). См. также письма А. Куракина и Н. А. Репнина на с. 310–311.

309

Там же. С. 460.

310

Бригадир — воинское звание выше полковника и ниже генерал-майора (чин V класса), существовавшее в русской армии с 1722 по 1796 год; в гражданской службе чину бригадира соответствовал чин статского советника *(прим. переводчика)*.

311

Французский оригинал яснее: Анастасия Щербинина [дочь] страдала *un défaut dans la construction de son corps* — физическим дефектом, а не, как толкует Фитцлайон, «сексуальной неадекватностью» *(Dashkova E. R.* The Memoirs of Princess Dashkova / Translated by K. Fitzlyon. P. 328).

Его сестра Елена была матерью Дениса Давыдова, знаменитого гусара и поэта.

Иловайский Д. И. Екатерина Романовна Дашкова. С. 354.

Долгорукова Е. А. Черты из жизни кн. Екатерины Романовны Дашковой. С. 573.

315

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 2764. Л. 1–2 (письмо, датированное 26 января 1777 г.).

Cross A. G. By the Banks. P. 132.

Кросс Э. Г. Поездки княгини. С. 229; *Cross A. G.* Contemporary British Responses. P. 50.

International Dictionary of University Histories. P. 492.

319

Спа, 30 августа; Лондон, 9 октября и 10 ноября 1776 года. National Library of Scotland, Ms. 3942, ff. 269–270, 281–282, 287. См. также: *Смагина Г. И.* О смысле слова. С. 228–241; *Dashkova E. R.* Memoirs of the Princess Daschkaw. V. 2. P. 117–122; *Дашкова Е. Р.* Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 336–339.

Robertson W. History of the Reign of the Emperor Charles V. London, 1769; на русском языке — перевод с французского издания под заглавием «История о государствовании императора Карла V и проч.». СПб., 1775 *(прим. переводчика)*.

321

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 338.

Там же.

323

Там же.

Там же.

325

Васильков Н. Воспитание Е. Р. Дашковой и ее взгляд на воспитание // Вестник воспитания. 1894. № 1. С. 60.

Иловайский Д. И. Екатерина Романовна Дашкова. С. 319.

327

Джеймс Босуэлл (1740–1795) — шотландский литератор и юрист. Впервые повстречался с Сэмюэлем Джонсоном (см. далее) в 1763 году. В тот же самый год путешествовал по Европе, где завел знакомство с Руссо и Вольтером. В 1773 году стал членом клуба Джонсона, в котором состояли Берк, Рейнолдс, Голдсмит и другие деятели литературы XVIII века. В том же году Босуэлл и Джонсон совершили поездку по Шотландии, которую Босуэлл описал в «Дневнике путешествия на Гебриды с Сэмюэлем Джонсоном» (1785). Его «Жизнь Сэмюэля Джонсона» появилась в 1791 году, в ней Босуэлл опубликовал разговоры Джонсона и свои критические суждения *(прим. переводчика)*.

Цит. по: *Longmire R. A.* Princess Dashkova and the Intellectual Life of Eighteenth Century Russia. P. 64.

329

Хотя это путешествие упомянуто в петербургской версии «Записок», его нет в копии Британского музея, его никогда не добавляли как приложение к изданиям автобиографии. Первоначально описание поездки было адресовано Элизабет Морган, Марта Вильмот сделала с него копию в 1804 году перед своим отъездом из России. Все копии были утеряны за исключением перепечатки М. Хайд, которую А. Г. Кросс опубликовал вместе с русским переводом. См.: *Кросс Э. Г.* Поездки княгини. С. 223–268; *Hyde G. H.* The Empress Catherine and Princess Dashkova. P. 140–147.

330

Сэмюэл Джонсон (1709–1784) — английский лексикограф, литературный критик и эссеист. В 1746 году приступил к созданию «Словаря английского языка», напечатанного в 1755 году. В 1750 году начал издавать знаменитый журнал «Рэмблер». Доктор дублинского Тринити-колледжа и Оксфордского университета. Автор «Жизнеописания английских поэтов». Часто работы Джонсона ценятся ниже, чем его беседы в передаче Босуэлла *(прим. переводчика)*.

Кросс Э. Г. Поездки княгини. С. 230.

Там же. С. 255.

333

Чистое и удобное *(англ.)*.

334

«Решишь ли устроить террасу или вырыть грот — ни в чем не забывай Природу!» *(англ.)* — *Поп А.* Эпистола к Ричарду Бойлю. См.: *Кросс Э. Г.* Поездки княгини. С. 259.

Так думала Дашкова. Как пишет в своем примечании к публикации А. Кросс, «Мария находилась в заключении в Лохлевенском замке, а не в Думбартонском». См.: *Кросс Э. Г.* Поездки княгини. С. 268 *(прим. переводчика)*.

Monler B. H. The Public and Private Lives or Princess Dashkova. P. 12.

Cross A. G. Contemporary British Responses. P. 50.

338

Магистерская диссертация Павла Дашкова, написанная по-латыни, опубликована: *Dashkov P. M.* Dissertatio philosophica inauguralis, de tragœdia. Edinburgh, 1779. Она находится сегодня в библиотеке Британского музея *(прим. переводчика)*.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 136.

Подаренная Дашковой коллекция содержала медали, посвященные правителям России от Рюрика до Елизаветы, выдающимся событиям со времени рождения Петра Великого и важнейшим деятелям истории России. Таким образом, эта коллекция представляла собой отчеканенную концепцию истории России. Книга же М. В. Ломоносова может рассматриваться как краткое изложение гуманитарных достижений страны *(прим. переводчика)*.

МДБ. С. 102–108*, Дашкова Е. Р.* Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 339–345.

Честерфилд. Письма к сыну. Максимы. Характеры. М., 1978. С. 20 *(прим. переводчика)*.

343

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 342.

Там же. С. 344.

Там же. С. 140.

346

Падуб — небольшое, вечнозеленое дерево, распространенное на Британских островах, в представлении местного населения обладало чудодейственной силой: отпугивало ведьм и приносило счастье людям *(прим. переводчика)*.

Dublin Historical Record. P. 17.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 143.

349

Дэвид Гаррик (1717–1779) — английский актер. Один из реформаторов сцены и основоположник просветительского реализма в европейском театре. Считал театр воспитателем общества. Прославился в пьесах У. Шекспира, в том числе в роли Гамлета *(прим. переводчика)*.

350

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 348.

351

Генри Граттан (1746–1820) — один из замечательнейших британских ораторов, член ирландского, а затем британского парламентов; похоронен в Вестминстерском аббатстве *(прим. переводчика)*.

352

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 349; МДБ. С. 113.

353

Джошуа Рейнольдс (1723–1792) — знаменитый английский исторический и портретный живописец, теоретик искусства, первый президент Королевской академии художеств, член Лондонского королевского общества *(прим. переводчика)*.

Cross A. G. Paul Sandby and the Dashkovs. P. 37–44.

355

Эдмунд Берк (1729–1797) — ирландский государственный деятель, писатель, оратор, политический теоретик. Известен главным образом за поддержку американских колоний в споре с королем Георгом III и Великобританией, который привел к американской революции, и за сильную оппозицию французской революции. Часто считается «отцом» англо-американского консерватизма *(прим. переводчика)*.

По имени лорда Джорджа Гордона, президента Протестантской ассоциации *(прим. переводчика)*.

357

Cross A. G. A Russian in the Gordon Riots. P. 29–36. Согласно некоторым источникам, Иван, младший незаконный сын Романа Воронцова, также был сильным претендентом на роль любовника Екатерины. См.: *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы. С. 259. *Фалестрис* — царица амазонок, одна из легендарных любовниц Александра Македонского, о которой оставили свидетельства античные авторы (Курций, Диодор, Плутарх и др.). В 330 году до н. э. где-то в степях под Каспийским морем к Александру якобы явилась воительница по имени Фалестрис с отрядом из трехсот женщин *(прим. переводчика)*.

358

Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю Г. А. Потемкину. С. 156.

359

Джон Синклер, который посетил Петербург и встретился с Дашковой, считал, что ее влияние при дворе — второе после Потемкина, и повторял сплетни о том, что Павел Дашков был воспитан, чтобы стать любовником Екатерины См.: *Cross A. G.* British Responses. P. 55–59.

360

В настоящее время на улице Франк-Буржуа *(rue des Francs-Bourgeois)*.

361

Antidote, ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé Voyage en Sibérie (1770).

Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibérie (1768).

363

СИРИО. Т. 23. С. 218; Новооткрытые письма Императрицы Екатерины Второй к барону Гримму, 1777–1786 годы // РА. Т. 9 (1878). С. 70.

АКВ. Т. 7. С. 653–655. Многие историки не согласны с ее оценкой этого труда: «В мемуарах К.-К. Рюльера, хотя и изобилующих многими неточностями, но свидетельствующих о большой осведомленности автора» *(Каменский А. Б.* Под сению Екатерины. С. 58).

365

Письма кн. Е. Р. Дашковой к кн. А. Б. Куракину. С. 462–463.

Дашкова добавила свое описание в качестве примечания к «Запискам», но Фицлайон поместил его в самом тексте (*Dashkova E. R.* The Memoirs of Princess Dashkova / Translated by K. Fitzlyon. P. 167–169).

Madariaga I. de. Russia in the Age. P. 350.

Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой. С. 121.

Cross A. G. Contemporary British Responses. P. 53.

Долгова С. Р. Княгиня Е. Р. Дашкова и семья Малиновских. С. 168.

Alexander J. T. Catherine the Great. P. 248.

Дашковская характеристика Петра как «жестокого [brutal] и невежественного тирана» в лондонской копии «Записок» стала парадоксальным «блестящим и невежественным тираном» в петербургской версии. См.: *Woronzoff-DashkoffA.* Afterword // Dashkova. The Memoirs of Princess Dashkova / Translated by K. Fitzlyon. P. 287.

АКВ. Т. 12. С. 362.

Долгорукова Е. А. Черты из жизни кн. Екатерины Романовны Дашковой. С. 575.

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С 382.

СИРИО. Т. 42. С. 216.

Тьебо Д. Записки. С. 478.

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С 382.

379

АКВ. Т. 12. С. 326–328.

380

Во время войны 1812 года, когда князь Петр Багратион отступил из Могилева, Дашково, деревня недалеко от Круглого, стало местом стычки русской и французской армий. После смерти Дашковой ее племянник Михаил Воронцов продал имение.

381

Современный адрес — набережная реки Мойки, 76.

382

РГИА. Ф. 468. Оп… 1. Д. 3897. Л. 172. Дмитрий Бутурлин написал своему дяде Александру из Москвы 12 июля 1782 года, что императрица пожаловала Дашковой 2500 крепостных в Круглом и 30 тысяч рублей (АКВ. Т. 32. С. 213). Кажется, более точные данные таковы: 2577 крепостных и 35 тысяч рублей (АКВ. Т. 24. С. 140).

383

Современный адрес — дом 16.

384

На бывшего в Академии Наук директором господина Домашнева. С. 202–203.

Веселовский К. С. Борьба академиков с директором С. Г. Домашневым // Русская старина. Т. 9 (1896). С. 457–492.

Летопись Российской Академии наук. С. 693; *Тычинина Л. В.* Великая россиянка. С. 131.

387

Это животное *(фр.)*.

См.: *Зайцева А. А.* Е. Р. Дашкова и книжная торговля Академии наук. С. 112.

389

Долгорукова Е. А. Черты из жизни кн. Екатерины Романовны Дашковой. С. 573.

RIA, 12. L 34, 207.

391

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 153. Л. 128. Копию указа № 1066 о назначении Дашковой директором см.: Nova Acta, 4.

Согласно Майклу Гордину, «она управляла Академией как бизнесом, и управляла ею хорошо». См.: *Gordin M. D.* Arduous and Delicate Task: Princess Dashkova, the Academy of Sciences, and the Taming of Natural Philosophy // The Princess and the Patriot. P. 13.

393

Протоколы. Т. 3. С. 648–649.

Nova Acta, 6.

Nova Acta, 7; Протоколы. Т. 3. С. 648.

396

СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 67. Л. 64–66 об.; Ф. 21. Оп. 3. Д. 306. Л. 1; письма датированы 3 марта 1783 г. и 6 марта 1783 г.

ПСЗ. Т. 21. С. 800–801 (№ 15 646).

398

РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 33. Л. 108–109 об., 125 об.

399

RIA 12 L 31 174.

ЧОИДР, отд. 5, 1 (1867). С. 26–28, 36–37, 40.

401

Там же. С. 28.

ПСЗ. Т. 21. С. 914 (№ 15 729).

ЧОИДР, отд. 5, 1 (1867). С. 39–40.

404

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 153. Л. 128.

405

СПФА РАН. Ф. 3. Оп.1. Д. 556. Л. 64.

Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание» / Сост. Г. И. Смагина. С. 425–426.

Зайцева А. А. Е. Р. Дашкова и книжная торговля. С. 116.

Семенников В. П. Материалы для истории… С. 76. Письмо И. И. Шувалову 2 ноября 1783 г. касательно долгов Новикова Академии.

Семенников В. П. Материалы для истории… С. 77.

410

СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 556. Л. 165 об., 166.

411

РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

Храповицкий А. В. Памятные записки. С. 200–201.

413

СПФИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1230. Л. 150.

414

Ромм Ж. К истории русской образованности нового времени. С. 13–14.

Сухомлинов М. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 53.

Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. С. 76.

417

РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6514. Л. 127–129.

ЧОИДР, отд. 5, 1 (1867). С. 20–22.

419

РГАДА. Ф. 17. Д. 35. Л 142–143. «Доклад Екатерине II о пенсиях для служащих при Академии наук». Февраль 1791 г.

ПСЗ. Т. 23. С. 219 (№ 16 951).

Семенников В. П. Материалы для истории… С. 4–5.

Там же. С. 20–21.

Там же. С. 44–45, 52.

424

РГИА. Ф. 730. Оп. 1.Д. 11. Л. 1.

Сухомлинов М. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 37–38.

426

РГАДА. Ф. 199. Оп. 421 (портфель Миллера). Д. 1. Л. 1 об., 2.

Там же. Л. 9; *Сухомлинов М. И.* Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 53.

428

РГАДА. Ф. 199. Оп. 421 (портфель Миллера). Д. 1. Л. 1 об.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. P. 196–197.

Dvoichenko-Markoff E. The American Philosophical Society. P. 558; *Ожигова Е. П.* Е. Р. Дашкова — директор Петербургской Академии наук. С. 100–101.

Bolkhovitinov N. N. Beginnings of Russian-American Relations. P. 117–131.

Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание» /Сост. Г. И. Смагина. С. 64.

433

РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6514. Л. 124–126.

434

СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 511. Л. 4.

Тишкин Г. А. «Ее Светлость Мадам Директор». С. 90.

Там же. С. 85.

Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание»/ Сост. Г. И. Смагина. С. 62.

Протоколы. Т. 3. С. 681.

439

РГИА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 35. Л. 11.

Там же. Л. 11 об.; СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1.Д. 556. Л. 215 об.

441

Котельников, профессиональный математик и механик, имел сомнительную честь стать известным цензором в 1797 году.

442

СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 488. Л. 1 об.

Иловайский Д. И. Е. Р. Дашкова. С. 352.

Сухомлинов М. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 34–35.

445

СПФА РАН. Ф. 3. Оп.1. Д. 556. Л. 153 об.

ПСЗ. Т. 22. С. 61 (№ 15 948).

ЧОИДР, отд. 5, 1(1867). С. 22–23.

Сегодня — Университетская набережная, 5.

Schubert F. von. Unter dem Doppeladler. P. 390.

Богословский В. А. Кваренги. С. 44.

Ожигова Е. П. Е. Р. Дашкова — директор… С. 94–102.

Сухомлинов М. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 35.

453

Там же; *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных. С. 11.

«Рапорт Екатерине II о состоянии, в котором находилась Академия наук, когда я вступила в управление ею в 1783 г., и в котором она находится ныне в 1786 г.», АКВ, 21: 389–402. См.: *Артемьева Т. В.* Философия в Петербургской Академии. С. 182.

455

«Рапорт Екатерине 11 об экономическом положении Академии наук за 1783–1794 гг. 5 августа 1794 г.», СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2–1794. VIII. 14, No. 118.Л.6–7.См. *Ожигова Е. П.* Е. Р. Дашкова — директор… С. 101–102.

456

РГАДА. Ф. 14. Оп. 1.Д. 255. Л. 11, 11 об.

Энгельгардт Л. Н. Записки. С. 40.

ПСЗ. Т. 21. С. 1024–1025 (№ 15 839).

459

Там же.

Alexander J. T. Catherine the Great and the Foundation of the Russian Academy. P. 20–21.

Герцен А. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 362.

462

Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. С. 3.

ПСЗ. Т. 21. С. 1045 (№ 15 869).

Херасков М. М. Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой. С. 19–22.

465

Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных. С. 143–147.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw/ Ed. M. Bradford. V. 2. P. 144.

Ibid. P. 146.

Ibid. P. 147.

Сухомлинов М. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 49, 53.

Дашкова Е. Р. Речь, говоренная при открытии императорской Российской академии. С. 87.

ЧОИДР, отд. 5, 1 (1867). С. 41–42.

472

РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 750. Л. 55 об. Расположен на набережной реки Фонтанки, 112.

ПСЗ.Т. 21. С. 1041 (№ 15 862).

Красовский А. И. Первый период истории Императорской Российской Академии, написанный в 1839 г. СПб., 1849. Цит. по: *Тычинина Л. В.* Великая россиянка. С. 64.

Богатова Г. А. Дашкова и словарь ее эпохи. С. 13.

Некрасов С. М. Российская академия. С. 5.

477

Существуют современные переиздания «Словаря». См.: Словарь Академии Российской / Общ. изд. под ред. М. Г. Остербю. Факсимильное переиздание петербургского издания 1806–1822 гг. Т. 1–7. Оденсе (Дания), 1971; Словарь Академии Российской 1789–1794 / Тычинина Л. В. и др., ред. Факсимильное современное переиздание новым набором текста. Т. 1–6. М., 2001–2006 *(прим. переводчика)*.

Сухомлинов М. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 43–46.

Там же. С. 44–45.

АКВ. Т. 12. С. 366–367.

481

Мари Жозеф Поль Лафайет (1757–1834) — маркиз, французский политический деятель. Увлеченный идеями французских просветителей в 1777 году уехал в Америку. В 1780 году получил звание генерала американской армии. Вернулся во Францию и в 1789 году был избран в Генеральные штаты, после взятия Бастилии стал командующим национальной гвардией. В 1792 году был захвачен австрийцами и содержался ими в плену до 1797 года. Наибольшее влияние приобрел в дни Июльской революции 1830 года, способствовал сохранению монархии и переходу трона к Луи Филиппу *(прим. переводчика)*.

Dvoichenko-Markoff E. The American Philosophical Society. P. 559–561.

483

Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю Г. А. Потемкину. С. 152–159. Она также приложила прошение от имени племянника Д. П. Бутурлина, сына ее старшей сестры. В конце концов, он был назначен адъютантом Потемкина и, в противоположность Павлу Дашкову, сделал блестящую самостоятельную карьеру.

National Library of Scotland, Ms. 3942. F. 265 (письмо от 6/17 августа 1786 г.). Цит. по: *Смагина Г. И.* О смысле слова «воспитание». С. 252.

485

Сэмюел Бентам (1757–1831) — знаменитый английский инженер-механик, изобретатель. В 1780 году поступил на российскую службу, много работал под начальством князя Григория Потемкина. Хотя он был нанят как судостроитель, он вскоре стал универсальным специалистом и даже управляющим имением князя. В 1782 году путешествовал через Сибирь в Китай, изучал конструкции китайских судов. Вернулся в Европу и продолжал свою деятельность в Англии. В 1795 году назначен генеральным инспектором военно-морских заводов. Многое сделал для модернизации британского судостроения *(прим. переводчика)*.

Джереми (Иеремия) Бентам (1748–1832) — выдающийся английский философ, экономист и теоретик права, основатель утилитаризма. Брат С. Бентама, посещал его в России. Предлагал Александру I свои услуги по написанию для России нового кодекса законов *(прим. переводчика)*.

Papmehl K. A. Freedom of Expression in the Eighteenth-Century Russia. P. 86, прим. 48; *Christie I. R.* The Benthams in Russia. P. 92.

488

Новооткрытые письма Императрицы Екатерины Второй к барону Гримму, 1777–1786 годы // РА 9 (1878). С. 195.

489

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 222.

490

Сегодня Кирианово — Дворец бракосочетания, расположенный по адресу: проспект Стачек, 45. Недавно в его правом крыле открылся небольшой районный музей, несколько комнат в котором посвящены Е. Р. Дашковой *(прим. переводчика)*.

491

Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. С. 658–659.

Семенников В. П. Русские сатирические журналы. С. 53.

493

Там же.

Добролюбов Н. А. Собеседник любителей российского слова. С. 186.

Там же. С. 244.

Дашкова Е. Р. От издателей. С. 160.

Papmehl K. A. Freedom of Expression in the Eighteenth-Century Russia. P. 84, прим. 42.

Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы. С. 148.

499

К господам издателям Собеседника. С. 11.

Кочеткова Н. Д. Дашкова и «Собеседник любителей российского слова». С. 141–142.

501

Державин Г. Р. Сочинения / Под ред. И. А. Грота. 2-е изд. Т. 5. С. 357.

Там же. С. 358.

503

Там же. С. 364 (письмо от 25 ноября 1783 г.).

Державин Г. Р. Сочинения / Под ред. И. А. Грота. 1-е изд. Т. 6. С. 625–626.

505

Там же. Т. 8. С. 624.

506

Добролюбов Н. А. Собеседник любителей российского слова. С. 222–223.

507

Дашкова Е. Р. Надпись к портрету ее величества императрицы Екатерины II. С. 14.

Дашкова Е. Р. Послание к слову «так». С. 15–23.

509

Дашкова Е. Р. Ответ от слова «так». С. 39–43, 43–45, 141–147.

510

Дашкова Е. Р. Сокращение катехизиса честного человека. С. 33–35.

511

К господам издателям Собеседника любителей российского слова. 1783. № 2. С. 8–11.

Кочеткова Н. Д. Дашкова и «Собеседник…» С. 141.

513

Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». С. 12–28.

Лотман Ю. М. Беседы. С. 76–77.

515

Там же. С. 75–88; *Nash C. S.* Educating New Mothers: Women and the Enlightenment in Russia // History of Education Quarterly, 21 (1981). P. 302.

RIA, 12. L. 18.

Воронцов-Дашков А. И. Московская библиотека княгини Е. Р. Дашковой. С. 134–139.

518

Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание»: сочинения, письма, документы / Сост. Г. И. Смагина. С. 219. «Мысли о воспитании» Локка были также доступны Дашковой в русском переводе, поскольку Н. Поповский перевел их, по всей вероятности, по распоряжению своего учителя М. В. Ломоносова: О воспитании детей г-на Локка. Переведено с франц. на российский язык Имп. Московского ун-та профессором Николаем Поповским (М., 1759–1760).

519

Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». С. 21–22.

520

Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание»: сочинения, письма, документы / Сост. Г. И. Смагина. С. 233.

521

Новиков Н. И. Опыт исторического словаря. С. 5.

Дашкова Е. Р. Путешествующие. С. 120–132.

523

К господам издателям Собеседника любителей российского слова. 1783. № 3. С. 154–159.

Там же. С. 159–160.

Woronzoff-Dashkoff A. Disguise and Gender. P. 61–74.

526

Letter to Mrs. Clarke, Feb. 1685//The Educational Writings of John Locke: A Critical Edition / Ed. J. Axtell. Cambridge, 1968. P. 344–346.

Nash C. S. Educating New Mothers: Women and the Enlightenment in Russia // History of Education Quarterly, 21 (1981). P. 303–305.

Black J. L. Educating Women in Eighteenth Century Russia: Myths and Realities // Canadian Slavonic Papers 20 (1975). P. 38, n. 57.

529

Корсаков А. Петр Алексеев, протоиерей Московского Архангельского собора (1727–1801) // РА 2, № 5–8 (1880). С. 175–176.

Дашкова Е. Р. Об истинном благополучии. С. 24–34.

531

Там же. С. 29.

Там же.

Там же. С. 33.

Дашкова Е. Р. Письмо к издателям сих сочинений. С. 69.

Дашкова Е. Р. Картины моей родни. С. 17–22 и 164–166.

Дашкова Е. Р. Моя записная книжка. С. 19–41.

Там же. С. 21–22.

Там же. С. 36.

Там же. С. 41.

Дашкова Е. Р. Отрывок записной книжки. С. 12–19; *Дашкова Е. Р.* Продолжение отрывка записной книжки. С. 3–6.

541

Дашкова Е. Р. Отрывок записной книжки. С. 17.

Там же. С. 12.

Там же. С. 18–19.

Дашкова Е. Р. Продолжение отрывка записной книжки. С. 5.

Там же. С. 3.

Дашкова Е. Р. Отрывок записной книжки. С. 13–14.

Дашкова Е. Р. Моя записная книжка. С. 25–26.

Дашкова Е. Р. Нечто из записной моей книжки. С. 194–201.

Дашкова Е. Р. Записки тетушки. С. 61–80.

Там же. С. 63.

Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». С. 25; *Дашкова Е. Р.* Записки тетушки. С. 79; *Дашкова Е. Р.* Отрывок записной книжки. С. 12.

Дашкова Е. Р. Письмо к издателям сих сочинений. С. 67–71.

553

Дашкова Е. Р. Притча: Отец и дети. С. 71–72.

554

Дашкова Е. Р. К господам издателям «Новых ежемесячных сочинений». С. 3.

Там же. С. 5.

Дашкова Е. Р. Ответ [Иоанну Приимкову]. С. 21–24.

557

Дашкова Е. Р. К господам издателям «Новых ежемесячных сочинений». С. 3–5.

Шейн А. Письмо к издателям // Новые ежемесячные сочинения, 81. С. 15–16.

559

Дашкова Е. Р. К господам издателям «Ежемесячных сочинений»: вопросы. С. 306.

Шейн А. Письмо к издателям // Новые ежемесячные сочинения, 86. С. 12–13. Афанасьев приписывает Дашковой две поэмы — «Мнение некого Россиянина о единоначалии» (Новые ежемесячные сочинения, 80 [февраль 1793]: 4–7) и «Правило Россиянина» (Новые ежемесячные сочинения, 81 [март 1793]: 25–31), в которых она риторически преобразует себя из патриотической русской женщины в патриотического русского мужчину (*Семенников В. П.* Материалы для истории. С. 37–38).

561

Дашкова Е. Р. Истины, которые знать и помнить надобно. С. 2–7.

Там же. С. 3.

563

Там же. С. 4–5.

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 404.

565

Vers de la P. de Daschkaw sur L'Existence de Dieu (RIA 12. L. 25); *Дашкова Е. Р.* Четырестишие. С. 144. В письме к издателям она утверждала, что это четверостишие было сочинено примерно за 30 лет до этого (149).

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 404.

Там же. С. 405.

Кочеткова Н. Д. Дашкова и «Собеседник». С. 143.

569

Грот Я. К. О Фелице и «Собеседнике» // Современник. 1845. № 11. Цит. по *Афанасьев А.* Литературные труды княгини Е. Р. Дашковой. С. 196.

Кочеткова Н. Д. Дашкова и «Собеседник». С. 143–146.

Глинка С. Русское чтение. № 2 (1845). С. 36–37.

Кочеткова Н. Д. Дашкова и «Собеседник». С. 142.

Дашкова Е. Р. Искреннее сожаление. С. 165.

Кочеткова Н. Д. Дашкова и «Собеседник». С. 143.

Глинка С. Русское чтение. № 2 (1845). С. 14.

Грот Я. К. Княгиня Дашкова//СПФА РАН. Ф. 137. Оп. 1.Д. 13.Л.8.

Кочеткова Н. Д. Дашкова и «Собеседник». С. 145.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 89.

Державин Г. Р. Сочинения / Под ред. И. А. Грота. 1-е изд. Т. 9. С. 235–236.

Дашкова Е. Р. Искреннее сожаление. С. 148–154.

581

Дашкова Е. Р. К господину сочинителю. С. 156–161.

Екатерина II. Краткодлинный ответ. С. 147–151.

Румянцев С. П. Петр Великий. С. 164–177.

Екатерина II. Ответ. С. 179–180.

585

Прошение к господам издателям. С. 26–33; Автобиография графа С. П. Румянцева // РА 5 (1869). С. 850. Цит. по: *Дашкова Е. Р.* О смысле слова «воспитание» / Сост. Г. И. Смагина. С. 392.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 99–100.

Дашкова Е. Р. Краткие записки разносчика. С. 7–16.

Некрасов С. М. Российская академия. С. 59–63.

589

Дашкова Е. Р. Вечеринка. С. 240–247.

590

Ломоносов М. В. Собрание разных сочинений в стихах и прозе. М., 1757. С. 1, 3–10. Цит. по: *Дашкова Е. Р.* О смысле слова «воспитание» / Сост. Г. И. Смагина. С. 393.

591

АКВ. Т. 31. С. 433.

592

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 133.

593

Цит. по: *Нивьер А.* Е. Р. Дашкова и французские философы. С. 53.

АКВ. Т. 9. С. 31–32.

Там же. С. 89.

596

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 31. Л. 19 об.

Дашкова Е. Р. Тоисиоков, или Человек бесхарактерный. С. 239–317. В последнее время пьеса была исполнена в Эрмитажном театре в марте 1993 года и переиздана в: *Дашкова Е. Р.* Литературные сочинения / Ред. Г. Н. Моисеева. С. 267–312.

Афанасьев А. Литературные труды кн. Е. Р. Дашковой. С. 210.

Веселая Г. А. Екатерина Романовна Дашкова. С. 84.

Семенников В. П. Русские сатирические журналы. С. 58. В. А. Теплова (Дашкова, с. 246) и Л. В. Тычинина (Великая россиянка, с. 161) также упоминают либретто оперы «Земфира и Азор» (1783) и роман «Новая Евфимия» (1788). Б. Ф. Егоров (Российские утопии, с. 82–84) утверждает, что Дашкова является автором «Разных повествований, сочиненных некоторою россиянкою» (М., 1779). Эти предположения остаются недоказанными.

601

Гепферт Ф. О драматургии Е. Р. Дашковой. С. 147.

602

Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей. М., 1845. С. 159. Цит. по: *Афанасьев /*(.Литературные труды кн. Е. Р. Дашковой. С. 211.

603

Согласно некоторым источникам, эта история является апокрифом *(Papmehl K. A.* Freedom of Expression. P. 106).

Пряшникова М. П. Е. Р. Дашкова и музыка. С. 20.

605

«Смешной философ» (фр.).

АКВ. Т. 21. С. 404–407.

Храповицкий А. В. Памятные записки. С. 62.

Долгова С. Р. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 199.

Ромм Ж. К истории русской образованности. С. 14.

610

Безголовый господин (фр.).

АКВ. Т. 5. С. 186–187.

612

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 382.

Bolkhovitinov N. N. Beginnings of Russian-American Relations. P. 127.

614

Я его не люблю (фр.).

Храповицкий А. В. Памятные записки. С. 3.

Там же. С. 227.

617

Там же. С. 187.

Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 1. С. 53.

Алексеев В. Н. Графы Воронцовы. С. 389.

Храповицкий А. В. Памятные записки. С. 268.

621

АКВ. Т. 5. С. 190–191.

Храповицкий А. В. Памятные записки. С. 187.

623

РГИА. Ф. 1151. Оп.1. Д. 8. Л. 5; *Тычинина Л. В.* Великая россиянка. С 28.

СИРИО. Т. 23. С. 554.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 92.

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 232.

Cross A. G. Contemporary British Responses. P. 56–57.

628

Державин Г. Р. Сочинения / Под ред. И. А. Грота. 2-е изд. Т. 5. С. 427.

629

АКВ. Т. 5. С. 223.

630

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 237.

Храповицкий А. В. Памятные записки. С. 226, 227.

Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. С. 92.

633

АКВ. Т. 5. С. 223.

Там же. С. 216–225.

См. также: Из розыскного дела о трагедии Княжнина «Вадим». С. 467–473.

636

Достопамятный разговор Екатерины Великой с княгиней Дашковой. С. 266.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 101.

Реконструкцию этих событий, основанную на письме Дашковой брату Александру, см.: Достопамятный разговор Екатерины Великой с княгиней Дашковой. С. 266–273.

639

АКВ. Т. 12. С. 95–96.

Там же. С. 96.

Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. С. 101.

Долгорукова Е. А. Черты из жизни. С. 581–582.

Бройтман Л. И. Петербургские адреса Е. Р. Дашковой. С. 192.

АКВ. Т. 12. С. 122.

645

СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2–1794, VIII. 14. Д. 118. Л. 2, 2 об.

Там же. Л. 6–7.

647

Есипов Г. Н. К биографии княгини Е. Р. Дашковой. С. 672–673.

648

СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2–1794, VIII. 14. Д. 118. Л. 1.

Ср.: Semper immota fides — «Вечно непоколебимая верность» *(лат.)* — девиз на гербе графов Воронцовых *(прим. переводчика)*.

650

Протоколы. Т. 4. С. 388–389.

651

Сухомлинов М. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 56.

652

В настоящее время — Ракетно-артиллерийский кадетский корпус, Московский проспект, 17, угол набережной реки Фонтанки.

653

АКВ. Т. 12. С. 329, 335.

654

РГИА. Ф. 938. Оп. 1. Д. 385. Л. 1, 1 об., 2, 3.

АКВ. Т. 5. С. 202–203, 206–209.

Есипов Г. Н. К биографии княгини Е. Р. Дашковой. С. 670–672.

Алексеев В. Н. Графы Воронцовы. С. 109.

АКВ. Т. 21. С. 408–410; *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы. С. 231–232.

659

Там же. Т. 5. С. 215–216.

Есипов Г. Н. К биографии княгини Е. Р. Дашковой. С. 673.

661

РГИА. Ф. 938. Оп. 1. Д. 386. Л. 5; СПФА РАН. Ф. 5. Оп. 1-Д.Д.4.Л. 31.

Там же. Ф. 1329. Оп.1. Д. 184. Л. 36.

663

СПФА РАН. Ф. 137. Оп. 1.Д. 13. Л. 10.

664

Письма Императора Павла Петровича к московским главнокомандующим. С. 7.

665

Есипов Г. Н. К биографии княгини Е. Р. Дашковой. С. 673. Дашкова называет Измайлова генерал-губернатором.

Болотов А. Т. Любопытные и достопамятные деяния… С. 621–622.

667

Есипов Г. Н. К биографии княгини Е. Р. Дашковой. С. 673.

Шугуров М. Ф. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова. С. 169.

669

Бутенев А. П. Воспоминания русского дипломата. С. 21.

Есипов Г. Н. К биографии княгини Е. Р. Дашковой. С. 674.

Долгорукова Е. А. Черты из жизни. С. 585.

АКВ. Т. 5. С. 257–258.

Там же. Т. 10. С. 6.

Там же. Т. 5. С. 260. Авдотья Воронцова была женой Андрея Гавриловича, происходившего от одного из братьев деда Дашковой Иллариона (1674–1750) — Ивана (что наиболее вероятно) или Ильи. См .: *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы. С. 441.

675

РГИА. Ф. 938. Оп. 1. Д. 386. Л. 6, боб.; *Есипов Г. Н.* К биографии княгини Е. Р. Дашковой. С. 674.

АКВ. Т. 5. С. 262.

Там же. С. 261.

Самолюбие (фр.).

Там же. С. 254.

Там же. С. 267–268.

Там же. С. 269–270.

Долгорукова Е. А. Черты из жизни. С. 585–586.

АКВ. Т. 5. С. 262–263.

Фирсова Е. Н. После ссылки. С. 62–75.

Веселая Г. А. Послание княгини Е. Р. Дашковой. С. 117–124.

Герцен А. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 408.

Огарков В. В. Е. Р. Дашкова. С. 12.

АКВ. Т. 5. С. 264–266.

689

Есипов Г. Н. К биографии княгини Е. Р. Дашковой. С. 674–675.

АКВ. Т. 5. С. 271–273.

691

Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 1. С. 54. Например, письмо от 9 апреля 1804 г. в: *Дашкова Е. Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С. С. Дмитриева, сост. Г. А. Веселая. С. 255.

692

АКВ. Т. 12. С. 180.

Там же. Т. 17. С. 45; *Cross A. G.* By the Banks. P. 134.

Энгельгардт Л. Н. Записки. С. 62.

Чечулин Н. Д. Записки княгини Дашковой. С. 283–284.

АКВ. Т. 5. С. 270–271.

697

РГИА. Ф. 938. Оп.1. Д. 386. Л. 7–8.

Огарков В. В. Е. Р. Дашкова. С. 66.

699

АКВ. Т. 5. С. 282–283.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 1. P. XXXVI.

Cross A. G. Contemporary British Responses. P. 59.

702

СПФА РАН. Ф. 8. Оп. 5. Д. 61. Л. 1, 1 об.

703

«Моя история» *(фр.)* — французское название мемуаров Дашковой.

Шугуров М. Ф. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова. С. 154.

705

Wilmot M. and C. Russian Journals. P. 201. Г. А. Веселая исказила слова Вильмот, переведя их как «с необычайной выразительностью». На самом деле Вильмот пишет, что Дашкова говорила по-английски плохо: *in her broken English and with her unaccountable expressions.* Ближе по смыслу перевод: «с необычными выражениями».

Герцен А. И. Княгиня Е. Р. Дашкова. С. 397.

МДБ. С. 158–161; *Dashkova E. R.* Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford/V. 2. P. 206–209; письмо от 13 июля 1806 г.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 205.

709

Гудец, гудок, гудел ка — «род скрыпки без выемок по бокам, с плоским дном и покрышкою, о трех струнах, выходящей из обычая у народа, как и балалайка» *(Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. «А-З». М., 1978. С. 405 *(прим. переводчика)*.

710

«Сборник арий, сочиненных ее высочеством мадам княгиней де Дашков, урожденной графиней де Воронцов» *(фр.) (прим. переводчика)*.

Пряшникова М. П. Музыка в жизни Е. Р. Дашковой. С. 155.

Глинка С. Н. Записки. С. 233.

В настоящее время — это здание Президиума Российской академии наук, где висит копия портрета Дашковой как бывшего директора.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 232.

Wilmot M. and C. Russian Journals. P. 354.

По два и по четыре *(фр.)*.

Ibid. P. 360.

Wilmot K. The Grand Tours of Katherine Wilmot. P. 134.

Ibid. P. 137.

720

Гидромель (фр. — *hydromel)* — прохладительный напиток: на стакан теплой воды сок одного лимона и ложка меда *(прим. переводчика)*.

721

Русская мать (фр.).

RIA, 12. L 25.

Wilmot M. and C. Russian Journals. P. 201.

МДБ. С. 118–125; Memoirs of the Princess Daschkaw. V. 2. P. 148–156.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 151.

Ibid. P. 154.

Елисеева О. И. Екатерина II и Е. Р. Дашкова. С. 19–34.

Корнилович-Зубашева О. Княгиня Е. Р. Дашкова за чтением. С. 361; *Griffiths D. M.* Castéra-Tooke. P. 51–54.

729

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Ред. А. И. Герцен. С. 245–246. Дашкова имеет в виду «Жизнь Екатерины Великой, Императрицы и Самодержицы Всероссийския, с ея портретом» Георга Фрайхерра фон Танненберга (пер. с нем. И. Срезневского. М., 1801) и «Подлинные анекдоты Императрицы Екатерины И» (М., 1806). Дашкова упоминает эти книги в более позднем добавлении к «Запискам», следовательно, она, вероятно, читала вторую работу во время редактирования своей рукописи в 1806 году. Действительно, она могла принимать участие в издании последней книги, поскольку «К. Д.» («княгиня Дашкова») — это псевдоним, который она использовала ранее. Я благодарю Джун Пачут Фаррис из Чикагского университета за идентификацию этих двух работ.

Дашкова Е. Р. Письмо к издателям. С. 38–39*, Дашкова Е. Р.* Изображение Великой Екатерины. С. 41–42.

BFP, 209.

Д. В. Дашков не был родственником княгини, и его фамилия произносилась с ударением на последнем слоге.

Wilmot K. The Grand Tours of Katherine Wilmot. P. 138.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 1. P. XXII.

Wilmot M. and C. Russian Journals. P. 79.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 241.

Wilmot M. and C. Russian Journals. P. 88; *Dashkova E. R.* Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 278.

Wilmot M. and C. Russian Journals. P. 267, 272.

739

Интересно, что много лет спустя в ряде писем лорду Гленберви, описывая подготовку рукописи Дашковой к публикации, Марта не упоминает, что переводила ее, но и не говорит, что это делала Кэтрин (RIA, 12 M 18).

Дашкова Е. Р. Письмо к К. Вильмот. С. 190–193.

RIA, 12 L 25.

Wilmot K. Grand Tours of Katherine Wilmot. P. 115.

Wilmot M. and C. Russian Journals. P. 295.

Ее англичанке (фр.).

AKB. T. 32. C. 411; RIA 12 L 18.

Там же. Т. 12. С. 356.

Сегодня улица, где он жил, носит его имя — Воронцов-роуд (*Woronzow Road)*. Недавно там установлена мемориальная доска.

Она вдохновила брата начать автобиографию, которая не была окончена (АКВ, 5: 1–87).

RIA, 12 L 30, 146–147.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 203, 205.

Wilmot K. Grand Tours of Katherine Wilmot. P. 162, 163.

Чечулин Н. Д. Записки. С. 297–298; БЕРД. С. 66–67.

Щербинин М. П. Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова. СПб., 1858; *Щербинин М. П.* Воспоминания М. П. Щербинина. С. 285; *Wilmot M. and C.* Russian Journal. P. 172, n. 2.

Чечулин Н. Д. Записки. С. 312–317; БЕРД. С. 63–65.

755

Там же. С. 318–325; РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1.Д. 30. Л. 1,1 об., 21, 21 об.

756

РГАДА. Ф. 1255. Оп. 4. Д. 221. Л. 1–4.

RIA, 12 L.31,45–47.

Wilmot K. Grand Tours of Katherine Wilmot. P. 164.

759

RIA, 12 L 25.

Цит. по: *Тычинина Л. В.* Великая россиянка. С. 187.

RIA, 12 L 18.

Шугуров М. Ф. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова. С. 185.

Его дочь стала известной писательницей и автором серии популярных детских книг на французском языке, известных как *Bibliothèque Rose.* Его невесткой была писательница Е. П. Ростопчина.

Две копии не были идентичны, и объединенное издание на французском языке появилось лишь недавно, в 1999 году в Париже (*Dachkova E. R.* Mon histoire / Ed. by A. Woronzoff-Dashkoff). Экземпляр Дашковой был черновиком, который, по всей вероятности, не предназначался для публикации и не содержит некоторых поздних добавлений и примечаний (СПФИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 749. Л. 116 об., 123,127–129). Обсуждение сохранившихся рукописных копий и опубликованных версий «Записок» см.: *Woronzoff-Dashkoff A.* Additions. P. 15–21. После ее смерти черновая копия существовала только в рукописных версиях в России, и Пушкин, наряду с другими, читал неопубликованную копию. Со временем отрывки появлялись в различных российских журналах, таких как «Москвитянин», «Современник» и «Русская старина». Экземпляр Дашковой появился в печати только в 1881 году, когда Петр Бартенев опубликовал его в АКВ (т. 21), и несколько русских переводов были основаны на этой версии. Между тем сильно измененный перевод Марты Вильмот (теперь Брэдфорд) английского экземпляра «Записок» появился только в 1840 году; задержка его публикации была частично связана с несогласием Семена и с сомнениями в аутентичности текста, которые он вызвал. Этот перевод послужил основой для издания на русском языке, осуществленном Герценом (1859), и для последующих переводов обратно на французский (1859, 1966), немецкий (1857, 1918) и чешский (1911). Дочь Марты передала оригинал в Библиотеку Британского музея (BFP), а Сирил Фитцлайон отредактировал его для своего английского перевода «The Memoirs of Princess Dashkov» (1958).

Снегирев И. М. Воспоминания. С. 745–746.

Дашкова Е. Р. Письмо к издателю «Русского вестника». С. 227–232.

Глинка С. Н. Катерина Романовна Дашкова. С. 9.

Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. С. 177.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 54–55; *Wilmot K.* Grand Tours of Katherine Wilmot. P. 175.

Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw / Ed. M. Bradford. V. 2. P. 57.

771

ОР РГБ. Ф. 178. Д. 7557. Л. 7.

См.: Под колесами красного террора: Воспоминания Анны Ильиничны Воронцовой-Дашковой // Родина. 2002. № 7. С. 83–87; Накануне: Из воспоминаний А. И. Воронцовой-Дашковой // Роман-журнал XXI век. 2003. № 32. С. 60–68.

Heldt B. Terrible Perfection. P. 70.